

15
Б-555

В. М. Бехтерев

**ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ
И ВОСПИТАНИЯ
ЧЕЛОВЕКА**

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

ПСИХОЛОГИ ОТЕЧЕСТВА

ИЗБРАННЫЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ТРУДЫ
в 70-ти томах

Москва — Воронеж
1997

ПСИХОЛОГИ ОТЕЧЕСТВА

ИЗБРАННЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ в 70-ти томах

Главный редактор
Д.И. ФЕЛЬДШТЕЙН

Члены редакционной коллегии:

А. Г. Асмолов
А.А. Бодалев
С.К. Бондырева
А. В. Брушлинский
В.П. Зинченко
Е.А. Климов
О.А. Конопкин
А.М. Матюшкин
А.И. Подольский
В.В. Рубцов
В.Д. Шадриков
М.Г. Ярошевский

Москва — Воронеж
1997

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

В. М. БЕХТЕРЕВ

**Проблемы развития
и воспитания человека**
Избранные психологические труды

Под редакцией *Брушлинского А.В.*
и *Кольцовой В.А.*

Москва — Воронеж
1997

**ББК 88.5
Б55**

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Московского психолого-социального института

Рецензент:
академик РАО, доктор психологических наук,
профессор **В. Д. Шадриков**

Авторы вступительной статьи:
член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор
психологических наук, профессор **А.В. Брушлинский**
и кандидат психологических наук **В. А. Кольцова**

Составитель и автор комментариев:
В.А. Кольцова

Бехтерев В. М.

Б55 Проблемы развития и воспитания человека Под ред.
А.В. Брушлинского и В. А. Кольцовой. Вступ. ст. А.В.
Брушлинского и В. А. Кольцовой — М.: Издательство
«Институт практической психологии», Воронеж: НПО
«МОДЭК», 1997. — 416 с.

ISBN 5-89395-042-9

ББК 88.5

В данную книгу избранных трудов выдающегося ученого вошли его
работы по широкому кругу проблем, связанных с развитием и воспитани-
ем человека.

Книга предназначена для психологов, педагогов и студентов, го-
товящихся к психолого-педагогической деятельности.

ISBN 5-89395-042-9

© Издательство «Институт практической
психологии», 1997.

© НПО «МОДЭК». Оформление, 1997.

Сдано в печать 14.10.97. Формат 84X108/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Тираж 10.000.
Заказ № 6015. Отпечатано с компьютерного набора в издательско-полиграфической фирме
«Воронеж». 394000, г. Воронеж, пр. Революции, 39.

ТВОРЧЕСКИЙ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА БЕХТЕРЕВА

Рассмотрение истории отечественной психологической науки, исследование ее генезиса, своеобразия сложившихся в ней традиций и подходов, неизбежно обращает нас к творческому наследию Владимира Михайловича Бехтерева, одного из наиболее ярких, самобытных и многогранных русских ученых. Невропатолог и психиатр, специалист в области морфологии, гистологии, анатомии и физиологии мозга, психолог и педагог, известный общественный деятель, создатель оригинальной научной школы, выдающийся организатор науки и руководитель ряда крупных исследовательских и учебных центров, автор более 500 работ, в том числе 20 фундаментальных трудов в области изучения мозга и психической деятельности — вот далеко не полный перечень заслуг В.М. Бехтерева в развитии научной теории, организационном становлении и укреплении русской и советской науки.

В.М. Бехтерев родился 20 января 1857 г. в с. Сарали Вятской губернии. Уже в школьные годы проявляется его интерес к естественным наукам. Согласно его собственным воспоминаниям, предметом особого внимания и тщательного изучения в этот период становится теория Ч. Дарвина. Знакомство с работами выдающегося биолога-эволюциониста явилось первым серьезным обращением будущего ученого к проблемам живой материи, рассмотрению которых впоследствии он посвятит все свое творчество. С не меньшим интересом прочитываются юношей также работы Г. Бюхнера, Я. Молешотта, В. Вундта, труды русских про-

светителей и представителей революционно-демократической мысли Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова и др.

В неполные 17 лет, в 1873 г., В.М. Бехтерев поступает в Петербургскую Медико-Хирургическую академию (преобразованную вскоре в Военно-Медицинскую академию), оказавшись, тем самым в центре как общественно-политической, так и научной жизни России конца XIX века. Здесь он глубоко прочувствовал остроту социальных противоречий, характерных для российского общества, познакомился с программами его переустройства, сам непосредственно включился в студенческое движение. Этот первый опыт активной общественно-политической деятельности оказал, по-видимому, огромное влияние на формирование жизненной позиции Бехтерева, определение его социальных ценностей и приоритетов.

Петербургская Медико-Хирургическая академия в 70-е годы представляла собой крупный научный центр, осуществлявший подготовку врачей-практиков и ученых. Передовые традиции в области научной деятельности и воспитания студентов были связаны здесь с деятельностью таких ученых, как профессор анатомии В.Л. Грубер, ученый-химик А.П. Бородин, создатель анатомического театра при академии Н.И. Пирогов, известный русский физиолог И.М. Сеченов и др.

Уже в студенческие годы проявились такие личностные качества Бехтерева, как огромная работоспособность и целеустремленность, любознательность и широта интересов. Он с увлечением занимается физиологией, привлекающей его точностью и строгостью своих исследовательских процедур, теорией глазных болезней, оцениваемой им как область медицины, доступная для приложения и применения физических законов, акушерством. К четвертому курсу происходит его окончательное профессиональное самоопределение: выбор останавливается на изучении нервных и душевных болезней. Об осознанности и ответственности принятого решения свидетельствует запись в автобиографии ученого, из которой видно, что избранная специальность привлекает его своей непосредственной связью с "общественностью", выходом на решение серьезных

философских проблем, а также содержащимися в ней значительными возможностями для познания личности.

Главным наставником В.М. Бехтерева в его профессиональном становлении был И.П. Мержеевский, руководитель кафедры и клиники душевных и нервных болезней академии, известный русский ученый-психиатр. С его именем, по оценке Бехтерева, связано создание клинико-патопсихологического направления в отечественной психиатрии, опирающегося при исследовании психических расстройств на изучение органических патолого-анатомических изменений в нервных тканях. Такой подход открывал путь для естественнонаучного изучения и понимания природы психической деятельности в норме и патологии.

Значительное влияние на В.И. Бехтерева оказали также взгляды профессора медицины, видного русского клинициста С.П. Боткина, автора учения “нервизма”, утверждающего центральную регулирующую роль нервной системы в жизнедеятельности всего организма в целом и отдельных его функций, нервно-психическое опосредование реакций организма на различные воздействия среды. Примечательно то, что в целях диагностики заболеваний и оказания терапевтической помощи пациентам Боткин считал целесообразным использование экспериментальных физиологических методов. Именно по его инициативе в 1877 г., во время Крымской войны, В.М. Бехтерев, окончивший к этому времени четвертый курс, вступил в добровольческий военно-санитарный отряд и, работая на передовой под руководством хирурга, профессора Бергмана, оказывал помощь раненым. Это была его первая самостоятельная врачебная практика.

В 1878 г., выдержав с отличием выпускные экзамены и получив звание военного врача-докторанта и премию им. Иванова, Бехтерев прикомандировывается к клинике душевных и нервных болезней академии, где, продолжая работать под руководством Мержеевского, проводит интенсивные научные исследования и готовится к профессорскому званию. В 1881 г. он защищает диссертацию на степень доктора медицины на тему “Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний”.

В ней предметом специального рассмотрения становится проблема взаимосвязи соматических функций и психических состояний душевнобольных. Опираясь на клинические наблюдения и результаты экспериментального исследования 60 больных с различными формами психических нарушений, ученый обнаруживает зависимость температуры тела от деятельности мозга при разных видах психопатологии и на разных этапах болезни. Развивая идеи нервизма, он убедительно доказывает центральную регулирующую роль нервной системы в осуществляющихся в организме тепловых процессах, рассматривает вопрос о центрах терморегуляции в коре головного мозга. Принципиально важным был вытекающий из работы вывод о том, что психические явления характеризуются определенными объективными показателями. Этим был заложен тот краеугольный камень, который определил все последующие как теоретические и экспериментальные, так и практические разработки, выполненные Бехтеревым в области неврологии.

Характеризуя научные взгляды Бехтерева, необходимо выделить ряд базовых положений в совокупности определяющих специфику научного подхода ученого и отражающих методологический стержень его многогранного учения. Первой важнейшей отличительной чертой научной концепции Бехтерева являлась ее антропологическая ориентация. Исходной точкой, отправным моментом и основной задачей его научных поисков на всем протяжении творческого пути выступал человек как целостное онтологическое бытие, биосоциальное образование в нерасчлененном единстве всех его сторон, во взаимодействии с миром (природным, космическим, социальным). Человек у Бехтерева — это и представитель определенного биологического вида, и носитель нервно-психической организации, и продукт внешней среды. Формированию антропологических представлений, вероятно, в немалой степени способствовало своеобразие научной биографии ученого. В науку он пришел из практики (врачебной деятельности) и, более того, руководствуясь интересами практики, объектом которой являлись реальные люди, характеризующиеся не только личност-

ным своеобразием, теми или иными психическими особенностями, но и несущие в себе природное начало, индивидуальные свойства, имеющие определенную соматическую структуру. Поэтому и в научной концепции Бехтерева объектом изучения являлся человек в органическом единстве всех его сторон и граней как биосоциального существа.

Из антропологического подхода в понимании природы человека логично вытекало стремление его целостного комплексного изучения и описания. А для этого необходимо было преодолеть дуализм социального и биологического, психического и физиологического, психического и физического. На решение этой чрезвычайно сложной задачи и была направлена комплексная стратегия изучения человека, предложенная Бехтеревым и последовательно развиваемая в рамках созданной им научной школы. При этом необходимо отметить, что стремление преодолеть дуализм и создать единое целостное учение о человеке вступало в противоречие с биологизаторскими тенденциями, выражающимися в доминировании роли природных, биологических основ в структуре человека при недооценке сложности и многообразия форм общественно-исторической и культурной детерминации его развития. Но сама по себе идея всестороннего целостного изучения человека, впервые в отечественной науке столь глубоко и полно обоснованная в работах Бехтерева, представляет чрезвычайно большой интерес; она легла в основу развития комплексного человекознания в советской науке, вдохновив последующие поколения ученых на поиск путей интеграции усилий представителей разных отраслей общественных и естественных наук в разработке всех сторон человеческого бытия.

Изначально целостный взгляд на человека, естественно, predetermined логику и динамику научных интересов Бехтерева. Начав с исследования психических нарушений, он углубляется в анализ анатомо-физиологических основ нервно-психических расстройств, делает предметом специального глубокого рассмотрения материальный субстрат психики — мозг и нервную систему (их строение, структу-

ру, функции, взаимосвязи и взаимодействие с разными отделами организма) и уже, опираясь на полученные данные, затем вновь обращается к изучению психических явлений, пытаясь рассмотреть их в контексте общей структуры человека. Объектом его изучения становятся уже не только психически больные, но и здоровые люди. Таким образом, психический компонент в научной концепции Бехтерева занял определенное место, как бы надстроившись над другими уровнями и тесно взаимодействуя с ними. Это, в свою очередь, определяло и понимание существа психических явлений, как детерминированных процессами, происходящими в организме и нервной системе человека, а также внешними влияниями, и проявляющихся в поведенческих актах. Очевидно, что диалектика научного мировоззрения Бехтерева, направление его научных поисков были вполне закономерными, обусловленными стратегией всестороннего целостного понимания и изучения человека.

Уникальность Бехтерева как ученого состояла в том, что он умел одновременно подойти к исследуемому объекту и глубоко аналитически, и в то же время комплексно, синтетически, охватить разные его стороны и уровни развития, выделить и сделать предметом тщательного рассмотрения существенные связи, имеющие место в целостной структуре человеческого организма. Он был образцом органического слияния в одном лице специалиста в области анатомии, гистологии, морфологии и физиологии мозга, психо- и невропатологии, психологии и педагогики и т. д. И в каждой из многочисленных областей, становящихся предметом его изучения, ему удалось благодаря своему огромному таланту, необыкновенной работоспособности, фантастической энергии и исследовательской изобретательности оставить глубокий и яркий след.

Строя целостное учение о человеке, Бехтерев в то же время пытался одновременно найти некий системообразующий кирпичик этой целостности. И в качестве такой системообразующей подструктуры он однозначно выделяет нервно-мозговую сферу. Поэтому приоритетной областью научных интересов ученого, начиная с самых ранних эта-

пов и на протяжении всего его творческого пути, выступает неврология. Неврологический подход был доминирующим и при разработке всех рассматриваемых им направлений и областей человекознания. В этом ярко выразилась суть научного кредо ученого — признание основополагающей роли мозга и нервной системы в жизнедеятельности человека и регуляции его взаимоотношений с миром.

Центральное место в неврологических исследованиях Бехтерева занимает проблема локализации, включающая два аспекта: изучение структурной локализации, выявление топографии мозга, а также исследование его функциональной локализации. Следует иметь в виду, что в тот момент, когда Бехтерев приступает к разработке указанных проблем, вопросы строения мозга в отечественной и мировой науке оставались еще крайне слабо изученными. Поэтому его исследования в этой области носили глубоко новаторский характер. Бехтерев тщательно изучает и дает полное и подробное описание строения различных областей спинного и головного мозга, а также проводящих путей. Не случайно и поныне на топографической карте мозга при обозначении многих его участков используется имя Бехтерева. Результатом анатомических исследований стало создание многочисленных схематических моделей строения мозга, подготовка ряда оригинальных научных работ, среди которых — классический двухтомный труд “Проводящие пути головного и спинного мозга” (1892), выдержавший три издания, переведенный на ряд языков и справедливо оцениваемый современниками Бехтерева как “выдающаяся” работа, настольная книга всех специалистов-неврологов. За этот труд Бехтерев был удостоен одной из высших наград Российской академии наук — премии академика Бэра.

Анализ анатомии мозга, с одной стороны, и присущая Бехтереву практическая ориентированность всех его разработок, с другой стороны, стимулировали его к поиску механизмов, определяющих работу мозга в норме и в патологии, что, в свою очередь, привело ученого к постановке проблемы функциональной локализации. Бехтерев

выдвигает и обосновывает фундаментальный принцип исследования мозга — принцип структурно-функционального подхода, означающий изучение строения мозга в единстве с его функциями. Тем самым одновременно делается важный шаг к разработке целостной системной стратегии изучения человека.

В цикле физиологических трудов Бехтерева на большом фактологическом материале обосновывается вывод о том, что все участки мозга имеют определенное назначение, выполняют те или иные функции. Одним из первых Бехтерев высказывает мысль о специфической локализации в коре двигательных и чувствительных центров, доказывает, что кора — центр прижизненно приобретенных движений; устанавливает и тщательно исследует корковые центры зрительных, слуховых, обонятельных, вкусовых ощущений, анатомо-физиологической основы болевой и глубокой чувствительности. Изучение органов статической координации открывает ему возможности для научной постановки проблемы пространственных ощущений.

Представляет интерес рассмотрение в работе В.М. Бехтерева вопроса о роли нисходящих, центробежных нервных путей в организации процессов восприятия и построения образа. Нервные токи, идущие по ним от мозга к рецепторным системам, как бы замыкают круг и обеспечивают, по мнению Бехтерева, объективацию ощущений: “Я уже давно высказал предположение, что рассматриваемые системы играют известную роль в объективировании получаемого ощущения, то есть в отнесении его наружу. В самом деле, трудно было бы понять закон проекции наших ощущений, если бы в наших чувствующих проводниках и соответствующих им органах чувств не было бы условий для обратного движения нервного тока в периферическом направлении; а такие условия без сомнения даны в центробежных системах чувствующих органов” /1/.

Отражением целостности научного подхода ученого является попытка рассмотреть нервно-психические явления в контексте общей системы жизнедеятельности организма, выявить и исследовать связи мозговых процессов с

функционированием вегетативной нервной системы, желез внутренней секреции и т. д. Это подтверждало вывод о сложном, уровнем строении человека, о специфическом характере взаимодействия внешних и внутренних факторов в детерминации его поведения. Итоги физиологических исследований Бехтерева в обобщенном виде представлены в наиболее фундаментальном труде этого цикла “Основы учения о функциях мозга”.

Неврологический подход проявляется и при рассмотрении проблем невропатологии и психиатрии. Более того, огромные научные достижения Бехтерева в этой области имели своим основанием именно фундаментальное изучение анатомо-физиологических закономерностей мозговой активности. Бехтереву удалось преодолеть традицию чистого “психологизма” в анализе душевных расстройств — природы их происхождения — и поставить изучение проблем невропатологии и психиатрии на научную почву.

В качестве основной причины психических нарушений он выделяет в первую очередь изменения в деятельности нервной системы и мозга, которые либо носят травматический характер, либо являются наследственно обусловленными. Но как сторонник целостного подхода Бехтерев не сводил причины душевных болезней исключительно к анатомо-физиологическим нарушениям отдельных центров мозга, а рассматривал мозговые процессы в единстве с деятельностью всего организма. Это, во-первых, значительно расширяло круг факторов и причин внутреннего характера, подлежащих учету и исследованию в психо-невропатологии, во-вторых, открывало возможности для перехода от статического изучения мозговых структур к исследованию динамики взаимодействия разных отделов нервной системы и организма в целом как основы душевных процессов. По оценке В.Н. Мясецева, такой подход означал отказ от “патологоанатомической” точки зрения и утверждение “патологофизиологических” взглядов в объяснении психических расстройств.

Всесторонний анализ причин душевных расстройств требовал также выяснения условий жизнедеятельности организма, то есть вводил в число их причин внешние, со-

циальные факторы существования и развития человека. Таким образом, единство внешнего и внутреннего в объяснении причин психических заболеваний — одна из особенностей психиатрической школы В.М. Бехтерева.

Наиболее известные труды ученого в области невропатологии и психиатрии — “Классификация душевных болезней” (Казань, 1891), “Невропатологические и психиатрические наблюдения” (Спб., 1900), “Неврозы и психоневрозы” (М.Л., 1929) и др.

Необыкновенно широким и разнообразным являлся спектр лечебных воздействий на пациентов в клинике Бехтерева. Прекрасной иллюстрацией тому может служить, например, перечень отделов, лабораторий и лечебных кабинетов в созданном им Экспериментально-клиническом институте изучения алкоголизма. Здесь в начале века широко применялись в лечебных целях гидротерапия, электро- и физиотерапия, трудотерапия и т. д. Бехтерев использовал благотворное влияние на психику музыки, большое внимание уделял организации культурного досуга пациентов. Им было открыто первое в стране и в Европе хирургическое отделение для оперирования нервнобольных, то есть он стоял у истоков развития отечественной хирургической невропатологии.

Большое место в лечении душевных болезней Бехтерев отводил гипнозу, став одним из первых отечественных психиатров, внедрявших и доказавших его эффективность в психиатрической невропатологической клинической практике. В ряде работ Бехтерева делается попытка теоретически осмыслить природу и лечебные возможности гипноза, раскрыть механизмы, лежащие в основе гипнотического воздействия (“К вопросу о врачебном значении гипноза” (Казань, 1893); “Лечебное значение гипноза” (Спб., 1900); “Гипноз внушения и психотерапия и их лечебное значение” (Спб., 1911) и другие).

Наконец, в интересах диагностики больных и поиска эффективных приемов лечения Бехтеревым используется психологический эксперимент. Многие его работы и исследования его учеников выполнены на больных, страдаю-

щих различными формами душевных расстройств и содержат материалы, отражающие особенности тех или иных психических проявлений в норме и в патологии. Следует отметить, что подобные исследования имели не только практический смысл, но и большое научное значение, составляя одну из сторон сравнительного метода (сопоставление психических явлений в норме и патологии).

Исследования в области неврологии, с одной стороны, и стремление завершить построение целостной картины человека, с другой стороны, с неизбежностью приводят ученого к исследованию психических явлений в их естественном нормальном течении, к постановке вопроса о роли и месте психики в жизнедеятельности человека, его взаимоотношениях с миром. Важным импульсом к формированию интересов в области психологии стала научная командировка В.М. Бехтерева за границу (1884—1895), в ходе которой состоялась его встреча с передовой европейской наукой.

Бехтерев знакомится с В. Вундтом, возглавлявшим созданную им первую в мире экспериментальную психофизиологическую лабораторию. Этот факт ознаменовал важный рубеж в развитии психологии, в ее оформлении как самостоятельной научной дисциплины, базирующейся на научном методе исследования. Вундт являлся сторонником интроспективного понимания природы психических явлений. Психика рассматривалась им как нечто независимое от внешнего мира, как имманентная данность субъекта, имеющая свои собственные законы развития, познаваемые исключительно методом интроспекции. Эксперимент оценивался лишь как вспомогательное средство, служащее улучшению интроспекции, облегчающее ее протекание. И хотя подобное понимание психики исключало возможности ее объективного познания, в то же время эксперимент, введенный благодаря деятельности Вундта в психологию, открывал объективно пути для выхода за рамки замкнутого в самом себе внутреннего мира познающего самого себя субъекта и его научного изучения.

Работа в лаборатории, изучение методов экспериментального исследования психических процессов усилили ин-

терес Бехтерева к сфере душевных процессов, внутреннего мира человека. Следует иметь в виду, что восприятие новых идей легло на уже подготовленную благодатную почву. Диалектика научного подхода Бехтерева заключалась в переходе ко все более высоким уровням организации человека, как целостного образования: от анализа анатомо-морфологических структур мозга к изучению физиологических процессов и, наконец, к исследованию психики и сознания как наиболее сложной и интегральной подструктуре человека. Обращение Бехтерева к проблемам психологии происходило в тот период, когда психология как самостоятельная наука еще только начинала оформляться. Своими корнями она уходила, с одной стороны, в историко-философскую мысль, с другой — в естествознание, черпая в каждой из этих научных областей основания для своего концептуального и методического аппарата. Особую роль в самоопределении психологии в системе наук сыграло естествознание, вооружившее ее научным методом исследования — экспериментом. Не случайно первые направления психологических экспериментальных исследований — психофизиология органов чувств, психометрика, психофизика — зародились первоначально в рамках естествознания и только затем получили статус специальных областей экспериментально-психологического исследования.

В России выразителем естественно-научной ориентации в понимании психических явлений был выдающийся русский ученый-естествоиспытатель, физиолог И.М. Сеченов, по праву считающийся подлинным основателем отечественной психологической науки. Им была сформулирована первая научная программа развития психологии в нашей стране. В статье “Кому и как разрабатывать психологию?” (1873) Сеченов выдвигает задачу развития психологии как самостоятельной отрасли знания и обосновывает необходимость опытного экспериментального пути познания психического. “Наиболее верным аналитическим и вместе с тем проверочным орудием является опыт”, — писал он /2/. Этот вывод опирался на понимание психики как функции мозга, рефлекторной деятельности, что, в

свою очередь, ориентировало на ее объективное изучение. Идеи Сеченова оказали огромное влияние на Бехтерева, на формирование его стратегии объективного познания психической реальности. Более того, именно Бехтереву было суждено организационно закрепить сеченовскую программу построения научной психологии.

Еще во время зарубежной командировки В.М. Бехтерев получил приглашение возглавить кафедру душевных болезней в Казанском университете. И одним из неперемennых условий принятия им этой должности было открытие при университете экспериментальной психо-физиологической лаборатории. Это требование было удовлетворено, и в 1885 г. при клинике душевных и нервных болезней создается первая отечественная экспериментальная психо-физиологическая лаборатория. В ней работали врачи, физиологи, психологи: В.И. Васильев, М.К. Валицкая, Б.И. Воротынский, А.В. Диомидов, Н.Н. Реформатский, П.А. Останков и др. Для проведения экспериментальных исследований кроме стандартного лабораторного оборудования создавались приборы, сконструированные самими сотрудниками: большая схематическая модель проводящих путей головного и спинного мозга, выполненная на основе исследований в области анатомии центральной нервной системы (в том числе исследований В.М. Бехтерева); пневмограф — аппарат, построенный по чертежам Бехтерева и предназначенный для записи дыхательных движений; рефлексометр — прибор, сконструированный Бехтеревым для записи коленных рефлексов; рефлексометр — аппарат, предложенный Бехтеревым для измерения силы коленного рефлекса, и др.

За относительно небольшой период существования лаборатории ее сотрудники провели и опубликовали около 30 исследований. Собственно психологические разработки занимали еще небольшую часть их общего объема. В их числе исследование М.К. Валицкой, содержащее данные психометрического изучения больных, страдающих нервными расстройствами, работа Е.А. Генрика и Б.И. Воротынского, посвященная психометрическому обследованию людей, находящихся в состоянии гипноза, исследование П.А. Останкова

и М.М. Грана, представляющее результаты измерения скорости психических процессов у испытуемых в разное время дня. Все указанные исследования относились, таким образом, к области психометрики и были выполнены на клиническом материале. Значение этих работ чрезвычайно велико: это были, по сути, первые исследования, в которых оформлялись общие принципы организации психологического эксперимента.

Обобщение экспериментально-психологических данных, полученных сотрудниками лаборатории, содержалось в произнесенной В.М. Бехтеревым на торжественном годовичном акте Казанского университета в 1888 г. речи "Сознание и его границы". Это была его первая собственно психологическая работа, в которой отражены взгляды ученого на проблему сознания в дорефлексологический период его деятельности, намечены получившие развитие в последующих этапах творческого пути принципы экспериментально-психологического исследования. И хотя многие положения этой работы еще носят отпечаток влияния вундтовского подхода, в ней уже четко и определенно заявляется о необходимости использования при изучении психических процессов объективных методов исследования. "Было бы совершенно бесплодно, — писал Бехтерев, — еще раз обращаться в этом вопросе к методу самонаблюдения. Только экспериментальным путем можно достичь возможно точного и обстоятельного решения вопроса"/3/. Ориентация на объективные методы исследования в психологии уже тогда, на ранних этапах творчества Бехтерева, качественно отличала его позицию от вундтовской.

Определяя сознание, Бехтерев возражает против его рассмотрения вне зависимости от психических процессов, равно как и против его сведения к их простой механической сумме. Он утверждает, что сознание есть то, что связывает все психические переживания человека и является не добавкой, чем-то рядоположным и внешним по отношению к психике человека, а субъективной ее стороной. Тем самым, делается попытка представить сознание как целостный феномен. В работе выделяются уровни или "формы

сознания” (на основе критерия “сложность содержания”), представляющие собой ступени его формирования в онтогенезе.

Бехтерев поднимает чрезвычайно важный вопрос о факторах, детерминирующих результаты психических процессов и, опираясь на экспериментальный материал, выделяет две их группы: объективные свойства сигналов и индивидуально-личностные особенности испытуемых. Среди объективных факторов, определяющих объем памяти, им выделяются скорость следования звуковых сигналов и сложность стимульного материала (его величина, структурированность, новизна, сила, яркость). Особенно важным представляется вывод Бехтерева о внутреннем опосредовании психических явлений. “Наблюдение показывает, что процесс введения представлений в сферу ясного сознания зависит только частично от внешних условий, иначе говоря, от объективных качеств подействовавшего на нас внешнего впечатления, главнейшим же образом — от внутренних условий” /4/. Так, рассматривая данные экспериментального исследования, он указывает на зависимость характера восприятия и запоминания материала от психического состояния испытуемого, степени его утомления, отношения субъекта к воспринимаемому и запоминаемому материалу, наличия или отсутствия интереса к нему, от установок, нравственных позиций и ценностей (“нравственного ядра”) человека. Индивидуальный опыт человека, богатство знаний и переживаний, накопленных им в процессе жизнедеятельности, являются той внутренней средой, которой опосредуются все внешние воздействия, — утверждает ученый. То есть, Бехтеревым выдвигается и получает экспериментальное подтверждение идея индивидуально-личностного опосредования психики, которая в настоящее время получила серьезное теоретико-методологическое обоснование и приобрела статус одного из главных и основополагающих принципов психологии.

Определяя научные основы экспериментальной психологии, Бехтерев подчеркивал необходимость ее тесного взаимодействия с другими дисциплинами, занимающимися исследованием человека. Так, выступая в 1893 г. на открытии

Общества невропатологов и психиатров при Казанском университете, он говорил, что “К неврологии, понимаемой в более обширном значении этого слова, которое мы придаем ему в настоящее время, примыкают самым теснейшим образом те отдельные знания, которые ставят своею задачей изучение духовного или внутреннего мира и его болезненных нарушений...”. И далее: “...Условия развития неврологии в настоящее время таковы, что ее многочисленные отделы разрабатываются представителями различных специальностей, ...ибо нельзя исследовать часть без целого, без знакомства со всеми другими отделами неврологии, и чем полнее знакомство, тем более будет спориться работа”/5/.

Актуальной является также мысль Бехтерева о единстве теории, эксперимента и практики. “То, что вырабатывается в кабинетах и лабораториях, — писал В.М. Бехтерев, — применяется затем у кровати больного и, с другой стороны, то, что наблюдается у кровати больного, служит предметом лабораторных исследований”/6/.

В дорефлексологический период предметом изучения Бехтерева являлись механизмы ощущений, процессы пространственной локализации и ориентации, закономерности течения представлений и их ассоциирования, связь психических процессов с соматическими и физиологическими и др.

В 1894 году Бехтерева В.М. получает предложение возглавить кафедру психиатрии и клинику нервных и душевных болезней Военно-медицинской академии в Петербурге (которой в течение многих лет руководил его учитель И.П. Мержеевский).

Это совпало по времени с возникновением и утверждением новой научной ориентации ученого в разработке проблем психологии. И хотя и на этом этапе психологические взгляды Бехтерева характеризуются определенной динамикой, общее направление их изменения составляет окончательный переход на позиции объективного экспериментального изучения психики и далее — к рефлексологии.

Отвергнув субъективную психологию и интроспекцию как метод познания психики, Бехтерев ставит задачу создания новой психологии, базирующейся на объективном методе изучения психики: “Объективная психология ставит це-

лью выяснить лишь объективные проявления психики и те соотношения, которые благодаря внутренней переработке устанавливаются в различных случаях между внешними воздействиями и теми внешними проявлениями, которые за ними следуют и которые обусловлены деятельностью высших центров мозга" /7/. Стремясь преодолеть дуализм в решении проблемы соотношения психических и физиологических явлений с позиций материалистического монизма, Бехтерев приходит к утверждению о существовании единого нервно-психического процесса, в котором в нерасчлененном виде представлены и физиологические, и психические компоненты. Основной единицей анализа нервно-психической деятельности у него становится рефлекс, рассматриваемый как универсальный динамический механизм, лежащий в основе всех реакций человека. Рефлекс, по мнению ученого — "жизненный атом", элементарный акт поведения. Деятельность человека, сколь бы сложной она ни являлась, представляет собой ни что иное, как сумму рефлексов, различающихся по сложности, характеру, особенностям организации. Исходя из этого, сущность и задачи объективной психологии Бехтерев видел в изучении актов поведения личности (то есть всех ее рефлексов), в их опосредованности внешними раздражителями и нервно-психическими процессами, протекающими в организме. Соответственно, в центр его изучения выдвигается не психика, а ее внешние проявления и показатели. Постепенно от утверждения идеи объективного изучения психики Бехтерев приходит к ее снятию, к замене психического процесса физиологическим. И если в работе "Объективная психология" (1907—1910) центром обсуждения еще является обоснование перспективности объективного подхода в изучении психики, а рефлексорный процесс рассматривается как конкретное выражение и способ его реализации; сама психика еще не отвергается как объективная реальность, то на более поздних этапах (и соответственно — в более поздних работах) происходит уже практически полный отказ от психологии, ее предмета — психических явлений, системы ее категорий и понятий. Психология как наука, имеющая свой предмет, за-

дачи, методы исследования исчезает, превращается в рефлексологию. Психическое растворяется в физиологическом, нервно-психическом рефлекторном акте. На смену традиционным психологическим понятиям “память”, “внимание”, “эмоции”, “воля”, “речь” приходит новая терминология: “репродуктивные рефлексы”, “рефлексы сосредоточения”, “органические и личные рефлексы”, “символические рефлексы” и т. д. (см. “Общие основания рефлексологии” Пг. 1918, “Общие основы рефлексологии человека” М.-Пг., 1923 и др.) Внося огромный вклад в разгром субъективистских идеалистических тенденций в психологии и тем самым расчищая почву для развития объективного психологического знания, Бехтерев в то же время не смог предложить новую, радикальную программу построения психологии. Принимая интроспективное толкование сознания как единственно возможное, как “нечто непреложное, как нечто, что можно либо взять, либо отвергнуть, но не изменить” /8/, он предпочитает отказаться от изучения психики и сознания и обратиться к исследованию поведения.

Однако, обусловленные уровнем развития психологии в начале XX века, редукционистские тенденции в понимании психики отнюдь не умаляют того огромного вклада, который внес Бехтерев в изучение человека, в становление и развитие объективного психологического знания. В рамках рефлексологии продолжалось развитие концепции целостного изучения человека. Уже во всесторонности объекта — целостная человеческая личность в ее объективно изучаемых внешних поведенческих проявлениях, в ее реагировании как на внутренние, так и на внешние воздействия — состоит принципиальное отличие рефлексологии от физиологии нервной деятельности. Личность в рефлексологии определяется как биосоциальное существо (хотя, по сути, ее изучение сводится к исследованию “индивидуального ядра невропсихики”, характерных для данного человека форм его реагирования на внешние раздражители, к “комплексу следов от внутренних раздражений”). Из широкого понимания предмета рефлексологии вытекала и отводимая ей роль связующего звена между разными науками, изучающими

человека — биологическими и социальными. Отсюда, естественным образом, вытекал и получал подкрепление тезис о комплексном междисциплинарном взаимодействии как стратегии научного изучения человека. В своей непосредственно исследовательской деятельности Бехтерев реализовывал комплексный подход разными способами: во-первых, организуя комплексные экспериментальные исследования, в которых человек выступал объектом изучения специалистов разных профилей (физиологов, анатомов, педагогов, психологов и т. д.); во-вторых, рассматривая на основе единой теоретической концепции разные сферы и уровни взаимодействия человека с миром; в-третьих, создавая специальные научные центры, ориентированные на комплексное целостное изучение человека (Психо-неврологический институт, Институт Мозга и психической деятельности). Это требовало, в свою очередь, существенного расширения границ и объема охватываемой исследованием реальности. Именно этой задаче отвечала разработка Бехтеревым новых отраслей психологии (или рефлексологии) — генетической рефлексологии, рефлексологии труда, коллективной рефлексологии и т. д.

Принципиальное значение имело то, что Бехтерев не ограничивался анализом индивидуального поведения человека, а стремился исследовать взаимодействие человека с другими людьми и с социальными общностями. Тем самым, он становится одним из основателей нового направления психологического исследования в отечественной науке — социальной психологии, рассматриваемой им как отрасль рефлексологии человека в соответствии с теми же принципами, которые были выдвинуты и разработаны применительно к исследованию проблем объективной психологии индивида. Указывая на неприемлемость методов субъективного анализа, самонаблюдения для изучения коллективной или собирательной личности, Бехтерев пытался создать коллективную рефлексологию на основе строго объективного метода исследования, предполагающего изучение выраженных вовне поведенческих проявлений людей в зависимости от внешних воздействий. Данное положение обосновывалось им, во-первых, тем, что все внутреннее выражено вовне и поэтому в исследовании пси-

хика необходимо и достаточно изучить совокупность имеющихся в распоряжении исследователя объективных данных, и, во-вторых, указанием на отсутствие необходимых методических средств для выявления и распознавания переживаний людей. Последнее, с точки зрения Бехтерева, особенно значимо для коллективной рефлексологии. Исследователь здесь стоит перед задачей реконструировать по внешним проявлениям внутренние переживания других людей, что, согласно взглядам Бехтерева, невозможно адекватно осуществить даже тогда, когда описываемые переживания имели место в собственном опыте исследователя: "...бывшее в личном опыте воспроизводится при соответствующем описании другого человека, однако, воспроизводится не так, как переживает данное состояние другой, а как сам слушающий переживал его когда-то" /9/.

Бехтерев первым в отечественной психологии дал определение предмета, задач и методов социальной (общественной) психологии, сделал попытку разработать ее теоретические основы.

"Предметом общественной психологии является изучение психологической деятельности собраний и сборищ, составляемых из массы лиц, проявляющих свою нервно-психическую деятельность как целое, благодаря общению их друг с другом. Безразлично, будет ли это случайная толпа или общественный митинг, или правительственное собрание — везде проявляются общие настроения, соборное, умственное творчество и коллективное действие многих лиц, связанных друг с другом теми или иными условиями" /10/. Задача общественной психологии состоит в том, чтобы исследовать взаимоотношения личности и коллектива, выявить закономерности поведения людей в группе, "условия, при которых нервно-психические явления, развивающиеся в ряде индивидов, становятся социально-психологическими явлениями", возникает совместная деятельность. Пытаясь дать естественнонаучную трактовку явлений общественной психологии, Бехтерев обращается к законам механики в надежде в них найти универсальные основания, некие "единые принципы мирового процесса",

лежащие в основе развития всех уровней и этажей живой и неживой природы. В “Коллективной рефлексологии” он описывает 23 физических закона, действием которых объясняются, с его точки зрения, различные социальные и социально-психологические процессы (закон сохранения энергии, законы тяготения, отталкивания, инерции, энтропии, непрерывного движения и изменчивости и др.).

Особое место в социально-психологическом наследии Бехтерева занимает разработка проблемы коллектива. Коллектив рассматривается им как нечто целое, как “собира- тельная личность”, имеющая свою индивидуальность, за- висящую от уровня составляющих ее лиц. Он делает попыт- ку выделить общие законы, лежащие в основе деятельности коллектива и деятельности отдельной личности. “...Прояв- ления собирательной личности...подчиняются такой же за- кономерности, какая открывается при строго объективном рефлексологическом изучении проявлений отдельной лич- ности. При этом самые формы этой закономерности оказыва- ются общими как для отдельной личности, так и для собира- тельной личности...” /11/.

Указанная исходная методологическая посылка приво- дит Бехтерева к утверждению необходимости, исследуя об- щественную жизнь, проследивать те же рефлексy “в форме общественного движения” и то же их развитие, которое имеет место в деятельности отдельной личности.

В работах дается характеристика разных социальных групп, их классификация, рассматриваются факторы объе- динения людей в социальные общности. Серьезное внима- ние уделяется изучению общения или взаимодействия лю- дей в группе. На теоретическом и эмпирическом уровнях вскрывается роль общения в развитии психики индивида.

Особый интерес вызывали у Бехтерева проблемы раз- вития и воспитания личности, объединяемые в рамках раз- виваемого им направления — генетической рефлексологии. Генетический подход к личности вытекал из общих эволю- ционистских взглядов ученого. И как и во всех других об- ластях, к которым обращался В.М. Бехтерев, и здесь он проявил себя как блестящий организатор научного на- правления и талантливый ученый, являющийся, по оцен-

ке его современников, “выдающимся исследователем особенностей детского возраста” и одним из “виднейших деятелей педологического движения в России” /12/. Уже при создании Психоневрологического института Бехтерев закладывает в его структуру педологический отдел, ориентированный, по замыслу его устроителя, “для экспериментальных и иных исследований в области воспитания” /13/. Наряду с главной научной задачей Института — “всестороннее изучение не только мозга, но и психической сферы”, Бехтерев подчеркивает его прикладные функции, заключающиеся в разработке “практических” отраслей, в числе которых им выделяется и педология. Педологический отдел, преобразованный в педологический институт, стал первым в России научным центром, в котором изучались проблемы детства, начиная буквально с первых дней от рождения ребенка. В 1913 г. Институт был отмечен за свои экспонаты дипломом на Международной выставке в Дрездене и золотой медалью на гигиенической выставке в Петрограде.

Проблемы воспитания и развития рассматривались также в созданных Бехтеревым Педагогическом институте социального воспитания нормального и дефектного ребенка, в Детском Обследовательском институте, в Воспитательно-клиническом институте, институте Морального воспитания. Для публикации работ в области генетической рефлексологии и популяризации ее идей Бехтерев организует специальные издания (журнал “Вопросы изучения и воспитания личности”, “Педологический журнал”).

Обращение к детской психике еще раз убеждает Бехтерева в непригодности метода интроспекции для изучения ребенка, ибо последний не может наблюдать и адекватно выражать свои переживания. Учитывая своеобразие психики ребенка, ее отличие от психики взрослого человека, невозможно также использовать метод аналогии, высказывая суждения о психике ребенка путем апелляции к психическому миру взрослого человека. Отсюда делается вывод о необходимости объективного метода исследования детей в форме изучения их сочетательно-двигательных рефлексов.

Бехтерев обосновывает важность и практическое значение систематического изучения ребенка и считает, что педагогика должна опираться на данные педологии, учитывать результаты изучения “природы ребенка”. Особое внимание он уделял воспитанию детей в раннем детстве (дошкольном возрасте), полагая, что именно в этот период закладываются основные черты личности. В 1908 г. выходит работа “Объективное исследование нервно-психической сферы в младенческом возрасте”, с которой собственно и начинаются поиски в области генетической рефлексологии. Предметом рассмотрения становятся разные аспекты развития детской психики — особенности речи и внимания у ребенка, эволюция детского рисунка, вопросы воспитания в детском возрасте, использование музыки как важного средства психического развития и т. д.

Анализ научного наследия В.М. Бехтерева показывает, что основной его целью, движущей им мечтой, было создание единого целостного учения, которое бы охватило все стороны личности, все грани ее взаимодействия с миром, и в основе которого бы лежали некие общие универсальные законы, объединяющие и объясняющие все многообразие исследуемых им разноуровневых явлений. И хотя мечте не было суждено осуществиться, каждый шаг на пути движения к ней одновременно приближал ученого к открытию великой и неисчерпаемой тайны — тайны Человека.

* * *

В настоящей книге представлены основные труды Бехтерева по проблемам развития и воспитания личности. Каждая из включенных в книгу работ отражает один из аспектов общей научной программы ученого в области генетической рефлексологии.

В работе “Обоснование объективной психологии” представлена разработанная Бехтеревым программа перестройки психологии на основе объективного метода, дается определение предмета психологии как науки “о психической жизни вообще, а не только о сознательных ее проявлениях” /14/.

Говоря о структуре объективной психологии, Бехтерев выделяет в ней детскую психологию, изучающую законы и последовательность психического развития индивидов и педагогическую психологию, направленную на поиск методов и приемов воспитания.

Статья “Личность и условия ее развития и здоровья” содержит определение понятия “личность”, в смысловом отношении охватывающее собой как “объединяющее начало”, интеграцию всех психических явлений, так и “направляющее начало” — руководство “мыслями, действиями и поступками человека...”, а также отношениями человека к окружающему миру /15/. А поскольку отношение к миру обусловлено опытом взаимодействия с ним, то отсюда вытекает определение: “... личность с объективной точки зрения есть ничто иное, как самостоятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру” /16/.

Основы психического развития и здоровья личности Бехтерев видит как в “природе организма”, его генетических предпосылках и соматических особенностях, так и в природной и социальной среде ее обитания. Он остро ставит вопрос о необходимости создания благоприятных социально-экономических и гигиенических условий, как факторов развития личности, ибо в противном случае происходит физическое ослабление и истощение организма, нарушается “правильное развитие мозга, а, следовательно, и личности” /17/. Чрезвычайно интересным представляется утверждение о важности активной общественной позиции личности в ее развитии: “Где нет общественной деятельности, там нет и полного развития личности”. Личность в этом случае застопоривается в своем развитии, становится “пассивным членом общества, лишенным... самостоятельности” /18/. Наконец, отмечается, что для цельного развития личности, ее умственных сил требуется правильное воспитание и обучение, духовное, экономическое и политическое освобождение человека.

Несколько трудов Бехтерева, представленных в книге, посвящены рассмотрению психических особенностей

ребенка в раннем (младенческом) периоде онтогенеза. В работе “Объективное исследование нервно-психической сферы в младенческом возрасте” обосновывается идея о том, что детская психология представляет область исключительно объективного психологического исследования и наблюдения, содержится описание конкретных внешних проявлений психики младенца и, соответственно, методов и приемов ее изучения. Обращает на себя внимание выделяемое автором положение о необходимости исследовать проявления психики в “деятельности ребенка”. Деятельность понимается широко, как вызванная внешними воздействиями реакции или активность ребенка и одновременно как его игровая деятельность или инициированное взрослым решение интеллектуальных задач.

В статье “Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства” подчеркивается значение раннего возраста в развитии человека, “ибо то, что приобретается ранее всего, и удерживается прочнее, нежели позднее приобретенное...” /19/. Из этого вытекает вывод о необходимости правильного воспитания и руководства развитием ребенка с момента его рождения. Говоря о возникновении музыкального и эстетического чувства, Бехтерев особое внимание уделяет гигиене органов слуха, формированию у ребенка способности сосредоточения на восприятии музыкального произведения, правильному, соответствующему возрастным особенностям детей, подбору музыкальных мелодий и звуков. Он утверждает, что нужна специальная “детская воспитательная музыка”, подчеркивает роль музыкального воспитания в эстетическом и нравственном развитии личности.

Специальная работа посвящена изучению детского рисунка (“Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении”). Детский рисунок рассматривается как показатель и проявление развития детской психики, “насколько она выражается внешним образом в начертанных линиях в соотношении с теми или иными внешними влияниями; которые отразились на ребенке в период его предшествующего развития, не исключая и наследствен-

ных, и в связи с той целью, которую ребенок преследовал при рисовании” / 20/. Поэтому при его оценке учитывается целая система показателей, среди которых и изобразительные характеристики рисунка, и точность, и правильность воспроизведения действительности, и соответствие изображения его объекту, и творческие возможности ребенка, и индивидуальный стиль его изобразительного творчества и т. д. В центре внимания автора — первоначальная эволюция детского рисунка, поэтому в круг его исследования включаются дети, у которых только появляются хватательные движения. Это позволяет выявить последовательность и наметить этапы эволюции изобразительных способностей, соответствующие развитию личности и созреванию организма ребенка. Выделяются наиболее важные факторы, определяющие индивидуальные различия в детском изобразительном творчестве: это общее физическое и умственное развитие детей, их половозрастные характеристики, условия жизни и воспитания. Представляет интерес вывод о том, что этапы эволюции детского рисунка повторяют ступени развития человеческого искусства в ходе историогенеза, начиная с доисторического периода.

Чрезвычайно много сил отдавал Бехтерев борьбе за оздоровление общества. С охраной здоровья населения, улучшением условий его жизни, повышением благосостояния, ростом культуры он связывал перспективы развития и личности, и общества. Две статьи освещают основные идеи ученого в этой области. Особое внимание он уделял сохранению и укреплению детского здоровья. Статья “Охрана детского здоровья” отражает комплексную программу решения указанной задачи, включающую систему гигиенических, медико-биологических, социальных и психологических мероприятий. Бехтерев справедливо ставит вопрос о том, что без всестороннего изучения детского организма и условий его развития невозможна организация эффективного воспитательного воздействия на ребенка. Наряду с физическим уходом он подчеркивает роль психологических условий для нормального развития ребенка, к ко-

торым, в частности, относится создание и поддержание благоприятных эмоциональных состояний и устранение угнетающих эмоций. Подчеркивается значение активности ребенка, его “самостоятельности”, систематических трудовых усилий в воспитании личности.

Проблемы физического и психического здоровья человека рассматривались Бехтеревым и в контексте осуществляемой им антиалкогольной кампании. Бехтерев был одним из тех, кто активно и последовательно боролся против “алкогольного зла” и связанного с этим нравственного и физического вырождения людей. В этих целях им разрабатываются специальные программы “алкогольного оздоровления”, организуются съезды, создаются научные комиссии, центры, антиалкогольные общества.

Борьба с алкоголизмом включает, по его мнению, не только помощь людям, страдающим этим недугом, но и разностороннюю профилактическую работу, направленную на устранение почвы и причин алкоголизации населения. В статье “Алкогольная политика или алкогольное оздоровление” Бехтерев оценивает борьбу с алкоголизмом как задачу государственной важности. Он справедливо ставит вопрос, что алкоголизм — порождение неустроенного быта и недостатка культуры человека, поэтому его преодоление увязывается с повышением материального благосостояния народа, его просвещением и духовным развитием. Он решительно протестует против использования алкоголя как источника государственного дохода, требует введения строгого общественного контроля за производством, распространением и употреблением спиртных напитков.

В работе “Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии” на эмпирическом материале исследуется влияние общения на протекание психических процессов. Автор убедительно обосновывает возможность и необходимость использования эксперимента для изучения группового субъекта. Применение метода сопоставительного анализа индивидуальной и групповой деятельности приводит к заключению, что в группе (коллективе) личность обогащается, улучшает свои индивидуальные показатели. Бех-

терев опровергает мнение, что совокупный ум менее работоспособен, чем индивидуальный и что в группе происходит усреднение, унифицирование личности, и доказывает, что в процессе группового взаимодействия, общения, “лучшие индивидуальные проявления не только не подавляются, но наоборот, они поддерживаются и оттеняются путем выдвижения их на первый план”, а “результат коллективной деятельности ... несомненно выигрывает по сравнению с разноречивой деятельностью входящих в коллектив отдельных лиц” /21/.

Блок статей отражает вклад Бехтерева в разработку проблемы внушения. В них дается определение внушения, рассматриваемое как особый способ воздействия одного человека на другого, сводящийся, по Бехтереву, “к непосредственному прививанию тех или иных психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания” /22/. То есть, речь идет о “пассивном восприятии” какого-либо воздействия, осуществляющемся без участия “я” — субъекта, его “самосознающей и критикующей личности”. Вскрывается роль внушения в общественной жизни, описывается механизм его протекания, условия, повышающие силу внушающего воздействия, рассматриваются различные формы внушенного поведения (включая панику, психопатические эпидемии, внушенные галлюцинации и т. д.). Подчеркивается интегрирующая роль внушения как способа объединения людей в сообществе, усиления их чувств и стремлений и их активизации.

Специальное внимание обращается на воспитательные возможности внушения, базирующиеся на высокой впечатлительности и восприимчивости ребенка при отсутствии у него достаточного опыта, сложившегося мировоззрения, а также его слабой критичности. Этим определяется значение внушения в воспитании, особенно на ранних возрастных этапах.

Литература

1. Бехтерев В.М. Проводящие пути спинного и головного мозга. СПб., 1898, с. 304–305.
2. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, с. 210.
3. Бехтерев В.М. Сознание и его границы. Казань, 1888, с. 15.
4. Там же, с. 26.
5. Бехтерев В.И. О современном развитии неврологических знаний и значении в этом развитии научных обществ // Неврологический вестник. Казань, 1893, с. 8, 11, 13.
6. Там же, с. 11.
7. Бехтерев В.М. Обоснование объективной психологии. СПб., 1907, с. 14.
8. Рубенштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 88.
9. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. М.–Пг., 1921, с. 47.
10. Бехтерев В.М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. СПб., 1911, с. 8.
11. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. М.–Пг., 1921, с. 13.
12. Поварнин К.И. В.М. Бехтерев как педолог // Сборник, посвященный Владимиру Михайловичу Бехтереву. К 40-летию профессорской деятельности. Л., 1926, с. 34.
13. Бехтерев В.М. Об устройстве Психо-неврологического института в С.-Петербурге. СПб., 1904, с. 3.
14. Бехтерев В.М. Обоснование объективной психологии. СПб., 1907, с. 5.
15. Бехтерев В.М. Личность и условия ее развития и здоровья. СПб., 1905, с. 6.
16. Там же, с. 7.
17. Там же, с. 20.
18. Там же, с. 28.
19. Бехтерев В.М. Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства. М., 1916, с. 3.
20. Бехтерев В.М. Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении. СПб., 1910, с. 4.

2. В. М. Бехтерев

21. Бехтерев В.М. Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. Л., 1925, с. 375.

22. Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1898, №1, 2, 3 (по кн. Бехтерев. Гипноз. Внушение. Телепатия. М., 1994, с. 100).

ОБОСНОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ^{1*}

Бехтерев В.М.

Введение

Психология, которой мы займемся в нижеследующем изложении, мало будет похожа на ту психологию, которая до сих пор служила предметом изучения. Дело в том, что в объективной психологии, которой мы намерены посвятить настоящий труд, не должно быть места вопросам о субъективных процессах или процессах сознания. До сих пор, как известно, к психологическим явлениям относили прежде всего те явления, которые сознательны. “Определить психологию всего лучше можно словами профессора Годла как науку, занимающуюся описанием и распознаванием состояний сознания, как таковых”, — так начинает свою “Text book of psychology” профессор James. “Под состояниями сознания, — говорит он, — здесь подразумевают такие явления, как ощущения, желання, эмоции, познавательные процессы, суждения, решения, хотения и т. п. В состав истолкования этих явлений должно, конечно, входить изучение как тех причин и условий, при которых они возникают, так и действий, непосредственно

¹ Cesca G. Ueber die Existenz von unbewußten psychischen Zuständen // Vierteljahrsschrift wissenschaftlicher Philosophie. Leipzig. 1885. II. 3, S. 288–301; Lewes G.H. Problems of life and mind. Boston, 1891; Mill J. Analysis of the phenomena of the human mind, 1878; Hamilton. Lectures on metaphysic and logic. Edinburgh, 1882.

ими вызываемых, поскольку те и другие могут быть констатированы”.

Таким образом, предметом изучения психологии такой, какой она была и есть до сих пор, является так называемый внутренний мир, а так как этот внутренний мир доступен только самонаблюдению, то очевидно, что основным методом современной нам психологии может и должно быть только самонаблюдение. Правда, некоторые авторы вводят в психологию понятие о бессознательных процессах, но и эти бессознательные процессы уподобляются ими в той или другой мере сознательным процессам, причем им приписывают обыкновенно свойства сознательных процессов, признавая их иногда как бы скрытыми сознательными явлениями. Вообще весь вопрос о бессознательных психических процессах в современной психологии остается спорным. Обзор многочисленных работ по этому вопросу мы находим в работе д-ра Cesca, кроме того, можно найти разбор того же вопроса у Lewes'a, у Mill'a, у Hamilton'a и у многих других авторов, и нам нет надобности здесь подробно останавливаться на этом предмете. Мы заметим лишь, что наряду с авторами, признающими существование бессознательных психических процессов, имеется целый ряд психологов, которые совершенно исключают бессознательное из сферы психического. По Ziehen'у¹, например, критерием психического является “все, что дано нашему сознанию, и только одно это ... психическое и сознательное пока для нас совершенно тождественны; мы даже не можем вообразить себе, что такое бессознательное ощущение, представление и т. п. Мы знаем ощущения и представления только постольку, поскольку их сознаем”. По автору, так называемые бессознательные процессы, которые лишь затем возбуждают акт психический или сознательный. Как понятие же бессознательный психический процесс является пустым.

Кроме Ziehen'a, подобной же точки зрения держатся и некоторые другие авторы. По Нечаеву, например, “бессознательной душевной жизни в буквальном смысле слова

¹ Все цитаты Ziehen'a сделаны по русскому переводу его сочинения по физиологической психологии.

нельзя допустить. Если иногда и говорят о бессознательной душевной жизни, то это выражение или вовсе не имеет никакого смысла или по крайней мере оказывается выражением недостаточно точным”¹. Таким образом, самонаблюдение признается основным источником психологии и сама психология является наукой о фактах сознания как таковых.

Однако опыт показывает, что самонаблюдение недостаточно даже для изучения собственной психической жизни. Как пример того, как ошибочно руководствоваться процессами субъективными даже в таких явлениях, как память и воспоминание, показывают исследования Н. Ebbinghaus’a, который, производя опыты над механическим заучиванием, убедился, что психические состояния, когда-либо существовавшие и затем ускользнувшие из сознания, вместе с тем фактически не перестали существовать, что можно доказать совершенно точно опытным путем.²

С другой стороны, очевидно, что для субъективной психологии совершенно закрыта область исследования сознательных процессов у других, так как для изучения последней у нее нет даже подходящего метода. И действительно, у одного из цитированных выше авторов мы читаем по этому поводу следующее: “Если мы говорим о чужой душевной жизни, если даже задались целью изучить ее, то это возможно только при одном условии, мы должны предполагать, что вне нас находятся другие существа, обладающие такой же способностью непосредственного знания, как и мы, и при всех рассуждениях о душевной жизни этих существ мы невольно должны ставить себя на их место и потом живо представлять себе, что стали бы мы чувствовать в их положении. Отсюда ясно, что хорошим психологом может быть лишь тот, кто умеет хорошо наблюдать над самим собою³ и, очевидно, кто умеет хорошо воображать, прибавим мы от себя.

¹ Нечаев А.П. Очерк психологии для воспитателей и учителей. СПб., 1904, с. 23.

² Ebbinghaus H. Ueber das Gedachtnis Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig, 1885. Bd. 9. S. 169.

³ Нечаев А.П. Указ. соч. С. 22.

Дело в том, что с вышеуказанной точки зрения изучение психики других не может происходить иначе как путем воображаемого подставления наших собственных субъективных переживаний на место предполагаемых подобных же переживаний у других лиц.

В этом случае речь идет, очевидно, об аналогии как о методе научного исследования. Но непригодность этого метода для изучения психологии более чем очевидна, о чем я подробно говорю в своей работе "Объективная психология и ее предмет"¹. Мало того, аналогия здесь касается явлений двух различных самосознаний, которые во многих отношениях несравнимы и познаются лишь путем внутреннего самонаблюдения, лишенного точных мер.

Совершенно прав Ch. Richet, говоря, что "внутреннее самонаблюдение, как бы могущественно оно ни было, может быть приложимо только к одной области — самопознанию. Вне ее оно бесплодно и опасно". "Я знает себя, изучает, оно себя рассматривает, наблюдает, поэтому нельзя выходить за пределы области этого я, столь обширной, что в ней еще бесконечно многое предстоит сделать и столь узкой в то же время, что неудовлетворенная любознательность наша жадно стремится все дальше". (*Курсив наш. — Ред.*). Но дальше может идти только наука с ее строгими методами, с ее точными аппаратами и измерениями, с ее медленным, остроумным, но верным развитием. Словом, внутреннее наблюдение может рассчитывать только на познание явлений знания. Общие свойства живой материи — косной и мыслящей — останутся навсегда неизведанными; они принадлежат физике, химии и физиологии. И тем не менее Ch. Richet впадает в ту же ошибку, полагая, что в области общей психологии, имеющей в виду синтез психических явлений, начиная от простых рефлексов до сложных явлений разума, возможно пользоваться то самонаблюдением, то наблюдением других живых существ, то опытом². Понятно, что нельзя даже и

¹ Бехтерев В.М. Объективная психология и ее предмет. // Вестн. психологии, кримин. антропологии и гипнотизма. СПб., 1904. Вып. 9. С. 615–658.

² Рише Ш. Опыт общей психологии. *Essai de psychologie general*: Пер. с фр. М., 1889. С. 8–9.

говорить о мыслящей живой материи, если руководствоваться исключительно объективными данными.

Не менее ошибочным должно быть признано мнение психологов-субъективистов, к каковым должен быть отнесен, как мы видели, пользующейся большой известностью тот же James. "Уверяют, что психология должна излагаться как естественная наука. При этом, очевидно, совершенно упускается из виду тот факт, что все естественные науки объективны и что основным методом всех естественных наук является объективное наблюдение и опыт".

С нашей точки зрения, совершенно ошибочно распространенное определение психологии как науки только о фактах или явлениях сознания. На самом деле психология не должна ограничиваться изучением явлений сознания, но должна изучать и бессознательные психические явления и вместе с тем она должна изучать также внешние проявления в деятельности организма, поскольку они являются выражением его психической жизни. Наконец, она должна изучать также и биологические основы психической деятельности.

Наши движения, будут ли они с точки зрения субъективной психологии волевыми, произвольными, выражающими или инстинктивными, разве не должны входить в предмет психологии. А изменения дыхания, сердцебиения, происходящие под влиянием психических процессов, разве не составляют предмета психологии, особенно если мы примем во внимание, что знакомство с ними уясняет нам соотношение между психическими явлениями и нашими телесными процессами. Целый ряд исследований о влиянии психических процессов на состояние внутренних органов, на телесные процессы вообще, а также влияние умственной деятельности на отправление внутренних органов не может не входить в задачи психологии уже потому, что знакомство с этими фактами дает нам ключ к пониманию психических явлений как таковых, и вместе с тем позволяет уяснить нам основные условия внешнего проявления психических процессов. Эти же условия лежат и в основе нашего познания о процессах, происходящих в других нам подобных существах.

Таким образом, что же такое психология?

Психология, с нашей точки зрения, есть наука о психической жизни вообще, а не только о сознательных ее проявлениях. Поэтому в задачи психологии должно входить изучение психических процессов в самом широком смысле слова, т. е. как сознательных, так и бессознательных проявлений психической деятельности, и изучение внешних проявлений психической деятельности, поскольку они служат для определения особенностей и характера психической деятельности; а также изучение биологических процессов, стоящих в ближайшем соотношении с психическими процессами. При этом, конечно, следует иметь в виду, что речь идет не об изучении только индивидуальной психической жизни, но и психической жизни отдельных групп лиц (например, толпы, общества, народов и проч.), а также психической жизни животного мира. Отсюда деление психологии на индивидуальную, общественную, национальную, сравнительную психологию народов и так называемую зоопсихологию.

Так как при изучении психической жизни мы встречаемся не только с развитыми организмами, но и с развивающимися, то естественно, что из психологии выделяется также психология детская как наука, изучающая законы и последовательность психического развития отдельных индивидов. Далее, к задачам психологии относится не только изучение последовательного развития психической сферы, но и изучение способов и приемов, содействующих достижению правильного воспитания и умственного развития, вследствие чего, естественно, выделяется как особый предмет, преследующий свои специальные задачи, педагогическая психология. Кроме того, тот обширный отдел психологии, который изучает соотношение между субъективными переживаниями и физическими изменениями, происходящими в организме вообще и в частности в мозгу, должен быть назван физиологической психологией, которая имеет в виду установить и выяснить взаимоотношение психических и физиологических процессов. Благодаря этому психофизиология предполагает знание как описательной, так и объяснительной психологии¹.

¹ Липпе Т. Пути психологии: Докл. на Междунар. психол. конгр. в Риме 26—30 апр. 1905 г. // Вести психологии, кримин. антропологии и гипнотизма. СПб., 1906: Вып. XI, с. 138—144.

О задачах общей психологии или, точнее говоря, биопсихологии мы считаем распространяться пока преждевременным, а потому не будем останавливаться на этом предмете.

Так как предметом изучения психической жизни служат не только лица нормальные, но и душевнобольные, т. е. лица ненормальные, то из психологии естественно выделяется патологическая психология, ведающая изучением ненормальных проявлений психической сферы, поскольку они освещают задачи психологии нормальных лиц.

Так как отклонение в действиях человека от известных условных положений общественной жизни может быть изучаемо также с психологической точки зрения, то очевидно, что мы можем рассматривать психологию преступного человека как так называемую криминальную антропологию так же, как один из отделов психологии, понимаемой в обширном смысле слова.

Помимо вышеуказанных дисциплин, можно было бы наметить еще историческую психологию как науку, которая устанавливала бы законы исторического развития науки о человеческой психике, и этим самым для настоящего времени исчерпывались бы все существенные отделы психологии.

А где же экспериментальная психология, спросит нас читатель? О ней до сих пор не было упомянуто нами намеренно, так как названием экспериментальной психологии отмечается, в сущности, собрание тех психологических знаний, которые исследуются путем эксперимента. Здесь, следовательно, нет специального предмета исследования, а имеется лишь особый метод, и поскольку этот метод не распространился еще на все отделы психологии, постольку так называемая экспериментальная психология может удерживать свое название, которое, по-видимому, скоро сделается трюизмом. Это название во всяком случае столь же излишнее в психологии, как название наблюдательной или эмпирической психологии, которым прежде часто пользовались и которое ныне почти вывелось из употребления.

Если исключить попытки нескольких современных зоопсихологов ввести в круг своего исследования чисто объективный метод исследования, то необходимо признать, что во всем обширном отделе знаний, который от-

носит к психологии человека, понимаемой в широком смысле слова, самонаблюдение является господствующим и почти единственным методом исследования. Иначе говоря, психология, которой до сих пор занимались, основывалась почти исключительно на самонаблюдении и поэтому должна быть названа *субъективной* психологией. Она есть в настоящем смысле слова психология индивидуального сознания, как ее понимали и понимают все.

Задачей ее является точное описание и объяснение явлений сознания, вследствие чего субъективная психология может быть разделена на описательную и объяснительную психологии. В основу же своих положений и та и другая кладет самонаблюдение и самоанализ. Благодаря этому субъективизм пронизывает всю современную психологию от начала до конца, не исключая и экспериментального ее отдела. Все определения психологических данных основывались на самонаблюдении. Поэтому психологи рассматривают разнообразные явления сознания как ощущения, представления, понятия, процессы памяти, ассоциации, самосознание или “я” и т. п. При этом процессы перцепции в периферических органах и внешние проявления психики как движения, действия отправления желез и проч. уже не относятся психологами к собственно психическим процессам, вследствие чего последние оказываются без начала и конца. Даже вполне объективные проявления психики различались между собой по субъективным признакам, которые доступны лишь самонаблюдению и самоанализу. По Ziehen’у, например, “поступками называются только движения, измененные сохраненными памятью представлениями, или движениями с психической подкладкой”.

Но разницу между поступком и автоматическим движением он видит в том, что для первого характерно изменение движения под влиянием вновь возникающих образов воспоминания. “Автоматические движения бессознательны, поступок же признается сознательным, а иногда также произвольным”. В другом месте тот же автор говорит, что его “отличие от автоматического акта состоит в том, что у поступка, кроме изменяющих движение ощущений, еще возникают и изменяющие поступок образы воспоминания”.

Нужно, однако, иметь в виду, что психическая деятельность, где бы она не проявлялась, не может быть оцениваема только с точки зрения тех или других субъективных переживаний. Будучи возбуждаема к своей деятельности внешними импульсами, она является фактором, закономерным образом возбуждающим деятельность органов тела, изменяющих внешнюю среду, вследствие чего ее проявления во внешнем мире вполне доступны объективному исследованию.

Это положение в основе своей имеет тот факт, что психические явления везде и всюду находятся в теснейшем соотношении с материальными процессами, происходящими в определенных частях мозга. Ныне психофизиология и патология человека установили как непреложную истину, что удаление определенных частей головного мозга приводит к уничтожению известных центростремительных возбуждений, что разрушение других ослабляет, или устраняет, или так или иначе изменяет высшие психические отправления, поскольку они касаются отношения данного животного или человека к окружающему миру.

Доказано также, что психические отправления стоят в связи с состоянием мозгового кровообращения и составом крови, питающей нервные клетки. Достаточно сжать сонные артерии, чтобы внешние проявления психической деятельности временно исчезли. Известно также, что различные отправления, а рано и патологические изменения состава крови при общих болезненных процессах изменяют коренным образом и психические отправления.

Однако мы знаем, что все психические явления протекают во времени, требуя для своего проявления того или другого периода.

Ясно, что психические процессы протекают в среде, обуславливающей известное сопротивление, а это само по себе доказывает, что все психические процессы суть не только субъективные переживания, но одновременно и материальные процессы. Иначе говоря, нет ни одного психического процесса, который бы являлся только субъективным или духовным в философском значении этого слова и не сопровождался бы определенными материальными процессами. Этот факт объясняет нам также, почему

всякая умственная работа сопровождается определенным рядом изменений в организме, обусловленных деятельным состоянием мозга, и приводит к утомлению.

Вместе с тем мы признаем неточным выражение, когда говорят о параллельном течении субъективного и объективного во время психической работы.

“Мы должны твердо держаться той точки зрения, что дело идет в этом случае не о двух параллельно протекающих процессах, а об одном и том же процессе, который выражается одновременно материальными или объективными изменениями мозга и субъективными проявлениями; мы не должны упускать из виду, что те и другие служат выражением одного и того же нервно-психического процесса, обусловленного деятельностью энергии центров. Поэтому во избежание всяких недоразумений и для устранения издавна установившегося противопоставления духовного материальному мы вправе и должны говорить ныне не о душевных или психических процессах в настоящем смысле слова, а о процессах нервно-психических, и везде, где мы имеем дело с психикой, нужно иметь в виду собственно нервно-психические процессы, иначе — невропсихику, а у простейших, лишенных нервной системы, — биопсихику”¹.

Таким образом, и в последующем изложении, если мы будем пользоваться словом “психический”, мы будем придавать этому значению необычный смысл и не будем понимать под ним только субъективное, но всегда и те объективные или материальные процессы в мозгу, которым всегда и везде сопутствуют психические процессы, иначе говоря, невропсихику.

Не подлежит сомнению, что проявления невропсихики доступны и объективному наблюдению и контролю, поскольку дело касается соотношения внешних воздействий с внешними же проявлениями психической деятельности². Этот род знания мы и выделяем под именем объективных проявлений невропсихики, научную же дисциплину, кото-

¹ Бехтерев В.М. Объективная психология и ее предмет. С. 660.

² См.: Там же. (Автор ссылается также на журнал: *Revue scientifique*. 1906. — *Прим. ред.*)

рая имеет своим предметом изучение соотношения внешних воздействий с внешними же проявлениями невропсихики, мы называем *объективной* психологией.

Объективная психология в нашем смысле совершенно оставляет в стороне явления сознания. Она имеет в виду изучить и объяснить лишь отношения живого существа к окружающим условиям, на него так или иначе воздействующим, не задаваясь целью выяснять те внутренние или субъективные переживания, которые известны под названием сознательных явлений и которые доступны лишь самонаблюдению. Поэтому объективная психология, о которой мы говорим, исключает совершенно метод самонаблюдения из наблюдения и эксперимента, причем все психические отправления должны подвергаться лишь объективной регистрации и контролю. Она должна оставаться безусловно объективной наукой во всех своих частях.

Можно было бы думать, что эксперимент, введенный в психологию несколько десятков лет, уже делает психологию объективной наукой, однако же в действительности это не так, и в этом случае мы сошлемся на авторитет Richet, у которого мы читаем: "Очень часто приписывают защитникам экспериментальной психологии мнение, которое легко можно опровергнуть. Говорят, что они признают только внешний опыт и отрицают значение внутреннего опыта, самонаблюдения. Между тем ни один физиологист и не думает обходиться без субъективного наблюдения элементов нашего познания. Каким образом исследует он явления памяти, воображения, если не обратится за наблюдениями их к своему собственному Я?

Какой физиолог или натуралист утверждал противное и для чего опровергать это мнение, когда никто его не защищает? Самонаблюдение составляет сущность наблюдательной психологии, настолько же плодотворной и законной, как самая экспериментальнейшая психология, какую только можно себе вообразить!

Явления, познаваемые подобным изучением своего Я, имеют такую же важность, как и явления, добытые в физи-

ологических лабораториях посредством самых усовершенствованных приемов современной техники”¹.

Очевидно, что эксперимент также может служить и целям субъективной психологии, как и целям объективной психологии, смотря по тому, что желают получить от эксперимента.

Если желают с помощью эксперимента выяснить те или другие явления сознания, например последовательность субъективных явлений, их качественную сторону и проч., опираясь на самонаблюдение, как это обычно и делают в современных психологических лабораториях, то эксперимент служит для целей субъективной психологии. Ярким примером экспериментальных работ, служащих для целей субъективной психологии, могут служить те, которые путем изменения окружающих условий вызывают изменение сознательной сферы, контролируемое путем наблюдения, чем обогащают наши знания о внутреннем мире. Некоторые авторы даже от всех экспериментальных исследований требуют объяснения фактов сознания. Они требуют, чтобы эксперимент обязательно сопровождался самым широким освещением с точки зрения самонаблюдения. Эти авторы имеют, конечно, в виду задачи субъективной психологии, которой, как мы упомянули, эксперимент также оказывает существенную помощь в разрешении многих задач.

Бине и Анри по поводу психологического эксперимента говорят: “Не следует ограничивать и упрощать ответы испытуемого, напротив, надо предоставить ему полную свободу обнаруживать то, что чувствует и даже настоятельно побуждать его внимательно наблюдать за собою во все время эксперимента. Этот способ имеет то преимущество, что не ограничивает исследование кругом одной предвзятой идеи: при нем нередко можно констатировать новые непредвиденные факты, которые часто дают возможность понять механизм известного состояния сознания”².

¹ Рише Ш. Указ. соч. С. 7–8. (При цитировании Ш. Рише была допущена ошибка, затрудняющая понимание его мысли. У Рише написано: “...как самая экспериментальнейшая физиология”. — Прим. ред.)

² Бине А., Анри В., Куртье Ю. Введение в индивидуальную психологию. 2-е изд. / Пер. с фр. Е.И.Межимовой, А.В.Савицкой; Под ред. А.И.Введенского. СПб., 1903, с. 14.

Равным образом и Münsterberg говорит о необходимости полного освещения эксперимента и получаемых при нем цифр: субъект должен облечь этот скелет плотью и кровью самого точного воспоминания пережитых сознательных процессов.

Мы ничуть не возражаем против подобных тенденций, если хотят осветить путем эксперимента факты сознания, служащие предметом исследования субъективной психологии. Но для целей объективной психологии, как мы ее понимаем, не только нет необходимости в субъективном анализе, но последний вовсе не входит в ее задачи и представляется излишним.

При всем том эксперимент может и должен служить важнейшим орудием объективной психологии, если его обставить таким образом, чтобы по возможности все внешние проявления психики были точно и полно регистрируемы в соотношении с данными внешними воздействиями.

Признавая материальную сторону как в сознательных, так и бессознательных процессах, объективная психология, о которой здесь идет речь, рассматривает психические процессы лишь в их объективных проявлениях, не входя вовсе в рассмотрение субъективной стороны психического. Но вместе с тем она не может игнорировать и происходящие при этом те процессы в мозгу, которые в нем предполагаются и которые в известной мере доступны объективному исследованию с помощью точных физических приборов.

Для объективной психологии нет вопроса о сознании или бессознательном. Она оставляет этот вопрос в стороне, предоставляя его всецело ведению субъективной психологии. Объективная психология ставит себе целью выяснить лишь объективные проявления психики и те соотношения, которые благодаря внутренней переработке устанавливаются в различных случаях между внешними воздействиями и теми внешними проявлениями, которые за ними следуют и которые обусловлены деятельностью высших центров мозга. Основанием для такого устранения вопроса о сознательных или бессознательных процессах психики в том круге знаний, который мы называем объективной психологией,

является то обстоятельство, что для сознательности процессов нет никаких объективных признаков. Мы не можем, руководствуясь исключительно объективной стороной дела, решить вопрос, протек ли данный процесс в сфере сознания или нет. По крайней мере все попытки в этом отношении лишены строгого научного значения и не идут дальше одних мало обоснованных предположений.

Так, Auerbach, как известно, нашел, что лягушка с удаленным большим мозгом при раздражении кислотой ее спины производит соответственно положению раздражаемого места, положению членов, то или другое движение своей лапкой для удаления раздражения. Спрашивается, можем ли мы сказать, что речь идет здесь о сознательном или бессознательном процессе.

Вопрос этот до сих пор не выходит из сферы предположений. Правда, Ziehen говорит об этом опыте, что "нет основания заключать о существовании параллельных психических процессов для высших и более сложных рефлексов". Но на чем же это предположение основано? Ведь в душу обезглавленной лягушки мы проникнуть не можем, а если будем руководствоваться самонаблюдением по отношению к сложным рефлексам, вызываемым на себе самом, то окажется, что сложным рефлексам мы также не вправе отказать в некоторой сознательности или по крайней мере исключать ее не имеем права.

Даже для более сложных рефлекторных движений у лягушки, лишенной мозговых полушарий вплоть до зрительных бугров, которая как известно, при своих прыжках избегает препятствий, дающих сильную тень, Ziehen отрицает параллельное развитие психических (resp.) сознательных процессов. Об обоснованиях к таким заключениям говорить излишне. Их нет, если считать такими приводимую автором аналогию этих движений с автоматическими движениями пианиста, разыгрывающего ноты, или человека, машинально сходящего с лестницы. При этом, однако, упускается из виду, что и пианист и человек, сходящий с лестницы, могут проделывать те же самые движения не только автоматически, но и вполне сознательно, относясь к ним с вниманием, и при всем том

мы не в состоянии отличить этих сознательных движений от такого же рода движений машинальных или автоматических, иначе — бессознательных.

Равным образом и инстинктам Ziehen отказывает в сознательности, относя их, подобно рефлексам и автоматическим движениям, к области физиологии, а не к физиологической психологии. При свивании гнезда в этом сложном акте дело идет, по мнению автора, о рефлекторных раздражениях, идущих из половых органов, причем здесь приводится в действие наследственно приобретенный механизм без участия каких-либо представлений. Эти инстинкты, правда, утрачивают уже характер рефлексов и относятся к автоматическим движениям, так как, кроме первоначального раздражения, исходящего из половых органов, имеется много новых повторяющихся раздражений (вид соломинки, клочка шерсти, уносимых птицей в гнездо), которые соответствующим образом изменяют и направляют движение, подобно тому как у прыгающей лягушки зрительное впечатление изменяет направление прыжка.

Доказательства отсутствия сознательности в этих сложных актах, представляющих много разнообразия и изменчивости, вследствие чего эти автоматические акты приближаются по признанию самого автора “к сознательным или произвольным поступкам”, заключаются в том же пианисте, который машинально играет на клавишах. Не говоря об условности этого примера с пианистом, который, как мы уже говорили, может играть бессознательно и сознательно, ясно, что речь идет здесь об аналогии, а не о научном доказательстве.

Вряд ли вообще нужно доказывать, что с объективной стороны мы не имеем точных критериев сознательности, тем более что и в более простых рефлексах имеется приспособление к известной цели и способности побеждать препятствия, т. е. регулировать соответственно данным обстоятельствам ответные движения (Goltz). Нужно при этом иметь в виду, что элемент сознательного в процессы, называемые психическими, ничего не вносит такого, что могло бы нам объяснить сущность самих процессов или обособить их от бессознательных или машинальных. Положение это призна-

ется даже лицами, которые без присутствия сознания не признают ничего психического и которые психику отождествляют с сознанием, что мы считаем совершенно неправильным.

По Ziehen'у, хотя "самонаблюдение показывает, что поступок всегда сопровождается психическим процессом, но эта связь вовсе не необходима. Сами по себе даже самые сложные поступки могут быть легко поняты как механические или материальные. В противоположность общепринятому мнению, будто все сложные поступки человеческой жизни станут понятнее, если признавать их психическими, оказывается, что всякий поступок, даже самый целесообразный и самый сложный, был бы понятнее как материальная функция мозга. Чудо или непонятное заключается скорее в том, что некоторые мозговые процессы, а именно процессы в коре головного мозга, сопровождаются параллельными психическими процессами, т. е. чем-то совершенно своеобразным и доступным только самонаблюдению"¹.

В другом месте своего всем известного сочинения тот же автор говорит: "Необходимо, однако, принять во внимание, что материальный процесс, обуславливающий поступок, существует сам по себе и был бы совершенно понятен, если бы происходил без всякого вмешательства со стороны параллельного психического процесса, т. е. без ощущений и представлений. Наоборот, непонятное заключается именно в том, что к поступку в противоположность рефлексу и автоматическому движению присоединяется нечто новое — параллельный психический процесс, т. е. сочетание ощущений и представлений"².

Целесообразность поступков, по автору, во всяком случае обуславливается уже материальными законами, так что параллельные психические процессы совершенно излишни и бесполезны при ее объяснении. Напротив того, как уже упомянуто, появление параллельного психического процесса именно и нуждается в объяснении.

¹ Циген Т. Физиологическая психология-Leitfaden der physiologische Psychologie. СПб., 1986, с. 17–18.

² Там же, с. 189.

Мы не смотрим таким образом на предмет и ничуть не думаем субъективное считать излишним. По крайней мере нет основания признавать, что в проявлениях психической сферы дело обошлось бы без присутствия субъективного так же, как и с субъективным. Мы не можем вообще согласиться с мнением, что сознание является простым эпифеноменом материальных процессов. В природе ничего нет лишнего, и субъективный мир не есть только ненужная величина или бесплодное качество в общей нервно-психической работе.

Мы неоднократно уже высказывались в своих сочинениях о том значении, которое получают субъективные знаки в нашей психической жизни¹, и здесь не лишне еще раз остановиться на этом предмете.

Мы знаем, что характер или качество субъективных состояний, появляющихся в нас при внешних раздражениях и открываемых нами путем самонаблюдения, находится в прямой связи с частотой колебания и с родом влияния раздражающего агента. Так, число колебаний эфира определяет субъективное качество светового луча, а число колебаний воздушной среды определяет субъективное качество слухового ощущения, т. е. высоту тона. Характер кожных раздражений также, несомненно, зависит от силы и рода механических толчков, которым подвергаются кожные окончания нервов.

Исследования Shernberg'a² показали также, что все сладкие и горькие вещества находятся по своему химическому составу в близком родстве между собой, но первые имеют гармонию в своем химическом составе; нарушение гармонии в молекулах обуславливает горький вкус, а большее увеличение дисгармонии приводит к безвкусию. Ясно, следовательно, что характер вкусовых ощущений стоит в зависимости от рода воздействия на вкусовые сосочки определенных химических веществ, сами же вкусовые ощущения служат выражением молекулярных изменений, производимых раздра-

¹ Бехтерев В.М. Психика и жизнь. СПб., 1904

² Shernberg W. Leschmack und Chiemismus // Zeitschrift für Psychologie Psychologie und der Sinnesorgane. 1899. Bd. 20. S. 385–407.

жениями в самих сосочках. То же самое, очевидно, следует признать и относительно обонятельных ощущений.

Наконец, имеется основание полагать, что общие ощущения удовольствия и неудовольствия стоят также в прямом соотношении с изменением молекулярных процессов в тканях, причем влияния, приводящие к некоторому повышению обмена веществ, сопровождаются приятным самочувствием, тогда как влияния, приводящие к понижению и задержке обмена веществ, сопровождаются неприятным самочувствием. Очевидно, и здесь дело заключается в молекулярных колебаниях, вызываемых раздражениями, причем эти колебания распространяются на значительные области тела.

Таким образом, наши ощущения представляют собой субъективные символы, определяющие известные градации определенных количественных изменений внешних раздражений, причем и интенсивность последних определенным образом выражается в ощущении его силой. Дело обстоит таким образом, что внешние количественные разницы в раздражениях как бы перелагаются на определенные субъективные символы, подобно тому как определенные количественные изменения вещества перелагаются нами в определенные арифметические знаки. Так как при этом эффекты качественного различия в наших ощущениях представляются необычайно резкими, то ими сравнительно легко определяются количественные разницы во влияниях на организм внешних раздражений.

Дальнейшее облегчение для нервно-психической деятельности мы имеем в словесных символах, которые дают возможность обобщать основные субъективные знаки, данные в ощущениях, под один общий знак — слово, который, имея субъективную и объективную стороны, является своего рода алгебраическим знаком, облегчающим работу с основными “арифметическими” знаками, данными в ощущениях.

Так как мы должны признать, что субъективное в нашей невропсихике совершенно неотделимо от материальных процессов, происходящих в мозгу, а представляет вместе с ними как бы две стороны одного и того же процесса, то очевидно, что соотношения, установленные между субъективными символами, равносильны соотношениям между соот-

ветствующими им материальными процессами в мозгу, а потому естественно, что благодаря субъективным символам, которые мы имеем в ощущениях и представлениях, а затем и в словах, нервно-психическая деятельность мозга получает такое же облегчение, как работа с количественными отношениями облегчается с помощью математических знаков.

Эти субъективные символы в форме ощущений и представлений, таким образом, являются теми внутренними знаками, которые дают возможность устанавливать соотношения между разнообразными внешними раздражениями и организмом в зависимости от того, будут ли эти раздражения по своему влиянию на организм близкими между собой или же они будут представляться различными друг от друга. Таким образом, устанавливаются соотношения между разнообразными влияниями внешних объектов природы на организм по одному субъективному символу, данному в ощущении, например по цвету, вкусу, запаху приятности или неприятности. Вместе с тем и комбинации между внешними раздражениями при субъективных знаках становятся возможными не по их внешним особенностям, а по тем их качествам, которые имеют определенное значение для организма, вызывая в последнем известное изменение.

Предыдущее, в котором вопрос о значении субъективного далеко еще не исчерпан, с достаточной ясностью показывает, что субъективные символы, открываемые в нас самих при определенных внешних воздействиях, ничуть не могут быть рассматриваемы как совершенно излишние спутники объективных изменений нервной ткани мозга. Напротив того, они имеют существенное значение по отношению к самым основным проявлениям нервно-психической сферы и ее развитию. Но при всем этом нужно иметь в виду, что качественные различия в субъективных знаках стоят в тесном единении с объективными изменениями в наших центрах, иначе говоря, они соответствуют количественным различиям в объективных или материальных процессах, происходящих в мозгу, а потому в вопросе изучения внешних проявлений невропсихики вышеуказанные субъективные знаки мы можем заменить соответствующими им объективными изменениями нервной ткани, обозначая их определенными названиями.

Не нужно забывать, что какое бы значение не имели субъективные символы или явления нашей нервно-психической сферы, они могут быть исследованы с доступной нам точностью только на себе самом путем самонаблюдения, объективно же они, как мы уже раньше говорили, не имеют своего критерия и не доступны для исследования. Поэтому, когда мы хотим произвести исследование невропсихики других, мы должны совершенно оставить метод самонаблюдения и исследовать лишь объективные проявления невропсихики как единственно доступные нашему наблюдению явления.

Объективная психология человека, не нуждаясь в самонаблюдении, имеет в виду лишь одни объективные факты и данные, которые являются результатом его нервно-психической деятельности. Сюда относятся психически обусловленные движения и секреторные акты, речь, мимика, жесты, деяния и поступки, а в более широком смысле, что составляет собственно предмет объективной психологии народов, язык, нравы, обычаи и быт отдельных племен, их законы и общественное устройство, их индустрия и наука, их философия и религия, их поэзия и изящные искусства, словом все, чем характеризуется внешним образом нервно-психическая деятельность отдельных и целых народов; но все эти факты изучаются здесь не с субъективной точки зрения и не сами по себе, а в соотношении с теми влияниями, которые послужили для них первоначальным поводом и внешними условиями.

Из вышесказанного следует, что если мы будем изучать нервно-психические процессы с их объективной стороны как процессы материальные, то мы не утрачиваем ничего из схемы самого процесса. В наиболее простом виде, например нервно-психический процесс, может быть представлен в виде схемы, подобной рефлексу, где возбуждение, достигая мозговой коры, оживляет здесь благодаря имеющимся ассоциативным связям следы прежних возбуждений, которые большей частью и являются в конце концов главными определителями внешних движений, обусловленных нервно-психическими импульсами¹.

¹ Как известно, нервно-психические процессы с точки зрения рефлексов были рассматриваемы еще И.М. Сеченовым в его сочинении "Рефлексы головного мозга" (СПб., 1867)

Спрашивается, что к этой простой схеме прибавится, если мы вместо вышеуказанных чисто физиологических терминов будем пользоваться ходячими терминами субъективной психологии и скажем, что внешнее раздражение, возбуждая ощущение и оживляя в коре полушарий воспоминательные образы, приводит благодаря последним — к известному поступку или действию.

Нет надобности пояснять, что схема нервно-психического процесса от этого “языка субъективной психологии” нисколько не выигрывает, а скорее затемняется еще тем, что мы пользуемся терминами, значение которых весьма и весьма условно.

Пусть внешние проявления невропсихики будут результатом субъективно-объективных процессов, происходящих в ткани мозговой коры, но мы лишены возможности в других существах раскрывать субъективную сторону, и потому для познания этих процессов, приводящих к определенным внешним проявлениям, достаточно изучать эти последние в связи с теми внешними влияниями, которые послужили для них первоначальным толчком, причем могут быть поставлены на место предполагаемых субъективных явлений те объективные процессы, которые им должны сопутствовать. Поэтому, не пытаясь воспроизводить путем аналогии с самим собою те субъективные переживания, которые происходят в течение нервно-психических процессов, объективная психология довольствуется лишь признанием определенных отпечатков и следов протекших возбуждений в нервной ткани головного мозга, оставляемых внешними раздражениями, и затем дальнейших комбинаций и взаимных соотношений между этими отпечатками и следами.

Равным образом и при обсуждении дальнейшей переработки этих следов внешних раздражений объективная психология опять-таки не входит в субъективный характер тех процессов, которыми сопровождается эта переработка. Она определяет эти процессы исключительно по их внешним проявлениям в связи с внешними воздействиями, оценивая их, таким образом, исключительно с объективной стороны.

По внешним проявлениям невропсихики мы должны заключать не о характере субъективных процессов, а о том направлении, которое приняло возбуждение в центрах, первично развившееся под влиянием внешнего раздражения на периферии и распространившееся к центрам, а также о тех соотношениях и переработке, которой это возбуждение в них подверглось, до соответствующего разрешения всего процесса на периферии же в виде той или иной внешней реакции.

На пути выяснения этих вопросов приходится намечать и те главные пункты, через которые проходит процесс, начинающийся раздражением на периферии и кончающийся мышечным движением или секреторным актом. Но в этом выяснении хода и направления объективной стороны нервно-психического процесса нет и тени обсуждения субъективных переживаний, а дело идет о выяснении хода и направления нервно-психического процесса как явления, имеющего определенную физическую гесп. физиологическую сторону.

Таким образом, объективная психология, имеющая целью установить отношение объективных проявлений невропсихики живого существа к тем или другим внешним раздражениям, не обращается к посредству предполагаемых субъективных переживаний. Для объективной психологии всякий организм не в одних только своих основных жизненных процессах, изучаемых физиологией, но и во всех своих внешних отношениях к окружающему миру, в основе которых лежат нервно-психические процессы, есть объект, который подлежит строгому научному обследованию, как и всякий другой объект внешнего мира.

Естественно, что объективная психология не ограничивает свою задачу исключительно человеком, но имеет в виду и все другие живые существа, обнаруживающие нервно-психическую деятельность. При таком расширении предмета психологического исследования само собою разумеется, что должен быть установлен объективный критерий для того, что следует понимать под названием психических гесп. нервно-психических процессов.

В субъективной психологии критерием психического, как мы видели, является сознание, причем все сознатель-

ные процессы признаются *eo-ipsa*, психическими, все бессознательные процессы относятся к не — его психическим или физиологическим процессам. Хотя этот критерий крайне обманчив и во всяком случае не может быть признан точным, как я показал в одной из своих работ¹, тем не менее это критерий, которым обычно руководствуются, не выходя из рамок субъективной психологии.

Очевидно, что и в объективной психологии должен быть установлен известный критерий для определения нервно-психических процессов и для отличия их от процессов непсихических *resp.* чисто нервных. В этом отношении мы можем ограничить понятие невропсихики с объективной стороны такими отношениями организма к окружающему миру, которые предполагают переработку внешнего воздействия на основании прошлого индивидуального опыта. Всюду, где прошлый опыт дает себя знать, мы имеем уже не простой рефлекс, а психорефлекс, или невропсихику в настоящем смысле слова. Это определение строго отграничивает собственно нервно-психические процессы от простых рефлексов, которые предполагают не бывший ранее индивидуальный опыт, а упрочившееся путем долговременного повторения и передачи по наследству автоматическое проведение импульсов в определенном направлении.

В вышеуказанном определении, таким образом, ясно отграничивается область нервно-психического процесса от простого рефлекса, который, хотя также основан на прошлом опыте, но на опыте наследственном, а не индивидуальном. Имеются, конечно, и такие проявления деятельности организма, которые должны быть признаны переходными и которые частью основаны на наследственном, частью на индивидуальном опыте. Такие проявления, как переходные между рефлексами и невропсихикой, должны быть названы психорефлексами, или сочетательными рефлексами, и входят также в предмет рассмотрения объективной психологии, как и другие родственные им проявления, которые могут быть названы психоорганическими

¹ Бехтерев В.М. Объективная психология и ее предмет.

или психоавтоматическими геср. сочетательно-органическими и сочетательно-автоматическими движениями.

Само собой разумеется, что нет никакого основания связывать определение нервно-психического процесса с вопросом о присутствии или отсутствии у того или другого вида животных нервной системы. Там, где мы имеем нервную систему, мы имеем все основания заключать, что вышеуказанная переработка внешних воздействий на основании прошлого опыта происходит при посредстве нервной системы, но там, где не существует нервной системы, имеем ли мы основание обособлять явления, подходящие под вышеуказанный принцип, от таких же явлений, наблюдаемых нами у животных, обладающих нервной системой и называемых психическими или нервно-психическими? Конечно нет. Вот почему мы думаем, что вопрос о нервной системе заслуживает внимания лишь с точки зрения места и локализации нервно-психических процессов, но вместе с этим не исключается возможность существования нервно-психических явлений и там, где не имеется нервной ткани или она еще не открыта современными способами исследования и где составные части нервной системы более развитых организмов входят в состав первичной протоплазмы, не расчлененной на отдельные органы и ткани.

Так как различие между чистым рефлексом и нервно-психическим процессом с объективной стороны заключается лишь в том, что первый основан на наследственном, а второй — на индивидуальном опыте, то, очевидно, нет достаточных оснований не включать в область объективной психологии и рассмотрение рефлексов по крайней мере с точки зрения филогенетического их развития. Это оправдывается еще и тем, что рефлекс, представляя собой по сравнению с нервно-психическими актами более простой акт отношения организма к внешнему миру, основанный на внутренней переработке внешнего воздействия в направлении наследственного опыта, обнаруживают постоянные переходы к более сложным процессам, которые относятся уже к порядку нервно-психических.

Общезвестен факт, что наиболее высшие функции коры, которые мы называем нервно-психическими, связываются незаметными переходами с более низшими функциями спинного мозга. Физиологически между теми и другими не имеется какой-либо строго установленной разграничительной линии. В свою очередь, между функциями спинного мозга и первичных центров узловой системы мы также не встречаем резкой разграничительной линии, и, таким образом, деятельность всей нервной системы, начиная от низших ее центров до высших, есть одно лишь постепенное усложнение отношений между внешними раздражениями и ответными на них реакциями. И действительно, все, что мы скажем позднее, будет доказывать постепенный переход от более элементарных внешних реакций организма до более сложных актов, относимых к тому порядку явлений, которые по общему признанию называются психическими и которые мы считаем более правильным называть нервно-психическими.

В сказанном расширении задач объективной психологии мы видим, между прочим, залог объединения ее с зоопсихологией, которая не может обойтись без объективного метода и которая поневоле должна включить в область своего исследования и те явления, которые относятся к области рефлексов и автоматизма.

Задачи объективной психологии

Выше мы уже встречались с тем положением, что даже при исследовании собственной невропсихики мы не можем обойтись без объективного метода: субъективно мы переживаем лишь некоторую часть своих нервно-психических процессов, которые поэтому называются сознательными, многие другие нервно-психические процессы, которые называются подсознательными или бессознательными, субъективно не переживаются и, следовательно, непосредственно нами не воспринимаются, а познаются лишь косвенным путем при

посредстве наблюдения за непосредственными результатами этих процессов и за соответствующими движениями, иначе говоря, чисто объективным путем: наконец, что также особенно важно, мы переживаем только субъективную сторону психических явлений и вовсе не сознаем их объективной стороны, между тем в существовании этой объективной стороны мы не можем более сомневаться, руководствуясь точными физиологическими исследованиями.

Таким образом, наши субъективные переживания, по крайней мере как они представляются в нашем воспоминании, и неполны и недостаточны даже для уяснения нашей собственной нервно-психической деятельности, исследуемой путем самонаблюдения, вследствие чего они не могут служить точным мерилom даже происходящих в нас нервно-психических процессов. Если же они не служат достаточным мерилom собственных нервно-психических процессов, то какое значение имеют они при определении и оценке нервно-психических процессов других существ. Вот почему мы полагаем, что главный и основной метод изучения нервно-психических процессов других лиц есть не самонаблюдение, как многие до сих пор думают, а объективный метод наблюдения и исследования. Последний в сфере изучения невропсихики других, а тем более душевнобольных или животных должен быть признан единственным руководящим методом исследования.

Как мы видели выше, нервно-психические процессы всегда скрывают за собой известную объективную или физическую сторону. Эти нервно-психические процессы не только в известных случаях субъективны, но и объективны и притом они всегда объективны, тогда как субъективны не всегда.

В тех случаях, когда нервно-психические процессы сопровождаются субъективными переживаниями, они на самом деле не субъективные только процессы, но суть процессы субъективно-объективного характера, в которых субъективное представляет собой лишь нечто соотносительное с происходящими при этом объективными изменениями нервной ткани и притом это субъективное, как мы знаем из собственного опыта, ничуть не представляет собой обяза-

тельного явления в процессах нервно-психических. Когда мы говорим или пишем, когда мы производим ряд движений, мы, как известно, сознаем далеко не все, что входит в содержание этих нервно-психических процессов; мы сознаем, в сущности, лишь конечный продукт нашей нервно-психической деятельности, многое же из того, что составляет неотъемлемую принадлежность этих нервно-психических процессов, мы не сознаем, и следовательно, субъективно не переживаем или, если и переживаем, то не оставляем их в своем воспоминании. Отсюда опять-таки следует, что сознаваемое нами или субъективно переживаемое ничуть не выражает собою всей полноты нервно-психических процессов, а потому и нельзя, собственно говоря, стоять на точке зрения учения о строгом параллелизме психических переживаний с физическими процессами, происходящими в мозгу. Этот так называемый параллелизм мы должны понимать лишь в очень условном смысле: мы можем говорить, в сущности, лишь об определенном соотношении переживаемых субъективных явлений с объективно происходящими в мозгу физическими явлениями, признавая те и другие результатом одного и того же процесса, который при известных условиях имеет две стороны — субъективную и объективную, при других же условиях лишь одну объективную. Но если это так, то очевидно, что нервно-психические процессы, изучаемые до сих пор лишь путем самонаблюдения на себе самом, могут и должны изучаться объективным методом, без которого мы совершенно не можем обойтись при изучении невропсихики других.

Если мы производим какое-либо движение и замечаем, что другой человек ему в точности подражает, не вправе ли мы заключить, что производимое нами движение, действуя на другого человека, приводит к выполнению того же самого движения наподобие рефлекса. Иначе говоря, логика вещей приводит нас к выводу, что другой человек реагирует на производимое нами движение таким же движением, возбуждаясь соответственным зрительным раздражением. При этом самый факт подражания может быть проанализирован с точки зрения его быстроты и точ-

ности повторения, а также сопутствующих внешних обстоятельств и условий, в которых находился подражающий человек, и, наконец, в связи с прошлыми раздражениями подобного же рода, которым он ранее подвергался. Ограничиваясь только что сказанным, мы остаемся в пределах точного знания, не вводя в рассуждение никакой неопределенности, которая запутывала бы совершенно излишним образом основной факт. Но если тот же самый факт мы будем обсуждать с точки зрения субъективных явлений, предполагаемых нами в другом по аналогии с самим собою, то мы тотчас же введем неясность, которая лишит нас возможности быть точными при обсуждении вышеуказанного явления.

Для выяснения дела остановимся на минуту на том, как смотрят психологи-субъективисты на поступки вообще. По Ziehen'у (физиологическая психология), "при каждом поступке необходимо рассмотреть, что именно имело преобладающее влияние на движение, получившееся в окончательном результате: первоначальное ли ощущение или содержание вступивших в борьбу образов воспоминания или, наконец, чувственные тоны ощущений и представлений. В первом случае мы будем иметь дело с так называемым инстинктивным, во втором — с интеллектуальным поступком, а в третьем — с аффектом. Движение защиты, совершаемое вслед за зрительным ощущением угрожающего удара, есть инстинктивный поступок. Бесчисленные поступки, которые мы постоянно производим для выполнения наших желаний, будут аффективными движениями. Большинство поступков, которым предшествовало обсуждение, должны быть отнесены к категории интеллектуальных".

Нет надобности говорить, что эти определения вполне ускользают от объективного исследования, представляя в то же время много неясного и неопределенного даже с точки зрения субъективной психологии. Впрочем, и сам автор признает, что "установленные границы не имеют строго определенного характера. В большинстве поступков влияют все три фактора. Так, при инстинктивных движениях играет немаловажную роль и чувственный тон'. То же следует иметь в виду и относительно произвольных

движений. По заявлению Ziehen'a "произвольное движение в узком смысле слова, т. е. движение, при котором чувствование кажущейся свободы воли выступает резко, как будто не подходит ни под одну из трех категорий. На основании рассмотренных уже характерных свойств произвольных поступков можно заключить, что в более резко выраженных случаях эти поступки представляют собою по преимуществу аффективные движения, где главным фактором является положительный чувственный тон предшествующего им двигательного представления".

По словам Tarde'a, "ничего нет менее научного, как это абсолютное отделение, это разъединение, установленное между произвольным и непроизвольным, между сознательным и бессознательным. Не переходят ли незаметным образом от воли к привычке почти машинальной и один и тот же акт не изменяет ли вполне свою природу во время этого перехода?"¹

С другой стороны, у Рише² читаем: "Разум, инстинкт, рефлекс — три главных предмета исследования психологии: между этими тремя фактами психической деятельности нет ни преград, ни зияющей пропасти. Градации правильны без щелей и трещин. И зачем им быть? Видели ли мы где-либо в природе эти внезапные и резкие переходы, которые отрицал еще Аристотель? Неподготовленных и внезапно возникающих явлений в природе нигде не существует".

Уже из этих рассуждений ясно, в какой мере мы далеки были бы от точности, если бы объективный факт вызванного зрительным раздражением подражательного внешнего движения со стороны другого человека мы стали обсуждать с точки зрения предполагаемых субъективных переживаний, которые могут и должны быть наблюдаемы и изучаемы лишь на себе самом. Ясно, что, рассматривая вышеуказанный процесс подражания с субъективной стороны, мы ничуть не выиграли бы в точности, а напротив того, запутали бы дело и лишили бы себя возможности точно обсуждать сам факт, как он дан в объективном наблюдении. Для многих сущность так

¹ Тард Г. Законы подражания: Пер. с фр. СПб., 1892.

² Рише Ш. Указ. соч, с. 5.

называемого психического анализа заключается именно в изучении внутреннего процесса в его субъективном проявлении: но в таком случае было бы совершенно произвольно и ненаучно допускать, что другой человек, произведший из подражания то же самое движение, как и мы, переживает вместе с тем то же субъективное состояние, которое переживаем и мы, производя подобный же подражательный акт. Всякому ясно, что это чистое предположение, основанное лишь на аналогии, а между тем наука должна быть точною и не может строить своих положений на аналогии и предположениях.

Таким образом, субъективная психология может иметь своим предметом прежде всего изучение собственной душевной жизни; невропсихика же других, поскольку она выражается во внешних проявлениях, может быть изучаема лишь путем объективного наблюдения и анализа и должна быть предметом особой науки, которую мы называем *объективной* психологией. Для последней нет надобности задаваться вопросом, каким субъективным состоянием сопровождается тот процесс, который привел к подражанию или какому-либо иному действию, и даже вообще сопровождался ли он каким-либо субъективным состоянием; под внутренним процессом объективная психология понимает лишь ту переработку, которой при известных условиях подвергается в центрах внешний импульс, возбуждающий определенное движение, причем она понимает под этой переработкой определенный объективный процесс в нервной ткани, существование которого может быть доказано точным образом.

Итак, в задачи объективной психологии вовсе не входит выяснить характер тех субъективных переживаний, которыми сопутствуются при известных условиях нервно-психические процессы. Она признает лишь существование объективных процессов в мозгу, обуславливающих переработку внешних воздействий в определенный род внешних же реакций организма. Отсюда ясно, что объективная психология ставит предмет своего изучения все внешние проявления тех внутренних процессов, которые развиваются под влиянием внешних воздействий в нервной системе организмов и которые находятся в известном соотноше-

нии с прошлым опытом, следовательно, в определенной сочетательной связи с бывшими ранее раздражениями. Объективная психология поэтому должна быть наукой о внешних выразительных реакциях в широком смысле слова, изучающей их в соотношении с бывшими внешними влияниями как непосредственно им предшествующими, так и отдаленными, которые приводят к проявлению выразительных реакций.

В действительности везде и всюду можно открыть тот первоначальный внешний повод, который является возбудителем данной выразительной реакции. Где последняя кажется самостоятельной, т. е. независимой от внешнего воздействия, там это последнее представляется отдаленным и должно быть отыскано в прошлом. Таким образом, конечною целью объективной психологии является изучение соотношения организма с внешним миром в связи с его прошлым опытом совершенно независимо от тех субъективных переживаний, которые могут предполагаться в организме при внешних воздействиях по аналогии с самим собой. Для объективной психологии нет надобности говорить об ощущениях, представлениях, понятиях и проч. Она должна говорить только о внешних раздражениях и впечатлениях, о следах, оставляемых ими в центрах, о сочетании их друг с другом и о тех или других внешних реакциях в их соотношении с бывшими внешними влияниями, подействовавшими на организм как непосредственно перед их проявлением, так и в прошлый период времени.

Имея своей прямой целью изучать соотношение между внешними раздражениями и объективными проявлениями нервно-психической деятельности, объективная психология должна выбросить из своего обихода и все метафизические термины, усвоенные субъективной психологией, как воля, разум, желание, влечение, чувство, память и т. п. Для обозначения всех вообще явлений, называемых в субъективной психологии душевными, мы будем пользоваться термином "нервно-психические процессы", совокупность же их будем называть "невропсихикой", имея в виду, что каждый нервно-психический процесс сопровождается материальными процессами в мозгу, т. е. процессами нервного характера.

3. В. М. Бехтерев

При этом возникает естественно вопрос: следует ли удерживать для такой науки, которая изучает внешние реакции организма в связи с настоящими и прошлыми раздражениями, название психологии, хотя бы и объективной. Что это за “психология без души”, скажет читатель? Но мы уже условились относительно того, что в основе нервно-психических процессов лежат материальные процессы, от них совершенно неотделимые, следовательно, не все в “душе” оказывается субъективным, но имеются и объективные явления, а следовательно, и психология не должна быть исключительно субъективной, а может быть и объективной, если имеет своей задачей исследовать только объективную сторону нервно-психических явлений.

Некоторые из биологов, имеющие объектом своего исследования организм животных, претендуют на то, чтобы даже слово “психический” было вычеркнуто из науки; на место же слова “психический” они подставляют иные термины, которые мало что выражают. Мы не разделяем этих взглядов. Термины “психический” и “психика” до такой степени укоренились в умах людей, что, с нашей точки зрения, было бы бесплодно исключать их из области объективного знания, тем более что сущность дела заключается вовсе не в названии, а в соответственном понимании предмета. По всем вышеуказанным основаниям мы полагаем, что нет достаточного основания устранять из научного обихода термины “психический” и “психика”, желательно лишь в видах ясного указания, что эти явления сопровождаются чисто материальными процессами, заменять их в объективной психологии терминами “нервно-психический” и “невропсихика”. С другой стороны, желательно удерживать название “объективная психология” для изучения соотношения вышеуказанных нервно-психических реакций с предшествующими раздражениями для того, чтобы иметь постоянно в виду отношение новой науки к прежней “субъективной психологии” и чтобы вселить в умы веру в то, что психика или — точнее — невропсихика, как ее понимают все, может изучаться не одним только самонаблюдением и самоанализом, но и чисто объективным путем.

Вряд ли нужно говорить, что понимаемые в вышеуказанном смысле задачи объективной психологии далеко не совпадают с задачами субъективной психологии. В то время как последняя изучает субъективные проявления невропсихики и взаимную связь между ними, не относя к сфере своего исследования ни предшествующее раздражение, ни даже движение и другие процессы, являющиеся прямым выражением невропсихики, объективная психология, как мы ее понимаем, оставляя совершенно в стороне характер субъективных переживаний, вызываемых внешним раздражением, и возможную связь между ними, останавливает свое внимание исключительно на соотношении между бывшим внешним раздражением и внешним же проявлением невропсихики, устанавливаемым путем внутренней переработки возбуждения, вызванного бывшим внешним раздражением, — переработки, происходящей на основании установления связи нового впечатления со следами от бывших ранее впечатлений. Если понимать объективную психологию в более широком смысле, то ее предметом является изучение внешних отношений живых существ к окружающему миру, обусловленных бывшими внешними воздействиями последнего на организм животных.

Способность живых тел реагировать на внешние раздражения со времени Glisson'a и Haller'a можно условно называть раздражительностью. Эта раздражительность познается нами при посредстве той или иной формы движения. Будет ли это движение механическим, химическим или молекулярным, оно во всяком случае доступно объективному исследованию. Эта раздражительность является прообразом всякой ответной реакции живого организма на внешние воздействия. Но ближе всего к этой раздражительности стоят так называемые простые рефлексy, где ответное движение находится в прямой и неизменной связи с воздействовавшим раздражением.

Надо иметь в виду, что реакция на внешние воздействия происходит не в одних только живых организмах, но и в телах мертвой природы. Всякий металл подвергается изменению в своем молекулярном состоянии под влиянием внешнего удара, теплоты, электричества и т. п. Но в жи-

вых организмах независимо от этих молекулярных перемещений происходят реакции особого рода, возбуждающие к деятельности или угнетающие деятельное состояние сократительных клеточных элементов как первичных организмов, составляющих живую единицу. Иначе говоря, здесь мы встречаемся с реакцией целой системы, именуемой клеточным образованием, или ряда систем, именуемых тканью и органом. При этом, если иметь в виду животных, главное, что характеризует упомянутую реакцию, это то, что она обуславливается не одним лишь внешним раздражением, но и стоит в определенном соотношении со следами бывших ранее раздражений.

Уже в простых рефлексах мы видим как бы унаследованную внешнюю реакцию на раздражения, действовавшие на организмы прошлых поколений, причем каждый рефлекс выработался в течение целых генераций в определенную, наиболее подходящую для благосостояния данной живой системы форму: между тем в нервно-психических процессах мы имеем в результате внешнего раздражения ответное движение, которое не стоит в прямой и непосредственной, а потому и неизменной связи с первым, как в простых рефлексах, а находится с ним в связи при посредстве сохранившихся в течение индивидуальной жизни следов прошлых воздействий. Следовательно, нервно-психическая деятельность предполагает прежде всего впечатление и образование следов внешнего воздействия в мозговых центрах и возможность их оживления при посредстве воздействия иного рода, входящих в сочетание с упомянутыми следами, которые, в свою очередь, стоят в ближайшем или более отдаленном сочетании с двигательными импульсами.

При этом нужно иметь в виду, что наступление ответного движения регулируется при посредстве следов внутренних раздражений, благодаря чему ответное движение может быть задержано или усилено в зависимости от его соотношения с упомянутыми следами. Равным образом и следы внешнего воздействия могут быть более прочно фиксированными и легче оживляемыми благодаря тому процессу, который может быть назван сосредоточением, стоящим

также в зависимости в значительной мере от следов внутренних раздражений.

Здесь нет необходимости особенно распространяться по поводу того, что к области объективной психологии должны быть отнесены все те приобретения современной психологии, которые имеют ценность объективного знания. Надо заметить, что уже давно проявились стремления к тому, чтобы вывести психологию из области умозрительной науки и сделать ее естественнонаучным знанием. Благодаря этому создавалась первоначально так называемая психофизика, подвергая математическому анализу некоторые отделы психологии, затем физиологическая психология, рассматривающая психические процессы в связи с отправлениями мозга, и, наконец, так называемая экспериментальная психология, имеющая целью применять опыт к изучению невропсихики, дабы тем сделать изучение так называемых внутренних *gesp.* психических явлений более точным, чем это достигается путем простого самонаблюдения.

Тем не менее и физиологическая, и экспериментальная психология, если отрешиться от некоторых второстепенных задач, изучают главным образом субъективную сторону нервно-психических процессов. Поэтому объективная психология для выяснения своих задач может воспользоваться только той частью материала психофизики, физиологической психологии и экспериментальной психологии, которая может служить к выяснению отношений между воздействиями внешних раздражений и внешними же проявлениями невропсихики, — отношений, составляющих предмет изучения объективной психологии.

Само собой разумеется, что материалом для объективной психологии должны служить не только наблюдения над людьми как здоровыми, так и больными, но и обширные наблюдения над животными всех видов. Кроме того, объективная психология дает широкое поле эксперименту над животными, который, с одной стороны, позволяет исследовать реакции на внешние раздражения со стороны функций, малодоступных для исследования у человека, как, например, движение внутренних органов, отделение

пищеварительных желез, почек, половых органов и проч., с другой стороны, путем удаления соответствующих областей мозга позволяет установить те центры, участие которых необходимо для проявления определенной внешней реакции. Нужно, впрочем, иметь в виду, что подобные же исследования возможны и над людьми с поражением тех или других участков мозга.

Вместе с этим эксперимент дает возможность установить, как упомянутые реакции изменяются в зависимости от применения тех или других внутренних средств и общих внешних влияний. Наконец, путем эксперимента выясняются как скорость развития определенных реакций, так и изменение этих реакций в зависимости от тех или других условий эксперимента.

Можно было бы думать, что понимаемая в вышеуказанном смысле объективная психология уступает субъективной психологии в том отношении, что, игнорируя метод самонаблюдения, она обречена на темное отгадывание того ряда внутренних возбуждений, который скрывается за цепью воспоминаний, входящих в область исследования субъективной психологии. Но дело в том, что самонаблюдение не может иметь вообще никакого значения, если воспоминания о пережитом не выражены в определенных словесных символах, а с тех пор как пережитый нервно-психический процесс выражен в тех или иных словесных символах, он уже дает соответствующий материал, заключающийся в этих символах, и для объективной психологии, которая рассматривает слово как одну из важнейших двигательных реакций человека.

Таким образом, пережитый нервно-психический процесс, или цепь воспоминаний, по терминологии субъективной психологии, выраженная в словесных символах, без чего она вообще не может быть доступна никакому научному исследованию, становится предметом изучения объективной психологии, но это изучение происходит не с точки зрения характера пережитых субъективных состояний, а в отношении тех внешних особенностей, которые мы открываем в этих словесных символах, и зависимости их от следов бывших внешних раздражений. В целях объективной психо-

логии поэтому нет надобности при изучении нервно-психических процессов подставлять самого себя на место другого лица, передававшего нам свои воспоминания, как допускают обыкновенно представители субъективной психологии. Для первой в этом случае есть только один метод, метод объективный, и потому она должна обратиться к объективному изучению тех внешних движений и словесных знаков или символов, которыми выразится цепь объективно протекавших в центрах нервно-психических процессов без обращения внимания на сопутствующие этим протекавшим процессам субъективные явления. Если словесные знаки не вполне выражают цепь бывших процессов, то последняя все равно не может быть воспроизведена в точности никаким пылким воображением другого лица, тогда как объективное наблюдение внешних реакций в момент самих процессов дополняет недостающее в словесных символах, которые выражают протекавший нервно-психический процесс.

Из всего вышесказанного очевидно, что только один объективный метод в изучении нервно-психических процессов других лиц дает вполне твердую точку опоры для научных выводов. В зависимости от большего или меньшего развития и усложнения внешних реакций, развивающихся под влиянием внешних раздражений в связи с прошлым опытом, мы и можем составить суждение о большей или меньшей полноте и разнообразии нервно-психических отправлениях, а следовательно, о большем или меньшем развитии и совершенстве невропсихики; всякий же иной способ оценки невропсихики животных и другого человека для нас остается по самой сути дела недоступным.

Само собой понятно, что для того, чтобы наблюдать деятельность невропсихики в ее внешних проявлениях, необходимо точно наблюдать, а при возможности и регистрировать все вообще движения и прочие реакции в организме, развивающиеся при внешних воздействиях в связи с прошлым влиянием и отмечать те внешние раздражения, следы которых послужили для них внешним поводом. Это сопоставление внешних реакций с их действительными поводами, т. е. бывшими внешними раздражениями, и дает воз-

возможность установить соотношение первых с последними, как оно дано в объективном наблюдении. Нет надобности говорить, что применение эксперимента и здесь получает благодарную почву, но не в видах изучения субъективных переживаний, как это мы имеем обыкновенно в современной нам экспериментальной психологии, а с целью точнее выяснить те соотношения, которые устанавливаются между внешними впечатлениями или следом от внешнего раздражения и следующей за ним внешней нервно-психической реакцией.

Нервно-психические процессы

Нервно-психические процессы предполагают действие раздражения на воспринимающую поверхность организма и возбуждение этим путем деятельности центров, сохранение следов этого возбуждения и сочетание этих следов со следами прошлых возбуждений того или иного центра и как результат этого сочетания соответствующую реакцию в виде движения или иной формы проявления деятельности организма. Первая часть этого процесса может быть названа процессом впечатления, вторая часть — процессом образования и сочетания следов, третья же часть может быть названа процессом внешнего отражения или развития внешней реакции.

Наиболее характерной стороной нервно-психического акта является процесс сочетания, предполагающий сохранение следов прошлых впечатлений, с которыми, собственно, и устанавливается сочетание следов от нового впечатления, возникшего под влиянием внешнего раздражения.

Этот процесс сочетания составляет неотъемлемую и характерную принадлежность всякого нервно-психического процесса, причем он может быть простым и более сложным. В последнем случае он может представлять собою целую цепь посредствующих следов, при посредстве которых устанавливается сочетание следов от нового впечатления со следами от бывших ранее переживаний.

Возьмем собаку, которая не знакома еще с действием иглы. Когда она испытает укол на своей лапе, она тотчас же ее отдернет и придет в состояние беспокойства от неожиданного раздражения. Но, когда второй раз мы будем приближаться к собаке с той же иглой, то, уже завидя издали иглу, собака придет в неопределимое беспокойство и постарается уйти, а если мы будем к ней приближаться с той же иглой, то она или начнет визжать и прятаться в углы, или начнет ворчать и огрызаться. В первом случае, когда собака отдернула лапу и пришла в беспокойство при неожиданном для нее первоначальном раздражении, она произвела простой рефлекс, так как ее реакция — отдергивание лапы и общее беспокойство — стоит в простом и непосредственном соотношении с произведенным раздражением. Последнее, однако, не осталось безрезультатным для животного и после вызванного им рефлекса, оно оставило известный след в центрах, в чем мы убеждаемся из последующих реакций со стороны животного на ту же иглу. Оказывается, теперь животное уже не допускает, как прежде, прикоснуться к нему иглой, а, завидя приближение иглы, еще издали приходит в беспокойство и убегает. Мы вправе отсюда заключить, что первый опыт раздражения не остался бесследным, так как новое раздражение дает уже иной результат по сравнению с первым. Прежде вид иглы для животного значил ничуть не более всякого другого безразличного для него предмета, находящегося в поле зрения, так как животное вполне свободно допускало к себе иглу и лишь при полученном уколе отдергивало лапу, теперь же оно уже издали, завидя иглу, приходит в беспокойство и убегает.

Ясно, что новое внешнее раздражение с прежним характером — вид той же иглы, запечатлеваясь в соответствующих центрах животного, вызывает эффект, который ясно говорит за сочетание следа от нового зрительного впечатления со следом бывшего ранее кожного впечатления, так как новое зрительное впечатление в отличие от первого вызывает тот же эффект, который был вызван бывшим ранее кожным впечатлением. Это сочетание делает реакцию животного не простым рефлексом, но уже сочетательным

рефлексом, или психорефлексом, если мы примем во внимание, что сочетательная деятельность и есть именно основа всякой нервно-психической деятельности.

Далее животное не ограничивается простым обнаружением беспокойства при виде иглы, но уже убегает. Так как и ранее животное при всяком сильном кожном раздражении, например при ударе, убегало, то очевидно, что эта новая реакция, повторяющая прежние подобные же реакции, является результатом сочетания следа от зрительного впечатления, вызванного иглой, не только со следами бывшего перед тем кожного впечатления от укола иглы, но и ранее бывших резких кожных впечатлений. Мы встречаемся здесь, таким образом, не с одним сочетанием, но уже с целым рядом сочетаний следа от известного зрительного впечатления не только со следом от прошлого такого же впечатления, но и с целым рядом следов от бывших ранее подобных же или сходственных кожных впечатлений. Дальнейшее зрительное раздражение в виде приближения с иглой к спрятавшемуся животному вызывает новую внешнюю реакцию: животное визжит и прячется в углы или начинает ворчать и огрызаться. Мы имеем здесь, следовательно, оборонительную реакцию со стороны животного. Нетрудно видеть, что эта реакция ничуть не является вполне новою. Она обнаруживалась животным и в прежнее время при подобных же или аналогичных условиях, следовательно, мы встречаемся здесь с сочетанием следа от нового зрительного впечатления в виде преследования собаки иглой со следами от подобных же преследований собаки в прежнее время каким-либо иным орудием, производящим не менее сильное раздражение, например, палкой, в результате чего и является воспроизведение прежде бывшей оборонительной реакции, развившейся при подобном преследовании.

Так как во всех этих случаях реакция со стороны животного является как бы воспроизведенной из прошлого опыта и, очевидно, основана на сочетании следа от нового раздражения со следами от бывшего ранее впечатления, то мы и должны признать эту реакцию за сочетательный рефлекс или психорефлекс.

Заслуживает также особого внимания тот факт, что деятельность центров везде и всюду наряду с процессами возбуждения предполагает и процессы задержки. Благодаря этой задержке процессы сочетания могут потребовать в известных случаях крайне значительного промежутка времени, чем наступит реакция, как результат этого сочетания. Поэтому в известных случаях реакция может казаться даже самостоятельным явлением. Но в действительности там, где может казаться, что непосредственное раздражение, приведшее к реакции, отсутствует, оно на самом деле имеется, но оказывается очень отдаленным по времени от возникшей реакции, которая, таким образом, везде и всюду в нервно-психических актах является результатом сочетания следов того или иного внешнего раздражения со следами прошлых раздражений.

Из предыдущего нетрудно усмотреть, что схемой всех вообще нервно-психических процессов являются рефлексy, передающиеся через высшие центры нервной системы, — рефлексy, прообразом которых, в свою очередь, является раздражительность клеточной протоплазмы. Как известно, в рефлексyх мы различаем следующие три основных момента:

1) внешнее воздействие на периферии, возбуждающее центростремительный импульс;

2) центральную реакцию;

3) центробежный импульс, направляющийся по отводящему волокну и приводящий к мышечному сокращению или секреторному отделению.

В так называемых психических, или собственно нервно-психических, процессах центральная реакция представляется лишь в той или иной мере задержанной и подвергается более или менее значительному усложнению путем передачи возбуждения с одного центра на другой и установления сочетания между следами от вновь возникшего возбуждения и следами прежних возбуждений; в сложных нервно-психических процессах мы имеем как бы целую цепь сочетаний следов, конечное звено которых разрешается в форме двигательной, секреторной или какой-либо иной внешней реакции.

Хотя, как уже ранее упоминалось, возможны и более или менее продолжительные задержки нервно-психического про-

цесса в его центральной части, тем не менее полный нервно-психический процесс всегда предполагает его окончательное завершение в форме той или другой реакции, служащей его внешним выражением. В этом отношении нервно-психический процесс может быть вполне уподоблен многообразно усложненным рефлексам, с тем лишь различием, что проявление их на периферии зависит не столько от внешнего раздражения, сколько от той внутренней переработки, которой подвергается вновь возникшее возбуждение в центрах благодаря сохранившимся следам от прошлых впечатлений, с которыми оно вступает в определенное сочетание.

Подобно рефлексам, нервно-психические процессы не прерываются ни в одном пункте в своей физиологической основе и в результате всегда приводят к развитию того или другого внешнего проявления в деятельности организма¹. Поэтому всегдашним результатом деятельности нервно-психической сферы является отражение воздействий при посредстве сочетания их следов со следами, оставшимися в центрах от бывших ранее воздействий в виде определенной внешней реакции организма. Эта реакция является в сущности результатом преобразования в воспринимающих органах действующей на них внешней энергии в нервно-психическую энергию, которая, распространяясь до соответствующих центров и передаваясь на другие центры, возбуждает к деятельности органы движения или возбуждает секреторную деятельность желез или, наконец, поддерживает и возбуждает питание тканей. Если вообще не имеется особых условий, которые приводили бы к задержке в области центральной нервной системы нервно-психического возбуждения, то можно сказать, что всякое вообще внешнее воздействие, достигнув той степени, которая приводит к возбуждению нервных центров, выражается определенной реакцией со стороны организма.

Вообще аналогия с рефlekсами сложной нервно-психической деятельности выступает до мелочей.

Так, известно, что рефлекс под влиянием посторонних раздражений подвергается задержке в своей центральной части. Далее, известно, что внешние влияния, идущие по од-

¹ Бехтерев В. М. Объективная психология и ее предмет

ному и тому же центростремительному пути, усиливают рефлекс. Вообще рефлекс подвергается резким изменениям в своей силе под влиянием сопутственных внешних раздражений; а так как под влиянием последних изменяется и возбудимость центров, то очевидно, что и направление рефлексов может изменяться в зависимости от сопутствующих внешних раздражений. Подобные же явления мы открываем и в более сложных нервно-психических процессах.

Допустим, что человек случайно в лесу наткнулся на дикого зверя. В первый момент он обращается в бегство, которое, явившись результатом зрительного впечатления, вполне напоминает собой простой рефлекс, хотя дело идет здесь, несомненно, о нервно-психическом акте в форме психорефлекса геср. сочетательного рефлекса. Но затем, когда бегство не оказывается спасительным от преследования зверя, человек на минуту останавливается в нерешительности. Здесь, следовательно, под влиянием сочетания следов от действующих раздражений произошла задержка развившегося нервно-психического процесса совершенно подобно тому, как происходит задержка в рефлексах под влиянием нового внешнего раздражения. Допустим затем, что человек в минуту нерешительности, озираясь кругом, находит оружие, которое может его спасти. Он быстро хватается за это оружие, чтобы прибегнуть с его помощью к необходимой самообороне. Таким образом, явилась решимость защищаться во что бы то ни стало и, следовательно, возникло новое направление психодвигательного импульса под влиянием новых внешних впечатлений точь-в-точь, как в рефлексах, когда возникает новое их направление под влиянием соответствующего изменения внешних раздражителей.

Приведенный пример с ясностью показывает, что по своему развитию и течению вся нервно-психическая деятельность, обусловленная видом зверя, совершенно уподобляется развитию и течению обыкновенных сложных рефлексов с тем лишь, что здесь на сцену выдвигается сочетательная и репродуктивная деятельность нервной системы, о чем речь будет в другом месте.

Вообще, если иметь в виду собственно развитие и течение нервно-психических процессов, то и во всех других

случаях эти процессы совершенно напоминают собою течение и развитие обыкновенных рефлексов, если мы даже обратимся к примерам, заимствованным из наблюдений над собственной невропсихикой.

По поводу этого я уже ранее писал следующее: "Когда мы зачитываемся, например, книгой и начинаем переживать судьбу героя, с жадностью следим за ходом его действий, и, наконец, в последний момент не выдерживаем себя от охватывающего нас волнения; когда мы внимательно следим за пьесой в театре и, предаваясь своим чувствам, рукоплещем игроку, не суть ли все это действия и движения, которых аналогия с рефлексами напрашивается сама собой. Нередко, впрочем, внешнее впечатление, возбуждая ряд представлений, не вызывает в нас видимого внешнего эффекта. Но это еще не значит, чтобы такого эффекта в действительности не было. Напротив того, он существует налицо, но проявляется в органах растительной сферы и представляется более или менее скрытым от невооруженного наблюдателя. Когда мы невзначай слышим приятное для нас известие, когда мы смотрим на акробата, выделяющего трудные и опасные упражнения, когда, погрузившись в чтение романа, мы задумываемся над судьбою его героя, то не обманываемся, что под кажущимся спокойствием мы скрываем в себе внутреннее волнение, выражающееся изменением сердцебиения, реакцией сосудо-двигательной сферы, учащением дыхания и проч. Даже такие процессы мысли, которые для самого лица остаются совершенно безразличными и наружные проявления которых он старается скрыть всеми силами, в действительности сопровождаются столь грубыми движениями, что хороший чтец мысли с помощью осязания быстро узнает задуманные этим лицом предметы. Точно так же если применить в подобных случаях тонкие способы исследования, то мы всегда найдем убедительные внешние проявления нервно-психической деятельности¹.

Так путем применения плетизмографа и физиологических весов Mosso мы самым наглядным образом убеждаемся в тех

¹ Бехтерев В.М. Объективная психология и ее предмет //Вестн. психологии, кримин. антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 10, с. 723

изменениях, которым подвергается кровообращение под влиянием нервно-психических процессов. Точно так же, наблюдая кожные токи, как делал профессор Тарханов, нетрудно обнаружить в них резкие изменения, выражающиеся отклонением стрелки мультиприката при самой ничтожной умственной работе, как, например, при мысленном чтении заученных стихов, при сосредоточении внимания и т. д.

При рассмотрении нервно-психической деятельности необходимо вообще иметь в виду ту особенность, что внешнее впечатление независимо от всякой внутренней задержки обыкновенно не вызывает тотчас же ответного движения, а возбуждает лишь целый ряд внутренних нервно-психических процессов, не влекущих за собой непосредственно внешнего эффекта. Очевидно, что импульс, вызванный внешним впечатлением, хотя и не влечет непосредственно за собой действия, но зато, возбуждая внутреннюю работу мысли, он может иметь своим последствием более отдаленный эффект во внешнем мире с притом часто более значительный по сравнению с подействовавшим впечатлением. Когда мы тихо обдумываем какой-либо предмет или когда мы безмолвно созерцаем окружающее нас пространство, мы не производим, несмотря на совершаемую нами мыслительную работу, каких-либо внешних движений. Но может ли кто-либо утверждать, что эта умственная работа не обнаруживается впоследствии тем или другим родом движения, что она не проявится хотя бы усилением того или иного движения, обусловленного другими психическими импульсами, что оно, наконец, не проявится влиянием на последующий ход наших мыслей, могущий привести нас к тому или иному поступку, следовательно, не перейдет в действительную работу центров, связанную с затратой энергии и выражающуюся в форме того или иного внешнего движения? Конечно, нет. Вот почему мы можем считать законом, что нервно-психические процессы ничуть не остаются вполне скрытыми или внутренними процессами, но что они, подобно рефлексам, рано или поздно обнаруживаются теми или иными внешними проявлениями, иначе говоря, рано или поздно переходят в механическую работу мышц или в молекулярную работу желез и других тканей. Ввиду этого, изучая деятельность мышц

и желез, обусловленных нервно-психическими импульсами, мы изучаем те внешние проявления невропсихики, которые, как и все внешние проявления, легко подвергаются объективному исследованию и контролю¹.

Необходимо, однако, иметь в виду, что в условиях деятельности нервно-психической сферы должен быть принят во внимание один фактор, который существенным образом усложняет течение нервно-психических процессов, это преобладающее значение запаса следов от внутренних раздражений. С самого начала жизни организма нервно-психическая сфера получает раздражения со стороны внутренних органов, передаваемые при посредстве внутреносных нервов. Голод, жажда, неудовлетворенность, пресыщение и другие состояния организма, раздражая симпатические нервы тела, передают свои возбуждения к центрам, где остаются и сохраняются следы от этих возбуждений. Особое значение этой группы следов в деятельности нервно-психической сферы обуславливается тем, что внутренние раздражения являются наиболее существенными возбудителями движения как раздражения, отличающиеся наибольшей интенсивностью и распространенностью и связанные с удовлетворением или неудовлетворением насущных потребностей организма. Поэтому вполне естественно, что и следы от внутренних возбуждений в центрах приобретают особую важность в сочетаниях следов, накапливающихся в нервной системе при деятельном состоянии организма.

Эти внутренние раздражения и, очевидно, их следы в центрах являются основными руководителями движения, а так как при посредстве движения же в большинстве случаев приобретаются животным организмом и более отчетливые впечатления внешних органов, оставляющие в центрах свои следы, то вполне понятно, что эти последние вступают в сочетание со следами от внутренних раздражений, которые, будучи первичными следами, всегда тесно связанными с состоянием организма, являются основными репродукторами следов от внешних раздражений.

¹ Бехтерев В.М. Объективная психология и ее предмет //Вестн. психологии, кримин. антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 10, с. 725-726

На этом и основано активно-индивидуальное отношение живого существа к внешним раздражениям. В то время как в простых рефлексах процесс нервного отражения пробегает всегда по определенному, раз данному пути, обусловленному строго определенной связью нервных элементов, здесь, в невропсихике, все зависит от тех соотношений, в каких вступают следы от новых внешних раздражений со следами от внутренних раздражений. Так как внутренние раздражения изменяются вместе с общим состоянием организма (голод, сытость и проч.), то очевидно, что с этим связано различное отношение невропсихики к одним и тем же внешним раздражениям. В одном случае они явятся возбудителями наступательной реакции, в другом случае те же внешние раздражения не приведут к развитию движения или же вызовут оборонительную реакцию. Таким образом, определителями движения здесь являются собственно внутренние раздражения и их следы или, точнее говоря, те отношения, в которые вступают следы от данных внешних раздражений со следами от тех или иных внутренних раздражений. Само собою разумеется, что и следы от прошлых внутренних раздражений благодаря установившейся связи оказывают в известных случаях не менее значительное руководящее значение по отношению к характеру двигательной реакции. Таким образом, если следы от внешних раздражений определяют цель и направление внешней реакции, то характер ее, т. е. будет ли она наступательною или оборонительною, обуславливается главным образом следами от внутренних раздражений, которые благодаря установившимся сочетаниям оживляются почти при всяком внешнем воздействии.

Вряд ли нужно говорить, что внутренние раздражения, оживляя старые следы от внешних раздражений, являются и самостоятельными возбудителями движения. Голодное животное ищет пищи, при жажде идет к воде и т. п.

Все эти данные не оставляют сомнения в том, что при всем сходстве развития и течения нервно-психических процессов с развитием и течением обыкновенных рефлексов имеются и существенные различия между теми и другими, состоящие в участии сочетаний следов от новых впечатле-

ний со следами от бывших ранее впечатлений, в оживлении прежних следов и в руководящем значении в отношении характера реакции внутренних раздражений и их следов, тогда как направление реакции, как и в обыкновенных рефlekсах, определяется внешними раздражениями.

Из вышеизложенного ясно, что если и можно говорить об уподоблении нервно-психических процессов рефлeкторным, то во всяком случае нельзя упускать из виду и той сложности этих процессов, с которой мы обыкновенно в них встречаемся. Благодаря репродуктивной и сочетательной деятельности нервной системы может оказаться, что возникшее на периферии раздражение, достигнув центров, оживляет здесь следы от бывших ранее и отдаленных по времени впечатлений и притом впечатлений, обусловленных раздражением другого органа, которые и определяют направление внешней реакции. С другой стороны, новое впечатление, оживляя следы от постоянно протекающих внутренних телесных раздражений, при посредстве этих следов может возбудить несоответственную силе внешнего раздражения мышечную, сосудодвигательную или секреторную реакцию или же впечатление может оказаться задержанным в центрах, оставаясь до времени неразрешенным и являясь в форме как бы скрытой энергии центров.

Если мы обратимся теперь к вопросу о внутренней природе отпечатков в центрах и их следов, то необходимо прежде всего указать, что нет никакого основания признавать тождество возбуждаемых с разных областей периферии объективных нервных процессов, как в самих периферических приводах разных воспринимающих органов, так и в соответствующих нервных центрах. Уже различное устройство периферических воспринимающих аппаратов говорит за то, что возбуждаемый в них нервный ток представляется неодинаковым по своему ритму, что соответствует различному характеру внешних раздражений, притекающих с периферии.

Действительно, если мы примем во внимание, что в различных воспринимающих органах на периферии (органы осязания, вкуса, обоняния, слуха и зрения) мы имеем совершенно особые и разнородные по своему устройству приспособления для восприятия внешних раздражений, — приспособ-

собления, данные в эпителиальных приборах и в своеобразном отношении к ним периферических нервных окончаний, то, очевидно, мы должны прийти к выводу, что и волна возбуждения, развивающаяся в каждом периферическом нервном приборе под влиянием определенного внешнего раздражения, должна быть неодинаковою¹. Отсюда очевидно, что и возбуждение всего нервного пути, возникающее под влиянием внешнего раздражения, действующего на различные органы чувств, должно быть неодинаковым, выражаясь нервным током различного ритма.

Дело в том, что первоисточником нервно-психического процесса является физиологический процесс возбуждения, возникающий при внешних воздействиях в периферическом воспринимающем органе. Так как этот процесс возбуждения на периферии в зависимости от приспособлений, имеющих в воспринимающем аппарате, представляется неодинаковым, то, очевидно, должен быть неодинаковым и нервный ток, направляющийся к нервным центрам, а равно и возбуждение последних. Ясно, что эти различия в нервном токе, обусловленные различным устройством периферических воспринимающих приборов, должны лежать в основе образования неодинаковых следов бывших возбуждений, будем ли мы понимать эти следы в форме как бы ослабленных возбуждений, или же, что мы считаем более правдоподобным, мы будем их признавать в форме таких молекулярных изменений, которые как бы удерживают или сохраняют готовность к возобновлению в определенной области нервных центров колебаний прежнего ритма.

Необходимо, однако, иметь в виду, что, хотя внешние раздражения, различные по своему характеру, действуя на различные воспринимающие органы, приводят к неодинаковому в отношении своего ритма нервному току, тем не менее общий ход нервно-психического процесса, откуда бы он ни возник, представляется всегда одним и тем же, причем в каждом случае он испытывает то в более пол-

¹ Бехтерев В.М. Основы учения о функциях мозга. СПб., 1903. Вып. 1, с. 16

ной, то в менее полной мере одни и те же стадии своего развития и усложнения.

Так, зрительное впечатление, развившись в первичном корковом центре зрения (на внутренней поверхности затылочной доли) под влиянием притекающего с сетчатки глаза нервного тока, влечет за собой развитие возбуждения во вторичном зрительном центре на наружной поверхности затылочной доли, где след от зрительного впечатления вступает в сочетание с оживляющимися следами от бывших ранее осязательно-мышечных раздражений, стоящих в тесном соотношении с данным зрительным впечатлением, возбуждая направление взора на видимый предмет. Этот сочетанный след или, точнее говоря, сплоченная группа следов приводят в возбуждение височные области мозговой коры, где оживляется след от слухового символа, соответствующего данному сочетанию следов от осматриваемого предмета, причем слуховой след от данного символа благодаря установившемуся сочетанию возбуждает в двигательном речевом центре след от соответствующего двигательного символа, вызывая словесную реакцию, а затем следы от слухового и двигательного символа могут возбудить ряд следов от подобных же символов, стоящих в тесном соотношении с первыми и т. п. Эти следы, возбуждая корковые центры внутренних органов, в свою очередь, оживляют здесь следы, которые и определяют характер двигательной реакции (наступательной или оборонительной) или той или другой секреторной реакции, направление которой, иначе говоря, цель, определяется первичным внешним раздражением.

Само собою разумеется, что все новые центральные возбуждения оставляют по себе определенные изменения в нервных центрах в виде следов, которые при известных условиях, когда возбуждение благодаря проторению определенного пути вновь достигнет тех же областей, способны к оживлению. Вследствие этого и происходят сочетания со следами от бывших ранее возбуждений, оживляющимися под влиянием притекающего к ним нервного тока. Таким образом, проявляется, с одной стороны, фиксирующая и репродуктивная деятельность нервной системы, приводящая к накопле-

нию результатов прошлых возбуждений в форме скрытого расположения или так называемых следов, способных к оживлению, с другой — сочетательная ее деятельность, приводящая к усложнению нервно-психического процесса путем многообразных сочетаний следов друг с другом.

Надо еще упомянуть, что сочетательная деятельность проявляется не только по отношению к целым следам, какой бы сложности они ни были, но и по отношению к их отдельным частям, выделяющимся от других частей по тем или другим признакам, чем дана возможность обособления отдельных частей центрального возбуждения и сочетания их со следами бывших ранее возбуждений.

Из сказанного очевидно, что в нервно-психической деятельности речь идет о таком процессе отражения, который, раз возбудившись, заканчивается внешней реакцией в неодинаковый период времени в зависимости от того или иного усложнения путем разнообразных сочетаний со следами бывших ранее возбуждений — усложнения, которому он подвергается на своем пути. При этом необходимо иметь в виду еще возможность более или менее значительной задержки возбуждения корковых центров, которая под влиянием встречных возбуждений, исходящих из других областей мозговой коры, развивается в гораздо большей мере, нежели в обыкновенных рефлексах.

Известно, что уже в простых рефлексах мы обычно встречаемся с актом задержки или торможения нервного возбуждения. Дело в том, что всякий центр, через который передается возбуждение, есть в известной мере аккумулятор нервной энергии и, пока последняя в нем не достигла известной степени напряжения, центр остается в недейтельном состоянии, задерживая в себе притекающее к нему нервное возбуждение. На этом основан процесс суммирования внешних раздражений, состоящий в том, что если мы имеем слабые внешние влияния, в отдельности взятые, то они остаются без эффекта, тогда как последовательный ряд тех же слабых внешних раздражений, в отдельности остающихся без эффекта, приводит центры в деятельное состояние.

Эти акты торможения рефлексов в настоящее время хорошо изучены, как изучены и акты торможения, прояв-

ляющиеся в периферических двигательных нервных проводниках¹. Вместе с тем изучены в значительной мере и акты торможения, развивающиеся в процессах головного мозга, и в частности корковых. На всех этих фактах мы не считаем необходимым здесь останавливаться как на фактах уже известных². Мы заметим лишь, что, чем сложнее проявление нервно-психической деятельности, тем в большей мере обнаруживаются и акты торможения, что зависит, очевидно, от более сложных соотношений высших нервных центров. Психорефлексы геср., сочетательные рефлексы например, много медленнее протекают, нежели простые рефлексы, а более сложные акты нервно-психической деятельности протекают еще медленнее. Вообще говоря, все исследования не оставляют сомнения в том, что самый простой элементарный нервно-психический акт протекает много медленнее обыкновенных рефлексов. В сложных же процессах нервно-психической деятельности благодаря задержке конечный результат известного внешнего воздействия может отодвинуться на весьма продолжительное время. В некоторых случаях внешнее влияние, подействовавшее в раннем возрасте, может оставить следы своего действия, которые скажутся в позднейший период деятельности организма; иначе говоря, следы могут оставаться фиксированными в течение многих лет, прежде чем оживление их приведет к проявлению внешнего эффекта. Эта задержка особенно нередко развивается, благодаря соотношению возбуждений от внешних воздействий со следами, являющимися результатом внутренних воздействий органического характера. Благодаря этому соотношению устанавливается иногда задержка внешних реакций, несмотря на то что, казалось бы, имеются налицо все подходящие условия для проявления внешней реакции. При все том всякий вообще нервно-психический процесс, какие бы стадии развития и усложнения он ни проходил, даже и при временной его задержке в центрах в конце концов про-

¹ Введенский Н.Е. Возбуждение, торможение, наркоз. СПб., 1901.

² Желаящие могут найти в этом отношении соответствующие указания в моей книге "Основы учения о функции мозга".

является той или другой внешней реакцией на периферии, и в этом его основное сходство с рефлексам.

Если мы спросим себя теперь, какое же существует различие между нервно-психическими реакциями, рассматриваемыми с чисто объективной стороны, и простыми рефлекторными реакциями, то, согласно всему вышеизложенному, мы должны признать нервно-психической реакцией такую, которая, требуя для своего проявления времени более всякой другой, чисто рефлекторной реакции, определяется не внешними свойствами данного раздражения, а сочетательной и репродуктивной деятельностью нервной системы.

Таким образом, к нервно-психическим должны быть отнесены те акты, которые являются следствием установления внутреннего сочетания между следами двух или нескольких последовательных раздражений. Так, укол иглой вызывает оборонительное движение рефлекторного характера, но, если уже вид иглы вызывает соответствующие оборонительные движения, предупреждающие укол, то мы имеем дело с сочетательной, а следовательно, с нервно-психической реакцией, а не рефлексом, так как вид иглы в данном случае не сам по себе вызывает внешнюю реакцию, а путем сочетания ее отпечатка со следом от бывшего кожного раздражения и оживления этого последнего.

Возьмем младенца, который видя второй раз своего доктора, начинает плакать, так как ранее этот доктор причинил неожиданно резкое кожное раздражение во время прививки оспы. Здесь реакция не обусловлена самим видом доктора, а сочетанием его зрительного отпечатка со следом бывшего кожного раздражения и репродукцией последнего. В обоих только что приведенных примерах мы имеем сочетательную и репродуктивную деятельность нервной системы, составляющую характерную особенность всех нервно-психических реакций.

Возьмем другой пример, на котором мы ранее останавливались для другой цели. Внезапная встреча с диким зверем и бегство. Вид животного сам по себе недостаточен, чтобы обратить человека в бегство. Но так как отпечаток от данного животного сочетается со следами о возможной опасности и последствиях нападения зверя, то отсюда и возника-

ет сочетательная, или психорефлекторная, реакция в виде бегства. Очевидно, что и здесь мы встречаемся с репродуктивной и сочетательной деятельностью нервной системы.

Но достаточно запереть того же зверя в клетку, и мы спокойно будем его рассматривать, не обнаруживая никаких стремлений к бегству, так как прежний опыт говорит нам о нашей полной безопасности в этом случае, и, следовательно, новый отпечаток при сочетании с прежними следами от дикого зверя приводит к задержке соответствующей двигательной реакции.

Общая схема нервно-психических процессов

В предыдущем изложении уже были намечены главные пункты той схемы, которая должна служить основой нервно-психических процессов. Тем не менее ввиду важности самого вопроса мы здесь остановимся на нем особо, так как в нервно-психических процессах отношения между раздражениями и реакциями, как показывают исследования, на самом деле далеко не так просты, как может показаться с самого начала. В большинстве случаев мы имеем дело со сложной внутренней работой, раскрыть которую входит в прямую задачу объективной психологии.

Отношения между раздражениями и реакциями во всем живом предполагает существование особого внутреннего молекулярного процесса, который при наиболее простом соотношении раздражения и реакции, представленном в низших организмах, выражается непосредственным сокращением протоплазмы под влиянием внешнего раздражения благодаря свойственной ей сократительности; у животных же, снабженных нервной системой, последняя является посредником в передаче внешнего импульса к сократительному веществу. В восходящем ряду животных это посредничество все более и более усложняется, вместе с чем и строение нервной системы представляется все более и более сложным.

В наиболее простом виде отношение между раздражением и реакцией у животных, снабженных нервной системой, как мы уже говорили, предполагает по крайней мере три последовательных процесса:

- 1) процесс центростремительного проведения;
- 2) процесс возбуждения в клетках центральных органов;
- 3) процесс центробежного проведения;

Эта схема служит выражением обыкновенного рефлекса, который может представлять усложнение в том отношении, что передача импульсов может происходить не через один, а через два, три и более центров.

Тем не менее, пока речь идет о простой передаче с центростремительного привода через один или несколько центров на центробежное волокно, мы можем говорить о рефлексе простом или сложном.

Лишь с того момента, когда эта передача не происходит столь простым образом, а осложняется благодаря сочетанию оживлением следов от бывших ранее раздражений, мы можем говорить уже о перво-психическом процессе в настоящем смысле этого слова.

Таким образом, первичный нервно-психический процесс предполагает образование следов от бывших ранее раздражений, будучи основан на оживлении этих следов, предполагающем существование известного сочетания между вновь возникающими и бывшими ранее следами.

Самое образование следов предполагает уже не простую передачу центростремительного импульса через центр на центробежный путь, а более сложный процесс, основанный, как показывает опыт, на более длительной задержке возбуждения в воспринимающем центре, которое в отличие от простой рефлекторной передачи через центр мы можем назвать процессом впечатления¹.

Итак, в наиболее простом виде нервно-психический процесс, устанавливающий соотношение между раздраже-

¹ Мы пользуемся здесь этим довольно старым термином, руководствуясь тем, что он совершенно не содержит в себе указания на субъективную сторону процесса, а говорит лишь о впечатлении или запечатлении внешнего возбуждения в центрах, т. е. о чисто объективной стороне процесса.

нием и реакцией, состоит из следующих процессов: 1) центростремительного проведения, 2) впечатления или образования отпечатка, 3) отложения следа от этого отпечатка, 4) сочетания его с прежними следами путем оживления последних и 5) центробежного проведения, обусловленного оживлением этих следов.

В более сложных нервно-психических процессах мы встречаемся еще с дальнейшим усложнением внутренней переработки отпечатков от происшедших раздражений путем многообразных сочетаний их следов с прежними следами и последовательного оживления последних.

Надо иметь в виду, что нервно-психические процессы ничуть не составляют исключительной принадлежности высшего органа нервной системы, т. е. полушарий головного мозга так как у низших животных, не обладающих полушариями головного мозга (например, amphioxus), тем не менее могут быть открыты элементарные нервно-психические процессы. Последние наблюдаются несомненно и у животных, обладающих лишь одной узловой системой, и даже могут быть констатированы у тех из низших животных, у которых в сущности даже не существует нервной ткани и где протоплазма как бы олицетворяет собой дифференцированные ткани высших животных, и в том числе нервную.

Тем не менее у высших животных, снабженных центральной нервной системой, как показывает опыт, нервно-психические процессы, представляясь значительно более сложными, нежели у низших животных, совершаются главным образом, если не исключительно, в коре мозговых полушарий.

Доказательством этому служат опыты с удалением у животных мозговых полушарий, после чего нервно-психическая деятельность утрачивается вполне или почти вполне. Таким образом, у высших животных главным органом нервно-психической деятельности является кора мозговых полушарий с ее обширным развитием серого мозгового вещества и не менее богатым развитием ассоциационных волокон, связывающих различные территории серого коркового вещества между собой. При этом прежде, чем достигнуть мозговой коры, центростремитель-

ное проведение обыкновенно проходит несколько этапных пунктов, в которых центростремительный импульс может переходить на центробежные проводники.

Этим путем происходит более короткое замыкание цепи, приводящее к осуществлению более простых рефлекторных движений, прежде чем центростремительное проведение достигнет мозговой коры.

Возьмем зрительное возбуждение. Свет, падающий на сетчатку, возбуждает ее нервные элементы и развивает физиологический процесс центростремительного проведения. Последний прежде всего развивает возбуждение в периферическом ресничном узле глаза, в котором оно передается при посредстве ресничных нервов к *iris*, вызывая защитное от избытка света сокращение зрачка. На дальнейшем своем пути центростремительный импульс передается за *chiasma* к области дна третьего желудочка, производя рефлекторное влияние на статическую координацию, затем на уровне *gogr. genic. ext.* и переднего четверохолмия он передается к ядрам *n. oculomotorii*, возбуждая здесь вторично зрачковый рефлекс, рефлекторный процесс аккомодации и рефлекторные движения глаз и вместе с тем возбуждая при посредстве переднего четверохолмия ряд рефлекторных движений в других частях тела, развивающихся под влиянием раздражения сетчатки глаза.

Наконец, мы имеем корковое возбуждение, развивающееся в *f. calcarina*, которое в свою очередь возбуждает аккомодационные двигательные импульсы, более или менее точно приспособляющие глаз к источнику зрительного раздражения. За этим корковым зрительным возбуждением следует возбуждение соседних корковых областей на наружной поверхности затылочной доли мозговой коры, приводящее к образованию зрительного следа, вступающего в тесное сочетание со следами соответствующих осязательно-мышечных импульсов.

В дальнейшем нужно иметь в виду, что в мозговой коре, как уже ранее упоминалось, более, чем где-либо в нервной системе, развиты процессы торможения, причем более сильное возбуждение, развивающееся в той или другой области мозговой коры, подавляет слабейшее возбуждение, развива-

яющееся в других частях мозговой коры. На процессах проторения путей (Bahmung у немцев) и совозбуждения или оживления прежних следов, с одной стороны, и процессах торможения или подавления их — с другой, и основана вся сложная деятельность нервно-психической сферы.

Выше уже была речь о том, что следы, откладываемые в мозговой коре от бывших впечатлений, сочетаются между собой не только целиком, но и по отдельным своим частям, соответствующим тем или другим признакам внешнего объекта, а это дает возможность крайне разностороннего сочетания, а следовательно, и передачи возбуждения от места развития нового следа на другие области мозговой коры, хранящие в себе следы от бывших ранее возбуждений. Таким образом, в результате первоначального возбуждения мы можем иметь процесс возбуждения в самых различных областях мозговой коры, занятых следами прошлых впечатлений.

Эти следы от бывших корковых возбуждений у человека обыкновенно сочетаются со следами речевых символов осязательно-мышечного, слухового и зрительного характера, которые хранятся в особых так называемых речевых центрах и которые состоят между собою, в свою очередь, в теснейшем взаимном сочетании. Таким образом, первоначальное впечатление может оживить следы соответствующих символов и этим путем развить центробежный импульс в речевом аппарате.

Далее ряд отдельных следов, имеющих сходные между собой следы в том или другом отношении, обобщаются в один сложный комплекс путем сочетания их с одним и тем же общим для них символом или знаком осязательно-мышечного, слухового или зрительного характера, который играет в этом отношении роль важного синтетического характера.

Этим путем открывается поле для синтетической деятельности невропсихики, которая благодаря этому может выразиться реакцией, отвечающей не на первоначальное внешнее воздействие, а на обобщение его с другими воздействиями более или менее сходными. Продукты этой деятельности могут быть названы синтетическими следами.

С другой стороны, возможность сочетания следов от отдельных признаков внешних объектов с речевыми сим-

волами дает возможность обособления следов от отдельных качеств внешних воздействий, — качеств, которые, в свою очередь, можно обобщить благодаря сочетанию целого ряда подобных же частичных следов с определенным речевым символом. Здесь мы имеем уже дело с аналитической и с аналитически-синтетической деятельностью невропсихики, которая может возбудить реакцию, еще более отдаленную от области первоначального возбуждения, нежели в предыдущем случае.

Далее необходимо иметь в виду, что в мозговой коре отпечатываются, собственно, два порядка раздражений:

1) внутренние раздражения, возникающие в самом организме под влиянием тех или иных физиологических условий;

2) внешние раздражения, передающиеся к коре при посредстве периферических органов слуха, зрения, вкуса, обоняния и осязания.

Первые отпечатки более общи и менее определены, но они непосредственно и более тесно связаны с теми двигательными импульсами, которые обеспечивают существование организма. Благодаря этому условию, они играют первенствующую роль в смысле руководителей в отношении движений животного организма.

Возьмем отпечатки раздражений от состояния голода. Ни один человек не даст точного описания голода. Главное, что вы извлечете из его слов, сводится к сосанию под ложечкой и к общему состоянию неудовлетворения, вялости и апатии, а между тем эти столь неопределенные отпечатки голода являются могущественным побудителем движений благодаря их теснейшей связи с двигательными импульсами. Всякий знает, что под влиянием голода человек нередко готов идти на тяжкие преступления, лишь бы добыть съедобное.

Отпечатки от других состояний внутренних органов еще менее определены. Они почти не поддаются описанию, и мы слышим лишь мало определенную их характеристику, как, например, сердце сжимается от тоски и боли или сердце трепещет от радости, но в результате эти отпечатки, оставляя следы в центрах, приводят к общему изменению невропсихики, которое мы называем положитель-

ным или отрицательным тоном и которое непосредственно обуславливает не только ряд тех или других движений (мимика, жесты), но и определяет в значительной мере характер внешней реакции (наступление или оборона).

Таким образом, здесь речь идет об отпечатках и следах такого рода, которые являются важнейшими определителями характера двигательной реакции, направление которой, однако, зависит от тех или других внешних воздействий. Вышеуказанное значение внутренних отпечатков и следов становится нам вполне понятным, если мы примем во внимание, что это суть первые по времени отпечатки, которые должны достигать нервных центров развивающегося организма. Еще в утробе матери эти отпечатки отражаются в мозгу ребенка в зависимости от более или менее благоприятных условий кровообращения и состояния организма матери. По крайней мере во второй период развития плода движения его в утробе матери говорят о том, что получаемые им внутренние отпечатки приводят к двигательной реакции.

Только с рождением на свет развивающийся организм получает новые отпечатки при посредстве внешних воспринимающих органов, когда уже установилась известная связь между внутренними отпечатками и их следами и двигательной сферой, которая в первоначальный период существования младенца еще более упрочивается и закрепляется.

Здесь нужно припомнить, что жизнь новорожденного ребенка является по преимуществу растительной жизнью, и так как его внешние органы ее недостаточно приспособлены к восприятию внешних раздражений и передач их к мозгу, то проходит еще много времени, в течение которого чисто растительная жизнь, дающая огромное количество постоянно изменяющихся внутренних отпечатков, занимает преобладающее положение в отношениях организма к окружающему миру.

Отсюда понятно, почему внутренние отпечатки и оставляемые ими следы получают столь важную роль в жизни организма и являются даже ближайшими определителями характера его двигательных реакций, а следовательно, и

его отношений к впечатлениям, получаемым из окружающего мира.

Отличаясь наиболее ранним развитием, они закрепляются более прочно уже потому, что растительные процессы составляют неотъемлемую насущную потребность всякого организма.

В результате этих внутренних раздражений создается, между прочим, как мы уже упоминали, положительный или отрицательный нервно-психический тон, резко отражающийся на внешних реакциях организма.

С другой стороны, совокупность целого ряда следов от прошлых внутренних раздражений лежит в основе индивидуальной обособленности невропсихики животного, достигающей у человека под влиянием социальных условий своего высшего развития и известной здесь под названием личности.

Вряд ли нужно пояснять, что последняя, слагаясь на почве следов от внутренних раздражений, служит еще более высшим определителем отношений человека к окружающему миру и важнейшим определителем его поступков и действий и до известной степени также реакции сосредоточения (так называемого внимания по терминологии субъективной психологии).

Находясь в тесной связи с поступками и действиями и реакцией сосредоточения, этими важнейшими факторами, определяющими в значительной мере доставление организму внешних раздражений, личность является в то же время объединяющим звеном для всех отпечатков и следов, связанных своим происхождением с двумя только что указанными факторами.

Таким образом, вышеуказанный комплекс следов от внутренних раздражителей, развивающийся у человека в личность, объединяет и соподчиняет огромное большинство следов, получаемых от воздействий внешнего мира в том смысле, что эти следы уже при своем первоначальном образовании вступают в тесное соотношение с вышеуказанным комплексом и благодаря этому всегда оживляются при посредстве следов, входящих в состав это-

го комплекса, который может быть назван индивидуальным ядром нервно-психической сферы. Этот процесс объединения и соподчинения новых следов индивидуальному ядру нервно-психической сферы может быть назван индивидуализацией внешних следов.

Так как благодаря объединению и сочетанию следов с индивидуальным ядром все более тесно связанные с ним следы могут быть легче оживляемы и вследствие того могут получать перевес над другими следами, то естественно, что в тесном соотношении с индивидуальным ядром невропсихики стоит и процесс оживления следов, а следовательно, и направления внешних реакций.

Благодаря тому, что сочетания следов могут получать то или другое направление от индивидуального ядра невропсихики, происходит в мозгу правильная смена или связное сцепление следов, приводящее в конце концов к сложной и систематически связанной внешней реакции, известной под названием действий и поступков.

Но с другой стороны, эта внешняя реакция в любой момент ее развития может быть и задержана благодаря встречным новым возбуждениям или же благодаря тому, что бывшая ранее подобная же двигательная реакция сочеталась с отрицательным нервно-психическим тоном, подавляющим двигательную сферу.

Таким образом, становится совершенно понятным, почему в сложных нервно-психических процессах внешняя реакция не стоит в ближайшем и непосредственном соотношении с подействовавшим на организм раздражением, а является отдаленным ее последствием, причем характер, а иногда и направление реакции обуславливаются в значительной мере оживляющимися следами от бывших ранее воздействий на организм подобного же или иного рода, причем в этом оживлении прежних следов играет существенную роль сама личность, образованная совокупностью постоянно оживляемых следов от внутренних раздражений организма.

ЛИЧНОСТЬ И УСЛОВИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ И ЗДОРОВЬЯ^{2*}

Академик Бехтерев В.М.

Мм. Г-ни и Мм. Г-ри!

Для врачей-психиатров представляется совершенно избитой истиной, что психические болезни и состояния вырождения суть болезни личности. В виду этого естественно, что охрана здоровья личности и правильного ее развития составляет ту непосредственную цель, к которой прежде всего должен стремиться каждый из врачей, посвящающих себя изучению душевных расстройств. Руководясь этим, я полагаю, что собравшиеся здесь не посетуют на меня, если я займу их внимание вопросами, связанными с личностью и охраною ее здоровья и правильного развития с точки зрения врача-психиатра.

Прежде всего мы должны выяснить для себя, что следует понимать под названием личности?

Должно иметь в виду, что в отношении психологического определения личности мы встречаемся еще с большими противоречиями в науке. Действительно, по поводу понятия личности высказывались различные взгляды и мнения в зависимости от того направления в своих основных воззрениях, которого держались различные психологические школы.

Так, некоторые из английских ассоционистов, как J. St. Mill, понимают личность, как ряд представлений, из которых все от первого до последнего ассоциативно сцеплены друг с другом и могут воспроизводиться памятью, образуя собою как бы один сознательный ряд. Благодаря этому, память и личность рассматриваются, как различные явления одного и того же порядка.

По James'у дело сводится к тому, что каждая мысль знает обо всем, что ей предшествовало в сознании, причем каждая мысль, потухая, передает следующей в наследство знание о своем психическом содержании.

Очевидно, что и по James'у личность является также функцией памяти, но сущность личности по James'у сводится к тому, что каждая мысль является обладательницей содержания всех предшествовавших мыслей, причем, не зная самое себя, она в свою очередь будет узнана после своего отживания последующей мыслью.

По B. Sidis'у¹, чистое “я” или личность не представляет собою ряда мыслей, потому что “несвязанный ряд не может образовать единства личности; также личность не простой синтез проходящих мыслей, потому что в каждой пробегающей волне сознания может существовать синтез или память, а личности все-таки не быть”.

“Центральный пункт “я” или личности заключается в том факте, что мысль знает и критически контролирует в самом процессе мышления, в самый момент своего существования”. “Одним словом только момент самосознания делает сознание личностью”.

Если предыдущие авторы стараются ограничить понятие личности, отождествляя ее или с памятью, как делает D. St. Mill, или с потоком преемственно передающихся мыслей, как допускает James, или с самосознанием, как признает B. Sidis, то имеются авторы, которые чрезмерно расширяют понятие личности, отождествляя с этим понятием все вообще процессы психической деятельности.

Так, проф. Анфимов, говоря о личности или “я”, замечает, что к характеристике личности относятся все психические процессы, составляющие в целом наши умственные способности. Наше “я” не представляет собою отдельной сущности в психической жизни человека: это вероятно только особая функция сознания, формирующая сложную картину нашего душевного мира. Оно со строго психологической точки зрения есть частное явление в жизни сознания, которое может быть, может и не быть.

¹ B. Sidis. Психология внушения. Р. П.

Итак, психология личности по проф. Анфимову “обнимает собою в практическом смысле все, что составляет ум человека, а в научном — все те сложнейшие процессы, которые рассматриваются в школьной психологии в отделе познания, чувства и воли”)¹.

Другие авторы в личности видели нечто объединяющее и синтезирующее в психической жизни. По Janet’у² личность есть ничто иное, как соединение в психической жизни индивида всего прошедшего, настоящего и предвидимого будущего. Такой вывод им сделан из анализа дезагрегации или расчленения психических процессов при болезнях личности. По Ribot’у³ ввиду фактов удвоения и утроения личности следует признать отличительной особенностью последней координацию психических процессов. Единство координации и отсутствие координации — вот две крайности, среди которых вращается личность.

Некоторые авторы, развивающие тот же взгляд, отличительными признаками личности признают наиболее полную гармонию, наивысший синтез и объединение и рассматривают самую личность, как выражение гармонии и единства психических отправлений.

Эти определения в общем довольно близко подходят к сути дела, но и они еще не могут быть признаны полными.

Мы полагаем, что кроме объединяющего **начала** под личностью следует понимать и **направляющее начало**, которое руководит мыслями, действиями и поступками человека.

Таким образом кроме внутреннего объединения и координации личность, как понятие, содержит в себе и активное отношение к окружающему миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий.

В этом определении наряду с субъективной стороной выдвигается, как легко видеть, и объективная сторона личности. Мы думаем, что в вопросах психологических мы не

¹ Проф. Анфимов. Личность и Сознание. Актовая речь. Томск.

² Janet. Etat mentale des hysteriques.

³ Ribot. Des maladies de la personnalité.

должны ныне пользоваться одними субъективными определениями. Психическая жизнь есть не только ряд субъективных переживаний, но она вместе с тем выражается всегда и определенным рядом объективных явлений.

В этих объективных явлениях собственно и содержится то обогащение, которое вносит личность в окружающий ее внешний мир. Мы скажем более! Только объективные проявления личности доступны внешнему наблюдению и только они одни составляют объективную ценность.

По Ribot "реальная личность — это организм и его высший представитель мозг, заключающий в себе остатки всего, чем мы были, и задатки всего, чем мы будем. В нем начертан индивидуальный характер со всеми своими деятельными и пассивными способностями и антипатиями, своим гением, талантом и глупостью, добродетелями и пороками, неподвижностью и деятельностью".

Мы не погрешим против истины, если скажем короче: личность с объективной точки зрения есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями — индивид, представляющийся самостоятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям.

Должно иметь в виду, что ни оригинальность ума, ни творческие способности, ни то, что известно под названием воли, в отдельности ничто не составляет личности, но общая совокупность психических явлений со всеми их особенностями, выделяющая данное лицо от других и обуславливающая ее самостоятельность, характеризует личность с объективной ее стороны.

Умственный кругозор представляется неодинаковым между лицами различно образованными, но ни один из них не теряет права на признание в нем личности, если только он проявляет в той или другой мере свое индивидуальное отношение к окружающим условиям, представляясь самостоятельным существом. Только утрата этой самостоятельности делает человека вполне безличным; при слабом же проявлении самостоятельности мы можем говорить о слабо развитой или пассивной личности.

Итак, личность с объективной точки зрения есть ничто иное, как самостоятельная особь со своим психическим

укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру.

Если мы, пользуясь сделанным нами определением личности, обратимся к выяснению ее роли в общественной жизни, то должны будем признать, что личность представляет собою ту основу, на которой зиждется современная общественная жизнь.

Народы нашего времени не представляют собою бессловесные стада, как было в старое доброе время, а собрание б. или м. деятельных личностей, связанных во имя общих интересов, отчасти общим племенным родством и некоторым сходством основных психических черт. Это есть как бы собирательная личность с ее особыми племенными и психологическими чертами, объединенная общими интересами и стремлениями как политическими, так и правовыми. Поэтому вполне естественно, что прогресс народов, их цивилизация и культура зависят от степени развития личностей, его составляющих.

С тех пор, как человечество вышло из периода рабства, жизнь народов, распадающихся на отдельные сообщества, обеспечивается деятельным участием каждого члена сообщества в создании общего блага, в преследовании общей цели. Здесь-то и выдвигается значение личности, как самостоятельной психической особи, которая в общем ходе исторических событий выступает с тем большей силой, чем дальше народ стоит от рабства, являющегося отрицанием всяких прав личности.

Какую бы отрасль труда мы ни взяли, развитая деятельная личность выдвигает в ней новые планы и новые горизонты, тогда как пассивные лица, выросшие в условиях рабства, способны лишь к повторению и подражанию.

Да и самое существование современных государств зависит, как известно, не столько от внешней силы, олицетворяемой органами власти, сколько от нравственного сплочения личностей, их составляющих.

“С тех пор, как стоит мир, читаем мы в статье С. Глинки “Попранные истины” (Н. В.), одни лишь нравственные начала прочно сплачивают людей. Если сила и могла под-

держивать тот или иной государственной строй, то разве временно и то государство, которое пренебрегало нравственными силами и предполагало возможным опираться только на оружие, носило в себе зародыш разложения... Никакие многочисленные армии не могут спасти того государства, в котором расшатаны нравственные устои, ибо и сила самих армий зиждется исключительно на нравственных началах”.

Значение личности в исторической жизни народов ярче всего выступает в те периоды, когда силою вещей их социальная деятельность идет повышенным темпом. Как всякая другая сила, так и сила личности обнаруживается резче всего при сопротивлении, т. е. в соперничестве и в борьбе, а потому значение личности выступает особенно ярко как в мирном соперничестве народов на почве труда и культуры, так и в те периоды, когда для народа является необходимость борьбы со стихийными бедствиями или с внешними врагами.

Так как личность вносит в общую сокровищницу человеческой культуры плоды своего самобытного развития, то вполне понятно, что сообщества и народы, имеющие в своей среде более развитые и более деятельные личности при прочих равных условиях, будут обогащать человеческую культуру большим количеством предметов своего труда и лучшим их качеством.

Кажется, нет надобности доказывать, что мирное соперничество народов и его успехи покоятся на развитии личностей, входящих в их состав. Народ слабый развитием составляющих его отдельных личностей, как общественных единиц, не может защитить себя от эксплуатации народов с высшим развитием образующих его личностей. А между тем можно ли сомневаться в том, что этой истиной до сих пор еще пренебрегаем мы, русские, в большей мере, нежели какие-либо другие народы Европы?

Было время, когда полагали, да и теперь еще многие полагают, что мы удерживаемся в семье европейских народов нашей военной силой. Какое жалкое заблуждение! Право сильного без сомнения обеспечивает известное место на ма-

терике Европы, но оно не дает еще права на уважение со стороны других народов, на признание его в своей семье и во всяком случае ничуть не обеспечивает от их эксплуатации.

Мирная борьба народов — это есть испытание общественной самодеятельности личностей, их составляющих. И можно быть уверенным, что в этой борьбе при прочих равных условиях побеждает всегда тот народ, который силен развитием входящих в его состав личностей. Народ же, у которого совершенно неразвита общественная жизнь, у которого личность подавлена, обречен на разложение и утрату своей самостоятельности.

Не менее ярко выступает значение личности в борьбе со стихийными бедствиями, как голоди др., а равно и в борьбе с внешними врагами. Народ с высшей культурой, где личность достигла большого совершенства, не знает голода, так как возможные его бедствия в зависимости от условий природы он давно предвидел и предусмотрел, а то, что не могло быть предвидено, предотвращается общими усилиями деятельных личностей, всегда готовых стать в ряды передовых бойцов за общественное дело.

Столкновение народов или войны — это есть социальный кризис, в котором значение личности должно выясняться наиболее выпуклым образом. Нужно ли искать тому примеров? Ведь только что окончилась русско-японская война, в которой противопоставлены были два народа: с 130 миллионами жителей с одной стороны и 50 миллионами с другой. Один народ является представителем испытанной в культуре белой расы, другой принадлежит к желтой расе, о культуре которой до сих пор говорили лишь с различными оговорками. Казалось бы, может ли быть какое-либо сомнение в результатах борьбы? А между тем более 1 1/2 года велась нами бесславная война, в которой победа за победой доставалась врагу.

Что может это значить? Как можно объяснить себе смысл столь тяжелых событий, но ответ я полагаю у всех на устах: “и битвы народов выигрываются теми, кто дышит свободой, как родным воздухом”, читаем мы в одной из многочисленных газетных статей, посвященных вопросам, связанным с бывшей войной.

Да и могло ли быть иначе, если с одной стороны “терпение” — этот лозунг пассивных личностей, было возведено с самого начала в принцип борьбы, тогда как в другой стране была объявлена борьба за жизнь, за право, за свободу!

Было бы невероятно тяжело для нашего национального самолюбия представить здесь картину более светлого характера, которая создается для личности условиями общественной жизни в Японии. И мы отклоним от себя эту неприятную задачу. Заметим лишь, что личность в Японии не задавлена формализмом. Там не торжествует буква над смыслом, там наука не служит предметом странной иронии, там различные ведомства не торопятся изгонять ее отовсюду. Напротив того знания и опытность ценятся там очень высоко и всякое научное открытие применяется тотчас же к делу, как мы видим это по многочисленным примерам из бывшей войны.

С другой стороны не знаем ли мы примера, когда духовно возрожденная Франция во времена великой революции остановила полчища врагов, ее окружавших? А все войны за освобождение, не доказывают ли они воочию, как возвышается дух народа, его мощь и сила с освобождением тех пут, которыми ранее оцеплялась личность.

Можно ли вообще сомневаться в том, что внешняя сила народа питается из источника той духовной силы, которую образуют личности, его составляющие. Если личность опутана неправием, как тиной, если таким образом самый источник духовной силы народа засоряется, то можно ли говорить о силе народа, о его мощи?

Известно, что современные войны требуют от участника борьбы некоторой доли самостоятельности, находчивости в трудных случаях и ясного понимания как цели борьбы, так и тех действий, в которых он участвует. Все это возможно только при ответственном развитии личности, при известной степени ее образования, при сознании прав, за которые идет борьба, и при поддержке в ней того духа инициативы и самостоятельности, без которого немислимо вообще осуществление какого бы то ни было социального дела.

Между тем что же мы видим у нас? К сожалению необходимо признать, что дело идет здесь не об одном только

недоразвитии личности, но и о прямом ее подавлении. Личность задавливается еще при самом зачатке своего развития в школе, дающей ей неподходящую духовную пищу вместе с тяжелым нравственным гнетом, уничтожающим в ней всякую самостоятельность; она задавливается в семье, где господствуют и пользуются покровительством закона патриархальные нравы и обычаи; она систематически задавливается даже там, где государство непосредственно опирается на ее силу и мощь, т. е. в войсках; она задавливается в общественной жизни при проявлении лучших ее стремлений.

В статье “Одна из причин наших поражений”, помещенной в “Слове” за инициалами Н. Р. П., мы читаем: “жизнь солдата сказочно невероятна; ум, природная русская смекалка систематически убивается; не скажем, что это делается намеренно, а просто, вследствие дисциплины “не смей рассуждать”, и так изо дня в день в течение 4—5 лет (лучших лет в жизни человека, прибавим от себя). Он ходит на маршировку, делает чисто ружейные приемы, изучает в первый год службы словесность: кто командир роты, батальона, полка, долг часового на посту и многое, что не относится к боевой жизни, ни к жизни вообще, причем живет чисто животной жизнью без всяких интересов. Спросите любого солдата что-нибудь из общественной жизни, он ничего не знает”...

Правильная законность в стране везде и всюду считается гарантией личности. Но возможна ли законность при существовании так называемой политической полиции, когда, как было еще недавно, одного подозрения в разномыслии с представителями полицейского режима по основным вопросам нашей государственности достаточно, чтобы дело грозило лишением свободы без всякого суда, одним лишь административным распоряжением.

Совместима ли вообще полная сила закона в стране, где представители политической полиции являются вершителями судьбы людей, не остающихся равнодушными при виде всюду царящего беззакония и заявляющих о необходимости признания новых начал общественного правопорядка?

Не переполнены ли наши тюрьмы лицами, которые повинны разве лишь в том, что, желая блага родине, они были провозвестниками новых идей и иных порядков в

нашей стране. С новым укладом нашей общественной жизни, когда-то, за что ратовали эти лица и за что они так тяжело пострадали, уже получает реальное бытие, можем ли мы оставаться равнодушными к их горькой участи и не вправе ли мы искать путей к тому, чтобы вопиющее зло не торжествовало впредь над ними и чтобы вместо смрадной тюрьмы они пользовались широким простором родных полей, где дышалось бы легко и свободно.

А участвовавшее за последнее время применение смертной казни, этого позорного и возмутительного произвола сильной власти над личностью человека, не доказывает ли, что в отношении основных прав человеческой личности мы подвинулись за последнее время не вперед, а назад.

“В смертной казни правосудие обагрывает себя человеческой кровью и как бы тонко ни была придумана апология казни — убийство всегда остается убийством. Для взора чистой совести смертная казнь всегда будет являться не в ореоле юридического акта, но под мрачной маской самого банального убийства, к которому кощунственно прикреплено знамя правосудия. Для ока совести на плахе и на эшафоте правосудие подвергается позору и бесславию”¹.

Какая глубокая ирония сокрыта в самом слове “правосудие”, когда речь идет о смертной казни! Имеет ли вообще право человек отнимать от другого то, что не может быть даруемо человеческой властью? Но, если лучшие умы времени не находят оправдания для применения смертной казни в делах уголовных, то кажется нет достаточно слов, чтобы выразить то глубокое возмущение и негодование, которое подымается в душе человека при одной мысли о том, что люди, облеченные властью, считают себя вправе уничтожать жизнь себе подобных только потому, что их чувства, взгляды, поступки и убеждения не отвечают желаниям первых.

Человеконенавистничество, достигающее столь крайних пределов, является для современного общества делом величайшего позора, от которого с негодованием отвора-

¹ И. Сикорский. Чувства, испытываемые зрителем при виде смертной казни. Киев. 1906.

чивается человек не погрязший в тине юридической диалектики. Для нас русских тяжесть этого позора должна быть еще более ощутительна, так как благодаря смертной казни мы едва не лишились гениального Достоевского и известного писателя Мельшина.

Не будем следить далее за мрачной картиной нашей действительности. Последствия ее общеизвестны, и мы переживаем их ныне вместе с позором и горем всей России.

Для нас, психиатров, не лишено значения то обстоятельство, что, если недоразвитие личности приводит к ее пассивности, дряблости, недеятельности и последовательно к отсталости всего общества, то подавление личности в особенности при ее природной или приобретенной неустойчивости, если конечно это подавление не может быть отпарировано соответствующим противодействием, приводит нередко к развитию астенической реакции, заканчивающейся весьма нередко самоуничтожением в виде той или другой формы самоубийства или же болезненным состоянием в виде тяжелых форм неврастения и других общих неврозов и даже психических расстройств; в слабых же натурах приводит к развитию лести, приниженности и к более или менее полному обезличению.

Самоубийство у душевно здоровых лиц, как и все другие акты самообороны человеческой личности, имеет в различных случаях неодинаковые мотивы, но все же в общем за малыми исключениями оно является страшным укором обществу "в смысле протеста против того порядка вещей, который сделал это непреодолимое стремление к смерти, этот неестественный импульс к самоуничтожению фатальным"¹.

Полагаю, что нет надобности доказывать, сколько самоубийств, этой острой реакции в виде последнего акта безуспешной борьбы личности с неблагоприятными условиями, обязано именно резкому подавлению личности, где бы оно ни проявлялось — в школе, в семье или на поприще общественной деятельности.

¹ Райхер. К вопросу о самоубийстве. Изд. Виленской окружной лечебницы. 1905.

Подробный анализ случаев самоубийств среди здорового населения не оставляет сомнения в том, что самоубийством кончают большею частью неустойчивые или так называемые психопатические личности. Но кто может отрицать, что эти, хотя бы и неустойчивые личности, при иных условиях не совершили бы на земле всего, чему обязывал их долг пред человечеством, если бы на своем пути они не встретились с теми подавляющими влияниями и условиями, при которых самоуничтожение является единственной формой реакции.

Ведь мы дошли уже до того, что самоубийство в нашей средней школе среди юных подростков становится делом почти обычным, мало кого поражающим. Да, что говорить об отдельных самоубийствах, хотя бы и уносящих ежегодно множество жертв, когда под общим гнетом время от времени происходят у нас массовые самоистребления, приводящие в ужас цивилизованный мир. Достаточно указать здесь на столь еще недавно случавшиеся массовые самоистребления наших сектантов, напр. в Архангельской губ., где, как говорят, до сих пор можно видеть места самосожжения людей, предпочитавших лютую смерть отдаче себя в руки властей.

При чтении подробностей этих самоистреблений леденеет в жилах кровь, а между тем эти ужасы, являющиеся яркой реакцией на общий гнет, случаются у нас и поныне, как в более старые времена. Еще всем памятны недавние Терновские события в Бессарабской губернии, где люди закапывали себя живьем в могилы, чтобы отстоять права своей совести.

Более мягкую, но все же печальную форму реакции мы видим в массовых выселениях в другие страны наших сектантов, да и одних ли сектантов. Сюда относятся: выселение не-красовцев за Дунай, белокриницких переселенцев в Австрию, духоборов и менонитов в Северную Америку и т. п.

Эти формы реакции, конечно, не кровавые, так сказать более разумные и более спокойные, но они в основе своей имеют те же самые мотивы, как и самоистребительные акты, а по своим последствиям для жизни государства они немногим менее тягостны, нежели предыдущие.

В других случаях при долговременном действии массы подавляющих условий как нравственных, так и физических реакция личности, как мы уже говорили ранее, выражается в форме ее болезни, т. е. неврастении и других общих неврозов и даже психических расстройств.

Попраание прав человеческой личности всегда отражается тягостным образом на нервно-психическом состоянии человека. Но когда это попраание достигает такой степени, что личность не гарантирована от внезапного обыска и ареста по одному лишь подозрению в политической неблагонадежности, когда человек из-за своих убеждений может быть направляем в ссылку или ввергаем в тюрьмы с одиночным заключением, в которых калечатся его духовные силы, когда возможны даже телесные наказания вопреки Высочайшему манифесту 1904 г. и когда происходят на глазах всех массовые убийства на улицах с ни в чем неповинными жертвами, то нервно-психическое здоровье населения подвергается тяжкому испытанию, приводящему к увеличению числа нервных и душевных заболеваний в стране¹.

Нужно ли говорить, как много условий, подтачивающих душевное здоровье личности, могло бы быть устранено из нашего обихода при иных условиях общественной жизни, при иных условиях общегосударственного режима и при иных экономических условиях. Вопросу этому нельзя не придавать значения, так как правильное развитие и здоровье личности является основой государственного благосостояния страны.

В виду вышесказанного естественно возникает вопрос, какие же причины пагубно влияют на развитие личности, приводят к ее упадку и какие причины содействуют ее развитию?

Обращаясь к разрешению первого вопроса, мы не будем здесь останавливаться на том, в какой мере на развитии

¹ Эта часть речи вошла в одно из постановлений второго съезда отечественных психиатров.

личности отражается окружающая ее природа. Вопрос этот, хотя и не лишен значения, чтобы его обойти молчанием, но и настолько широк, что не позволяет на нем остановиться подробнее. Здесь можно лишь указать, как на неподлежащий сомнению факт, что умеренный климат для развития личности является более благоприятным, нежели суровый климат севера и жаркий климат тропиков.

Вряд ли также кто-нибудь станет оспаривать наряду с климатом важное значение иных метеорологических, а равно и географических условий. Великие пустыни, малопригодные для человеческого житья, и все те местности, где человеку приходится затрачивать много сил и энергии на борьбу с окружающей природой, не благоприятствуют развитию личности.

Равным образом неблагоприятные почвенные и метеорологические условия, характеризующиеся эндемическим развитием тех или других общих болезней, не могут не отражаться пагубно на развитии личности, подтачивая в корень физическое здоровье организма.

Не останавливаясь далее на этих внешних малоподвижных и малоизменяемых влияниях, действующих на развитие личности, мы перейдем к рассмотрению иных факторов, отражающихся резким образом на состоянии и развитии личности.

Первым и основным условием правильного развития личности является природа организма, наследие его отцов или те антропологические особенности, которые составляют почву для развития личности.

Вряд ли кто может сомневаться в значении расы в указанном отношении. Наилучшим примером может служить тот факт, что из трех человеческих рас, черная, несмотря на свою многочисленность, далеко не достигла того культурного развития, как двое другие расы.

При всей своей многочисленности представители этой расы никогда не играли выдающейся роли в истории. Этот важный факт нельзя не сопоставить с тем антропологическим фактом, что вместимость черепа и вес мозга этой расы меньше, чем у двух других рас, в особенности белой.

Другим примером влияния антропологических особенностей на развитие личности являются народы древ-

ней Эллады, достигшие удивительной культуры и не менее удивительного развития личности и затем погибшие, вследствие особых исторических условий.

Когда возникла борьба за освобождение греков от турецкого ига, многие представляли себе, что дело идет о восстановлении того же свобододолюбивого народа, который оставил после себя замечательные памятники мысли и культуры, хранящиеся в различных музеях. Эта мысль увлекала многих, она возбудила симпатии к грекам со стороны лучших умов того времени, и война за их освобождение сделалась сразу популярной в Европе.

Но когда час освобождения наступил, что же оказалось?

Древнего грека с его живым умом и чувством и с сильной волей уже нельзя было признать в греках новейшей формации, обладающих иными качествами. И это потому, что древние греки переродились в другую нацию, характеризующуюся другими антропологическими чертами, они переродились, частью вследствие выселения и рабства, главным же образом вследствие смешения их с другими племенами¹.

Итак, несмотря на то, что остались те же географические условия, какие были в Греции и в минувшие века, несмотря на то, что центр цивилизации до сих пор остается, как и ранее, на материке Европы, современные нам греки, вследствие приобретенных ими новых антропологических особенностей в период долгого рабства, по-видимому не обещают сделаться великим народом, каким они несомненно были в древности.

Приведенные примеры показывают, что уже в антропологических особенностях расы кроются те основы, которые определяют развитие личности. Вот почему должно быть ясно для всех, в какой мере судьба племени находится в связи с принадлежащими ему расовыми отличиями и в какой мере последние отражаются на проявлении и чертах народного гения.

Неменьшего внимания заслуживает другой фактор, влияющий на развитие личности. Это — фактор биологи-

¹ И. А. Сикорский. Вопросы нервно-психической медицины, 1904 г.

ческий, связанный с условиями зачатия и развития человеческого организма.

Здесь мы не можем не отметить важного значения в развитии личности тех элементов, которые известны под названием вырождения и которые коренятся в условиях неблагоприятного зачатия и развития плода. От каких бы причин эти условия ни зависели — от неблагоприятной психо- или невропатической наследственности, физических недостатков, болезней матери во время зачатия и беременности, алкоголизма родителей, тяжелых физических и психических моментов в течение беременности, последствием их, как мы знаем, являются дегенеративные особенности потомства, которые в конце концов сводятся к разложению личности и к ее упадку.

Вполне понятно, что развитие личности как высшего проявления психики, находится в зависимости от физических условий. Это положение не может возбуждать и тени сомнения, коль скоро мы примем во внимание тесное соотношение между физическим и психическим, между “телом и душою”, как принято выражаться. “*Mens sana in corpore sano*”, гласит древняя философская мудрость и это положение остается незыблемым и поныне.

Во всяком случае нельзя не принять во внимание того факта, что только гармоническое развитие тела и духа обеспечивает правильное совершенствование личности. Если физическое развитие от природы слабо, если человек от раннего возраста подвергается физическим невзгодам и целому ряду общих инфекционных болезней, особенно с затяжным течением, если вместе с тем у него развиваются общие болезненные поражения, коренящиеся в недостаточном и неправильном питании организма, как анемия, золотуха, рахитизм и проч., то уже полный расцвет личности будет в той или иной мере задержан. Если затем и в более возмужалом возрасте продолжаются физические невзгоды, то упадок личности обнаруживается уже вполне ясно.

Нет надобности говорить, как пагубно на развитие личности влияют общие неврозы, в особенности истерия и эпилепсия, развивающиеся главным образом на почве неблагоприятных физических и психических моментов.

Некоторые авторы не без основания рассматривают истерию, как явление, суживающее сферу сознания (Janet) или как выражение упадка личности (д-р Радин). Что же касается эпилепсии, то влияние этого невроза на развитие личности представляется очевидным уже из того, что более тяжелые формы эпилепсии обязательно сопутствуются так называемым дегенеративным эпилептическим характером и более или менее очевидным ослаблением умственных сил и даже состоянием ясно выраженного слабоумия, приводящем к постепенному угасанию и перерождению личности.

Вряд ли затем есть надобность говорить о такого рода болезненных состояниях, которые, поражая самый мозг патологическим процессом, тем самым действуют губительно на умственные силы и разрушают личность. Вообще я не вижу надобности подробно распространяться о значении физических болезней на развитие умственных сил вообще и на целостность личности в частности, так как этот факт ясен до очевидности.

Но нельзя здесь не упомянуть о том, что на развитие личности оказывают существенное влияние неблагоприятные экономические условия, приводящие последовательно к физическому ослаблению организма, на каковой почве развивается ряд истощающих физических болезней, подрывающих в корне питание организма и нарушающих правильное развитие мозга, а следовательно, и личности. Да и помимо этих болезней недостаточное питание населения, подрывающее физические его силы и приводящее к развитию физического истощения и малокровия, — разве это не условия, содействующие ослаблению питания мозга, быстрой истощаемости умственных сил и вместе с тем препятствующие полному расцвету личности?

При этом случае нельзя не вспомнить с болью в сердце, в сколь тяжелых условиях находится наш простой народ, которого неудачная экономическая политика страны сделала в буквальном смысле слова полуголодным нищим.

Как известно, новейшие исследования показывают, что наш крестьянин-землепашец имеет много меньше хле-

ба на душу, нежели простолудин западной Европы, причем и пища его, рассчитанная по калориям, оказывается много ниже действительной потребности здорового человека. Да и может ли быть иначе, если мы до сих пор остаемся с первобытной трехпольной системой обработки земли, производимой притом же допотопными орудиями?

Говорят, что положение нашего сельского хозяйства ничем не лучше того, как оно велось в средней Европе во времена Карла Великого или в дореформенной Франции. А между тем, принимая во внимание почвенные условия, какие перспективы открываются при лучшей организации дела и при лучшей постановке специального сельскохозяйственного образования, которое еще так недавно систематически изгонялось даже из ведения земств.

О поразительной отсталости нашей в различных отделах индустрии и говорить нечего. Этим как бы довершается то безотрадное положение, в котором очутилась огромная масса населения страны, истощающая свои последние силы в борьбе за существование и право жизни. Почти постоянное недоедание нашего крестьянства в центральных губерниях и даже в черноземной полосе России, как известно, представляет собою уже вполне избитый факт в нашей литературе.

Можно ли сомневаться в том, как много ослабляющих условий вносит в организм это хроническое голодание, которое своим последствием должно иметь как общее увеличение смертности, так и понижение личной самодеятельности. В хилом теле может ли быть сильный и бодрый дух? Нужно ли вообще доказывать, что вместе с ослаблением питания организма слабеет и его нервнопсихическая энергия, результатом чего развивается общая приниженность личности, ее пассивность, более или менее значительное ослабление умственной работоспособности, психическая вялость, апатия и недостаток воли. Само собою разумеется, что хроническое недоедание должно еще в большей мере сказываться на детском растущем организме, когда впервые складывается личность. Этим недоеданием наряду с нашей общей некультурностью, незнакомством с гигиеной и антисанитарными

условиями объясняется и физическая хилость детей у нас в России, приводящая к страшной их смертности. Вместе с этим те же самые условия вполне понятным образом приводят и к психической немощи развивающегося организма, вносящей вместе с влиянием векового рабства особенные черты характера и в наш национальный облик, обозначающийся беспечностью, равнодушием к делам личным и общественным, невыдержанностью характера, недостатком инициативы, пассивностью, некоторой припущенностью, нерешительностью и т. п. чертами.

Крайне негигиенические условия труда на многих фабриках, переутомление рабочих и нашей домашней прислуги, лишенной часто всякого отдыха, также не может не отражаться пагубно на развитии личности, особенно, если это переутомление начинается с раннего юношеского возраста.

Другим важным фактором, влияющим на развитие личности, являются все хронические отравления, в особенности те из них, которые поражают в первую голову мозг и которые известны под названием интеллектуальных ядов.

Алкоголизм, достигший такого гигантского развития в современном обществе, есть без сомнения то зло, которое несет в себе зародыш упадка личности.

Алкоголик это человек с притупленным восприятием, с пониженной нравственностью и с ослабленной волей, т. е. отличается именно теми особенностями, которые характеризуют упадок личности.

Нет надобности доказывать, что алкоголь, парализуя сферу чувства, интеллекта и воли, подрывает в корне основные устои личности и является в то же время одной из важнейших причин, приводящих к развитию душевных болезней, вырождения и преступности. В этом отношении имеется уже столько трудов, что нет никакой необходимости делать на них ссылки.

У нас в России также немало поработали над влиянием того зла, которое вносит алкоголь в развитие и здоровье личности. Не говоря о ряде отдельных трудов, как напр. Кроля, Григорьева и многих др., нельзя не указать здесь на богатые содержанием труды алкогольной комиссии при Об. охран. народн. здоровья в Петербурге, кото-

рые освещают весь вред, причиняемый пагубным распространением алкоголя на развитие личности с такой полнотой, какая может быть только желательна.

Менее значительное по распространению, но не менее пагубное влияние на личность представляют собою хронические отравления другими интеллектуальными ядами, как напр. опиум, морфем, эфиром, хлорал-гидратом и т.п.

Помимо всех вышеуказанных условий немаловажную роль в развитии личности играют и иные моменты. Здесь прежде всего должно иметь в виду воспитание и образование.

На воспитание вообще по-видимому мало обращают внимания в смысле развития личности, а между тем можно ли сомневаться в том, что с воспитанием впервые устанавливаются основные особенности будущей личности? Между прочим здесь в воспитании, играющем столь видную роль в дошкольном возрасте, закладываются основы большей или меньшей самостоятельности будущей личности, что имеет существенное значение для ее дальнейшей судьбы.

Что касается образования, то и в этом отношении по-видимому более заботятся о загромождении головы знаниями, подчас совершенно ненужными, при более или менее пассивном отношении к этим знаниям, нежели о развитии критики и самостоятельного мышления, которые составляют истинный залог самостоятельности будущей личности.

Вот что говорит между прочим профессор Rossbach в Вюрцбурге о школьном вопросе: "Наши гимназисты сильно напрягают зрение, а на развитие тела не обращают никакого внимания. Под предлогом посвятить ученика в образ мыслей и поступки древних, они заставляют изучать сухую грамматику и являются односторонними филологическими заведениями. Любопытных и способных по природе к труду детей запирают в зловонные и пыльные помещения, Им задают работы на дом, отнимающие все так называемое свободное время. Зимой их держат до тех пор, пока не стемнеет, а в темноте настрого запрещают гулять. Если, возвращаясь с занятий, они бегают и борются, удовлетворяя таким образом бессознательно требованиям природы, то их строго наказывают. Уроки гимнастики должны служить как бы противовесом этой нелепой

системе. В Англии детям после умственных трудов дают играть на свободе в зелени. Сердце надывается при сравнении наших жалких детей с этими счастливыми”.

Но, если немцы так отзываются о своих школах, которые ими давно уже реформированы, то что же мы можем сказать про наши школы, представляющие собою жалкую и бессодержательную пародию описанных выше немецких школ.

О неудовлетворительной постановке нашей низшей школы — этой основы народного образования — здесь нет надобности распространяться. Бесправие народных учителей и учительниц кажется превзошло все возможные границы. Между тем культурно-политическое значение низшей школы должно быть громадно, особенно благодаря ее всеобщности, благодаря тому, что чрез нее должны проходить, если не все, то большая часть будущих граждан.

А вот что мы читаем в современной печати¹ по поводу нашей низшей школы: “Быть может, нигде недостатки школьного строя не шли так параллельно с недостатками режима вообще, нигде отрицательные стороны режима не обозначались так ярко, как в народной школе. Школ недостаточно, они обставлены неудовлетворительно, вследствие общего обеднения страны, программы сокращены, не заключают много существенно необходимого и наоборот отягчены тем, что не имеют прямого отношения к умственному развитию учащихся. С другой стороны положение учащего персонала самое безотрадное: вопиющая недостаточность вознаграждения за труд, совершенно излишняя регламентация, самый мелочной и придирчивый надзор, наконец, полное бесправие по отношению к той “тьме власти” в нашей деревне, которая создала в ней поистине ужасающую “власть тьмы”.

Наша средняя школа, особенно гимназии с их ложным классицизмом, — это специальное создание охранительной политики покойного графа Д. Толстого, разве это не пример того, как путем загромождения головы бесцельными знаниями мертвых языков, педагогическая система, пре-

¹ “Сын Отечества” 6 июля 1905 года.

следующая свои особые цели, стремится подавить всякий проблеск инициативы и самостоятельности в учениках и стремится создать вместо самостоятельных, хорошо подготовленных к жизни личностей покорных приниженных слуг общего режима, лишенных всякой духовной самостоятельности. “Средние школы, читаем мы в известной записке ученых “Нужды Просвещения”, ни числом, ни постановкой учебного дела не удовлетворяют образовательным потребностям населения. Своим строем они подавляют личность как ученика, так и учителя и убивают такие качества человеческой души, развитие которых составляло бы их прямое назначение — любовь к знанию и умение самостоятельно мыслить”.

Вряд ли эта оценка не представляется еще очень бледной по сравнению с печальной действительностью. По крайней мере в ней вовсе не упоминается о той системе укоренившейся лжи и обмана, во взаимных отношениях учеников и учителей, которая не может не действовать развращающим образом на молодые умы.

Равным образом в упомянутой оценке не упомянуто ни одним словом и о том, как много наши средние школы поставляют телесно убогих и нравственно неустойчивых и притом с громоздким малопригодным к жизни багажом знаний, который для многих является совершенно непосильной ношей, задавливающей под своею тяжестью самую личность. Известно, как много эта школа под названием неудачников выбрасывает в наше общество недоразвитых лиц, неприспособленных к современным условиям общественной жизни; эти последние в большинстве случаев постепенно гибнут затем в жизненной борьбе, являясь большей частью тяжелым бременем для семьи и общества.

А кризис нашей высшей школы, разве это тоже не пример того, как путем изгнания академической автономии известная педагогическая система полагала достичь внешнего порядка в высших учебных заведениях и кончила тем, что привела к общему расстройству в стране высшего образования и вместе с тем подорвала доверие в обществе к точному знанию и науке?

Печальные условия, в которых находится наша высшая школа, между прочим вызвали правильную оценку ее положения в известной записке ученых: "По самому характеру своего призвания высшая школа должна готовить деятелей, сознательно и правдиво относящихся к окружающей действительности, между тем необходимая для этой ответственной роли свобода исследования и преподавания настолько отсутствует, что даже чисто ученая и преподавательская деятельность не гарантированы от административных воздействий. Целым рядом распоряжений и мероприятий преподаватели высших школ низводятся на степень чиновников, долженствующих слепо исполнять приказания начальства. При таких условиях неизбежно понижение научного и нравственного уровня профессорской коллегии, неизбежна и та потеря уважения и доверия к учителям, которая является роковой для современной жизни наших высших учебных заведений".

Но вряд ли не хуже всего сказанного по отношению к нашим школам, это — еще недавно столь распространенная тенденция, уже принесшая столько зла в России, — тенденция, сводящаяся к отрицанию всякого образования. Полагали, что просвещение масс может быть излишним и даже вредным с общегосударственной точки зрения. Вследствие такой умопомрачительной политики, огромные массы людей остались и остаются до сего времени безграмотными, благодаря чему человеческая речь, этот истинный дар Божий, ограничивается для них узкими рамками личных объяснений при взаимных встречах.

Чтобы дать реальное представление о нашей поразительной отсталости в деле образования, достаточно сказать, что напр. в такой стране, как Япония, имеется в общей массе населения всего лишь 10% неграмотных, тогда как в России их насчитывается до 73%. Всем известно, как много безграмотных оказалось в числе пленных русских в нашей бывшей войне с Японией и можно ли было нам, русским, без краски стыда в лице читать, что наши пленные в Японии впервые начали изучать грамоту под руководством желтолицых учителей.

Не вспоминается ли здесь всем набившая оскомину фраза о школьном учителе, одержавшем победу? А между тем, какое жестокое наказание мы понесли, пренебрегая этой избитой истиной и оставаясь вполне глухими в этом вопросе к голосу здравого смысла.

Безграмотные массы естественным образом лишаются того могучего орудия, с помощью которого накопленные веками умственные богатства народов становятся достоянием потомства и благодаря которому личность в каждом новом поколении в общем преуспевает над личностями старого поколения. Словом, дело идет здесь о лишении человека того прогресса знаний, который служит важнейшим условием развития личности и который делает ее образ подобием Божества.

Можно ли вообще допустить, чтобы в то время, как в верхних слоях общества был яркий солнечный свет и приветливая природа, в низших его слоях стоял густой мрак и царствовал непробудный сон, при котором нормальное развитие личности является делом невозможным?

Безграмотность — то есть умственная слепота и потому естественно, что личность темного народа мало возвышается над проявлением животной жизни. Загляните в наши захолустья и вы поразитесь, до какой степени могут быть сужены потребности человека, до какой неприхотливости в своем обиходе доходит наш крестьянин, носящий все задатки богатого умственного развития. Вы убедитесь в то же время, до какой степени притуплены его нервы долгим подневольным существованием, как ограничен его кругозор и как мало в нем самостоятельности.

Можно ли после этого удивляться той поразительной легковерности, которая свойственна темным массам народа и благодаря которой легко прививаются в его среде самые уродливые взгляды и учения религиозного и социального характера. Развиваясь, благодаря сужению умственного кругозора и известному легковерию, свойственному всякой недоразвитой личности, эти учения распространяются иногда даже в форме своего рода психических эпидемий, приводя к развитию странных и грубых по своему характеру понятий

и к не менее грубым и опасным антисоциальным действиям в виду аграрных беспорядков и т. п.

Далее, важным фактором, приводящим к недостаточному развитию личности, является отсутствие общественной деятельности. Где нет общественной деятельности, там нет и полного развития личности. Без общественной деятельности личность останавливается на известной ступени своего развития, представляясь более или менее равнодушною к общественным потребностям; она является пассивным членом общества, лишенным той самодеятельности, которая служит залогом нормального развития общественной жизни и прочного развития государственности.

Народы, у которых общественная деятельность отсутствует или слабо развита, готовят в своей среде по сравнению с другими в общем менее развитые и более пассивные личности, что в конце концов отражается на всех отраслях культуры.

К этому надо добавить, что естественным последствием отсутствия правильно организованной общественной деятельности в форме самоуправления является праздность и бездеятельность, которая находит в этом случае особенно благоприятные условия преимущественно в более обеспеченных классах общества. Между тем праздность, чем бы она ни обуславливалась, приводит естественным образом к понижению умственной работоспособности, к невознаградимой утрате умственного материала за время бездеятельности, к недостаточному усовершенствованию нервно-психических механизмов, что доказывается между прочим также и психометрическими исследованиями, и вообще к умственному и телесному обессилению, а последовательно — к нравственному и физическому вырождению, особенно если к праздности присоединяются ее естественные спутники алкоголизм и другие излишества.

Прозабание народов востока служит лучшим примером того, как отсутствие общественного самоуправления и деспотизм правителей губит и самую личность как деятельную общественную единицу.

Если мы теперь обратимся к вопросу о том, что обеспечивает нормальное развитие личности и что гарантирует ее от пассивности, упадка и болезни, то мы прежде всего должны иметь в виду устранение тех физических невзгод, которые ослабляют питание и деятельность организма. В этом отношении особенно выдвигается значение общественной санитарии. В самом деле оздоровление местностей устранило бы целый ряд тяжелых недугов, подрывающих в корне физическое здоровье населения и нормальное развитие личности.

Равным образом и профилактика болезней должна получить в наших глазах не менее важное значение. Предупреждение болезней — разве это не гарантирует организм от его ослабления и немощи?

Соответствующие санитарные мероприятия, устраняющие антигигиенические условия народного труда, а равно и законоположения, ограждающие возможность крайнего физического и умственного переутомления, а также мероприятия, клонящиеся к возможному уменьшению развития поварьных и других болезней — вот те условия, которые являются прежде всего необходимыми, как меры, предупреждающие развитие болезней личности.

Борьба с биологическими факторами вырождения очевидно также должна способствовать более правильному и более здоровому развитию личности. Эта борьба может вестись в двух направлениях: в виде установления законов, воспреещающих вступление в брак не с одними только душевнобольными и эпилептиками, но и с тяжелыми истериками, невропатами и хроническими алкоголками. Брак во всяком случае должен быть регламентирован согласно взглядам науки на возможное развитие и состояние будущего потомства.

Для здорового развития личности необходимо также устранение губительного распространения спиртных и иных опьяняющих напитков.

Меры борьбы с пьянством, как известно, широко намечались и намечаются в целом ряде исследований, посвящен-

ных действию алкоголя на организм и искоренению пьянства в народе. Между теми мероприятиями, которые здесь имеются в виду, мы отметим применение Готенбургской системы, устранение сивушного масла из спиртных напитков, обращающихся в народе, увеличение пошлины и налога на крепкие вина, понижение пошлины и налога на напитки, содержащие малое количество алкоголя, распространение в народе чайных вместо трактиров и водочных лавок, строгий контроль над пьяницами, устройство особых алкогольных здравниц, лечебниц и амбулаторий, образование обществ трезвости, нравственное перевоспитание народа и проч., и проч.

Нет надобности доказывать, что все эти меры рациональны и хороши, но их значение совершенно парализуется, если государство смотрит на потребление спиртных напитков как на важнейший источник дохода. Вот почему борьба с пьянством в народе будет бессильной до тех пор, пока наш государственный бюджет будет искать свою опору в тех сотнях миллионов, которые извлекаются из народного обращения в счет потребления им спиртных напитков.

Как известно, в этом смысле уже было сделано постановление одним из наших Пироговских съездов, но результатов этого постановления до сих пор мы к сожалению не видим. Вообще должно иметь в виду, что устройством убежищ, амбулаторий и лечебниц для алкоголиков ничуть не разрешается основной вопрос в борьбе с алкоголизмом. Лишь отказ правительства от пользования вином в фискальных целях, а равно и поднятие благосостояния народных масс путем широких освободительных реформ являются мерами, обещающими наибольший успех с этим народным бедствием.

Помимо вышеупомянутых мер должно заботиться также всеми возможными способами об улучшении экономического положения населения. Здесь не место входить в разъяснение тех мероприятий, которые должны быть выдвинуты для благоприятного изменения экономических условий, особенно в среде сильно бедствующего коренного населения страны. Это дело сложной и правильно поставленной внутренней политики, осуществление которой воз-

можно лишь при свете гласности и критики со стороны самого общества.

При этом естественно возникают вопросы о наделах и национализации земли, о правильной организации переселений, о широкой организации общественных работ, об облегчении приобретения земли крестьянами, о широко и правильно поставленной организации кредита, о лучшей культуре земельных угодий и о поднятии всеми зависящими мерами народного хозяйства этого истинного показателя экономического положения страны, об улучшении путей сообщения, об облегчении торговых сношений и проч., и проч. От более или менее удачного разрешения этих вопросов собственно и зависит экономическое благосостояние народных масс.

Наряду с этим вопиет о себе улучшение положения и экономического благосостояния фабричного люда. Здесь нужно иметь в виду и рациональную гигиеническую обстановку труда, и строгое и правильное регулирование числа рабочих часов сообразно возрасту и полу, и урегулирование денежных отношений между рабочими и работодателями и, наконец, правильно организованные условия самого быта рабочих. Вместе с тем особо важным принципом в этом вопросе мы признаем участие самого рабочего люда в доходности фабрик и заводов, а также широкое развитие в стране труда на артельных началах. Мы убеждены, что это участие рабочего люда в доходности предприятий и артельное производство сыграет свою роль и в вопросе о стачках, получившем столь важное значение в жизни современных государств и в частности у нас в России.

При этом нельзя упускать из виду, что наиважнейшим экономическим фактором везде и всюду является самодеятельность населения, предполагающая правоспособную активную личность, живущую в условиях прочного правопорядка.

Неменьшего внимания в смысле развития личности заслуживают и воспитание, и обучение.

Как для правильного развития тела необходимо правильное физическое питание, так для умственного развития, приводящего к развитию личности, необходимо пра-

вильное доставление пищи духовной. Ясно, что для цельного развития личности правильное воспитание и обучение составляют существенную сторону дела.

Но вопросы воспитания и обучения чрезвычайно деликатны и требуют большой осмотрительности в своем применении. Прежде всего здесь нужно иметь в виду при соблюдении физической и умственной гигиены, постепенное приучение к систематическому труду, развитие самостоятельного мышления с широким мирозерцанием и критическим взглядом и стойкость характера. “Рациональным воспитанием, говорит Krafft-Ebing, должно развить в ребенке тот бодрый дух, который столь необходим в борьбе с житейскими невзгодами. Эта бодрость духа всего лучше приобретается высшим философским пониманием человека в мироздании, — пониманием, которое, возвышаясь над всем преходящим, направляет наш взор на все возвышенное и непреходящее и среди житейских треволнений находит якорь спасения в этике и религии”. (См. Наш нервный век, стр. 35).

Особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что основы будущей личности коренятся еще в дошкольном возрасте и, следовательно, правильное и рациональное воспитание должно начинаться с первых дней жизни человека. Существуют неоспоримые факты, из которых выясняется с несомненностью, что отклонения характера начинаются еще в раннем возрасте, благодаря тем или иным условиям, которые своевременно могли быть легко устранены.

Не меньшего внимания заслуживает также и правильное направление умственного развития. Так как невежество и недостаток образования есть главное условие недоразвития личности, то очевидно, что эта сторона в вопросе о развитии личности должна быть выдвинута на первый план. И мы знаем действительно, что культурные страны соперничают между собою в правильной постановке и развитии школьного дела.

К сожалению совершенно иное отношение к образованию мы видим у нас. Мы не будем здесь входить в рассмотрение вопроса, как и в каком направлении должны быть преобразованы нами школы, — тем более, что по этому вопросу давным-давно уже разработано все, что

существенно необходимо для правильной постановки дела, но мы не можем не выразить глубокого сожаления по поводу того, что осуществление этой важной и всеми ожидаемой реформы все еще заставляет себя ждать.

Как известно, народные учителя в сознании исторической ответственности за положение низшей школы еще в 1908 г. на бывшем московском съезде изложили с полной ясностью и определенностью все, что необходимо для подъема низшей школы до желательного ее уровня. Равным образом и по отношению к средней и высшей школе еще несколько лет назад был собран огромный материал, необходимый для осуществления реформы. Наконец настойчивая необходимость реформы высшей школы была намечена между прочим в известной записке ученых, клеймящей всю систему нашего образования. А между тем, всем известно, что "воз и ныне там", хотя для нынешней средней школы минула уже 35-летняя давность, для современной же нам высшей школы мы имеем уже в начале 3-й десяток лет, сопровождавшийся почти ежегодными беспорядками и протестами нашей молодежи.

Справедливость требует однако заметить, что последним указом от 27 августа сделан важный, давно жданный и многообещающий шаг в деле введения автономии в наши университеты и некоторые из высших учебных заведений.

Не входя в подробности необходимых реформ нашего низшего и среднего образования, здесь мы можем только наметить самые общие и основные условия, на которые должно опираться рациональное воспитание и обучение: 1) оно должно быть всеобщим и бесплатным; 2) оно должно соотноситься как с возрастом, так и физическим состоянием и с развитием организма; 3) оно должно иметь в виду особенности психического состояния и в этом отношении должно быть строго индивидуализировано; 4) мы полагаем далее, что в вопросах воспитания и образования школа должна заботиться не столько о шаблонном заучивании готовых форм, заимствованных большей частью из классиков, сколько о развитии самостоятельной личности с критическим умом и самостоятельным отношением к окружающей действительности. Вместе с этим

5) школа должна заботиться об устранении того порабощения духа, которое так легко прививается к человеку с молоком матери. Воспитание и общее образование должно преследовать задачи общественности и должно иметь своею прямою целью выработать личность как самостоятельную социальную единицу. В этих видах все низшие и профессиональные средние школы должны быть переданы в ведение органов самоуправления, которые лучше могут определять, что соответствует задачам общественности и что им не соответствует.

Что касается высших школ, имеющих своею целью исключительно научное или научно-практическое образование, то здесь первым и основным условием должно быть устранение служебного положения науки. Наука должна открывать и говорить только истины, а никакая истина не может быть настоящей истиной, если она искусственно подтягивается под какую-либо систему, под какой-либо разданный шаблон, или если она заранее имеет определенное предназначение.

В силу этого наука, как и религия, должна служить исключительно духовным нуждам народа, а не должна являться служебным органом правительств. Вот почему основным девизом высшего образования во всяком культурном государстве признается положение, что наука и все ее учреждения должны быть свободны.

Обязанностью правительств однако является поддерживать и расширять научные учреждения и зорко следить за правильным развитием науки и за всеми научными открытиями, дабы иметь возможность использовать их в целях государственного благоустройства. Само собою разумеется, что высшая школа не должна сводить свои задачи к выдаче дипломов на служебные права, как это практикуется у нас ныне, а должна быть лишь истинным светочем научного образования и просвещения, центром движения науки и местом подготовки научных деятелей.

Как необходимый вывод из этого положения является автономия высших школ, свобода преподавания и правильно понятая свобода учения.

Нельзя допустить, чтобы высшее университетское образование было привилегией только учеников гимназий, а не всех вообще лиц, успешно закончивших среднее образование, которые желают продолжать это образование в высшей школе. Трудно помириться также и с тем, чтобы высшие школы вместо желательного расширения своих стен соответственно растущим потребностям в образовании ограничивали свой прием определенным штатом и чтобы воспитанники гимназий были ограничены в своем стремлении достигнуть высшего образования возможностью поступить лишь в ближайший университет, как это имеет место в России.

Но даже с высшим образованием еще не завершается развитие и совершенствование личности. Окончательное завершение этого развития создается, как уже было ранее сказано, социальными условиями окружающей среды.

Здесь мы сталкиваемся с весьма крупным и важным вопросом о взаимоотношении личности и той социальной среды, в которой проявляет себя личность.

Нет надобности говорить, что первобытные общественные группы не допускают никакого индивидуализирования отдельных членов общества, иначе говоря, они построены на отрицании самостоятельного проявления личности, которая вполне поглощается обществом. Так как жизнь в таких первобытных обществах, какую бы форму они не прижимали, сосредоточивается на целом, то личность в них вполне подавлена общим строем, который строго регламентирует по тем или другим обыкновенно чисто внешним особенностям ее положение в государстве, подчиняя контролю все ее проявления, не исключая даже убеждений, образа мыслей и пр.

Вернее сказать, личность в общественном смысле здесь не существует, она признается самое большее в семейном очаге, хотя и здесь ее роль вводится в определенные рамки, освященные обычаем. Рабство и гнет с одной стороны и деспотство власти с другой являлись той естественной формой, в которую выливались все взаимоотношения личности и общества в таких первобытных культурах. Основанные на отрицании личности, эти культуры признавали вполне

уместным и законным применение пыток и казней и даже совмещали с общественными интересами все ужасы инквизиции.

Это порабощение личности проявлялось не в одних только отношениях ее к обществу, но и в религиозных верованиях и даже в науке.

С течением времени однако выяснилось, что отрицание личности носит в себе и зародыш разложения общества. Несмотря на утонченную регламентацию всякого внешнего проявления личности и кажущийся внешний порядок, внутренняя сила общества стала иссякать вместе с тем, как оказалось, что оно состоит из рабов с одной стороны и властителей с другой.

Благодаря этому, даже такие государственные колоссы, как древняя Римская империя, распадались от сравнительно незначительного внешнего толчка. Да и могло ли быть иначе, когда верхние слои общества развращались богатством и упоением власти, а низшие слои представляли из себя нищих и рабов со всеми присущими им нравственными качествами и пороками. К сожалению внутренний смысл таких событий, как разложение древней Римской империи, не послужил добрым примером для государств Европы и та же история повторяется с ними и в позднейшее время.

Но мало-помалу путем долгой и упорной борьбы в культурных государствах начинается заявление прав человеческой личности. В истории европейских народов оно сказалось первоначально освобождением личности в наиболее высших проявлениях человеческого духа — в науке и искусстве, ознаменовавшись известной эпохой Возрождения, затем освобождение коснулось религии в период Реформации и наконец позднее всего оно проявилось в общественных отношениях во времена великой революции.

Хотя эти три этапа в борьбе личности за свои права обнаружились в разных частях европейского материка, но, благодаря взаимоотношению народов, их влияние распространилось на все вообще государства Европы или, точнее говоря, на все народы, считающие себя в среде европейской цивилизации.

Мало- помалу то раньше, то позже и в других странах Европы стали исчезать принудительные формы, стеснявшие личность в исканиях научной истины и в творчестве, в религиозных верованиях и проявлениях общественных отношений.

В России освобождение личности началось с 60 годов с уничтожением крепостного права; но это был лишь первый шаг, за которым последовали новые и новые тормозы в деле освобождения личности, и тиски, из которых начала было высвобождаться личность, снова стали надавливать сильнее. Напрасно общественные силы истощались в борьбе с последующим тяжелым режимом, напрасно приносились многочисленные жертвы на алтарь общественной жизни, напрасно лучшие умы времени возвышали свой голос за права общества и народа!

Тиски сжимались с неумолимою силою, уже боль от их давления начинала замирать, еще немного и казалось общественная жизнь могла погаснуть навеки. Но внезапный тяжелый удар грома с зловещей молнией в виде русско-японской войны, отразившись мучительною болью в сердцах русских людей, оглушил в то же время и бездарных угнетателей; тиски подались... и едва дышавший организм встрепенулся в предвидении своего близкого освобождения.

Нужно ли повторять, что всякое государственно-общественная организация, нивелирующая все индивидуальные особенности своих сочленов и в корне подавляющая все самостоятельные проявления личности, тем самым обрекает последнюю на пассивную и жалкую роль послушного автомата, лишённого всякой самостоятельности и инициативы. Вытравливание духа оппозиции, с которого обычно начинается правительственный гнет над личностью, приводит к тому порабощению духа, в котором уже нельзя открыть следов здоровой критики, свободного полета мысли и стойкости убеждений.

Вместе с тем утрачиваются и столь существенно важные нравственные особенности характера, как чувство чести и личного достоинства, обеспечивающие человека от нравственной гибели.

На место этих качеств выступают лезть, низкопоклонство и жалкое лицемерие, приводящие к созданию молчалинских типов с их мелким эгоизмом, приниженностью и вечным страхом пред властью имущими.

Вот почему правильно организованная общественная деятельность на началах самоуправления и свободно избранного представительства есть лучшая школа для окончательного развития и воспитания личности и создания народного характера. Здесь в практическом общении с себе подобными на почве общественных интересов завершается воспитание личности и разворачивается та ее мощь, которая является результатом долгого и упорного подготовительного труда.

Широкая общественная деятельность является той школой жизни, которая, умеряя порывы, способствует развитию самообладания и сдержанности, которая заставляет с уважением относиться к чужому мнению и которая закаляет характеры.

В этой общественной деятельности правильное воспитание личности возможно однако лишь при условиях свободного соревнования ее во всех отраслях деятельности и при свободном обмене мнений. Только это свободное соревнование при свете гласной критики и общественного контроля обеспечивает полный расцвет личности и гарантирует ее от той пассивности, которая приводит к немощи духа и его порабощению.

Вообще условия общественной жизни должны быть благоприятными для развития личности и не должны содержать тех бесчисленных пут, которыми обычно оцепляют правительства свои народы, признавая преступным даже самое слово "свобода". Нужно вообще иметь в виду, что свободное развитие общественной деятельности представляет лучшую гарантию правильного и здорового развития личности.

Опека нужна лишь для малолетних и недоразвитых, но с тех пор, как человек сделался взрослым и личность его достигла известного развития, опека становится тем ярмом, под тяжестью которого задыхается личность. Поэтому свобода слова, печати, союзов, собраний и совести

при неприкосновенности личности и жилища являются вполне понятным лозунгом самоопределяющейся личности, ищущей выхода из-под тяжелого гнета, пока пламень надежды на лучшее будущее еще теплится в сдавленной груди.

В самоуправляющемся обществе может быть только одна опека — это общественная критика и общественный же контроль над различными отраслями управления, которые именно и вводят личность в здоровые условия социальной деятельности. Общественное самоуправление и правильно организованное представительство с правами законодательной власти, избранное всем населением страны путем всеобщего и равного голосования являются поэтому той жизненной ареной, где личность совершенствуется в своем окончательном развитии и где это развитие достигает своей наибольшей высоты.

Нужно ли говорить, что при условиях самоуправления на началах представительства имеется широкий простор для деятельности наиболее талантливых и способных личностей, которых выдвигает вперед сама жизнь. Еще D. St. Mill имел в виду эту мысль, заявив, что “гений может свободно дышать только в атмосфере свободы”.

Независимо от всего прочего нельзя забывать, что, как ни велика сила в отдельности взятой активной личности, способной увлечь за собою массы, но великие события оказываются возможными лишь при общей солидарности масс. Последние в этом случае являются такою силой, пред которой меркнет и ступшевывается сила отдельных личностей. Вот почему объединение народной мысли путем печати, союзов и собраний при свободном обмене мнений является тем могущественным рычагом, который обеспечивает успех дела там, где он казался недостижимым для отдельных лиц, лишенных общественной связи и солидарности.

Далее, если мы примем во внимание, что каждый народ представляет собою лишь собирательную личность, живущую в семье других народов, близких с ним по культуре и взаимному общению, то очевидно, что исторический опыт народов, ранее вошедших на арену свободной общественной жизни, не остается без влияния на судьбу народов младших

по своей культуре и образованию. В силу этого, последние, благодаря обмену идей и преемственности культур, переживают в значительно более короткий срок то, что составляло долгий период в истории более старших по культуре народов. Поэтому нечего удивляться, что младшие по культуре народы стремятся идти в деле общественного устройства шаг в шаг с народами более старой культуры.

Могут однако сказать, что опека над личностью необходима в целях сплочения государства. Вопрос этот существенно важен лишь для государств, состоящих из разных народностей, имеющих свои национальные особенности. Но прочное сплочение разноплеменных государств никогда не может быть достигнуто путем насильственного подавления личности и национальных стремлений. Сила оружия имеет значение лишь до тех пор, пока отточен клинок, готовый поразить всякого ослушника. Но, так как государство не может находиться в постоянном напряжении из-за внутренних взаимоотношений, то и сплочение его, основанное на силе оружия и подавлении личности является лишь фикцией, которая временно приводит к порядку и успокаивает власти, закрывая действительное положение вещей.

Если в старое доброе время, когда личность была вообще неразвита, сила оружия могла сплачивать государства лишь на тот или другой период истории, то можем ли мы на этой шаткой основе ожидать в настоящее время прочного государственного сплочения.

По нашему глубокому убеждению, здесь, как и во всех вообще социальных группах, прочное сплочение, кроме начал племенного родства и биологического смешения народностей, можно ожидать лишь на основах нравственной и умственной связи и общих экономических, политических и правовых интересов. Чем теснее развиваются эти нормальные естественные связи между отдельными особями и народностями, входящими в данный социальный союз, тем прочнее они сливаются в одно социальное целое, которому не будут страшны ни внутренние неурядицы, ни внешние толчки и которое может спокойно развиваться на условиях самого широкого самоуправления.

Само собою разумеется, что личная свобода и местная автономия должны быть строго согласованы с интересами общего социального тела: при этом никогда не должно упускать из виду, что от преуспевания отдельных частей на началах свободного развития всегда выигрывает и целое.

К сожалению, условия общественной жизни не везде слагаются благоприятно для народов и некоторые из них гибнут ранее, чем возникнут первые ростки свободной общественной жизни. Да и там, где народ достигает самоуправления на началах представительства, оно приобретает-ся лишь путем долгой и упорной борьбы личностей, отстаивающих права народа.

Лишь мало-помалу из под тяжелого гнета деспотского строя, несмотря на удушливую атмосферу и отсутствие света, пробиваются молодые, зеленые побеги общественного самосознания и живой мысли; они то и служат первым вестником новой зари, приводящей к единению общественных сил и к жажде общественного правопорядка. Мало-помалу сумрак ночи просветляется, долго стоявший туман рассеивается и чувствуется дыхание жизни тем, где царствовал глубокий безмятежный сон. Быстро и верно вместе с утренней зарей врывается свежая струя в удушливую атмосферу и начинает слышаться дыхание чистого оживляющего воздуха, предвестника общего пробуждения и жизни.

Вот почему борьба за свободу личности является в то же время и борьбой за правильное и здоровое ее развитие, а права личности есть показатель ее развития, как социальной единицы.

Уважение личности человека, какого бы происхождения он ни был, признание ее прав выше всяких иных и общее уравнение этих прав является первым и основным условием всякой гражданственности. Всякие ограничения, как например сословные, вероисповедные и прочие искусственные насаждения, оставшиеся до наших дней в виде жалкого пережитка от времен давнего рабства, должны быть отброшены, как естественные тормозы прогрессивного развития личности.

Свобода личности, обеспечивающая развитие новой духовной жизни народа, предполагает и достижение того этического идеала, который засветился над человечеством еще 19 слишком веков тому назад, но который меркнет и тускнеет на наших глазах под ударами постоянно гнетущего человечество бесправия. Недаром девиз свободы неразрывно соединяется с девизом равенства и братства.

Вот что между прочим читаем мы у G. Tarde'a: "Там далеко, очень далеко в предрассветных сумерках грядущих веков, видите ли вы маленькую светлую точку, восходящую на горизонте звездочку. Она уже когда-то светила над землей... Эта звездочка не блуждающий огонек — это свет, который спасет нас. Это заря нового христианства совершенно спиритуального, некой новой религии высшей и нежной. Во имя ее снова когда-нибудь соберутся все люди, снова раздастся слово спасения самое простое, самое глубокое и самое непонятное, которое когда-либо слышало человечество: люди, любите друг друга, вы все братья, ибо... рабство, это злоба и зависть, которые заковывают нас в кандалы и замуровывают нашу мысль, а свобода, верьте мне, это братство, свобода — это любовь")¹.

Гражданская и политическая свобода личности — это есть в то же время краеугольный камень и основное условие жизнеспособности современного государства. Права личности и законность, гарантирующие свободное пользование этими правами, — вот те устои современной гражданственности, которые одни дают правильные основы для нормального роста личности и для свободного развития всех присущих ей качеств.

Мы вполне присоединяемся к словам Леруа Болье, сказанным им на лекции о Франции и южных славянах: "Главное условие для культурной жизни народа, это его свобода умственная, экономическая и политическая; только при этих условиях народ может развить свои силы и свой национальный гений!"

¹ Баженов. Г. Тард. Личность, идеи и творчество. Вопросы философии и психологии. Май и июнь 1905.

Что же после всего этого нам остается сказать по отношению к личности русского народа, — личности, которая систематически угнетается в семье и в школе, которая опутывается повсюду рутиной и которая задыхается в тисках формализма и бесправия, как в душной тюремной келье, лишенная света и воздуха?

Да! мы должны сказать слово за личность русского народа.

Мы не будем при этом вспоминать тяжелое прошлое русского народа, сделавшееся уже достоянием истории; не будем останавливаться и на его безотрадном настоящем, наводящем на грустные размышления, но, радостно приветствуя эпоху политического возрождения русского народа и надеясь на более светлое будущее, мы скажем здесь за личность нашего народа словами его великого поэта:

“Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня”...

Объективное исследование нервно-психической сферы в младенческом возрасте^{3*}

Бехтерев В.М.

Уже неоднократно и устно, и печатно мною обращалось внимание на то, что в изучении детской психики мы не можем пользоваться ни непосредственным самонаблюдением, ни воспоминаниями из детского возраста, как это принято до сих пор еще в детской психологии¹.

В обоих случаях мы не избегаем ошибки, так как переживания детей не могут иметь даже близкой аналогии с переживаниями взрослых, а потому рассуждения о том, что младенец переживает или думает при том или другом внешнем проявлении его нервно-психической деятельности, которые мы обычно встречаем у современных психологов, посвящавших свой труд детской психологии, не могут быть признаны ни в какой мере точными, а потому и лишены научного значения.

С другой стороны воспоминания о детстве могут ли отличаться какой-либо точностью после того, как доказано, что и в случаях недавних воспоминаний у взрослых мы встречаем поразительные искажения и даже настоящее фантазирование, как это ясно вытекает из трудов Vine, Stern'a и Claparede'a. К тому же воспоминания взрослых обычно не простираются далее 3-летнего возраста, первое же детство до этого периода не оставляет после себя проч-

¹ См. между прочим мою речь на международном конгрессе по психиатрии, психологии и общественному призрению душевнобольных в Амстердаме в 1907 г. "Объективное исследование нервно-психической сферы". Пом. в трудах съезда и в Обзор. Психиатрии 1907 г. См. также мое сочинение "Объективная психология", вып. I. 1908.

ных следов в памяти взрослого, а потому и недоступно самонаблюдению.

Отсюда очевидно, что исследование психики детского возраста должно вестись исключительно объективным путем, как возможно вести на мой взгляд и исследование психики взрослых, если это исследование производится не на себе самом, а на другом лице.

Словом, детская психология, по нашему мнению, представляет область исключительно объективного психологического исследования и наблюдения, как мы его понимаем, т. е. мы должны в ней ограничиваться исключительно одними объективными данными проявлений психики в связи с теми внешними и внутренними *gesp.* органическими условиями, которыми они вызваны, как и при исследовании рефлекторной деятельности нервной системы вообще, причем не должно быть даже и вопроса о том, какие внутренние переживания в этом случае ребенок испытывает и переживает ли он вообще что-нибудь.

Отличием психической или точнее нервно-психической деятельности от чисто нервной или рефлекторной здесь опять-таки будет служить ничуть не субъективный метод в виде доказательства присутствия или отсутствия сознания, о чем в исследованиях подобного рода не может быть и речи, а также чисто объективный критерий. Согласно этому все процессы, в которых мы можем обнаружить участие репродуктивной, сочетательной, репродуктивно-сочетательной, символической и индивидуальной реакции нервных центров, как основанное на прямом индивидуальном опыте, должны быть признаваемы за нервно-психические проявления в отличие от простой нервной или рефлекторной деятельности, находящейся благодаря исследованному механизму в наиболее простом соотношении с внешними условиями и характеризующейся обнаружением одних и тех же явлений при определенных внешних раздражениях.

Что же в частности должно быть предметом исследования при изучении нервно-психической деятельности ребенка?

На этот вопрос может быть только один ответ: все вообще проявления этой деятельности в органах движения,

кровообращения, дыхания, секретий, а частью при тех или других воздействиях на организм ребенка. Но так как эти воздействия могут быть с одной стороны внешними, а с другой — внутренними или органическими, то очевидно, что при исследовании нервно-психической деятельности ребенка должны быть каждый раз принимаемы во внимание не только чисто внешние влияния, возбуждающие ту или другую реакцию, но и внутренние условия или условия его растительных процессов, т. е. состояния бодрствования или сна, состояния общего питания, отправления желудочно-кишечного канала и т. п.

Переходя к исследованию разнообразных проявлений нервно-психической деятельности дитяти, мы таким образом естественно сталкиваемся с методикой исследования сферы движения, кровообращения, дыхания, секретий и питания у ребенка и с методикой применения внешних воздействий, влияние которых желательно подвергнуть исследованию. Но еще существеннее отмечать, являются ли эти двигательные функции, как результат простого рефлекса или же они служат выражением прошлого индивидуального опыта, иначе говоря, выполняются уже не как непосредственно возбуждаемые внешними раздражениями реакций, а как движения уже однажды выполнявшиеся, и следовательно, знакомые для ребенка.

В отношении сферы движения не следует прежде всего пренебрегать и простым наблюдением, которое, будучи производимо по определенному плану, может дать много ценных в научном отношении данных. В этом случае следует подробно отмечать и регистрировать постоянное совершенствование двигательной сферы ребенка во всех разнообразных ее проявлениях, путем подробной и тщательной записи. При этом особенно важно отмечать зависимость тех или других двигательных актов от данных внешних или внутренних раздражений, вследствие чего должно вести подробные записи всех двигательных проявлений ребенка в связи с теми или другими внешними и внутренними производящими их условиями.

В этом отношении нужно иметь в виду разделение двигательных функций по чисто внешним особенностям, т. е.

желательно подмечать их внешний характер в связи с условиями, вызывающими эти движения. В зависимости от последних двигательные проявления нервно-психической деятельности могут быть разделены на движения оборонительные, наступательные, оборонительно-наступательные, подготовительные (реакция сосредоточения), подражательные, символическая (мимика, жесты, речь) и индивидуальные или личные (действия и поступки, представляющие выбор или комбинацию отдельных движений для определенной цели).

Поэтому и при исследовании двигательной сферы всегда должно обращать внимание на эти внешние особенности двигательной реакции и отмечать их во всех вообще случаях, подлежащих наблюдению. При этом во всех случаях желательно исследовать зависимость изменения разнообразных функций детского организма в соотношении с теми внешними влияниями, которые их обуславливают.

Что касается специально графической или регистрирующей методики исследования сферы движения, то в настоящее время оно еще оставляет желать многого. В этом отношении более надежным методом должен быть признан кинематографический метод, который дает возможность уловить не только характер и направление, но и последовательность движения.

Простая фотография также может быть очень полезным методом исследования движений ребенка, хотя она уже значительно уступает кинематографу, так как, улавливая характер и направление движения, она не может давать полного представления об их последовательности. Тем не менее для исследования мимики и некоторых характеристических жестов и движений фотография, как показывает и опыт нашего Педологического Института, является крайне полезным способом исследования нервно-психической сферы ребенка.

Что касается специально речевой функции, то кроме точной записи (простой или стенографической) всех отдельных звуков, так называемой болтовни, лепетания и детской речи, особые услуги мог бы оказать по-видимому фонограф, — тем более, что он мог бы улавливать и воспроизво-

дить такие звуки, которые трудно или вовсе непроизносимы для взрослых лиц.

Отдельные движения, выполняемые конечностями, и энергия их могут быть исследованы с помощью применения небольших тяжестей, поднимаемых ребенком при посредстве блока, или же с помощью применения особой системы динамометров с растягивающейся пружиной¹.

Для специальных исследований функций дыхания у ребенка очень важным является записывание дыхательных движений с помощью предложенного мною дыхательного пояса, приготовленного из непромокаемой материи и наполняемого чрез трубочку тепловатой водой. Если эту трубочку, снабженную зажимом, связать с манометром, то дыхательные движения легко могут быть записываемы на вращающемся барабане. Для той же цели можно пользоваться в известных случаях и простым резиновым баллончиком с воздушной передачей.

Само собой разумеется, что исследование дыхания у ребенка требует спокойного его состояния, а потому и соответствующей тишины и обстановки, исключающей все возможные раздражения. При этом могут и должны быть оставлены лишь те внешние влияния, которых отношение к дыханию желательно изучить.

Опыт Педологического Института показывает, что исследование дыхания у ребенка для многих случаев удобно производить во время его сна, так как и в период сна на дыхании ребенка легко отражаются разнообразные внешние влияния.

Что касается системы кровообращения, то у ребенка она исследуется пока наиболее удачным образом с помощью очень нежного баллончика, приставляемого под чепчик на родничок, чем достигается снятие родничковой кривой на вращающемся барабане. И здесь опять-таки предметом изучения должны быть изменения этой кривой в зависимости от тех или других внешних влияний или внутренних условий (голод, жажда, сон).

¹ В Педологическом Институте исследование энергии сосательных движений между прочим производится с помощью записи дыхательных движений грудной клетки (д-р Лившиц).

Без сомнения и новейший аппарат Berthelm-Salomonson'a¹ может оказаться полезным в отношении исследования специально электромоторной деятельности сердца ребенка и тех ее изменений, которые могут быть вызваны разнообразными внешними влияниями. К сожалению, этот аппарат отличается большой дороговизной, благодаря чему он может быть приобретаем только хорошо обставленными в финансовом отношении учреждениями.

Изменения в секреторной деятельности организма у ребенка, происходящие в зависимости от нервно-психической сферы, также должны быть предметом специального изучения объективной психологии. Здесь, конечно, особые трудности представляет методика исследования. Но по-видимому существенную помощь в этом отношении может оказать так называемый психо-гальванический способ исследования, введенный в науку проф. Тархановым и вновь предложенный в последнее время Верагутом². Метод этот основан на улавливании с помощью отклонения стрелки гальванометра секреторных кожных токов, изменения которых и могут быть таким образом изучаемы под влиянием тех или других важных влияний, действующих на воспринимающие органы.

По крайней мере производимые у нас исследования доктором Генкиным не оставляют сомнения в том, что этот метод может давать точные показания в отношении колебания кожных токов, происходящих под влиянием тех или других нервно-психических процессов.

Не менее важным вопросом в исследовании невро-психики ребенка является точная регистрация и регулировка тех или других воздействий, результаты которых должны сказаться на упомянутых отправлениях ребенка.

В этом отношении прежде всего должно иметь в виду ряд различных влияний более или менее элементарного характера на органы чувств для того, чтобы выяснить, в ка-

¹ См. Труды Международного Съезда по психиатрии, психологии и общественному призрению душевнобольных в Амстердаме. 1907 г.

² См. Monatsch. f. Psychiatrie. 1907. См. также Knauer, Klinik fur Psychische und nervose Krankheiten. 1908.

кой мере идет дифференцировка последних в отношении воздействия внешних впечатлений.

Здесь, следовательно, мы должны иметь в виду воздействия света вообще и разных цветов в частности на орган зрения, воздействия звуковых раздражений различного характера, интенсивности и высоты тона на орган слуха, воздействия разных вкусовых веществ и обонятельных раздражений и, наконец, воздействия различного рода кожных раздражений.

Само собою разумеется, что как само воздействие, так и эффект его на тот или другой из воспринимающих органов при этих исследованиях должен быть подвергнут определенной регистрации или с помощью записывающих приборов, или с помощью фотографии, или при посредстве простого внимательного наблюдения и записи.

За этими простыми воздействиями должно следовать изучение воздействия более сложных влияний на воспринимающие органы, состоящие в комбинации звуков, цветов и пр. и в смысле их той или другой последовательности друг за другом, а затем воздействия впечатлений от предметов, стоящих в том или другом соотношении с потребностями организма ребенка и, наконец, воздействия впечатлений посторонних для жизни организма, но возбуждающих в нем ту или другую реакцию.

При этих исследованиях должно иметь в виду изучение не только более сложных проявлений нервной системы, называемых психическими или нервно-психическими, но и более элементарных ее проявлений, которые принято называть собственно рефлекторными.

Изучение развития тех или других рефлекторных явлений у ребенка, вообще говоря, представляется в высшей степени важным.

Можно с уверенностью сказать, что в самых разнообразных воспринимающих органах мы встретимся с рефлекторными влияниями, время развития которых будет весьма разнообразно. При этом антологическое развитие рефлексов, как надо думать, будет повторять филогенетическое их развитие в ряду животных.

В указанном отношении мы уже имеем некоторые сведения по отношению к кожным и сухожильным рефлексам (Cattaneo¹, Фурман², Быховский³), как рефлексам, всегда интересовавшим клиницистов. При этом оказывается, что некоторые из наиболее постоянных сухожильных и кожных рефлексов развиваются в период младенчества постепенно. Лишь коленный сухожильный рефлекс можно наблюдать с постоянством у детей со дня рождения, вследствие чего его можно считать наиболее старым рефлексом в филогенетическом смысле (Быховский).

В отношении к кожным рефлексам также установлены некоторые интересные отношения. Так, известно на основании целого ряда исследований, что до 1—2 годов подошвенный рефлекс вызывает разгибательное движение большого пальца ноги, позднее же он дает уже сгибательное движение. Что же касается брюшных рефлексов, то у ребенка они развиваются много позднее других рефлексов.

В этом отношении было бы очень интересно сравнить онтогенетическое развитие рефлексов у человека с филогенетическим их развитием в ряду животных, но это дело будущего.

Заслуживает также внимания, что у ребенка можно открыть рефлекс, которых мы не наблюдаем у взрослых и которые имеют свое особое значение в зависимости от условий детского организма. К таким рефлексам принадлежит специальный сосательный рефлекс, который исчезает совершенно с возрастом человека⁴. Равным образом можно наблюдать у детей ладонный хватательный рефлекс руки, который был наблюдаем даже у гемицефала Sternberg'ом и Latzow'ым⁵.

Этот рефлекс с возрастом также подавляется, но интересно, что в некоторых патологических случаях с орга-

¹ Cattaneo. Ueber einige Reflexe im Kinderalter. Jahrbüch. f. Kinderheilkunde, 1902.

² Фурман. О рефлексах у грудных детей. С.-Петербург, 1903.

³ Быховский. D. Zeitschr. f. Nervenheilkunde. Bd. 34.

⁴ По моим наблюдениям сосательные движения во сне можно наблюдать в некоторых случаях еще у 6-летних детей.

⁵ Sternberg. Zur Physiologie d. menschl. Centralnervsystems an Hemicephaen. Monnateschr. f. Psych. 1902. Heft. 6.

ническим поражением головного мозга, я как наблюдал неоднократно, этот рефлекс может вновь появиться с чрезвычайной ясностью.

Вряд ли можно сомневаться в том, что и в отношении других рефлекторных влияний, получаемых с слухового, зрительного, вкусового и обонятельного органа, можно открыть у детей много интересных данных, особенно если мы будем руководиться сравнением со взрослыми лицами и с развитием этих рефлексов в ряду животных.

Должно иметь в виду, что часто производимые ребенком самостоятельные движения или движения, обусловленные посторонними раздражениями, не могут не оказывать нарушающего влияния по отношению к регистрации эффекта отдельных воздействий, а потому, как показывает опыт Педологического Института, изучение внешних влияний на дыхательную и родничковую кривые, по крайней мере со стороны органов чувств, за исключением зрения, может быть производимо в подобных случаях во время сна ребенка.

Тем не менее ничуть не должно ограничиваться исследованием тех или других влияний только во время сна, но всегда должно иметь в виду и сравнение получаемых эффектов с тем, что могут дать те же влияния и во время бодрственного состояния ребенка.

Тот факт, что упомянутые воздействия оказывают свое влияние на дыхание и кровообращение во время сна, дает между прочим возможность по изменению интенсивности раздражений необходимой для вызывания минимальных изменений кривой дыхания определять и глубину сна у ребенка в различные его периоды.

Независимо от выяснения непосредственного эффекта внешних воздействий, какое дано в простых рефлексах ребенка необходимо регистрировать у него и все самостоятельные проявления в двигательной, дыхательной и сердечно-сосудистой системах, обусловленные внутренними и внешними условиями организма, как голод, жажда, утомление, недостаток сна и пр.

Если ребенок производит множество некоординированных движений, если он много кричит, должно иметь в виду установить и выяснить причину его беспокойства,

которая может заключаться в тех или других раздражениях со стороны желудочно-кишечного канала (голод, патологические раздражения со стороны расстроенного кишечника, вздутие последнего и т. п.) или же в иных внешних раздражениях, обусловленных условиями недостаточного правильного содержания его постели.

Изучив простые рефлексy, которые в известной мере уже указывают на дифференцировку восприимательных органов у младенца, должно направить исследования на развитие репродуктивных и сочетательных реакций, которые являются первыми и наиболее основными указателями развития тех сложных процессов нервной системы, которые мы называем нервно-психическими.

Если ребенок оборачивается или тянется в ту или другую сторону, если он протягивает к чему-либо ручку, должно быть отмечаемо, что именно служит поводом к этим двигательным реакциям и обнаруживаются ли эти реакции впервые или же обнаруживаются повторно и на основании какого прошлого опыта они вообще вызваны.

При этом всякое повторение простого рефлексa, не вызванное обычным внешним раздражителем, возбуждающим простой рефлекс, будет уже служить доказательством появления репродуктивной деятельности нервной системы.

Для специального испытания последней можно воспользоваться детским лото и, назвав ему несколько предметов, просить затем ребенка указывать тот или другой предмет при его назывании. Само собою разумеется, что здесь дело идет уже об искусственном образовании сочетательной связи между зрительным и слуховым впечатлением, вследствие чего получаемая реакция оказывается собственно репродуктивно-сочетательной, а не просто репродуктивной.

С другой стороны всякое проявление в деятельности ребенка, которое будет указывать на развитие реакции, обычно и с постоянством вызываемой одним раздражителем при действии иного влияния, совпавшего с первым раздражителем, будет указывать на установление сочетания между бывшим ранее раздражением одного рода и совпавшем с ним раздражением другого рода, иначе говоря, будет представлять собою сочетательную реакцию, значение которой, как

объективного указателя нервно-психической деятельности, также должно быть признано существенно важным.

Еще чаще мы наблюдаем у ребенка проявления репродуктивно-сочетательной деятельности.

Ребенок привлекается звуком стенных часов и поворачивает свои глаза и голову к тому месту, где висят часы. Но вот ему показывается одна блестящая металлическая гиря от часов, и при виде ее он поворачивается вновь к часам, висящим на стене. Здесь мы уже имеем пример репродуктивно-сочетательной реакции.

Для более подробного использования лабораторного исследования таких репродуктивно-сочетательных реакций очень полезным может быть метод искусственного прививания сочетательно-репродуктивных реакций, т. е. искусственного упрочения связи данного раздражителя с другим раздражителем, дающим постоянную и легко уловимую реакцию, при посредстве многократно повторяемых одновременных раздражений того или другого рода. Таким образом, например, если свет той или другой интенсивности или цвет не дает определенной реакции на движение, то путем многократного сочетания светового или цветного раздражения с звуковым, дающим постоянный эффект на дыхание, можно вызвать и наблюдать изменение дыхания и под влиянием одного светового раздражения издававшего ранее дыхательного эффекта.

Этот метод искусственного сочетания одних раздражений с другими и вызывания сочетательных рефлексов, применявшийся уже давно для специальных физиологических исследований у животных (опыты Goltz'a и мои с подачей лапы у собак, опыты Franz'a с дрессированными животными, позднее опыты И. И. Павлова и его учеников с так называемыми условными рефлексами на слюноотделение и затем наши опыты с сочетательными двигательными рефлексами¹, опы-

¹ См. сообщение мое и д-ра Спиртова "О сочетательных рефлексах в двигательной сфере" в майском заседании Научных собраний клиники душевных болезней за 1907 г. Вскоре затем у нас была доказана возможность получения сочетательных двигательных реакций у человека на дыхание (д-р Анфимов), а д-р Красногорский получил сочетательный resp. условный рефлекс у детей на глотание (См. его сообщение 6/III 1908, в общ. детских врачей в Петербурге. Ichrb. f. Kinderheilk. Bd. 69,3 F. 19 Bd. Htt. 1).

ты Kalischer'a с хватанием собаками при условном тоне мяса и т.п.) вполне применим и к исследованию нервно-психической деятельности человека и между прочим детей, у которых удастся без большого труда получить образование сочетательного рефлекса в двигательной сфере. Такие исследования с вызыванием светового рефлекса, вызванного путем сочетания со звуковым, уже и производятся в Педологическом Институте по моему предложению д-рами Поварным и Владычко.

Так как всякое вообще раздражение можно связать с другим раздражением при посредстве того или другого числа повторений одновременных или близких по времени раздражений, то есть полное основание полагать, что метод искусственно вызываемых репродуктивно-сочетательных реакций дает возможность лучше и точнее изучить дифференцировку органов чувств для внешних впечатлений, но при этом никогда не следует упускать из виду, что, если дифференцировка не обнаруживается по отношению к эффекту одного рода, она может обнаружиться по отношению к эффекту другого рода. Например, если путем сочетания цвета со звуком, как постоянным раздражителем, возбуждающим эффект на дыхание, мы не можем обнаружить дифференцировки органа зрения к цветам при подстановке одного цвета другим, нельзя еще выводить заключения, как это делалось по отношению к собакам, что дифференцировки к цветам вообще не существует. Она может уже существовать, но эффект не проявляется лишь по отношению к данной функции, тогда как он может обнаружиться по отношению к какой-либо другой более тесно связанной с цветовым раздражением функцией¹.

¹ Справедливость только что сказанного может быть видна из следующего: опытами д-ра Зеленого с условными слюноотделительными рефlekсами доказывалась специфичность этих рефlekсов по отношению к самым незначительным изменениям высоты тона, тогда как исследования, производившиеся у нас д-ром Протопоповым с сочетательными дыхательными и другими действительными рефlekсами, показали, что эти рефlekсы, тождественные по характеру с слюноотделительными, вначале не специфичны и появляются при всяком изменении высоты данного тона и лишь со временем путем воспитания они становятся специфичными.

На основании вышеуказанного я полагаю, что в исследованиях подобного рода имеют значение всегда лишь положительные, а не отрицательные результаты.

Специальным видом такой репродуктивно-сочетательной реакции является подражательная реакция, столь важная в развитии детской психики.

Ребенок видит корову, слышит ее мычанье и повторяет его звуком "му" или "муа". В другой раз при виде той же коровы он уже произносит звук "му" или "муа" прежде, чем даже услышит мычанье коровы.

Можно сказать, что эта реакция преобладает в двигательных проявлениях первого детства, в виду чего она заслуживает особенного внимания и изучения.

При этом изучение ее должно вестись в непосредственном соотношении с предметом подражания.

При этом следует иметь в виду сложность подражаемого объекта и точность самого подражания, причем последнее должно быть рассматриваемо в связи с продолжительностью истекшего времени от начала бывшего впечатления и его длительностью. Лучшим объектом для исследования подражательной реакции у ребенка по-видимому является произношение разнообразных звуков, а впоследствии двигательная реакция вообще, в частности же рисование¹.

Переходя к рассмотрению символической реакции, необходимо заметить, что она проявляется у ребенка уже с раннего младенческого возраста и заслуживает особого внимания. Она состоит из мимики, жестов, речевой реакции, рисования и письма. Без сомнения раньше всего обнаруживаются более элементарные мимические движения, которые должно изучать в связи с разнообразными раздражениями различных органов чувств.

Вряд ли нужно говорить, что изучение особенностей детской мимики и последовательного ее развития до той сте-

¹ Для того, чтобы воспользоваться рисованием ребенка, как методом научного исследования, надлежит со временем первоначального развития хватательной способности руки научить ребенка правильно держать карандаш.

пени, какую мы встречаем у взрослых, должно заслуживать особого внимания исследователя детской психики.

Наряду с мимикой должно идти и исследование пояснительных или выразительных жестов, которые служат как бы переходной ступенью между собственно мимическими движениями и речевыми движениями. В этом отношении я не могу не указать на основании своих наблюдений на особенно богатое развитие жестов у детей в периоде, предшествующем и особенно соответствующем началу развития членораздельной речи у детей. Здесь ребенок, пользуясь, немногими словами, пополняет их массой жестов и телодвижений, чтобы изобразить то, что он хочет нам передать. С развитием речи у ребенка известная часть жестов и телодвижений уже подавляется и исчезает, как лишенная своей цели.

Речь, как важнейшее орудие общения между взрослыми людьми, должна быть также предметом тщательного исследования у детей в отношении своего развития. Для этой цели должны быть записываемы все вообще звуки, произносимые ребенком при тех или других случаях.

При этом изучении должно иметь в виду не только самое развитие словесного аппарата вообще, так сказать, координацию производимых им движений, выражающихся произнесением звуков и слов, которые должны быть тщательно записываемы, но еще и соотношение символической реакции с данными внешними впечатлениями.

В этом отношении прежде всего следует иметь в виду выяснение с одной стороны того, в какой мере внешнее раздражение в виде словесной реакции взрослого возбуждает ту или другую реакцию в ребенок и с другой стороны выяснение того, в какой мере словесная реакция является символом внешних и внутренних влияний, возбуждающих определенные реакции в организме.

В первом случае можно воспользоваться детским лото, состоящим из ряда рисунков и просить ребенка называть знакомые ему предметы. Само собою разумеется, что этим путем исследуются одновременно и репродуктивные способности ребенка. Заслуживает также внимания любовь детей к созвучиям и заучивание ими несложных стихов.

Для выяснения второго вопроса необходимо точно регистрировать, как пользуется ребенок речью для обозначения окружающих его предметов и отмечать как неправильности употребления слов, выясняя первоисточник этих ошибок, так и пользование одними и теми же словами для обозначения определенного ряда предметов.

Личная реакция в форме выбора вообще у ребенка может быть изучаема, как только у него разовьется хватательная способность руки. Для этой цели могут служить обыкновенные бирюльки, которые предоставляется брать ребенку; для более специальных исследований следует предоставлять ребенку ряд одинаковых предметов, различающихся по цвету, например, различно окрашенных цветных шариков одинакового объема, или предметов одного цвета, но различных по объему, например одноцветных шариков различного объема или предметов одинакового цвета и объема, но различных форм и т. п.

На основании своих наблюдений могу сказать, что исследованные мною дети первоначально из нескольких бирюлек предпочтительно выбирали шарик, а из предъявляемых им цветных ячеек начинают выбирать ячейки с определенным цветом уже с самого начала развития у них хватательных способностей руки. При этом обычно предпочитают ими цвета с ярким оттенком, преимущественно красного или малинового цвета, отчасти лилового цвета.

Позднее реакция выбора выразится аналитической работой в форме разложения предметов на их составные части, умственным вычитанием меньшего количества из большого и сложной деятельностью анализа.

Что касается реакции ребенка в форме синтеза, то она проявляется лишь позднее и выражается в созидании домиков из отдельных кубиков или картонных кирпичиков, в сложении частей предметов для образования из них целого, в подборе предметов для образования из них определенной группы во время игры и т. п. Позднее комбинирующая личная реакция выражается в сложении численных знаков и в творческой деятельности вообще.

Так как словесная реакция с развитием ребенка является важнейшим орудием развития его невро-психики, то

на ней могут быть легко наблюдаемы и проявления более сложных двигательных реакций.

Таким образом, например, логически сочетанная речь будет служить примером комбинирующей речевой реакции.

В зависимости от цели, которую преследует двигательная реакция, мы можем говорить об эгоистическом характере этой реакции и социальном или общественном ее характере, что также должно быть предметом тщательного изучения у детей.

Первая реакция возникает из внутренних мотивов и имеет целью удовлетворить органические потребности, причем внешнее воздействие может только содействовать ее обнаружению или являться простым толчком к ее появлению. Сюда относится утоление жажды, голода, стремление к теплу и прочее при посредстве тех или других сложных движений.

С развитием ребенка его индивидуальная или личная реакция развивается и совершенствуется и вызывается уже не только под влиянием чисто органических потребностей организма, но и под влиянием внутренних мотивов, приводящих к осуществлению определенной цели, связанной с удовлетворением более высших потребностей организма. Сюда относятся те или другие действия и поступки, направленные к достижению лучших условий существования и т. п.

Социальный или общественный характер реакции, вытекающий из потребности общения с близкими лицами и домашними животными, обнаруживается уже в раннем возрасте в виде сочувственного плача при виде того, как например бьют пред ребенком любимую собачку, позднее в виде ухаживания за своей куклой, подражательного ее кормления, пеленания, укладывания в кроватку, ухаживания за птичками, предоставления сластей другим лицам и т. п.

Оба только что указанных направления двигательных реакций всегда должны быть оцениваемы в зависимости от тех внешних и внутренних воздействий, которые служат непосредственным поводом для их возникновения; при этом само собою разумеется, что имеет большое значение сложность и содержание самой реакции, а равно и цель, которую она преследует.

Очень важным представляется исследование у детей реакции сосредоточения, которую первоначально у младенца можно исследовать с помощью простого наблюдения за продолжительностью реакции сосредоточения при предъявлении ребенку тех или других предметов. С того же времени, как ребенок начнет удерживать карандаш в ручке, может быть применен метод проставления ребенком точек в клетках разграфленной бумаги и даже корректурный метод, состоящий в зачеркивании одной какой-либо буквы из данного текста.

Наконец, заслуживает особого внимания исследование оценки ребенком внешних впечатлений: зрительных, слуховых, кожных и мышечных, вкусовых и обонятельных. Хотя выяснение этой оценки у ребенка оказывается возможным по внешним двигательным реакциям еще до развития речи, но несомненно, что с развитием последней эти исследования представляется возможным произвести более разносторонним образом.

В этом случае можно поставить исследования насчет оценки детьми формы и величины предметов, даваемых им в ручку при закрытых глазах, насчет оценки детьми звуковых впечатлений, их интенсивности, высоты тона, характера звуков и т. п., насчет оценки формы и величины зрительных объектов и их цвета, насчет правильности глазомера при сравнении величины предметов, их удаления и т. п.

Что касается исследования с цветами, то лучшим методом по-видимому является отбор ребенком цветов в соответственные цветные коробки или выбор ребенком шариков соответственного цвета для скатывания их по желобку в подставляемые цветные коробочки.

С другой стороны могут быть поставлены исследования насчет оценки тех же внешних впечатлений, а с развитием речи и воспроизведения различных слов, стихов и прочее в зависимости от истекшего времени после данного внешнего впечатления.

Аналогичные исследования могут быть производимы над детьми с идентификацией впечатлений, при которых ребенку предъявляют первоначально один предмет или рисунок, а затем предлагают ему найти тождественный предмет среди других.

Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства^{4*}

Бехтерев В.М.

В отношении воспитания нас в особенности должен интересовать ранний детский возраст, ибо несомненно, что, хотя нам и кажется, младенец в этом возрасте далеким от нас по состоянию своей нервно-психической деятельности, тем не менее не подлежит сомнению, что первые шаги развивающейся личности суть наиболее трудные и в то же время наиболее важные в жизни, ибо то, что приобретается ранее всего, и удерживается прочнее, нежели позднее приобретенное, которое в свою очередь ранее утрачивается при распаде психической жизни как в болезненных состояниях, так и в глубоком старческом возрасте.

Вот почему чрезвычайно важно известным образом направлять развитие ребенка, т. е. его воспитывать с раннего детского возраста, иначе говоря, со дня его рождения.

Это основной принцип, которого мы держимся в отношении воспитания, и этот же принцип был положен в основу нашего Педологического института.

Имея в виду эстетическое воспитание ребенка, не следует забывать, что оно должно также вестись с раннего детского возраста.

При этом, кроме эстетического элемента в развитии зрительного органа, о чем много говорят и пишут за последнее время, необходимо иметь в виду и эстетическое развитие в области слуха.

Как бы мы ни определяли понятие эстетического, не подлежит сомнению, что эстетическое индивидуально воспринимается далеко неодинаково, что обычно подразуме-

вают, когда говорят об эстетическом развитии ребенка вообще, что обуславливается не только прирожденными, но и приобретенными путем воспитания и жизненного опыта особенностями личности. При этом не может быть сомнения, что оценка эстетического стоит в известной зависимости от развития соответствующего органа.

Это более, чем где-либо, оправдывается в органе слуха, ибо развитой музыкальный слух предъявляет и иные требования к музыкальному произведению, нежели слух малоразвитой. Нечего говорить, что с развитием музыкального слуха идет и развитие эстетического музыкального чувства.

Поэтому первое условие музыкального развития ребенка — это устранение всего, что нарушает правильное развитие слуха.

Не говоря об охране слухового органа в детском возрасте от тех или иных болезненных процессов, необходимо иметь в виду, что нельзя безнаказанно терзать детский слух различными побрякушками и несвойственными детскому возрасту резкими звуковыми эффектами.

Само собою разумеется, что такое небрежение к развитию детского музыкального слуха не может не сказаться со временем печальными последствиями.

Но, независимо от охраны детского музыкального слуха и вообще бережного к нему обращения, необходимо иметь в виду постепенное развитие музыкальности у детей, причем основным руководством, что музыкальная пьеса соответствует слуху ребенка, должно служить его сосредоточение¹. Если можно уловить внешние признаки сосредоточения ребенка на музыкальном произведении, можно быть уверенным, что оно не превосходит сил ребенка, что оно доступно уровню его развития, ибо все что превосходит силы ребенка, тотчас же сказывается невозможностью привлечь

¹ О развитии акта сосредоточения в раннем детском возрасте см. В. Бехтерев: "Объективное исследование нервно-психической деятельности в младенческом возрасте". Вестн. Психологии в отд. изд. Спб. 1908. — Об индивидуальном развитии в нервно-психической сфере по данным объективной психологии. Вестн. психологии в отд. изд. 1910. — Объективная Психология, вып. 3.

его сосредоточение и во всяком случае удержать это сосредоточение на более или менее долгое время.

Известно, что уже колыбельная песня представляет собою пример, как нежная мелодия может привлекать сосредоточение младенца, успокоительно действуя на его психику. Я многократно имел возможность сделать наблюдение, как 3-летний капризный и шаловливый ребенок, которого трудно было успокоить лаской, при нежных звуках дуэта из “Пиковой Дамы” в граммофоне, уже успокаивался и забывал о своих капризах.

Известно, что дети вообще очень рано, во всяком случае задолго до развития речи, впечатлительны к влиянию музыкальных звуков песни. Так, ребенок Эспинаса в возрасте в возрасте 1 месяца и 2 дней быстро успокаивался под пение держащего его на руках лица и затем снова начинал плакать вместе с прекращением пения¹. При этом наблюдение показывает, что здесь играют роль не слова, а известный ритм, ибо слова можно изменять и даже просто петь бессловесными звуками и тем не менее эффект будет такой же.

Позднее действует на ребенка уже то или другое изменение высоты тонов или мелодия звуков, ибо ребенок на одни мелодии реагирует сосредоточением и успокоением, на другие — плачем.

Наконец, еще позднее на ребенка оказывает влияние тембр или музыкальная окраска, ибо ребенок своим отношением различает тон нашей речи, несмотря на одинаковое ее содержание, равно как он уже неодинаково относится к игре на разных музыкальных инструментах одних и тех же пьес. С этих пор возможно пользование уже и более сложными музыкальными пьесками в воспитательных целях.

Но для применения музыки в воспитательных целях недостаточно руководиться одним сосредоточением ребенка на музыкальных пьесах. Нужно еще иметь в виду самую реакцию со стороны ребенка, вызываемую музыкой. Необходимо при этом иметь в виду, что малолетние дети вообще живо реагируют на музыкальные произведения, из которых одни вызывают у них плач и раздражение, другие радостную эмоцию и успокоение.

¹ Каптерев. Умственное и нравственное развитие ребенка. 1912 г.

Этими внешними реакциями и следует руководиться в выборе музыкальных пьес для воспитания ребенка. Но, независимо от того, в целях чисто научного исследования мы можем пользоваться еще дыхательной и сердечно-сосудистой реакцией со стороны ребенка, применяя в первом случае для записи дыхательных движений предложенный мною дыхательный пояс, во втором случае — записывая движения родничка с помощью особого баллончика, как это осуществлялось при работах, производимых в нашем Педологическом институте¹.

При этом мы должны прежде всего констатировать факт, что отношение детей к музыкальным пьесам с возрастом резко меняется. Так известно, что бравурная музыка в раннем детском возрасте вовсе не переносится, вызывая у ребенка слезы, а со временем та же музыка ребенка оживляет, возбуждая радостную эмоцию, как оживляет детей и мерная музыка танцев.

Не следует забывать, что музыка является особо важным фактором эстетического воспитания и ей нельзя не придавать в этом отношении особо важного значения. Мы знаем, какое значение со времени Рескина придается живописи в воспитании ребенка. Как известно, благодаря возникшему на этой почве движению, возникла художественная детская живопись, украсившая стены детских, и затем возникла специальная детская литература с художественными иллюстрациями. При этом однако было упущено то обстоятельство, что эстетическое воспитание ребенка, как и все вообще воспитание, с нашей точки зрения, должно начинаться с первых дней детства, когда ни

¹ Для записи дыхательных движений у взрослого человека, как известно, применяются различные приборы, называемые пневмографами, действие которых основано на растягивании пружины дыхательными движениями грудной клетки, что отражается на размерах баллончика, содержащего воздух; последний благодаря этому перегибается при посредстве резиновой трубки в другой воздушный баллончик, снабженный пером. Движение пера и чертит по закопченной бумаге вращающегося цилиндра дыхательные экскурсии грудной клетки. Однако для младенческого возраста вышеуказанные пневмографы, вследствие грубости их пружины, подлежащей растяжению при дыхательных движениях, ока-

детская живопись, ни тем более детская книга для ребенка еще не доступны. Для указанной цели в первоначальном детском возрасте являются особенно пригодными детские игрушки, об изяществе которых нужно всемерно заботиться, устраняя все грубое, лишенное художественности. При этом и здесь нужно озаботиться тем, чтобы дать изящную художественную игрушку ребенку не только для того возраста, когда он уже может заниматься сам игрушками, но еще и для того периода, когда он лишь начинает интересоваться внешним миром, когда он уже может сосредотачиваться на внешних предметах, не имея еще возможности захватывать их ручками.

Несмотря однако на общепризнанную важность для ребенка эстетического воспитания, вообще оставалась почему-то в пренебрежении детская музыка. Между тем нельзя забывать, что слух как воспринимающий орган, для ребенка еще важнее зрения, ибо лишенный слуха ребенок благодаря глухоноте, резко отстает в своем развитии, что не наблюдается, в такой по крайней мере, со слепыми от рождения. Что же касается эстетического развития, то известно, что дети очень рано начинают воспроизводить мотивы и даже дети-идиоты, неспособные к речи могут напевать мотивы, а дети отсталые в своем умственном развитии могут быть отличными музыкантами в то время, когда они проходят равнодушно мимо самих изящных изображений.

С другой стороны мы знаем, как талантливые в музыкальном отношении дети уже рано проявляют свои дарования, что известно относительно Гофмана, Моцарта и дру-

зались непригодными, вследствие чего мною заменены простым резиновым баллончиком плоской формы с резиновой трубкой, соединяющей этот баллончик с баллончиком, снабженным пером, причем первый баллончик вшивается в пояс, который и надевается на ребенка кругом нижней части его груди так, чтобы самый баллончик приходился к подложечной области ребенка; движения этой области и записываются смещающимся от передвижения воздуха пером другого баллончика.

Такой же точно способ записи применим и к движениям родничка ребенка, причем для этой цели применяется еще более нежный резиновый баллончик, привязываемый поверх большого родничка.

гих и свидетельством чего может служить также недавний наш гость Вилли Фереро.

Вообще я думаю, что развитие музыкального слуха у детей должно играть в воспитании не меньшую, а скорее большую роль, нежели живопись, ибо музыка, начиная с раннего возраста, уже способна возбуждать эстетическую эмоцию.

Вспомните, какое влияние, по словам нашего Пушкина, оказывала церковная музыка на Сальери еще в раннем детстве:

“Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался, слезы
Невольные и сладкие текли”.

Эти невольные сладкие слезы дитяти не составляют ли того, что так возвышает и облагораживает человеческую душу, что сливает ее с божественным и возвышенным?

Чарующее и вообще облагораживающее влияние музыки подмечено и другим нашим поэтом Веневитиновым и выражено им в следующих строфах:

“Когда б ты знал, что эти звуки,
Когда бы тайный их язык
Ты чувством пламенным проник,
Поверь, ...
Тебе бы люди были братья,
Ты б в тайне слезы проливал
И к ним горячие объятия,
Как друг вселенной, простирал”.

Вот почему музыка, как эстетический элемент должна, по моему мнению, занимать в воспитании ребенка свое особое место.

Само собою разумеется, что для воспитательных целей должен производиться тщательный подбор музыкальных произведений, соответствующих детскому слуху и развитию детской души в различном возрасте, начиная с мелодических звуков нежных инструментов в роде цымбал и органчиков и кончая звуками граммофона и рояля, причем первоначально надо иметь в виду также строгий под-

бор доступных детскому пониманию песенок и лишь постепенно следует переходить к более сложным музыкальным произведениям, для чего желательно выработать известную систему.

О значении музыкального эстетического воспитания мы имеем уже неоднократные упоминания в литературе.

Еще Платон находил необходимым, чтобы юноши в течение трех лет в возрасте 13–16 лет изучали музыку. Не меньшее значение музыке в воспитательном отношении для юношества придавал и Аристотель.

Также и профессор И. М. Догель, посвятивший целое исследование влиянию музыки на человеческий организм, полагает, что “насколько науки необходимы для развития способности мышления человека, настолько оказывается необходимым для известного направления наших чувств влияние изящных искусств, живописи и музыки”.

Однако только что указанные авторы говорят о воспитательном влиянии музыки собственно в юношеском возрасте, я же полагаю, что музыкальное развитие должно начинаться и поддерживаться не с юности, а с раннего детского возраста и даже с первых дней жизни ребенка.

Еще в работе “Вопросы воспитания в возрасте первого детства”¹ после оценки эстетического в детских игрушках я говорю:

“Не менее, если еще не более важным фактором в развитии эстетического чувства является пение и музыка. Что касается пения, то дети прислушиваются к нему очень рано и притихают при всяких первых звуках песни, а в период времени, близкого ко сну, они спокойно засыпают под пение своей матери или мамки. В этом случае пение дает уже первый импульс к развитию эстетического музыкального чувства. Со временем дети и сами начинают петь несложные детские песенки, сначала размеряя соответственным образом слова, а затем и придавая им соответственную музыкальную тональность”.

“Все это следует по возможности поддерживать и развивать в ребенке, причем для большего интереса желатель-

¹ В. Бехтерев. Спб., 1909 г, с. 23–30.

но возможно рано устраивать с пением общие игры в виде, например, маленького хоровода или даже устраивать нечто вроде танцев, хотя бы они состояли в простом при-таптывании ног”.

“Очень существенными помощниками в развитии эстетического чувства являются музыкальные инструменты. Но здесь должен быть сделан соответствующий выбор. Одним из подходящих инструментов для первого детского возраста, на наш взгляд, является аристон, а позднее небольшой граммофон с умело подобранными пластинками”.

“Последний особенно полезен еще и ввиду возможности обучать с помощью его детским песням. Позднее очень полезен и рояль, особенно если его совмещать с пением”.

Затем в брошюре “Охрана детского здоровья”¹ я говорю: “В органе слуха воспитание должно иметь целью не только правильное улавливание звуков, но еще понимание их гармонии”.

Для этой цели от простых побрякушек надо переходить постепенно к нежным музыкальным игрушкам и инструментам с простыми музыкальными тонами; наконец, для той же цели полезен небольшой граммофон, который может быть применен для детей уже в возрасте 2 лет. Само собою разумеется, граммофон полезен при соответствующем подборе понятных детскому слуху несложных и нежных музыкальных мелодий, в особенности из числа детских и народных песен, причем желательно постепенно приучать ребенка и к пению под граммофон. Дети очень любят простые детские песенки и легко их заучивают, благодаря чему одновременно достигаются две цели — обогащение слов и развитие музыкального слуха”.

Наконец, в позднейшей своей работе — “О воспитании в младенческом возрасте”² — я говорю следующее: “Мало одной живописи. Нужно, чтобы эстетическому раз-

¹ В. Бехтерев. Библиотека — народное здравие. Отд. изд. стр. 9. См. также Психика первого возраста и охрана детского здравия. Первый женский календарь.

² В. Бехтерев. Вестн. психологии, криминальной антропологии и педологии и Отд. изд. Психо-неврологический институт. Спб., 1913 г, с. 20.

витию содействовал и слух, а для осуществления этой цели, кроме игрушек с нежными музыкальными звуками, желательно иметь, как указывалось уже выше, музыкальные инструменты такие, например, как нежный органчик, аристон и т. п. Необходимо также озаботиться подбором простых и нежных песенок учить и их петь совместно со старшими, к чему дети даже в раннем возрасте скоро привыкают”.

“Нужно вообще иметь в виду, что развитие музыкального слуха должно занимать в эстетическом воспитании ребенка одно из первых мест, о чем, к сожалению, родители забывают”.

“Музыкальное воспитание в младенческом возрасте вообще должно быть предметом особого внимания, ибо слух представляется органом, служащим к развитого эстетического даже еще в большей мере, чем зрение. Но в музыкальном воспитании ребенка необходимо соблюдать и строгую соразмерность, переходя лишь постепенно от нежных звуков детских цимбал и органчиков к более сложным музыкальным произведениям на других инструментах”.

Несмотря на то, что влияние музыки на человеческий организм вообще и в частности влияние ее на детский возраст представляется еще мало изученным, тем не менее умелое применение ее в целях воспитания должно быть признано крайне важным. Здесь, конечно, нужно иметь в виду крайне бережное отношение к слуху ребенка, особенно в первоначальном детском возрасте. Тут не должно быть преувеличений ни в отношении силы звуков, ни в отношении сложности музыкальных звуков, ни в отношении длительности самой мелодии. Дело должно начинаться с примитивных мелодий нежного качества в виде отдельных пьесок, играемых на детских цимбалах или детским органчиком и лишь постепенно с развитием ребенка можно переходить к более сложным музыкальным пьескам, избегая каждый раз малейшего утомления ребенка.

Для этой цели, без сомнения, должна быть еще создана детская воспитательная музыка, которой, к сожалению, в

настоящее время мы еще не имеем. Но я нисколько не сомневаюсь, что со временем, при общем сознании значения музыкального воспитания в раннем детском возрасте, она будет создана и займет особое положение в эстетическом воспитании ребенка. Вот почему я и счел необходимым вновь обратить внимание лиц, посвящающих себя воспитанию ребенка, на этот предмет, ибо, я убежден, что от детальной разработки вопроса о музыкальном воспитании с раннего детского возраста в значительной мере зависит эстетическое, а следовательно, и нравственное, развитие человеческой личности.

Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении ^{5*}

Бехтерев В.М.

Детская психология, которой в последнее время уделяется не мало внимания, должна отрешиться от того субъективного метода, который до сих пор являлся почти руководящим методом в этой области. Вряд ли нужно пояснять, что детская душа, особенно душа первых лет ребенка, представляется столь отличною от души взрослого человека, что нет никакой возможности переносить на ребенка собственные мысли и чувства как это делают еще до сих пор психологи-субъективисты, воображая, что они раскрывают таким образом детскую душу. По нашему мнению, исследование детской души должно вестись исключительно объективным путем, причем в своем основании оно должно иметь строго объективную оценку всех внешних проявлений нервно-психической деятельности ребенка в связи с теми внешними влияниями и воздействиями, которыми они обуславливаются.

На первых же порах, как только стали исследовать детскую душу, психологам удалось установить важный факт, что наряду с развитием интеллекта уже очень рано развивается у детей и склонность ко всему красивому, изящному и к гармонии звуков, что известно в субъективной психологии под названием эстетического чувства, составляющего таким образом один из существенных элементов в развитии детской души. В этом отношении рисование детей составляет одно из проявлений детской психики, на котором до известной степени можно проследить и развитие вышеупомянутой склонности детей к изящному и красивому, а потому и с этой

стороны оно представляет собою крайне поучительный предмет исследования. Но остановимся прежде всего на литературе, относящейся к детскому рисованию.

Кроме известных исследований Ament'a, характеризовавшего рисование в его последовательном развитии, как простое мазание бумаги, схематическое рисование и индивидуализированное изображение, в указанном отношении заслуживает внимания исследование Sully, который различает три стадии в развитии рисования. Первую стадию образуют бесформенные каракули, вторую стадию образует первичный схематический, как бы символический, рисунок, образчиком которого является лунообразная схема человеческого лица, в третьей стадии ребенок в своих рисунках является уже подражателем природы, натуралистом, хотя изображает часто и то, что обычно в природе не встречается, например, рисует всадника в обычной позе с двумя ногами на одной стороне.

Равным образом и Lukens различает соответственно возрасту три стадии в развитии рисования, но совершенно иного порядка. Первый период до 4—5 лет характеризуется тем, что в нем преобладает интерес уже к готовым рисункам, сами же дети скорее интересуются процессом рисования. Второй период характеризуется тем, что рисунки выполняются схематически, причем ребенок видит в своем рисунке даже более того, что в нем на самом деле содержится. Дело идет здесь о явлении, подобном "художественной иллюзии" Ланге. Третий период относится уже к школьному времени, когда рисунки производятся по готовым образцам из лучших произведений, причем сам ребенок является неудачным подражателем природы.

Schreuder также держится трех периодов в развитии рисования. Первая ступень рисования заключается в бессмысленном выведении штрихов карандашом взад и вперед, на второй ступени ребенок придает известный смысл своему рисованию; на третьей ступени уже являются попытки действительного изображения природы.

Что касается характера самих рисунков, то излюбленным объектом рисования детей, по-видимому, является че-

ловек в том или другом виде, его голова в профиль или en face, верхом на лошади и т. п. Далее охотно рисуются животные и домики, реже другие предметы и растения и еще реже геометрические фигурки и украшения (орнаменты).

Из других работ заслуживают внимания исследования К. Pappenheim'a, Schinn'a, Brown'a, Hogan'a, Chamberlain'a, а также Götze, написавшего введение в каталог: "Дитя, как художник".

Наконец из более поздних работ по психологии детского рисования необходимо указать еще на исследования Perez'a, Ricci, Löwenstein'a и Kerschenssteiner'a и др.

Между прочим делали попытки исследовать рисование детей экспериментальным путем, причем в школе предлагалось иллюстрировать рисунками какой-нибудь рассказ. Такого рода исследования дают богатый материал для выяснения индивидуальных особенностей рисования детей и заслуживают вообще большого внимания.

Заметим далее, что в последнее время, благодаря предложению, сделанному проф. Lamprecht'ом о сравнительном изучении детских рисунков с доисторическим искусством и вообще об освещении вопроса о детских рисунках с точки зрения археологии, этнографии и сравнительной психологии, внимание авторов преимущественно направляется в эту сторону. Результатом этого предложения, приведшего к собиранию детских рисунков из разных стран явилась между прочим работа Löwenstein'a, относящаяся главным образом к вопросу о различных особенностях детского рисунка и содержащая собственно следующие главы: человек, животные и растения, перспектива и краска, рассказ, рисование как форма речи, и культурно-исторические и этнологические параллели и некоторые другие.

Здесь нет надобности передавать содержание всех этих работ. Мы укажем лишь, что в работе Ricci передается довольно подробно изображение человеческой фигуры, затем дома, лодки и домашних животных. На основании своих исследований Ricci приходит к выводу, что ребенок рисует не как художник, а передает собственно то, что утвердилось в его памяти. Дети, обладающие лучшей памятью и рисуют

лучше. Со временем же, рисунок является не одним только продуктом памяти, но становится результатом и других элементов, напр., эстетического вкуса, ловкости, совершенства зрения и т. п., при этом дети, обладающие хорошей памятью, перестают быть лучшими художниками.

Далее заслуживает внимания обширное исследование Kerschesteiner'a, вышедшее в 1905 г. Автор в своей книге не столько интересуется детским рисованием отдельных предметов — человека, животных, растений, домов и проч. или же детскими иллюстрациями событий, чем занимались другие авторы, сколько отношением ребенка к декоративному искусству, особенно к орнаменту и к перспективному изображению.

Изучение детских рисунков, которое стало так занимать психологов за последнее время, нас интересует исключительно с объективно-психологической точки зрения. Нет никакой надобности и с нашей точки зрения даже ненаучно проникать через посредство спутанных линий первоначального детского рисунка в субъективный мир дитяти, в его душу в такой мере, чтобы выводить отсюда особенности его чувств, его представлений и т. п.

Когда говорят, что из детских рисунков можно почерпнуть данные о детских чувствах, о степени детского восприятия, об его объеме, о детских представлениях, о фантазии ребенка, об эстетическом чувстве у ребенка и т.п., то я бы сказал, что в этом отношении значение детских рисунков должно быть признано много ниже, нежели значение его речи, хотя и речь ребенка далеко не дает безупречных данных для оценки субъективных состояний детской души.

По нашему мнению, к изучению детских рисунков можно и даже необходимо подходить с чисто объективной точки зрения.

Для нас детский рисунок есть объективный свидетель проявлений и развития детской психики, насколько она выражается внешним образом в начертанных линиях, в соотношении с теми или иными внешними влияниями, которые отразились на ребенке в период его предшествующего развития, не исключая и наследственных, и в связи с той целью, которую ребенок преследовал при рисовании.

Само собою разумеется, что при оценке детских рисунков, должно быть принимаемо во внимание и развитие координации в пальцах руки ребенка.

Стоя исключительно на объективной точке зрения, мы можем ограничить свою задачу кроме наследственных условий выяснением: 1) большей или меньшей правильности проводимых линий, служащей выражением координации пальцевых движений, 2) большей или меньшей сложности рисунка, 3) большего или меньшего соответствия его с объектом изображаемого, 4) большей или меньшей точности в изображении действительности, 5) большей или меньшей точности в иллюстрации рассказанного события, 6) большей или меньшей полноты в развитии данной темы, поставленной ребенком самому себе или заданной ему другими, 7) тех или других проявлений творчества в детском рисунке в виде разнообразных соотношений между его отдельными частями, 8) большей или меньшей отделки в изображении его частей, 9) правильности или неправильности перспективы, 10) тех или других индивидуальных особенностей детского рисунка, зависящих от личных особенностей и внешних условий, окружающих ребенка с первых дней его рождения, 11) тех или других изменений характера детских рисунков в связи с временными условиями, воздействовавшими на ребенка и т.п.

Вряд ли нужно говорить, что правильная оценка детских рисунков возможна лишь при условии знакомства с возрастом и физической организацией ребенка. Без этих данных изучение детских рисунков не может дать возможности сделать соответствующие выводы относительно координации движений, относительно развития данного ребенка, его индивидуальных особенностей, тех или других его склонностей и т. п.

Кроме того желательно быть знакомым и с условиями его воспитания и теми или другими внешними воздействиями на него в известные периоды его жизни; с условиями, приведшими к рисованию, например, с рассказом, послужившим поводом к созданию рисунка, с темой, осуществление которой достигалось рисунком, и т. п.

В последующем изложении мы ограничимся изложением лишь тех данных, которые относятся к первоначаль-

ному развитию детского рисунка; причем постараемся выяснить, каким образом детский рисунок из совершенно бесформенных линий, в которых трудно отыскать какое-либо содержание, становится постепенно более сложным проявлением детской психики, которое может быть приравнено к изобразительному письму.

С этой точки зрения изучение первоначальной эволюции детского рисунка имеет совершенно особый интерес и заслуживает, по нашему мнению, большого внимания.

Наши наблюдения, относящиеся к детским рисункам, начались около 20 лет тому назад и производились до последнего времени, над пятью своими детьми, над одним мальчиком внуком В. и над несколькими посторонними детьми.

Особенно большое собрание рисунков с указанием дат времени я имел возможность собрать от своей дочери М., родившейся 2 апреля 1904 г., в общем очень здоровенькой девочки, и от мальчика внука В., родившегося 5 ноября 1906 г. и отличающегося более слабым сложением. При наблюдениях над упомянутой девочкой М. и мальчиком В. я старался собрать возможно большее число рисунков, начиная от самых ранних попыток к рисованию, причем рисунки регистрировались как в отношении времени своего изготовления, так и относительно тех предметов, которые обозначались рисунками. Рисунки других детей, как непредставляющие полных коллекций, служили мне лишь дополнением к двум упомянутым коллекциям.

Для того, чтобы изучать первоначальную эволюцию детского рисунка, необходимо с самого начала, как только развивается хватательная способность детской ручки, приучить ребенка к правильному держанию карандаша между тремя пальцами.

Эта наука для ребенка обыкновенно не дается сразу, так как первоначально дитя предпочитает карандаш зажимать просто в кулак или же между первыми или вторыми фалангами второго и третьего пальца, пропуская карандаш между большим и вторым пальцем.

Необходимо поэтому систематически приучать ребенка к правильному держанию карандаша между пальцами,

без чего не представляется возможности следить за первоначальными фазами развития детского рисунка, так как при более позднем обучении ребенка держанию карандаша, первоначальное развитие детского рисования не может быть прослежено с достаточной полнотой.

Когда вышеуказанное обучение правильному держанию карандаша достигнуто, то ребенок впоследствии сам уже никогда не возвращается к первоначальному стремлению захватить карандаш в кулак и начинает быстро успевать в правильности начертания линий.

Необходимо иметь в виду, что научение ребенка правильному держанию карандаша не только, как сказано выше, дает возможность следить за постепенным развитием детского рисунка в первоначальный период его попыток к рисованию, но оказывается существенно важным и в воспитательных целях, так как отучение от упрочившейся в раннем детстве привычки неправильного держания карандаша достигается впоследствии уже с большими усилиями, в случае же недостаточного исправления отражается существенным образом на письме и рисовании во всех последующих возрастах.

Для того, чтобы изучить первоначальную эволюцию детского рисунка, необходимо однако не только приучать ребенка с самого же начала к правильному держанию карандаша, но еще и давать ребенку возможно чаще им пользоваться, подставляя ребенку детский столик с бумагой для рисования. Обычно дети охотно и много рисуют, а потому наблюдателю остается лишь регистрировать время выполнения рисунка и его содержание, обозначая при этом отдельные части рисунка, сообразно тому, как ребенок их называет.

Особенно важно отмечать, как ребенок сам обозначает свои рисунки и их детали. Существенно важно также сохранять и те рисунки, которые воспроизводятся перед ребенком или показываются ему взрослыми, как образцы для рисования, чтобы подметить таким образом влияние, оказываемое рисунками взрослых, на детский рисунок и вместе с тем наблюдать в какой мере развиваются подражательные способности ребенка в рисовании.

Прежде всего следует иметь в виду, что в первоначальный период рисования собственно о копировании детьми даже простых рисунков взрослых не может быть и речи, так как оно не удастся детям даже и в грубой форме; они предпочитают изображать то или другое карандашом по собственному разумению и самое большее, о чем может идти в этом случае речь, это о некотором подражании в отдельных частях каракулей ребенка очертаниям более простых рисунков, сделанных взрослыми.

Тем не менее ребенок после первоначальных попыток к рисованию простых штрихов и каракуль прежде всего старается рисовать то, что видит кругом себя. Поэтому в его рисунках как бы отражаются впечатления его детства. Что ребенок особенно часто видит и что его поражает, то он и рисует с особенною охотою или по крайней мере старается изобразить на бумаге. Поэтому, рассматривая рисунки различных детей, нетрудно видеть по их содержанию различие в окружающих условиях их жизни, создающих неодинаковые впечатления детства.

Помимо этого могут быть отмечены и другие отличия в характере рисунков, которые являются результатом заимствования ребенком от взрослых. Само собою разумеется, что, если няня или мать рисует ребенку ту или другую фигуру, то мало-помалу ребенок усваивает при подражательном рисовании этой фигуры все или почти все ее особенности. Но несомненно, что помимо всего этого имеются и индивидуальные особенности детского рисования, которые объясняются его склонностями, а не внешними влияниями. Эти индивидуальные особенности однако выступают лишь мало-помалу и преимущественно в позднейшем возрасте, а не в самом начале.

При всех этих различиях в характере детских рисунков, принадлежащих разным детям, можно уловить некоторые общие основные черты в последовательном развитии детского рисунка, изучение которых, на мой взгляд, заслуживает особенного внимания. Для выяснения этого вопроса, конечно, должно быть собрано возможно большое количество детских рисунков в последовательном порядке, начиная от первоначальных попыток к рисованию до

более поздних и, следовательно, более совершенных изображений.

Мне удалось получить такое строго последовательное собрание рисунков, начиная от простейших штрихов у ранее упомянутых девочки М. и мальчика В., и наши выводы относительно последовательности в развитии рисовального искусства ребенка будут основываться главным образом на этих собраниях рисунков и особенно на собрании рисунков девочки, как более полном.

На основании только что указанных собраний детских рисунков, я убедился, что каракули еще не составляют первоначальной ступени детского рисования. Хотя и принято думать, что ребенок начинает рисовать с каракуль, но, изучая его рисование при вышеуказанных условиях, приходится убедиться, что первоначальным рисовальным опытом являются простые штрихи. Как только ребенок научается держать в ручке карандаш, он более или менее быстро научается им водить по бумаге в ту и другую сторону и проводить им штрихи большей частью в виде несколько закругленных линий. Между ними, конечно, попадают и линии других направлений, но преобладают все же линии закругленной формы.

За этой работой писания простых штрихов ребенок проводит много недель и даже месяцев прежде, чем в этих штрихах начинают обозначаться круговые линии, а затем и линии иного направления, например, волнообразные, зигзагообразные (рис. 1) и т. п.

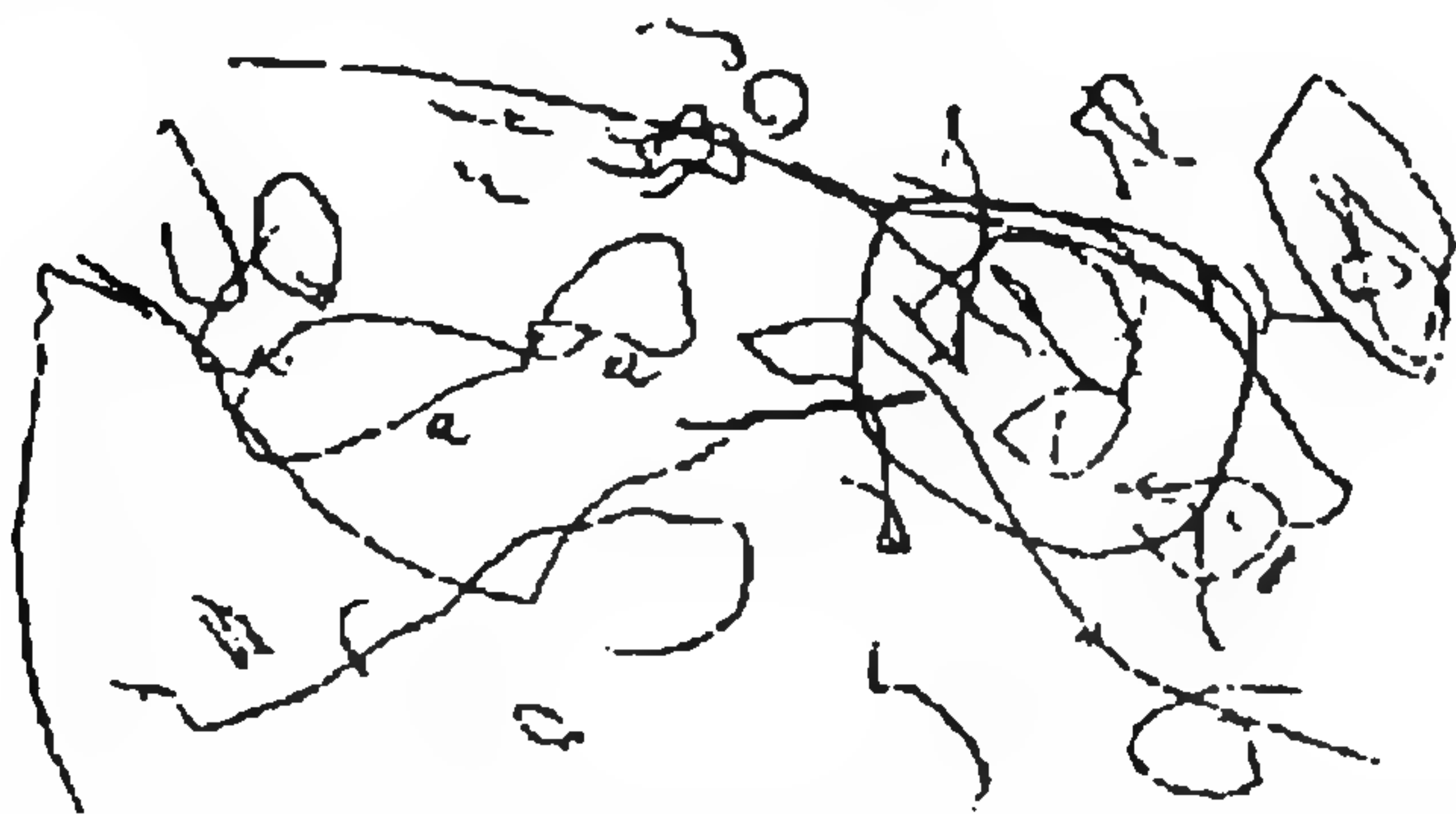

Рис. 1. Каракули девочки М. в возрасте около 1 1/2 года а, а — “яй” — т. е. яйцо; е — “карль” — ворона (звукоподражательно).

Таким путем ребенок лишь мало-помалу переходит к писанию каракуль, т. е. частью закругленных, частью ломаных и вообще неправильных линий, в которых невозможно распознать какое-либо содержание (рис. 2).

Рис.2. Каракули девочки М. в возрасте около 1 г. и 10 м.

Тем не менее, если в этом случае спросить ребенка что он рисует, то он точно определит, что собственно хочет изобразить.

Если рисование первоначальных штрихов можно признавать за простое упражнение, то рисование каракуль есть уже не просто упражнение, а начало символического изображения разных предметов, которое является как бы подготовительным актом к позднему изобразительному рисованию. О подражательном рисовании в этом периоде времени, конечно, не может быть и речи и те пробы, которые в этом отношении делаются, показывают, что у ребенка лишь некоторые части линий могут принять направление, подобное данному для образца, хотя бы очень простому, рисунку.

После соответственного упражнения каракули ребенка постепенно начинают приобретать все более и более оформленный характер и в них можно видеть нечто вроде кругообразной или неправильной формы замкнутой фигуры, часто с теми или другими добавочными, обыкновенно кривыми и вообще неправильными, линиями.

Простой неправильный кружок часто с одной, реже с двумя добавочными линиями неправильной формы и пред-

ставляет собственно первичный детский рисунок, который со временем принимает более правильную форму (рис. 3). Этот первичный детский рисунок у моей девочки в общем физически хорошо развитой и спокойной, мог быть обнаружен в возрасте около 1 1/2–1 3/4 года)¹.

Рис. 3. Первичный детский рисунок. Рис. девочки М.

Если спросить ребенка в этот период рисования о том, что он рисует, он уже говорит определенно, что рисует напр., “яй” т. е. ягоды, фрукты. Но при этом ничуть нельзя полагать, что неправильные кружки с добавочными линиями являются всегда обозначением одних и тех же предметов. Теми же или подобными кружками ребенок обозначает ворону (“карль” см. напр. в рис. 2), собаку, няню, маму, даже себя, или вообще детей.

В отличие от простых каракуль здесь мы имеем как бы примитивное изображение, общее для многих предметов. Иначе говоря, здесь дело идет о первичном рисунке, служащем для символического обозначения различных предметов. Дальнейшая дифференциация рисунка происходит не ранее 1 года 8–9 месяцев и 2 лет и выражается тем, что фигура в

¹ Все позднейшие указания на возраст при изучении детских рисунков относятся к этой же девочке.

виде более правильного теперь кружка с одной, чаще же с двумя близкими друг к другу по положению неправильными линиями служит для обозначения людей (рис. 4), тогда как та же фигура — кружка с одной добавочной линией или без нее, но с заштрихованной внутренностью кружка, остается для обозначения яйца, ягоды, фруктов и др. подобных предметов (рис. 5).

Рис. 4. Девочка М. рисует детей в возрасте 1 г. и 9 м.

Рис. 5. Девочка М. рисует ягоды и фрукты.

Постепенно обозначение людей кругообразной фигурой с 2 добавочными линиями становится обычным, причем ребенок неоднократно и в позднейший период времени возвращается как бы для упрощения к прежнему способу начертания людей, как и других предметов, кружком с одной добавочной линией.

Надо впрочем заметить, что тем же кружком с одной добавочной линией ребенок еще и в возрасте 1 года 8–9 месяцев обозначает нередко не одного человека, но и собаку, хотя рядом с тем для собаки имеется уже и свое более продолговатое очертание (рис. 6).

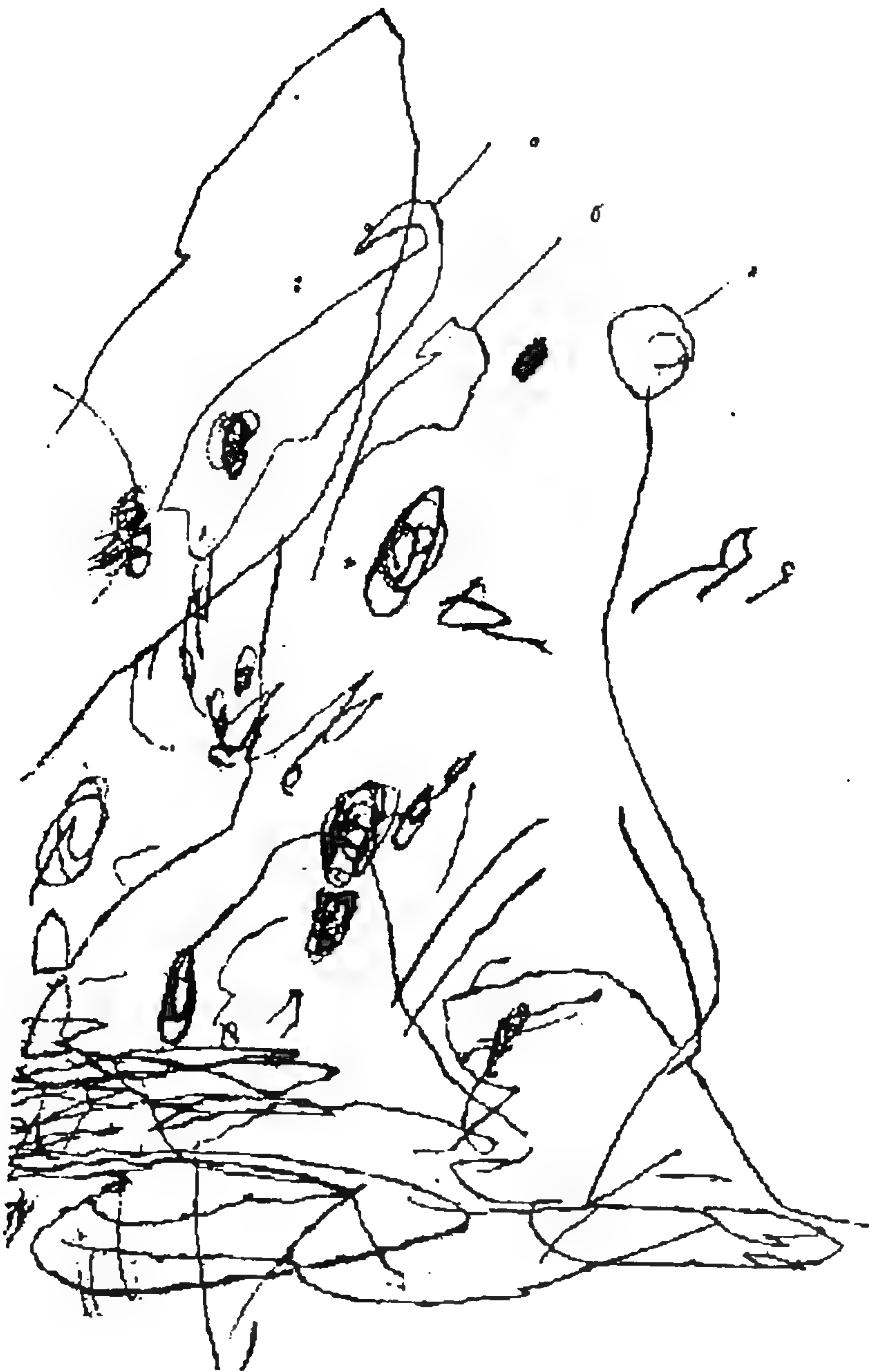

Рис 6. Рисование собак девочкой М. в возрасте 1 г. 9 м. *а* — собака "Полкан", *б* — собака "Кармен", *в* — "собака".

Таким образом очевидно, что к этому возрасту дифференцировка рисунка в отношении обозначения различных животных еще не установилась окончательно.

Тем не менее дифференцировка в изображении разных животных и человека начинает постепенно развиваться уже к концу второго года. В возрасте около 2 лет, среди разных проб, ребенку иногда удается сделать более продолговатые фигуры, которые он обозначает названием “рыбки”; другие фигуры, имеющие отдаленное сходство по очертанию с птицей он обозначает звукоподражательным именем “карль” т. е. вороны, или “цыпки” (а рис. 7).

Около того же времени на кружке с 2 добавочными линиями, изображающем человека, уже делаются попытки обозначения лицевых частей: носа, рта и глаз (рис. 8).

Рис. 7. а — “карль” — ворона. Рис. Рис. 8. Рисунок девочки М. в возрасте около 1 г. 10 1/2 м.

Рис. 8. Рисунок девочки М. в возрасте около 1 г. 11 и.

Должно при этом иметь в виду, что о правильном соотношении частей рисунка в этом периоде не может быть и речи. Поэтому у рыбы оказываются “ноги” (плавники?), длиной не меньше длины ее туловища и представлены выходящими из одного конца тела.

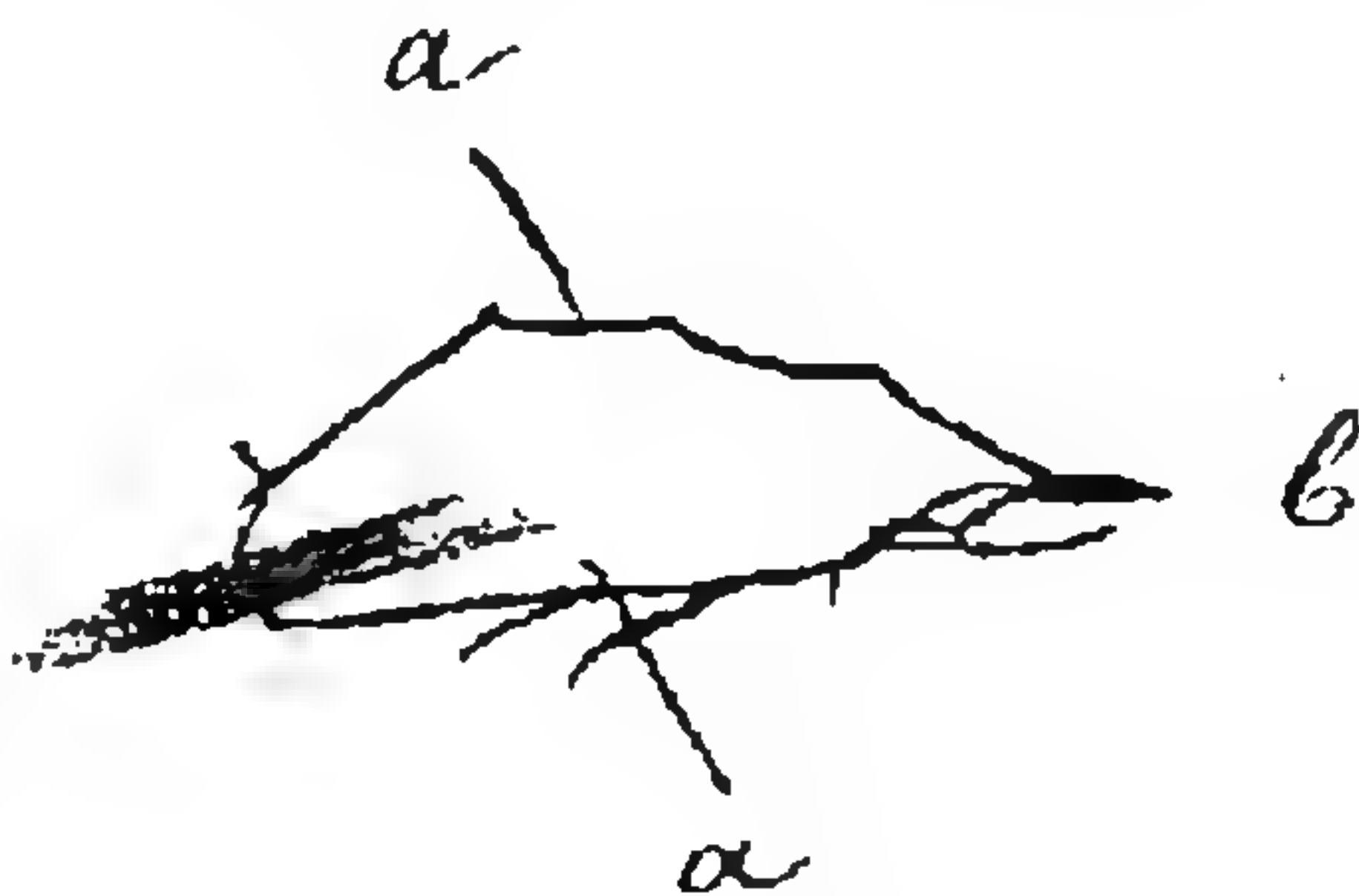

Рис. 9. а, а — лапка, в — нос. Рисунок девочки М.

У “цыпки” двое ноги оказываются выросшими на спине или одна на спине, другая на животе (рис. 9), у человеческой фигуры в кружке, долженствовавшем изображать лицо, 2 глаза оказались ближе к ногам, а рот или по крайней мере то, что напоминает рот, помещено выше глаз (рис. 8) и т. п. В других рисунках, изображающих человеческое лицо, можно встретить, что кроме большой неравномерности в изображении глаз (размеры последних много больше размеров рта) или вместо двух глаз на одном лице обозначено несколько глаз и ничего другого (рис. 10).

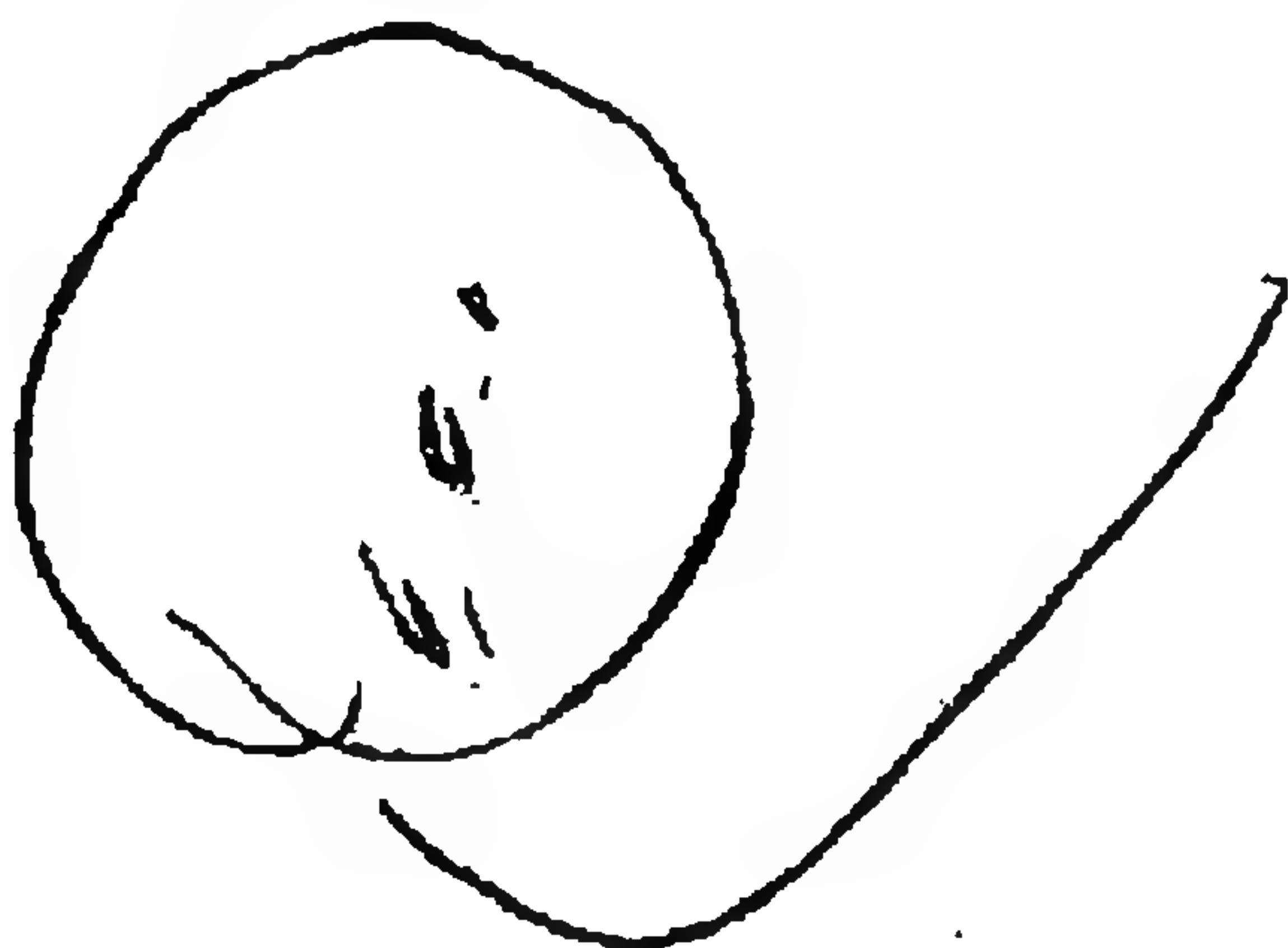

Рис. 10. Человек. Рис. девочки М. в возрасте около 1 г. 11 м

Кроме того, ребенок в этом периоде рисует много разнообразных фигур, которые, плохо напоминая собою изображаемые предметы, тем не менее представляют уже известные различия друг от друга; между прочим, неправильно очерченное линиями пространство с кружками внутри его, долженствовавшими изображать окна, и добавочной, неправильной, иногда зигзагообразной, выходящей сбоку или даже снизу, линией, изображающей дым, ребенок называет домиком (рис. 11).

В этом периоде ребенок уже пользуется сравнительно тесными зигзагообразными линиями для обозначения письма. Если спросить ребенка, что написано в этих од-

нообразных зигзагах, ребенок непременно ответит то или другое, например, “письмо к маме” и, если его далее расспрашивать, то он может сказать какую-нибудь подходящую для себя фразу, например, по заявлению ребенка в его зигзагах написано: “я пришла, милая девочка” или “письмо к маме, чтобы она далеко уехала” (рис. 12) и т. п.

Рис. 11. а — дом, б — выходящий из него дым. Рисунок девочки М.

Надо заметить, что дитя в этом периоде развития начинает уже указывать на взаимное отношение отдельных фигур своего рисунка, тогда как ранее множество фигур, нарисованных на одной и той же бумаге представляли собою просто отдельные изображения, не имеющие между собою какого-либо внутреннего соотношения. Например, ребенок рисует вокзал и поезд или домик, с выходящим из него дымом (рис. 10).

Рис. 12. Письмо девочки М. к своей маме “чтобы она далеко уехала”.

Нужды нет, что ни “вокзал, ни поезд не напоминают собою действительности, или что фигура, называемая вокзалом, меньше поезда, а домик представляет неправильно очерченную фигуру с кругообразными окнами и с дымом в виде больших зигзагов, выходящим вниз и притом без всякой трубы, но тем не менее здесь уже имеются ясные отношения между отдельными предметами и их частями. Ребенок делает даже попытки изображать действия, но, конечно, лишь сим-

волически, например, “дети смотрят в окно” (рис. 13) или “дети гуляют” (рис. 14) или “ловят рыбу” (рис. 15)¹.

Было бы трудно без особенно большой фантазии в этих изображениях найти какое-нибудь подобие действительности, тем не менее ребенок уже определенно говорит, изобразив несколько кружков с добавочными линиями, что он нарисовал “гуляющих детей”, или, что “дети смотрят в окно”, хотя на рисунке имеется одно изображение боком лежащей человеческой фигуры (б рис. 13) и впереди его неправильного очертания фигура, долженствующая изображать собою дом с кружком в середине, представляющим окно (а рис. 13).

Рис. 13. а — дом с окном; б, б — дети смотрят в окно; в, в — поезд.
Рис. девочки М.

Что начало установления соотношений между частями рисунков относится приблизительно к рассматриваемому периоду конца второго года для девочки М., видно из того, что, когда мать нарисовала ребенку подобие человеческой фигуры, то ребенок тотчас же добавил от себя к каждой руке этой фигуры по яблоку, изобразив последнее кружком.

Надо заметить, что на рисунке, относящемся к двух-летнему возрасту, впервые в изображении человеческой

¹ На рисунке можно видеть продолговатую фигуру, изображающую, по-видимому, рыбу и затем идущую от нее кругами линию, которая, вероятно, должна изображать собою лесу.

фигуры встречается туловище в виде треугольника с головой и с двумя ногами (рис. 13).

Рис. 14. *а* — дети гуляют; *б* — санки; *в* — ягоды; *г* — земля; *е* — домик с окнами. Рис. девочки М.

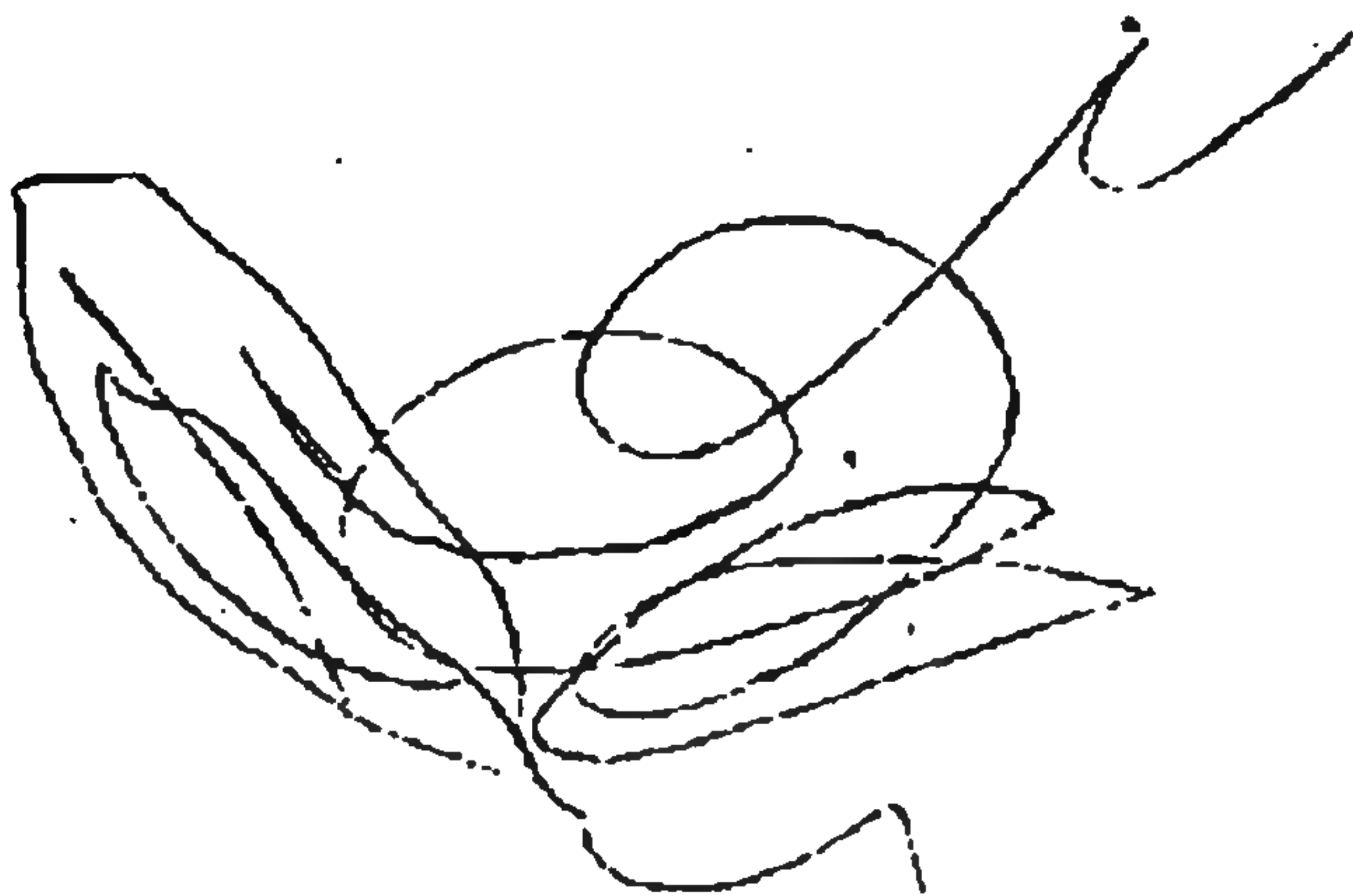

Рис. 15. "Ловят рыбу". Рис. девочки М.

Это более близкое к действительности изображение человеческой фигуры собственно устанавливается в позднейшем возрасте, приблизительно во вторую половину третьего года.

Рис. 16. Дом с окнами. Рис. девочки М.

К этому периоду относятся и другие предметы, напр., подобие дома с "окнами и дымом (рис. 18), лестница (рис. 17), деревцо с фруктами (рис. 18), лопатка, грабли, птица (рис. 19) и т. п., которые изображаются уже более близким к действительности образом. Но более правильная фигура человека мною отмечена только к возрасту 3 1/2 лет, когда изображение человеческого лица содержит уже два круг-

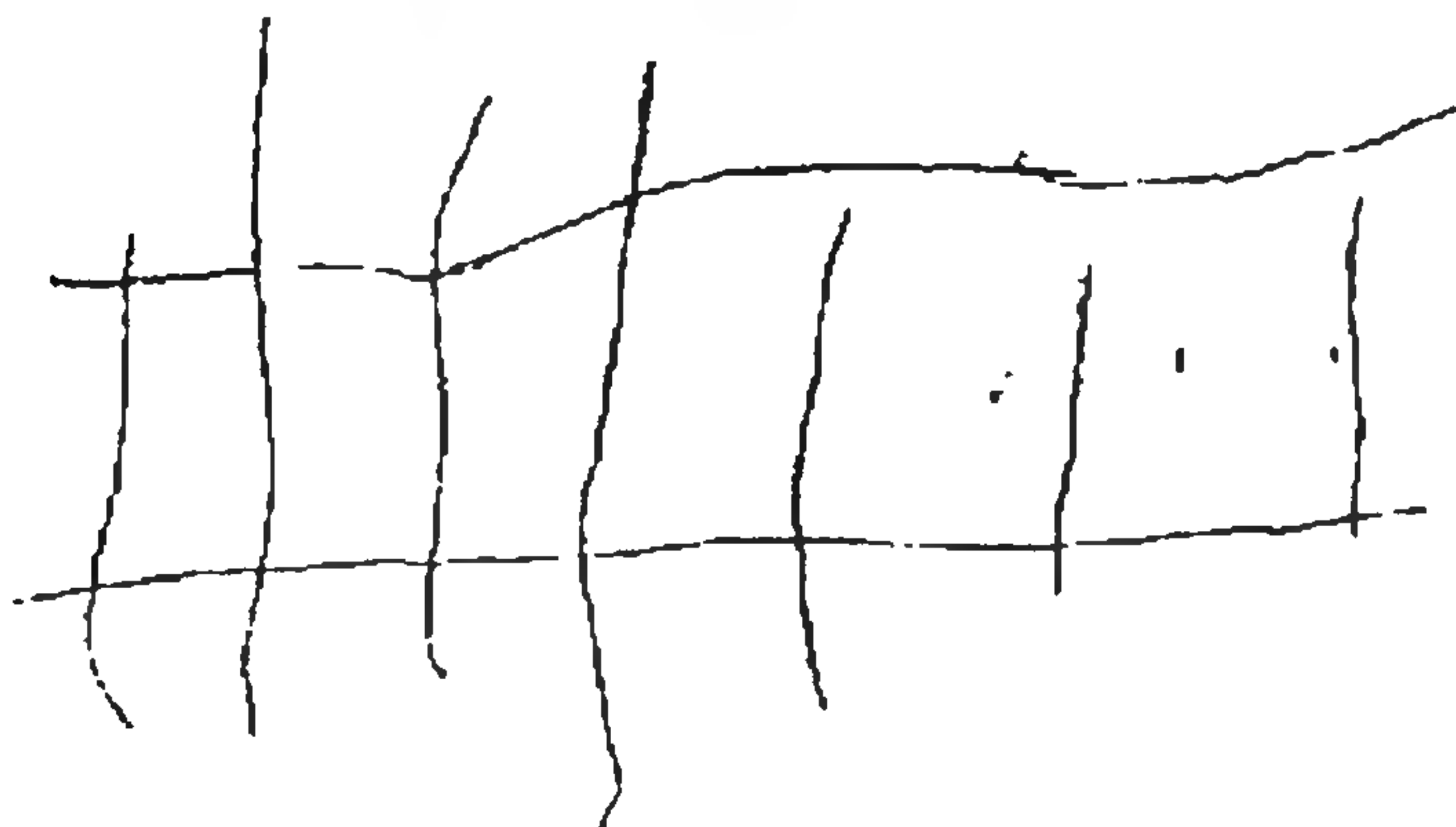

Рис. 17. "Лестница". Рис. девочки М. в возрасте 2 г. 9 м.

лых глаза и между ними нос в виде вертикальной линии и ниже рот в вид полукруглой горизонтальной линии.

Изображение сложных предметов однако и в возрасте, соответствующем концу 3-го года, еще не может быть при-

Рис. 18. а — яблоня; б — апельсины. Рис. девочки М.

знано сколько-нибудь сносным. При изображении напр. огорода (рис. 20) простыми неправильными продольными линиями обозначаются гряды, а зигзагообразными, или волнистыми линиями и кружками обозначаются разнообразные овощи на нем. Тем не менее действительное, т. е. реальное, а не символическое комбинирование частей рисунка, замеченное в возрасте 2—2 1/2 лет постепенно совершенствуется, и уже к трем годам ребенок делает очень грубую попытку изображать внутренность церкви с батюшкой, дьяконом и с обстановкой.

В дальнейшем ребенок, большей частью, уже рисует в виде комбинированных изображений, которые все более и более усложняются

Рис. 19. Птица. Рис. девочки М.

и совершенствуются. Заслуживает внимания, что отдельные фигуры рисунка, приобретающие очертания более соответствующие действительности, начинают иногда изображаться уже разноцветными карандашами.

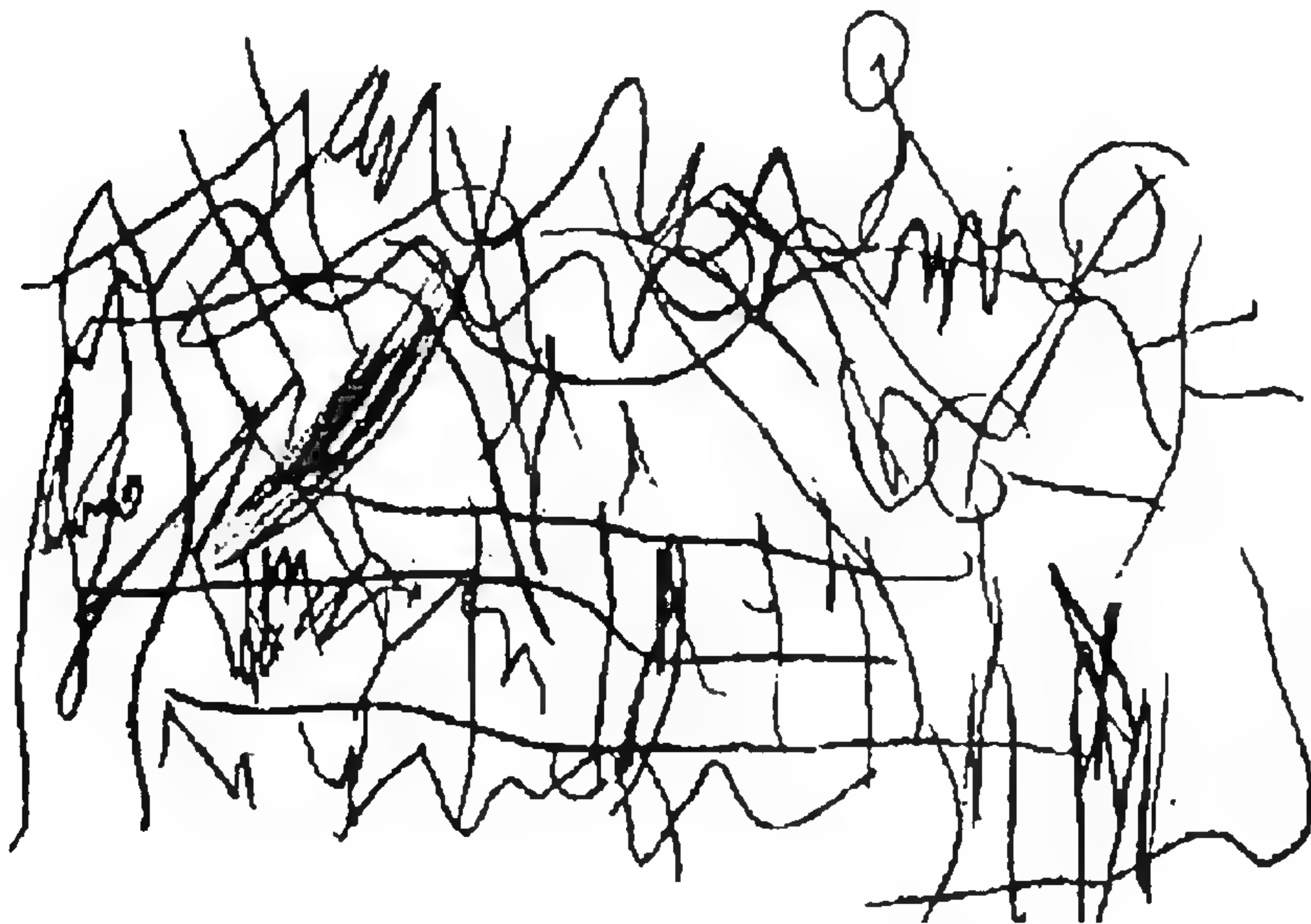

Рис. 20. "Огород с грядками". Рис девочки М.

Само собою разумеется, что комбинированные рисунки еще долгое время, т. е. и в более поздний период времени, остаются такими, что взрослому трудно и даже невозможно вообразить себе относительное положение в них отдельных предметов так именно, как их изображает ребенок, не говоря уже о случающихся больших неправильностях в отдельных частях рисунков и несоответствии размеров и положения их отдельных частей (21, 22, 23).

Тем не менее отдельные соотношения предметов изображаются ребенком довольно близко к натуре. Так на одном рисунке, относящемся к возрасту 3 1/2 лет, может быть усмотрена человеческая фигура с протянутыми руками вблизи дома, изображающая, как ребенок — автор рисунка — не может открыть дверь. В числе особенностей комбиниро-

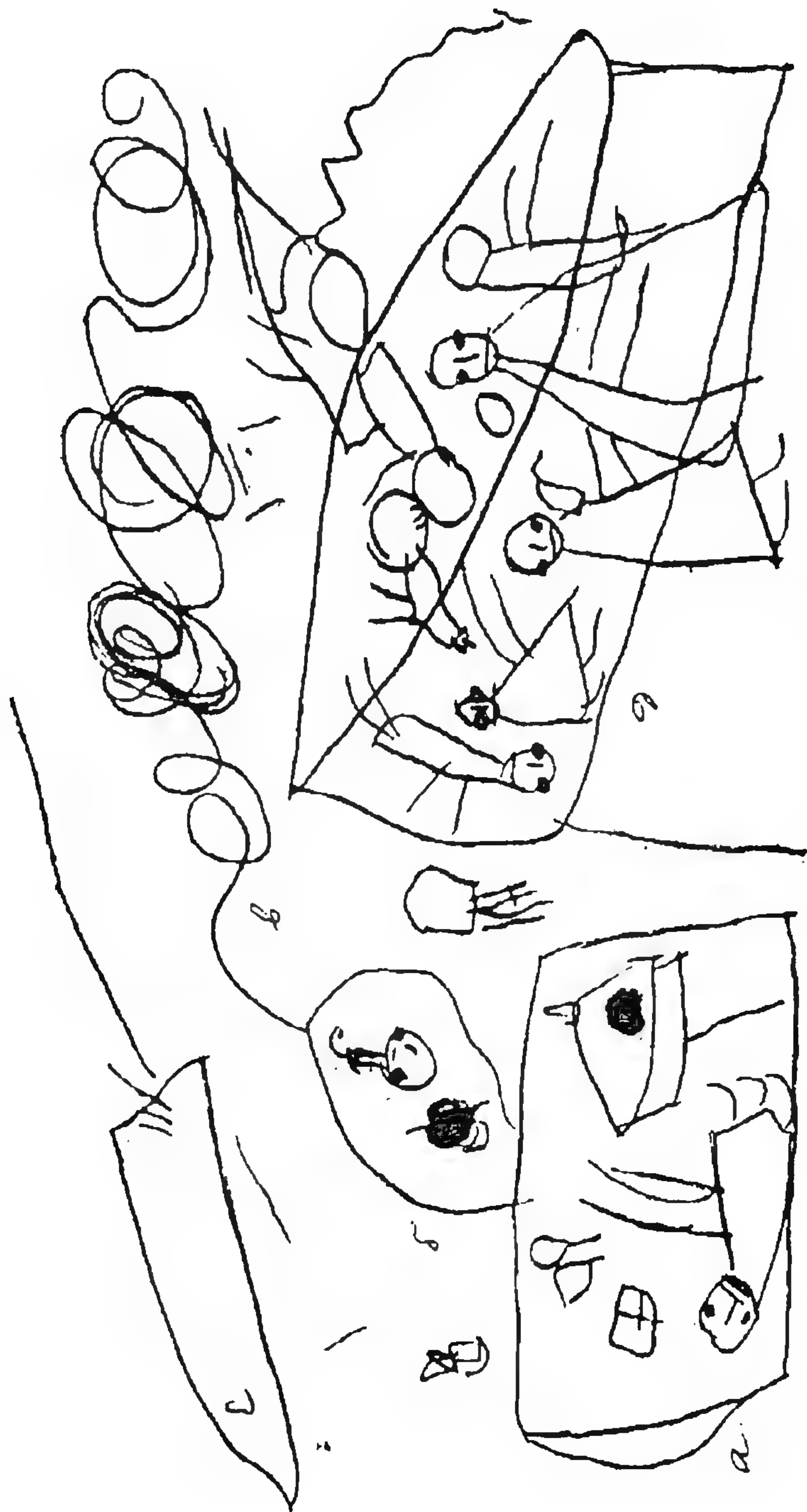

Рис. 21. Рис. девочки М. а — дом, в нем сама девочка; б — ребенок еще ползающий; в — дым; д — ребенок с Рдругими едет на пароходе.

ванных рисунков следует отметить тот факт, что все они оказываются как бы прозрачными и, конечно, без всякой перспективы.

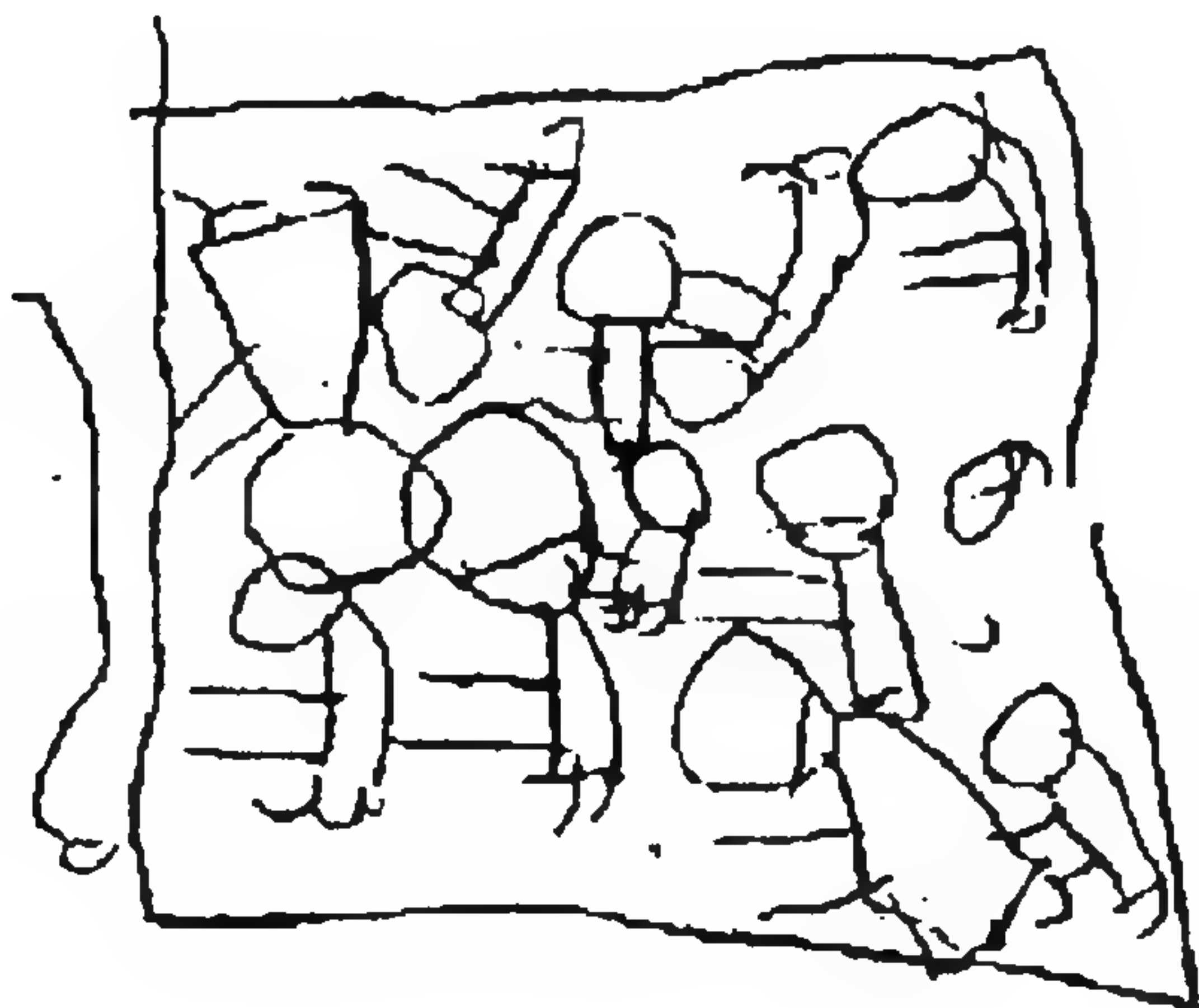

Рис. 22. "Как все собрались гулять". Рис. девочки М.

Таким образом, через стены дома можно видеть находящихся в нем людей, у всадника на лошади можно видеть две ноги, что замечается в детских рисунках и в более позднем периоде (рис. 24); далее можно видеть сидящих в лодке людей полностью, хотя бы фигуры их не выходили за борта лодки и т. п.

Ребенок как бы не мирится с искусственными преградами в рисунках. Только в 4 1/2-летнем возрасте девочка М, заметила, что дуга на лошади у нее выходит обоими концами, с одной стороны лошади, и пожалела, что она не знает, как ее нарисовать так, чтобы она была, как в натуре, с обеих сторон лошади.

В этом возрасте уже изображается и относительное положение предметов, как показывает например, изображение ползающего ребенка (рис. 25б). Иногда относительное положение отдельных предметов дает повод думать, что они изображаются при наблюдении их не сбоку, а сверху (рис. 21, 22 и 23).

Заслуживает при этом внимания, что неправильности в изображении предметов даже и в возрасте 3 1/2 лет бывают еще поразительными, напр., руки могут оказаться позади туловища (рис. 25) или они могут выходить даже из головы.

Рис. 23. Карусели. Рис. по памяти девочки М. в возрасте 4 г. 5 м. (ребенок, нарисовавший карусель, видел ранее, как рисовали подобную же картину взрослые).

У животного, изображаемого кругообразной фигурой с одной добавочной горизонтальной линией и с отходящими от последней вниз боковыми линиями, что в общем должно изображать его голову, туловище и ноги, при этом вместо четырех ног может оказаться пять или даже множество ног (рис. 25).

Позднее животное изображается с человеческим лицом, обращенным к наблюдателю в боковом положении, так что рот стоит ближе к туловищу, нежели лоб (рис. 26).

Еще позднее человеческое лицо у животного приобретает положение с ртом, обращенным вниз, но это лицо изображается не в профиль, а прямо спереди. Лишь в 4 1/2-летнем возрасте в рисунках у девочки М. стали иногда попадаться морды животных в боковом профиле (рис. 27).

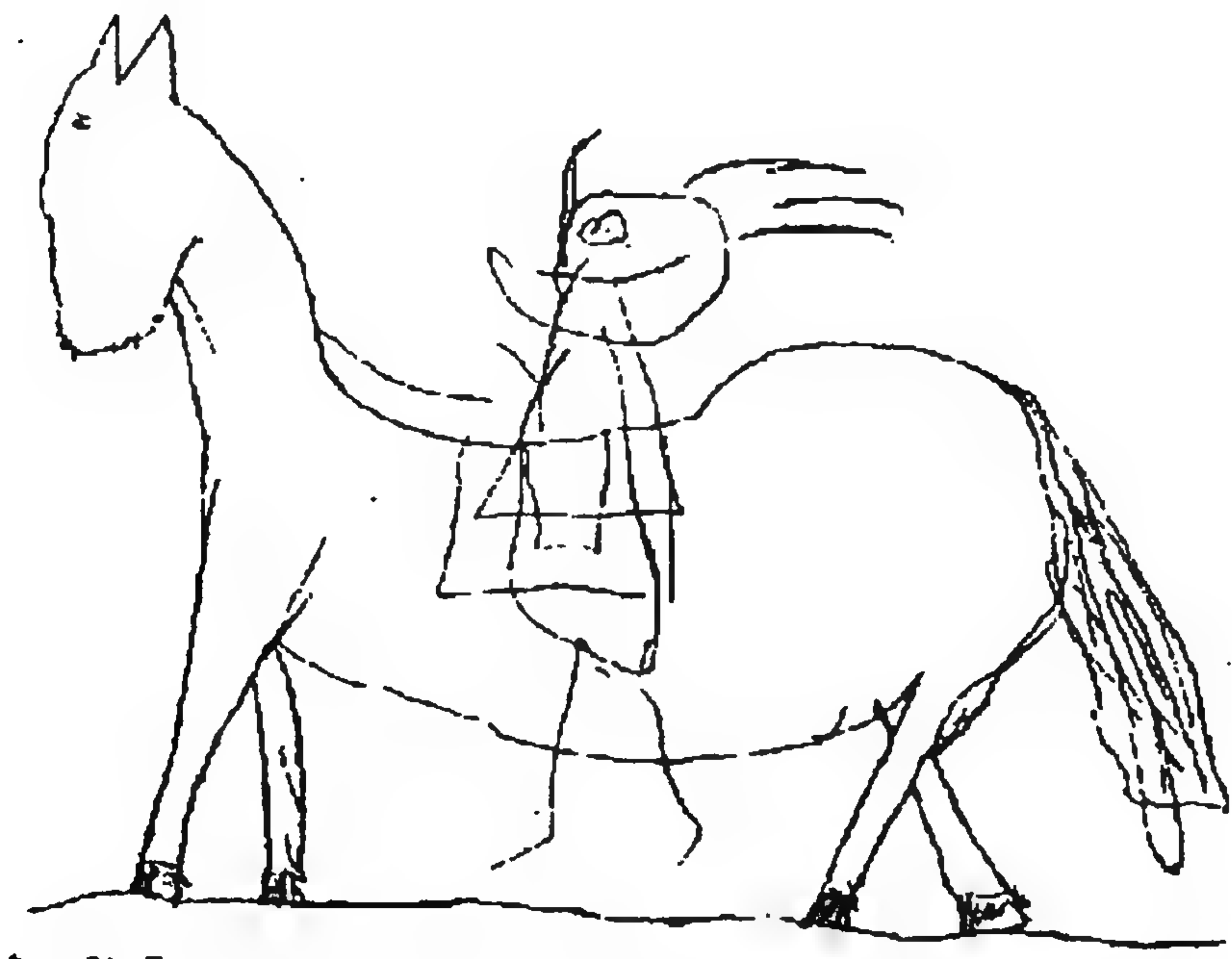

Рис. 24. Лошадь со всадником. Рис. девочки М. в возрасте около 5 л. 3 м.

Вместе с комбинированием на рисунках отдельных предметов замечается все большая и большая дифференцировка в их изображении. Таким образом, напр., в возрасте 3 1/2 лет, мы видим изображение человека с головой, на которой можно видеть не только глаза, нос и рот, но еще и уши, а также пуговицы на платье; равным образом в этом периоде мы находим более близкое к натуре изображение деревца с фруктами и изображение дятла на дереве (рис. 28).

Рис. 25. *а* — девочка М. (автор рисунка); *б* — ребенок еще ползающий; *в* — более взрослый ребенок; *д* — меньший ребенок; *е* — елочка. Рис. девочки М. в возрасте 3 л. 5 м.

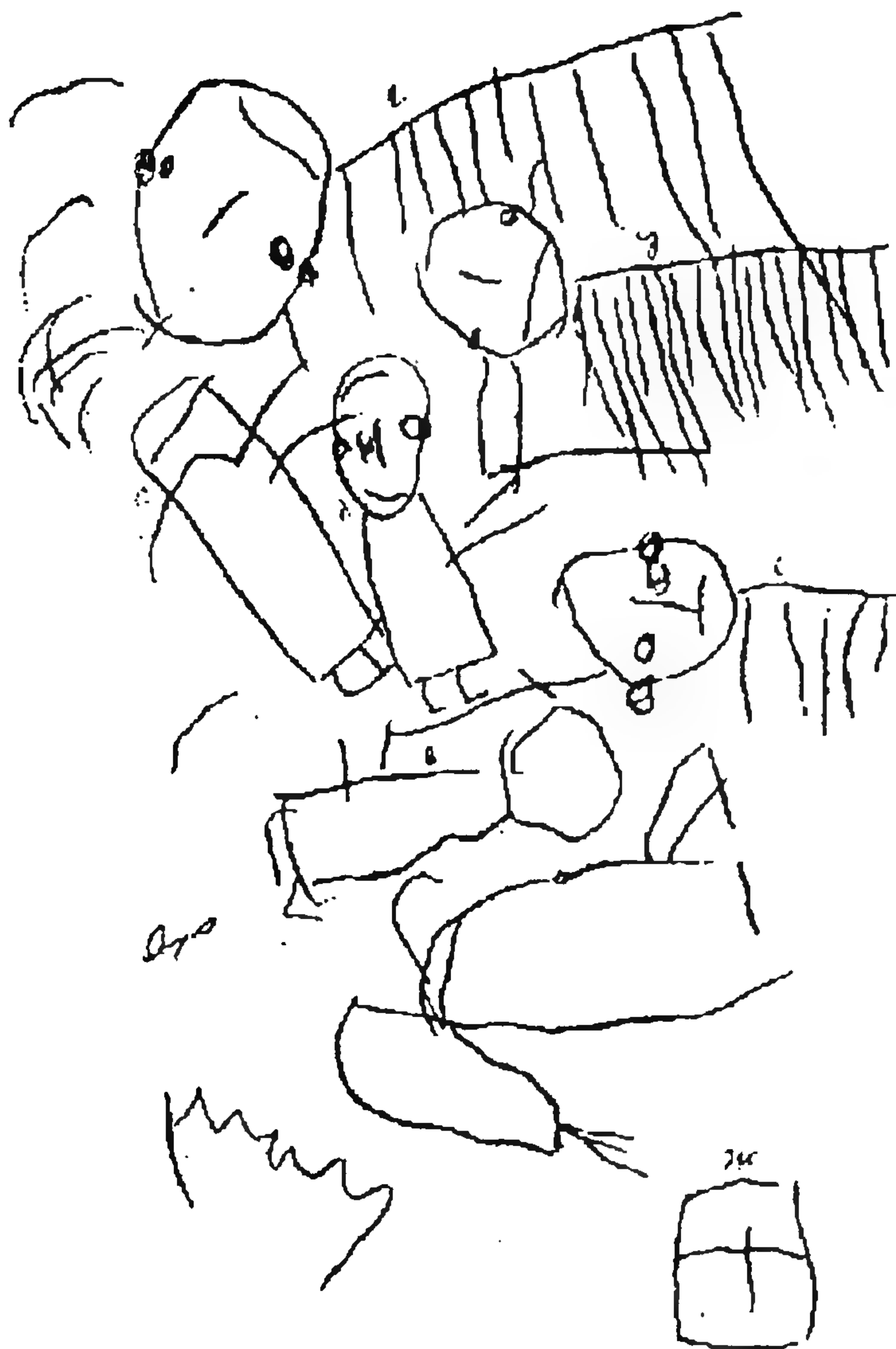

Рис. 26. *a* — автор рисунка — девочка М. ведет одну собаку “Полкана”; мальчик *б* — ведет другую собаку “Фигаро” *д*; другой мальчик *в* ведет третью собаку “Карменку” *е*; *ж* — окно. Рис. девочки М. 3 1/2 л.

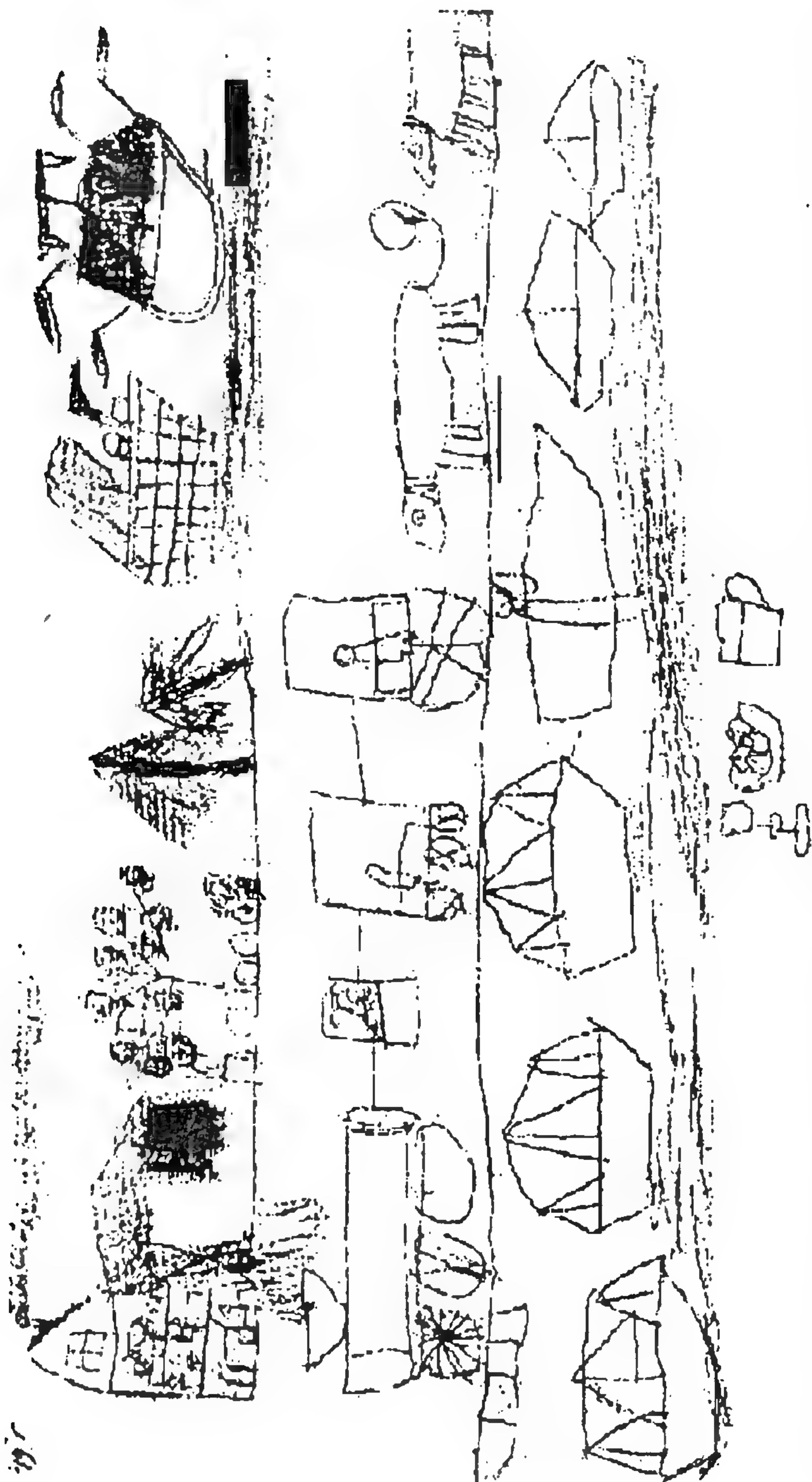

Рис. 27. Рис. девочки М. 4 1/2 л. Нарисована "Волга" с судами (про Волгу говорили взрослые); вверху малая речка с двумя яхтами. Одна елка валгтя, яблоня и грибы под ней. Черный ход в дом с занавеской; в среднем этаже железная дорога и две собаки. В самом низу кружка, тарелка и ваза.

Точно также значительная дифференцировка может быть отмечена и в изображении отдельных предметов на рисунке, относящемся к 3 1/2-летнему возрасту. Здесь у человеческой фигуры появляются уже руки не в виде простых линий, а в виде продолговатых закругленных приставок к туловищу с большим количеством малых добавочных линий, долженствующих изображать пальцы (рис. 29).

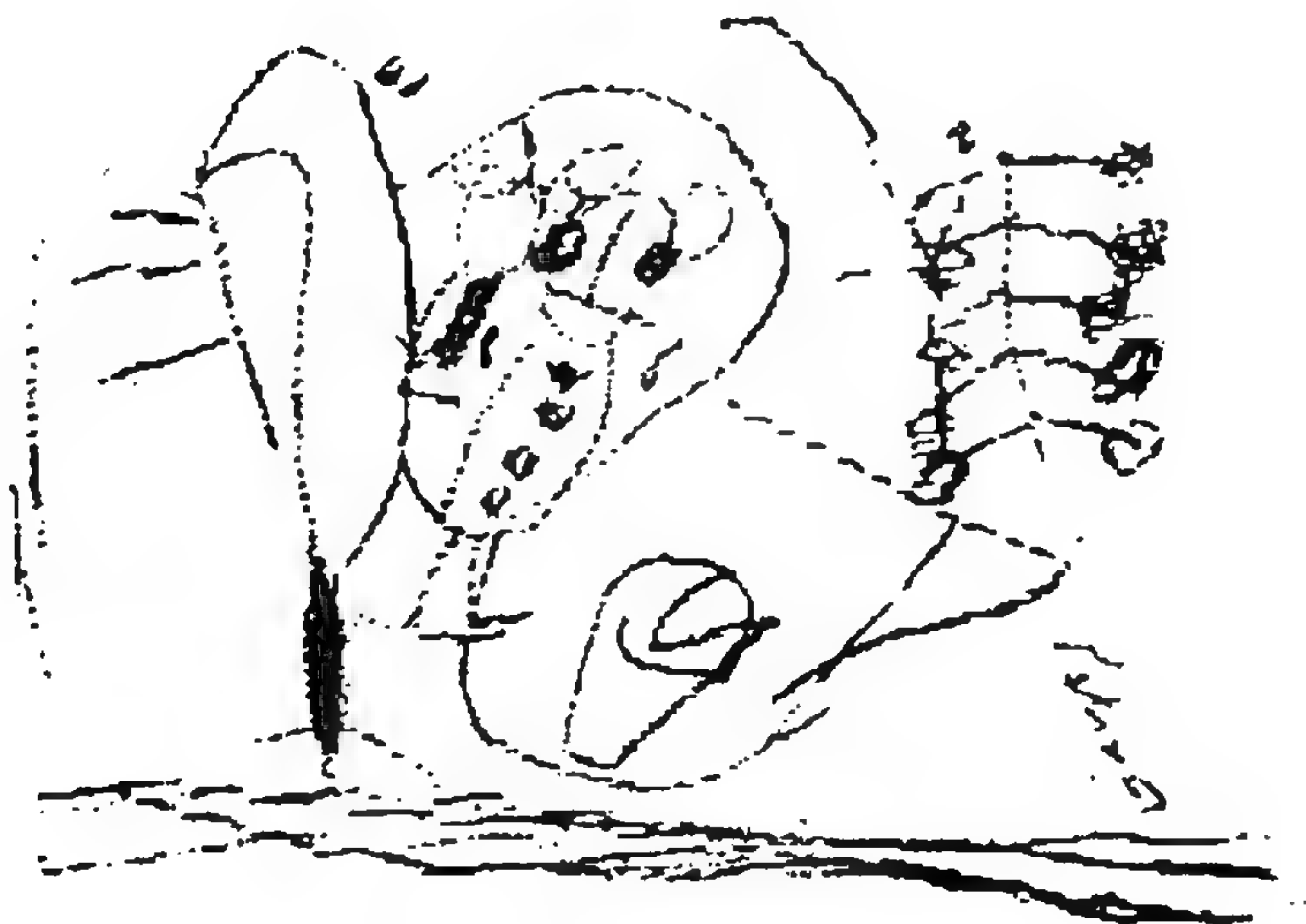

Рис. 28. а — дятел на дереве; б-девочка — автор рисунка; в; — мальчик меньше ее ростом; г — деревцо. Рис. красным карандашом девочки М. в возрасте 3 г. 5 м.

Следует заметить, что, хотя ребенок в известном возрасте достигает значительного совершенствования в изображении отдельных предметов, например, фигуры человека, но нередко в то же время и даже в позднейшем возрасте он прибегает и к более простым примитивным изображениям, как бы их упрощая или сокращая самый рисунок, но он уже не возвращается к первоначальным рисункам, а сохраняет более совершенную их форму, устраняя лишь некоторые детали, например, отдельных частей лица или рук. Между прочим обращает на себя внимание тот

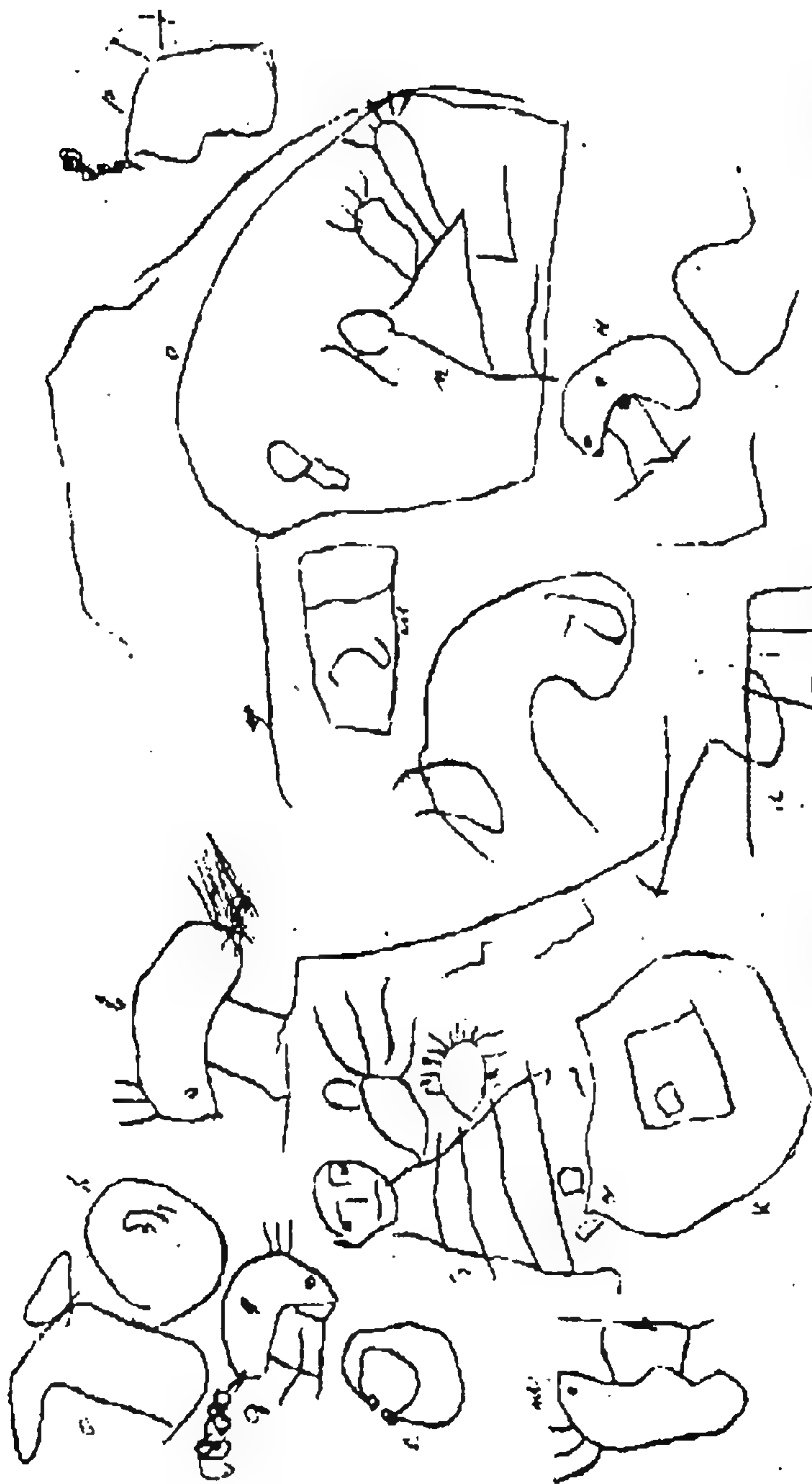

Рис. 29. Рис. девочки М. а — валенка; б — хомут; в — попугай; д — птичка; е — калачик с вареньем; ж — птичка; з — девочка М. (автор рисунка); к — свинюшка; л — флаг; м — кровать и подушка; н — птичка; о — корабль; п — мама на корабле; р — мышь.

факт, что комбинированные рисунки отличаются значительным упрощением форм и большей условностью, тогда как рисунки, относящиеся к какому-нибудь одному предмету, отличаются большей отделанностью, по крайней мере в частностях.

Заслуживает внимания также встречающееся на рисунках преувеличенное изображение ребенком числа пальцев на руке или

числа ног в человеческой фигуре, как ранее встречалось преувеличенное изображение числа ног в фигуре животного. Можно думать, что оно указывает на недостаток счета у ребенка, — тем более, что в иных фигурах число пальцев оказывается недостаточным, и притом эти неправильности мо-

Рис. 31. а — павлин; б — обезьянка. Рис. дев. М.

Рис. 30. а — птица клюет зерна; б — девочка — автор рисунка идет; в — корзина с черникой. Рис. дев. М.

гут встречаться даже у детей в возрасте 5 лет. Но иногда мы встречаемся с большим числом обозначений ног не только у животных, но и у человеческих фигур, например, 3 или 4 ноги вместо двух, после того, как ребенок ранее всегда изображал две ноги. Быть может это умножение ног должно обозначать в извест-

Рис. 32. 1 — большая фигура слева изображает няню; 2 — баба яга; 3 — Валентина; 4 — девочка — автор рисунка; 5 — Володя; 6 — Когти — пальцы у няни. Рис. девочки М. в возрасте около 3 л. 5 м.

ных случаях действие, т. е. движение, бег, так как в этом периоде ребенок не в состоянии изображать действие определенной позой.

Дело в том, что для иллюстрации действия ребенок прибегает иногда к особым метафорам также с умножением отдельных частей рисунка. Например, для изображения птицы, клюющей зерна, к носу птицы в виде длинной цепочки приставляются им мелкие кружки, должныствующие изображать собою поедаемые зерна (рис. 30а). В них случаях эти кружки тянутся цепочкой от клюва внутрь тела, как доказательство того, что они действительно съедены (рис. 31а) или даже они тянутся от хвоста наружу в доказательство законченности пищеварительного акта (рис. 31а). В других случаях изображение действия

достигается удлинением частей рисунка, как это мы видим на рисунке, где няня, охраняющая детей от бабы-яги, изображена с длинными пальцами (рис. 32).

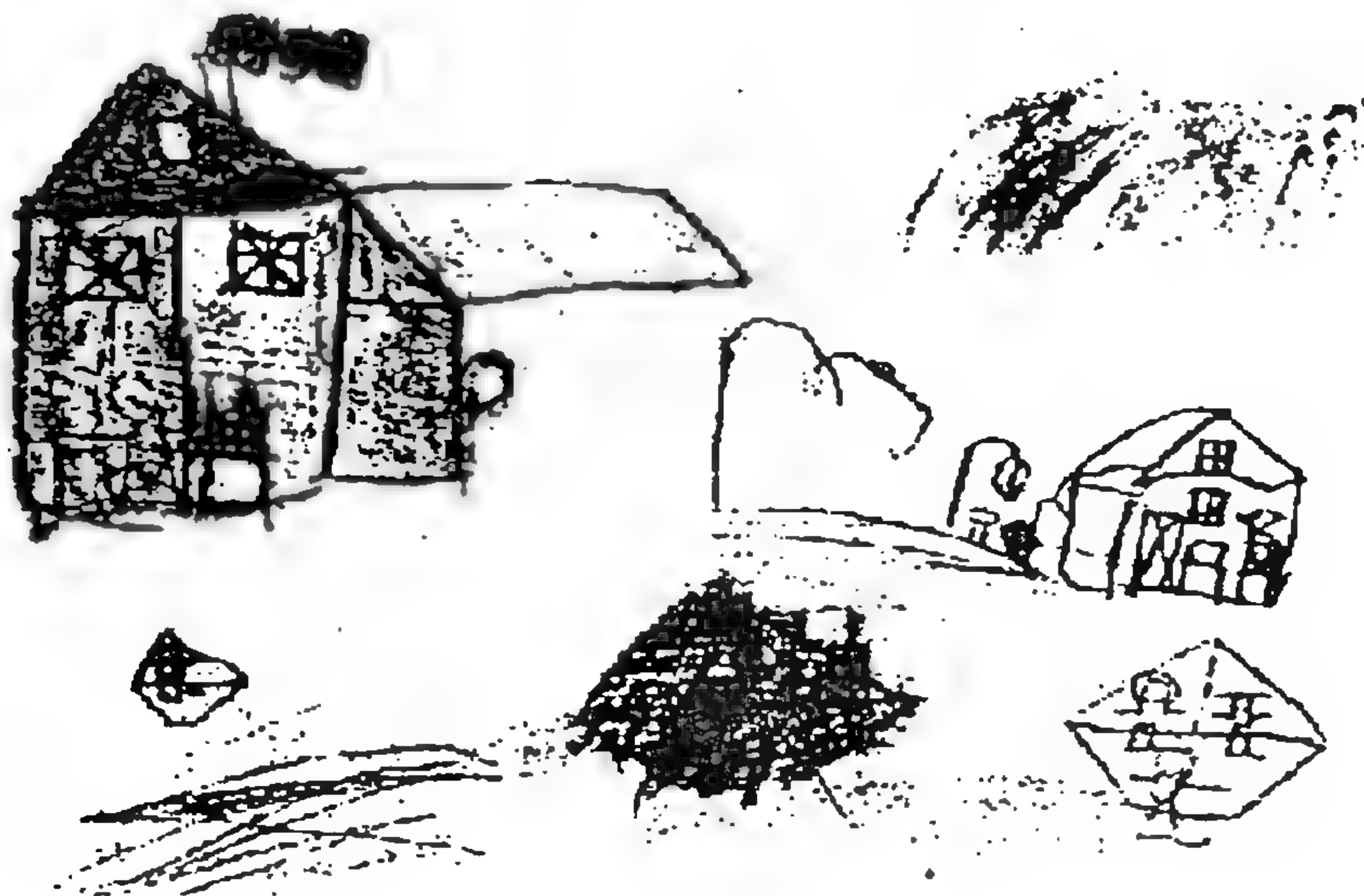

Рис. 33. Домики и лодки. Рис. девочки М. Слева дом затушеван красным и синим карандашом.

О правильном соотношении в размерах рисуемых предметов в этом возрасте еще не может быть и речи (рис. 32, 33, 34 и 39), так как вообще соразмерность и гармония частей являются продуктом более позднего возраста. Резкое несоответствие в частях наблюдается даже в возрасте около 4 1/2—5 лет, как показывает, например, рисунок дома, у которого крыша под крыльцом чрезмерно вытянута (рис. 33) или рисунок дома с огромной дверью и ручкой, причем няня представлена выше дома, яблоки изображены больше человеческих голов (рис. 39) и т. п. Иногда обнаруживается даже гиперболическое преувеличение отдельных частей рисунка (рис. 32, 34 и 44).

Между прочим девочкой М. в возрасте около 4 лет была нарисована корова, у которой вымя оказалось чрезмерной величины, хотя этот рисунок был ею вторично пе-

рерисован именно из-за огромных размеров вымени, спускавшегося первоначально даже ниже ног животного. Заслуживает также внимания несоответствия с действительностью в положении тех или других частей рисунков. Так одна из моих девочек нарисовала вымя позади задних ног коровы и не находила в своем рисунке ничего ненатурального (53). Затем однажды девочка 4 лет нарисовала себя упавшей, причем лицо ее представлено в вертикальной позиции при лежащем положении туловища (рис. 586).

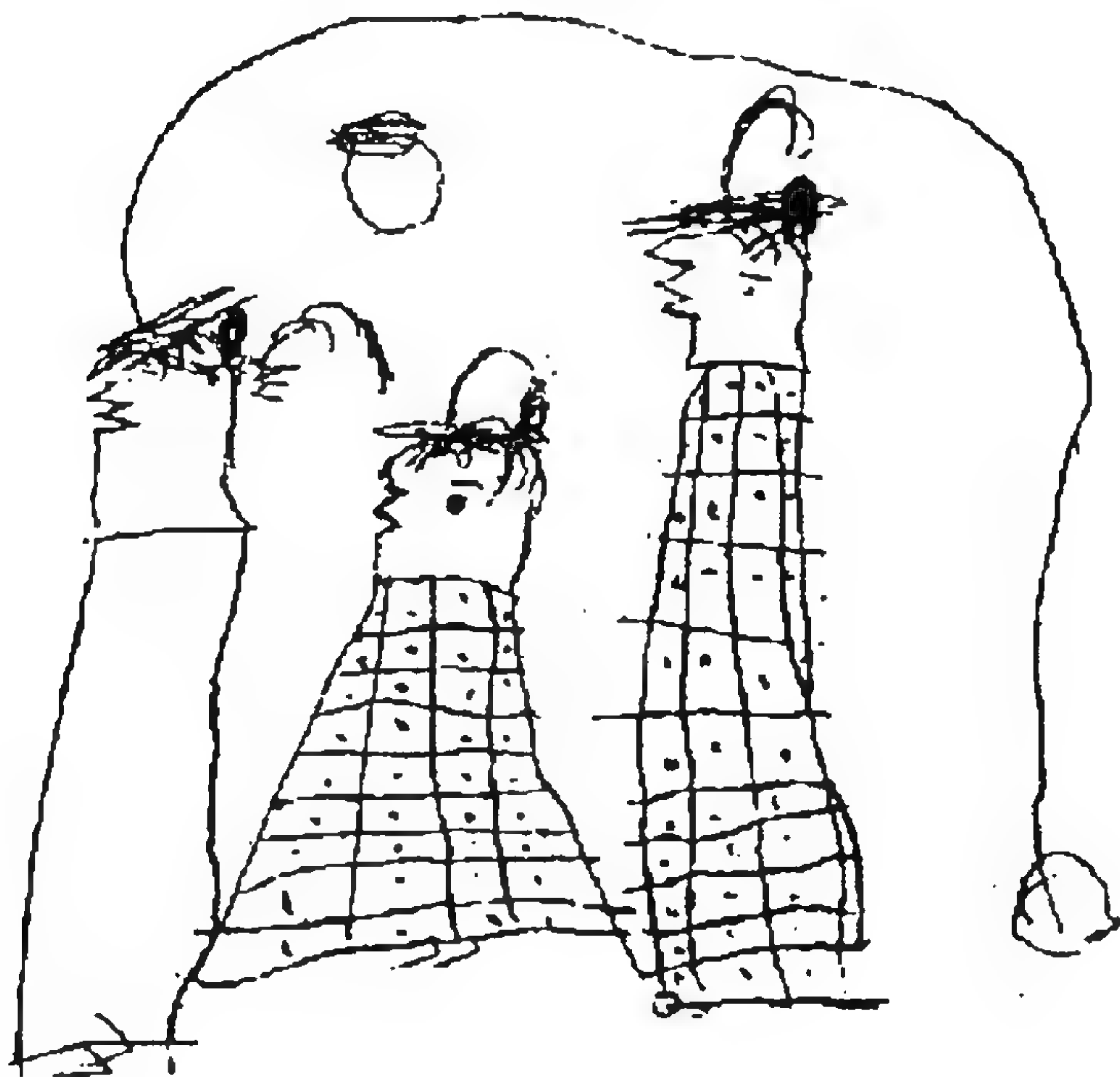

Рис. 34. Рис. девочки М. в возрасте 3 г. 10 м.

Благодаря несоответствию отдельных частей детские рисунки даже и в более позднем возрасте нередко приобретают в полном смысле слова карикатурный вид (рис. 34, 35 и 36, 59, 60).

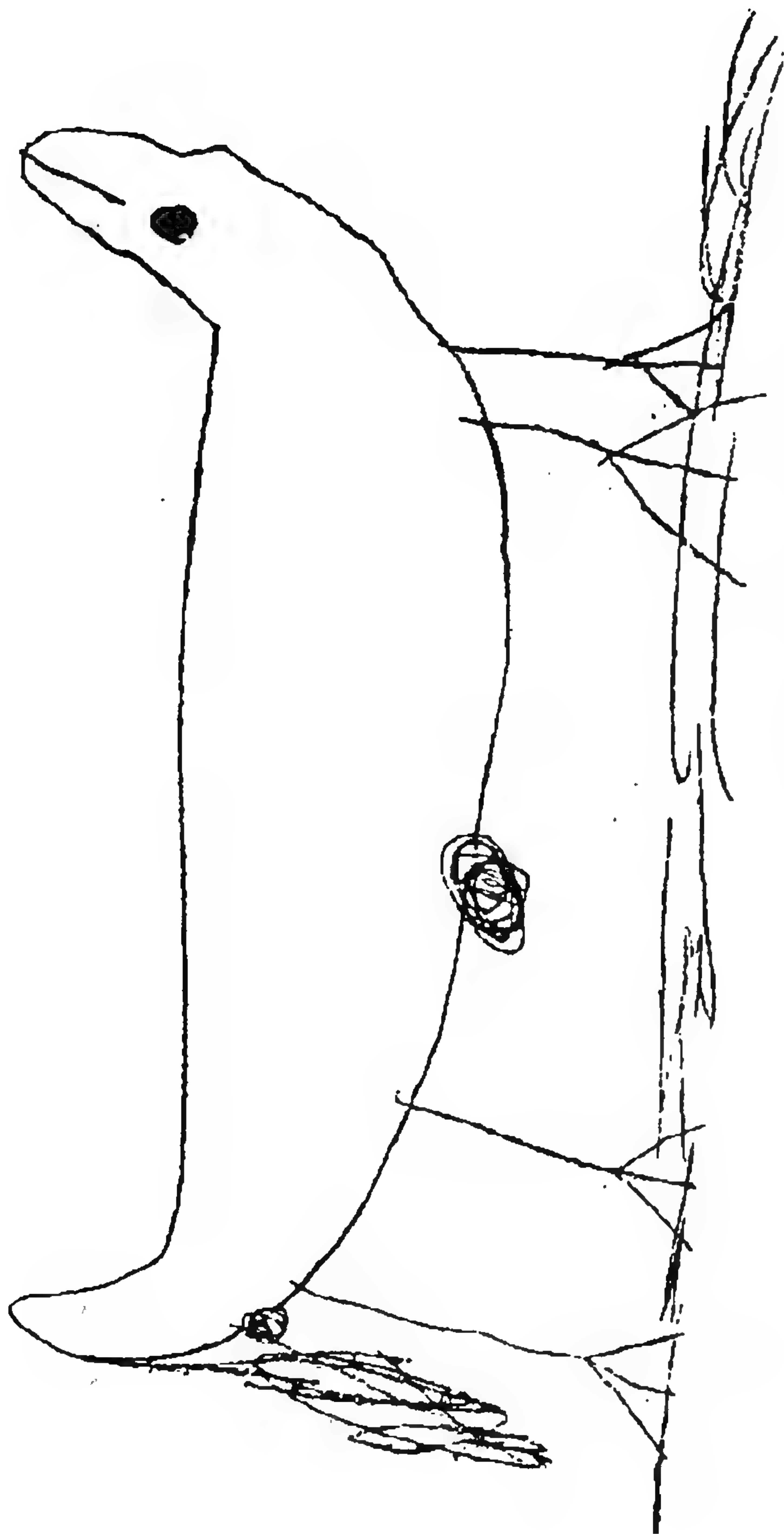

Рис. 35. "Собака воеет". Рис. девочки К. в возрасте 4 г. 2 м.

Рис. 36. Рис. девочки К. в возрасте 4 л. 2 м. Большая фигура "бука", остальные "дети". Если дети послушаются, то буква даст им арбуз, который он буква берет с полки справа от себя.

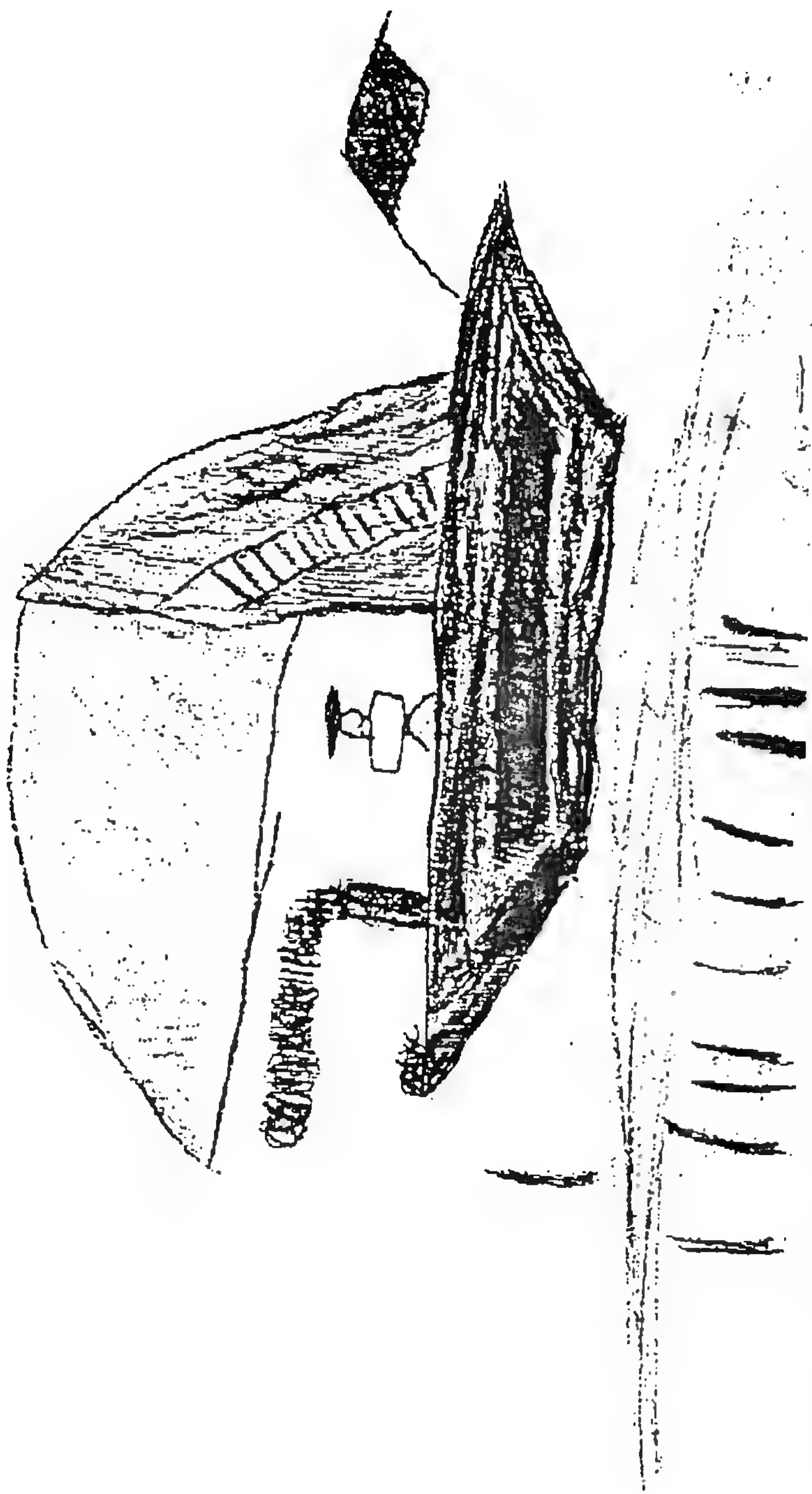

Рис. 37. Яхта. В оригинале все части яхты затушеваны разноцветными карандашами. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. 5 м.

Заслуживают внимания также неправильности в детских рисунках, объясняемые незнакомством с законами природы. Благодаря этому, например, цепь от якоря лодки на детском рисунке даже у девочки 4 1/2 лет висит в воздухе дугою с выпуклостью, обращенной кверху (рис. 57), или у яхты дым из трубы отклоняется в одну сторону, а флаг развевается в другую (рис. 37) или у кареты передок остается висящим в воздухе (рис. 38) или дым из дому выходит вниз (рис. 11) и т. п.

Вряд ли нужно говорить, что все, что рисует ребенок, заимствуется им из окружающей действительности или из рассказов, которые он слышит. Поэтому, например, ребенок, проводивший лето в фруктовом саду, изображает деревья увешенными фруктами, ребенок, живущий около воды, изображает лодки или пароходы, ребенок, живущий у железной дороги — локомотивы и поезда и т. п.

Равным образом всякий вообще ребенок рисует те человеческие фигуры и животных, которые его окружают. Поэтому человек представляет для него излюбленное изображение. Но было бы неправильно думать, что ребенок старается копировать окружающее. Напротив того, почти все его рисунки носят как бы символический характер, благодаря чему в рисунке обозначаются лишь основные черты данной фигуры и притом далеко не все, как это мы видим, например, в изображении человеческих фигур. Условность обозначений в детских рисунках видна еще более на изображениях животных, туловище которых представлено в виде одной горизонтальной линии со множеством ниспадающих меньших по размерам боковых линий, долженствующих изображать собою ноги (рис. 25, 26), причем к одному концу этой линии приставлено человеческое лицо, другой же конец должен изображать хвост животного.

Можно думать, что в рисунках ребенка больше занимает содержание, нежели отделка частей рисунка — явление, которое свойственно повидимому вообще примитивному рисованию и которое между прочим можно видеть также на рисунках некоторых душевнобольных)¹.

¹ См. Объективное исследование душевнобольных. "Обозр. психиатрии". 1907 г.

Рис. 38. Вверху рисунка луна, звезды и тучи, внизу слева трамвай, б — карета, в — две собаки. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. и 5 1/2 м.

Нет надобности говорить, что и в этих условных обозначениях с течением времени достигается прогресс и таким образом животное в рисунках детей из вышеуказанного вполне условного обозначения постепенно начинает обозначаться уже фигурой, более соответствующей виду животного (рис. 29, 38, 40), или, например, человеческая

Рис. 39. Цветной рис. девочки М. в возрасте 4 г. 4 м. 1) дом няни; 2) девочка М. — автор рисунка — хочет открыть дверь; 3) няня; 4) деревья с воздушными шарами; 5) вагоны.

фигура из простого кружка с одной добавочной, а затем двумя добавочными линиями постепенно приобретает форму туловища и головы с верхними и нижними конечностями. При этом постепенно к фигуре добавляются те или другие детали, например, глаза у человека (рис. 41),

даже уши и пуговицы на платье (рис. 28) и, наконец, человек начинает изображаться даже в боковом профиле (рис. 42, 34).

Заслуживает внимания тот факт, что фигура человека с профильным изображением головы появляется позднее фигуры с передним фасом лица, во

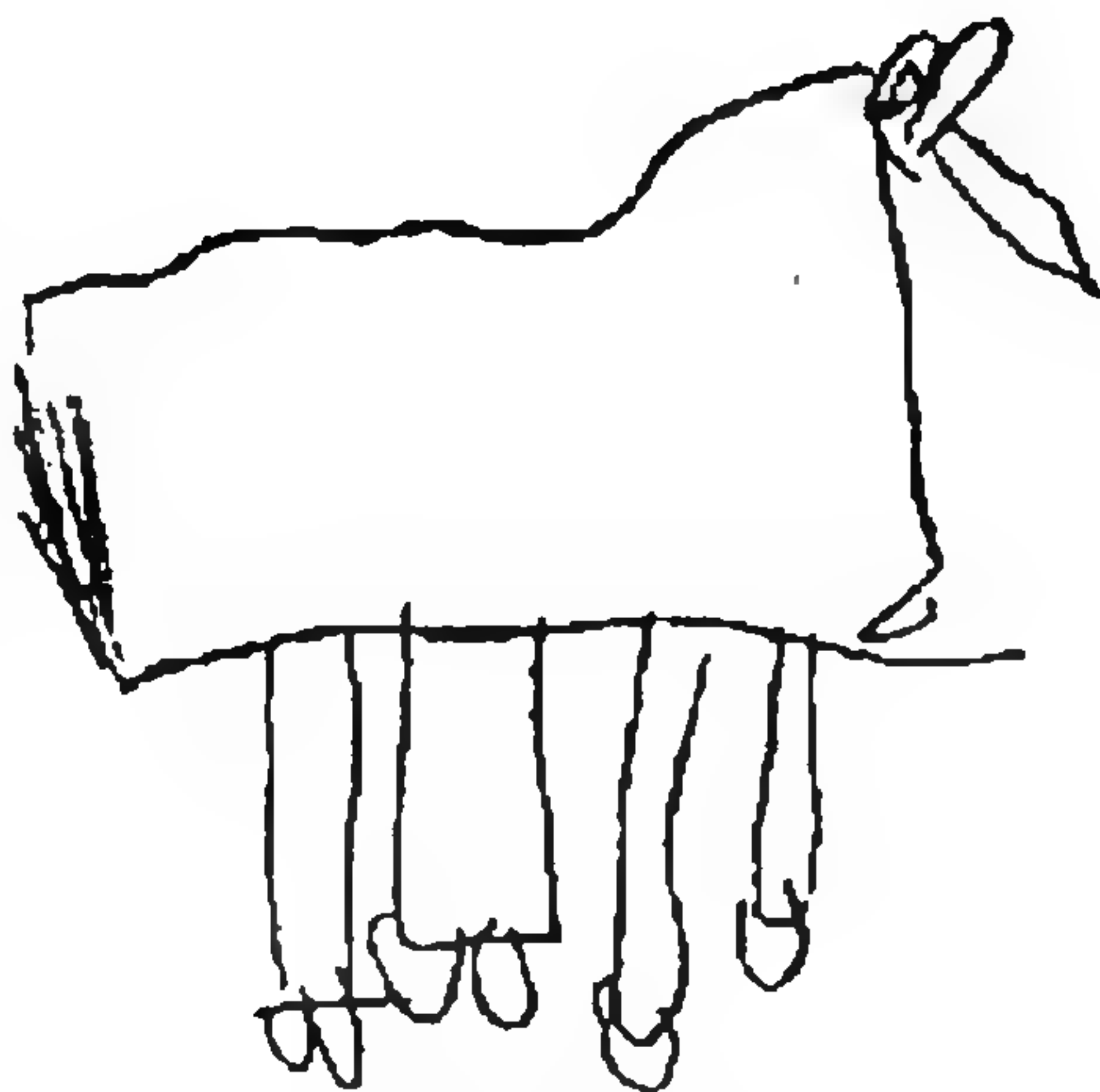

Рис. 40. Рис. девочки М.

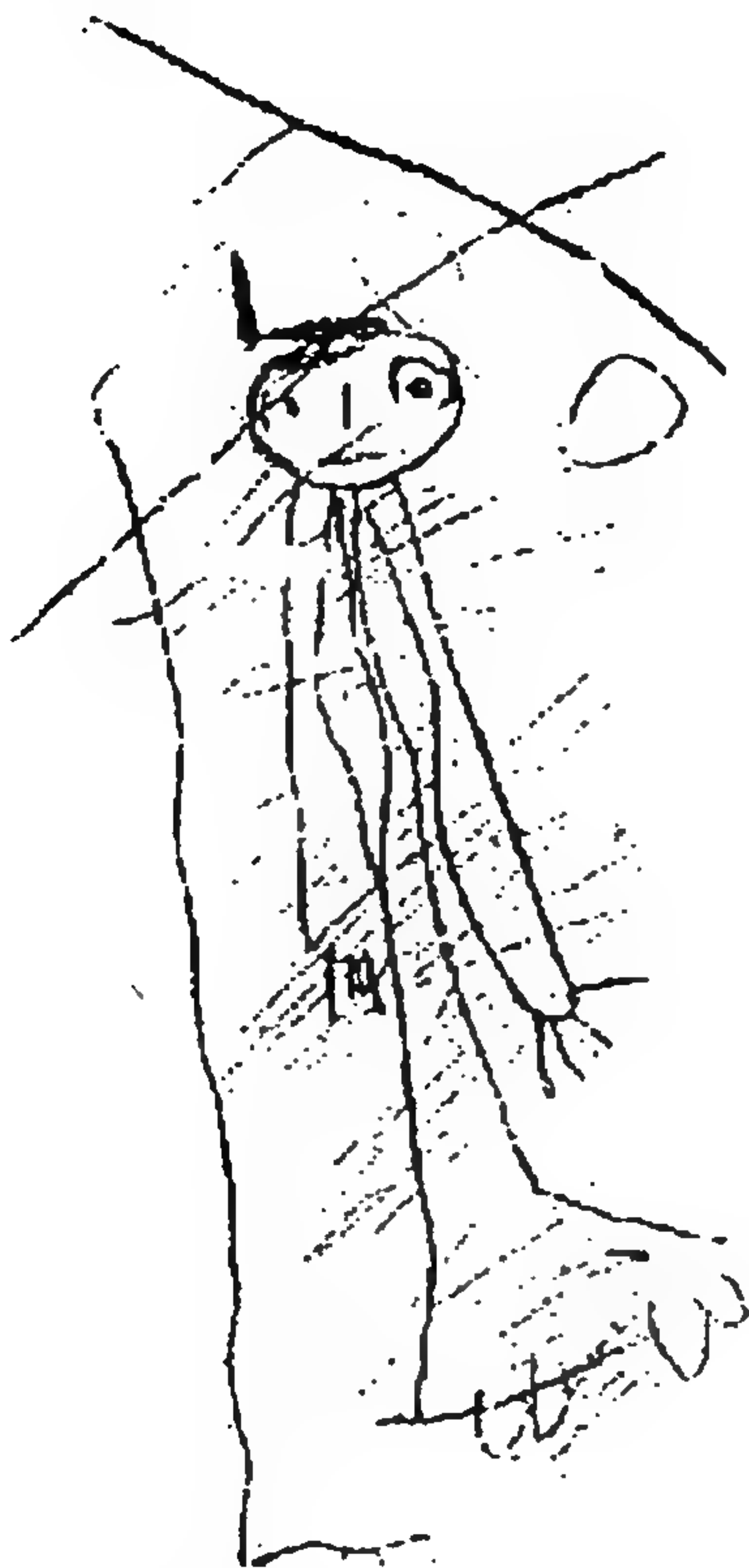

Рис. 41. Рис. девочки М.

всяком случае не ранее 3 1/2–4 лет (рис. 34, 42). О том, что профиль головы животного (рис. 23, 24, 38, 40, 49, 53) появляется сравнительно поздно, было упомянуто ранее.

Около того же времени на рисунках мы видим уже определенные позы в изображениях людей, например, рисунок может изображать сидящих детей на стульях (рис. 43) или спящих людей на кроватях (рис. 44).

Вместе с тем появляется и изображение отдельных частей обстановки, а также появляются и другие детали рисунка, относящиеся к украшениям (рис. 43,

44, 52 и 55). Позднее эти украшения выступают еще рельефнее.

Намек на перспективное изображение дома можно обнаружить на рисунке, относящемся к возрасту 3 1/2 года и старше (рис. 44, 45 и 51).

Более сложное комбинирование рисунков с позами и действиями отмечается в возрасте, начиная с 3 1/4 лет и позднее (см. рис. 35, 36, 38, 39, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 54). Около этого же времени возможно и комбинированное рисование на заданную тему; например, дети играют около дома (рис. 43), или служанка гонит коров (см. рис. 48).

Что касается подражательного рисования или срисовывания, то оно развивается, вообще говоря, позднее символического.

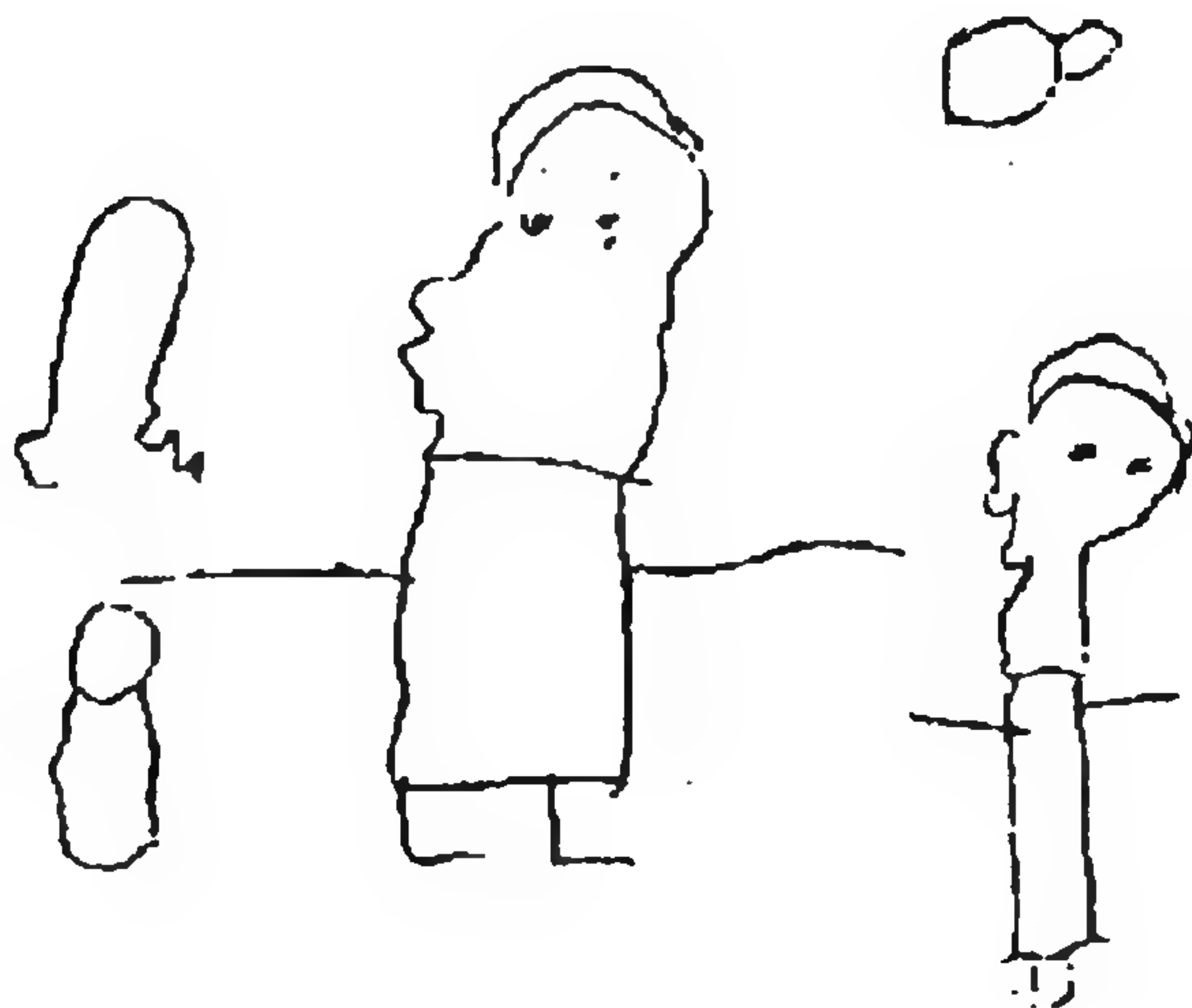

Рис. 42. Большой, малый и еще меньший мальчик. Рис. девочки М.

Даже в 3–3 1/2 года оно удастся еще весьма несовершенно, хотя столь простые вещи, как рисунки предметов обихода, ребенок в этом возрасте уже копирует более или менее удачно (рис. 50), а буквы ребенок может уже передавать на бумаге по памяти. В возрасте 3 лет 8 месяцев моя

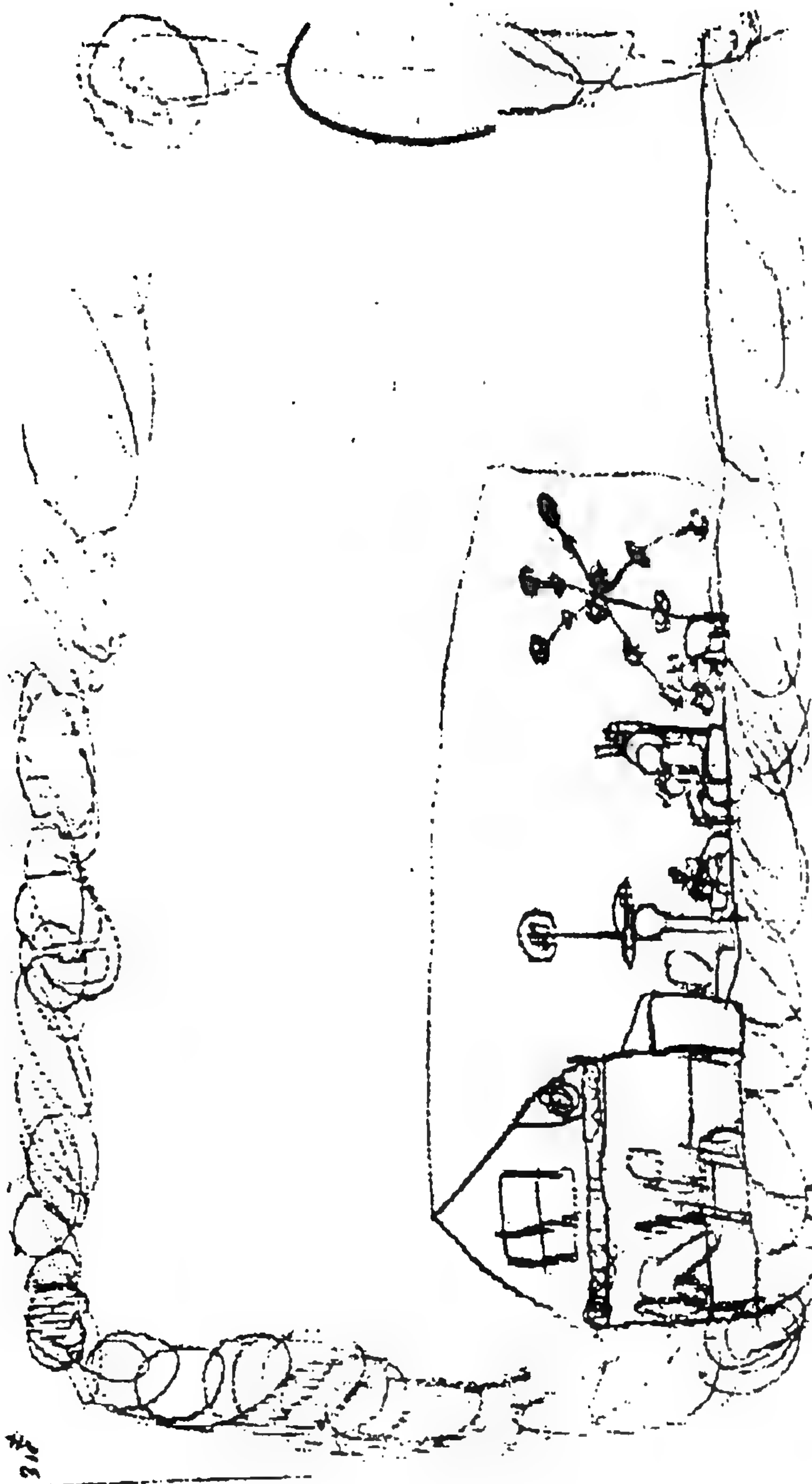

Рис. 43. Цветной рис. девочки М. в возрасте 4-х лет, а — мама с павлиным пером; б — девочка М. (автор рисунка) копается в песке; в — няня сидит, около нее девочка О. К. знакомая девочки М.; г — “дерево, на котором шоколад растет”; д — сад.

девочка, предварительно ознакомленная с буквами и их начертанием, могла уже сама писать некоторые слова на бумаге после их произношения посторонними.

Выше было упомянуто, что в возрасте конца 3-го года ребенок разрисовывает отдельные части рисунка различными цветами (рис. 36, 37, 39, 56, 57). Но при этих цветных украшениях рисунка еще не видно фигурных украшений. Последние появляются несколько позднее вместе с изображением обстановочных частей рисунка (рис. 44, 52).

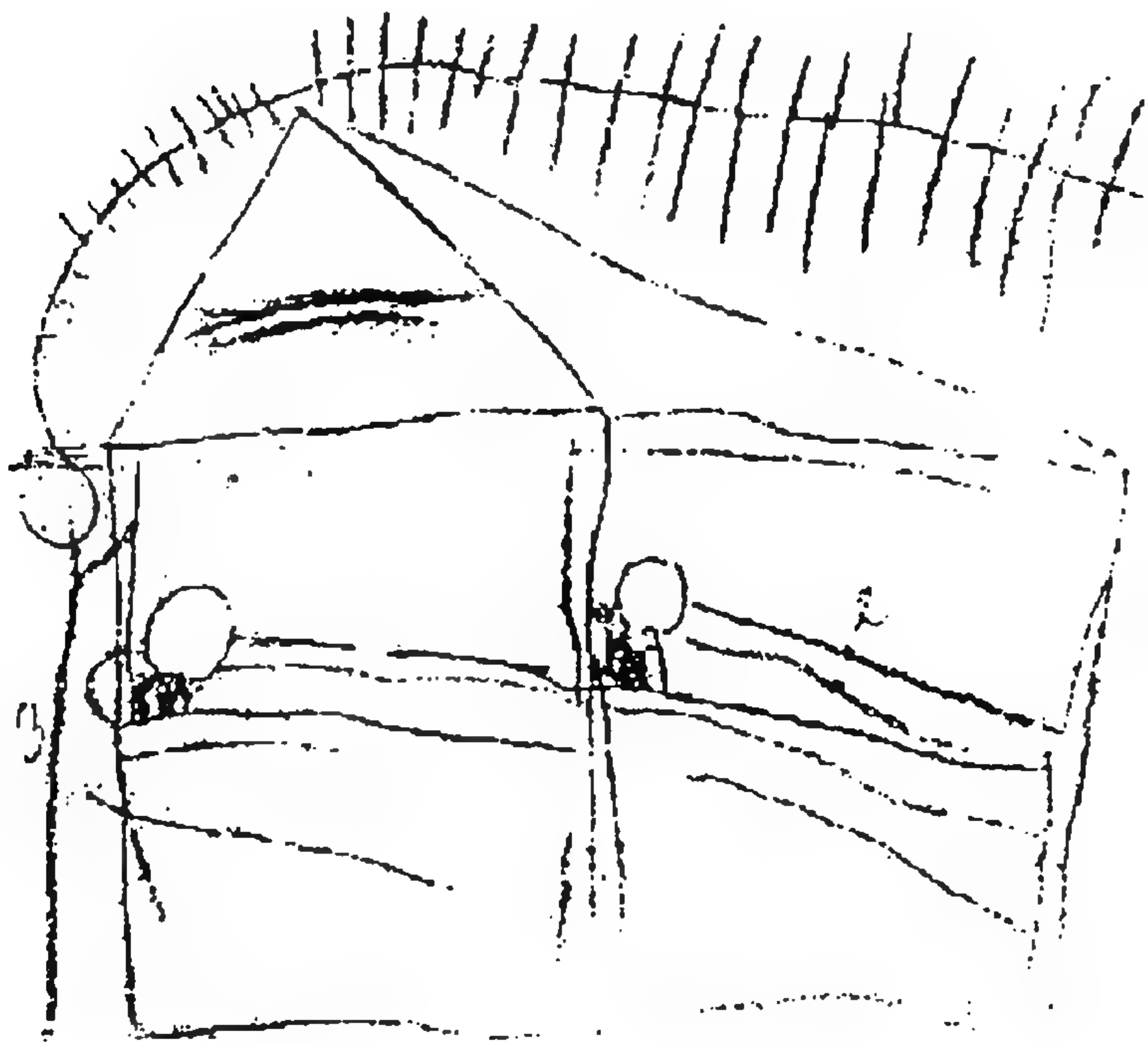

Рис. 44. Рис. синим карандашом девочки М. Девочка М. (автор рисунка) спит; 2) няня спит; 3) мама приехала и звонит; на голове ее павлинье перо.

Надо заметить, что в конце 3-го года и позднее ребенок весьма охотно рисует цветными карандашами и изображает разными цветами не только отдельные предметы,

например, рисует людей разными цветами, но иногда различными красками он изображает и разные части предметов человеческого тела, например, (см. рис. 43, 34, 54, 55, 59 и 60) волосы рисует одним цветом, изображая в то же время всего человека или части его туловища другим цветом (рис. 60), или при изображении туловища человека одним цветом его рука рисуется другим цветом, в некоторых же случаях одна рука может оказаться красною, а другая синею (рис. 60), или отдельные пряди волос на голове могут быть нарисованы разными цветами.

Нечего говорить, что головные украшения изображаются различными цветами (рис. 58 и 59). Равным образом и деревья нередко ребенком изображаются различными цветами (рис. 57). Точно так же дома снабжаются разнообразными цветными украшениями. Поразительную любовь к цветным украшениям у ребенка можно видеть на рисунках, изображающих дома с навешенными на них всюду "ягодками" (см. рис. 56). Надо заметить, что такие дома ребенок стал рисовать лишь после того, как увидел на домах Петербурга иллюминацию электрическими лампочками.

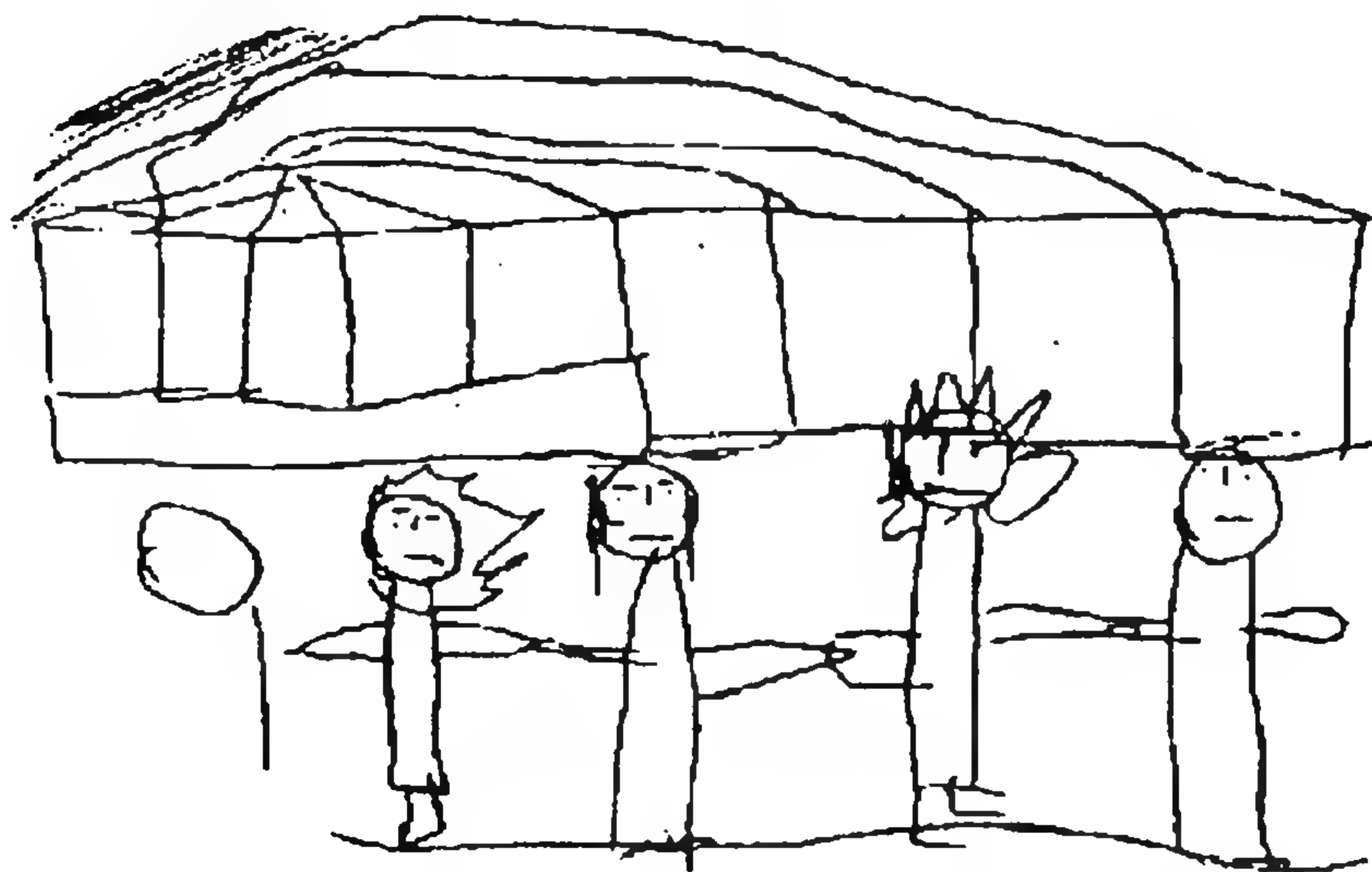

Рис. 45. Рис. девочки М. "Дом и дети".

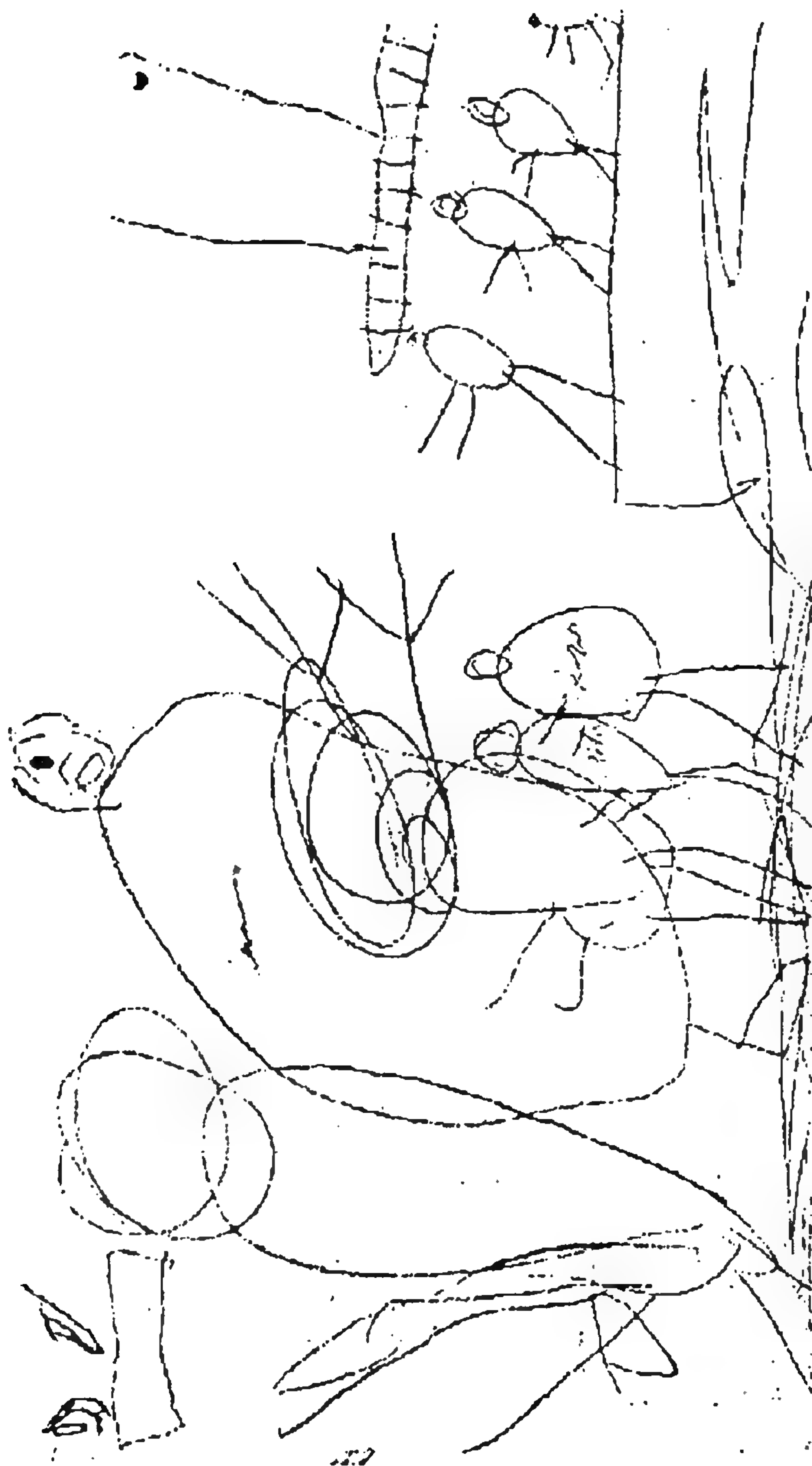

Рис. 46. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. 2 м. "Мать просит детей, чтобы они скорее шли к ней". Две фигуры девочка Катя и девочка Леля "показывают, что они уже послушались".

Вообще страсть к цветным изображениям у детей должна быть признана поразительной и во многих отношениях замечательной.

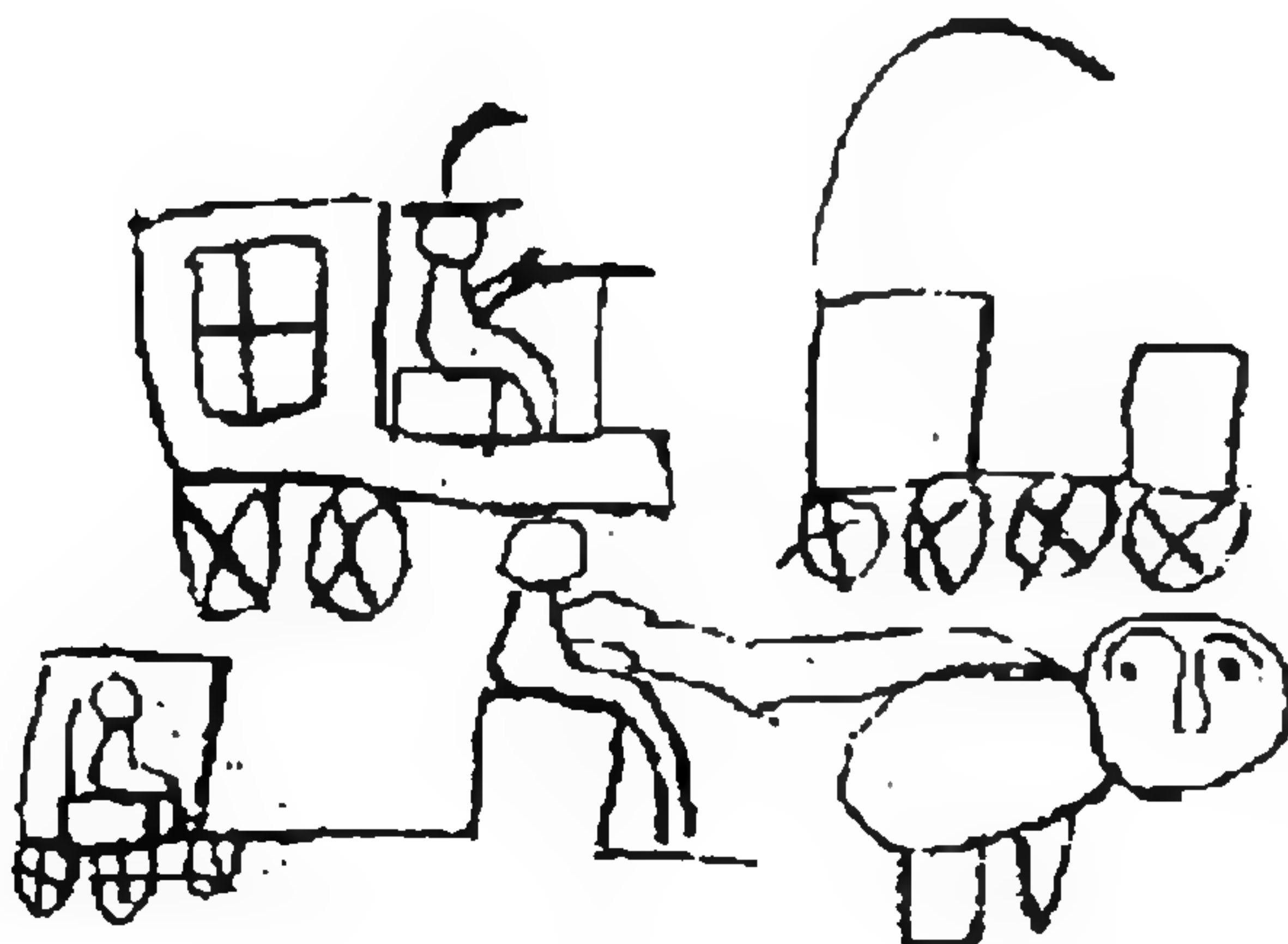

Рис. 47. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. 4 1/2 м. "Карета и лошадь и мы едем", вверху налево — мотор, направо — карета "позолоченная".

Еще одна особенность: лица симпатичные детям обыкновенно украшаются ими лучше других. Например, у моей девочки мама изображалась всегда с карикатурно длинным павлиньим пером (рис. 43), в то время как другие лица женского пола рисуются ребенком без павлиньих перьев.

Таким образом, детские симпатии сказываются в особых преувеличениях украшений, хотя эти преувеличения могут объясняться и неполной соразмерностью в соотношениях частей рисунка, которая вообще достигается много позднее.

Поразительно часто у ребенка действие представляется несколькими фигурами на одном и том же рисунке, изображающем различные стадии действия. Например, на одном рисунке можно видеть, что девочка М. изображает себя первоначально сидящей в саду и читающей книгу, затем бегущей к маме, затем сидящей в доме; на другом рисунке девочка изображает себя стоящей на столе, под столом и в то же время упавшей в другом месте (рис. 58).

Рис. 48. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. 5 м. на тему: служанка А. гонит коров и телочку. Вверху изображены стойла со скотом. В оригинале служанка разрисована цветными карандашами.

В рисовании детей уже сравнительно рано обнаруживается влияние пола и индивидуальности. Что касается пола, то различие в этом отношении выступает все более и более резко вместе с дифференциацией рисунков. Так, девочка, начав рисовать людей, чаще изображает их в дамском костюме с соответствующими головными украшениями, тогда как мальчики, по-видимому, реже изображают в рисунках человека в дамском платье и с головными украшениями. Даже при первоначальном обозначении человеческой фигуры у моей девочки обнаружена склонность изображать фигуру с треугольным туловищем (форма дамского платья). Это впрочем зависит более всего от сверстни-

1 (5-10 лет) рисует
 коня, человека и
 животное.

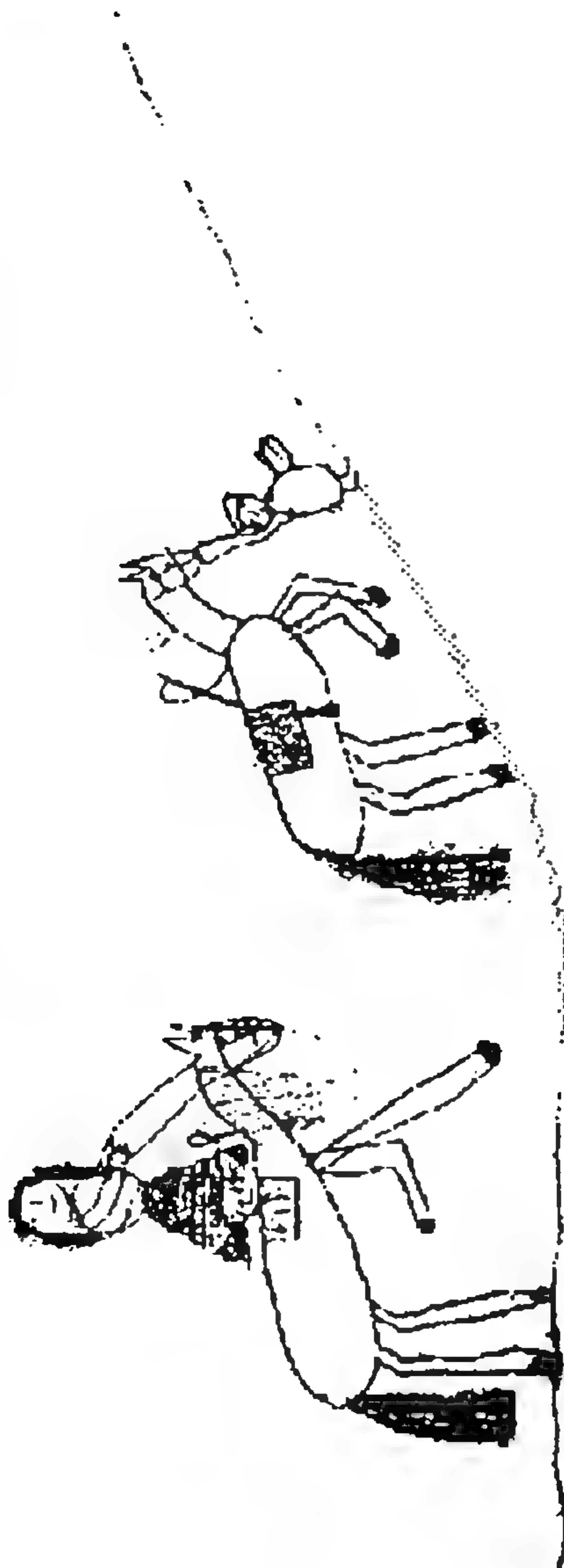

Рис. 49. Рис. девочки М. в возрасте 5 л. 7 м. изображает коня в разных позах.

ков по детской: если на глазах рисующего ребенка преобладает мужской пол, то, и девочки изображают людей с туловищем закругленной формы, т. е. мужчин. Много впрочем в этом случае зависит от усвоения ребенком способа изображения при показывании его взрослыми (рис. 46).

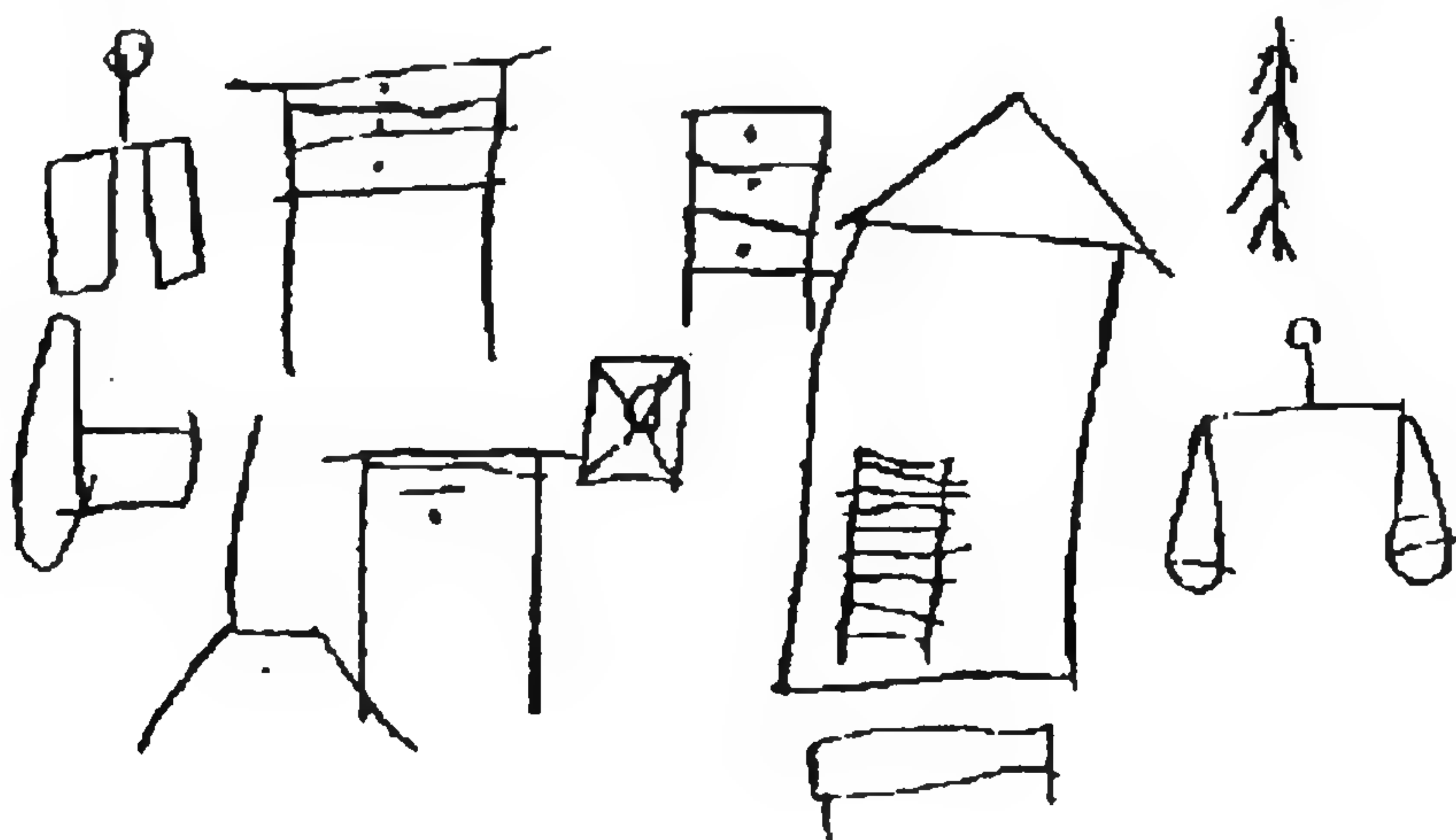

Рис. 50. Рис. девочки М. в возрасте 3 г. 8 м.

Кроме того, наблюдаются и другие особенности в содержании рисунков девочек и мальчиков, объясняемые собственно не природой их организма, а особенностями их обстановки и воспитания.

Что касается индивидуальных особенностей, независимых от пола, то в этом отношении, кроме различий, обусловливаемых физическим развитием ребенка, что отражается на большей или меньшей мягкости рисования, а также более ранним или более поздним психическим развитием, отражающимся и на характере и особенностях рисунков, а также на их дифференциации, должны быть отмечены особенности в содержании рисунков, которые относятся главным образом на счет влияния окружающей обстановки и условий воспитания, а равно и умственного развития.

Особенности индивидуальных различий между детьми выступают с большою ясностью, если нескольких детей за-

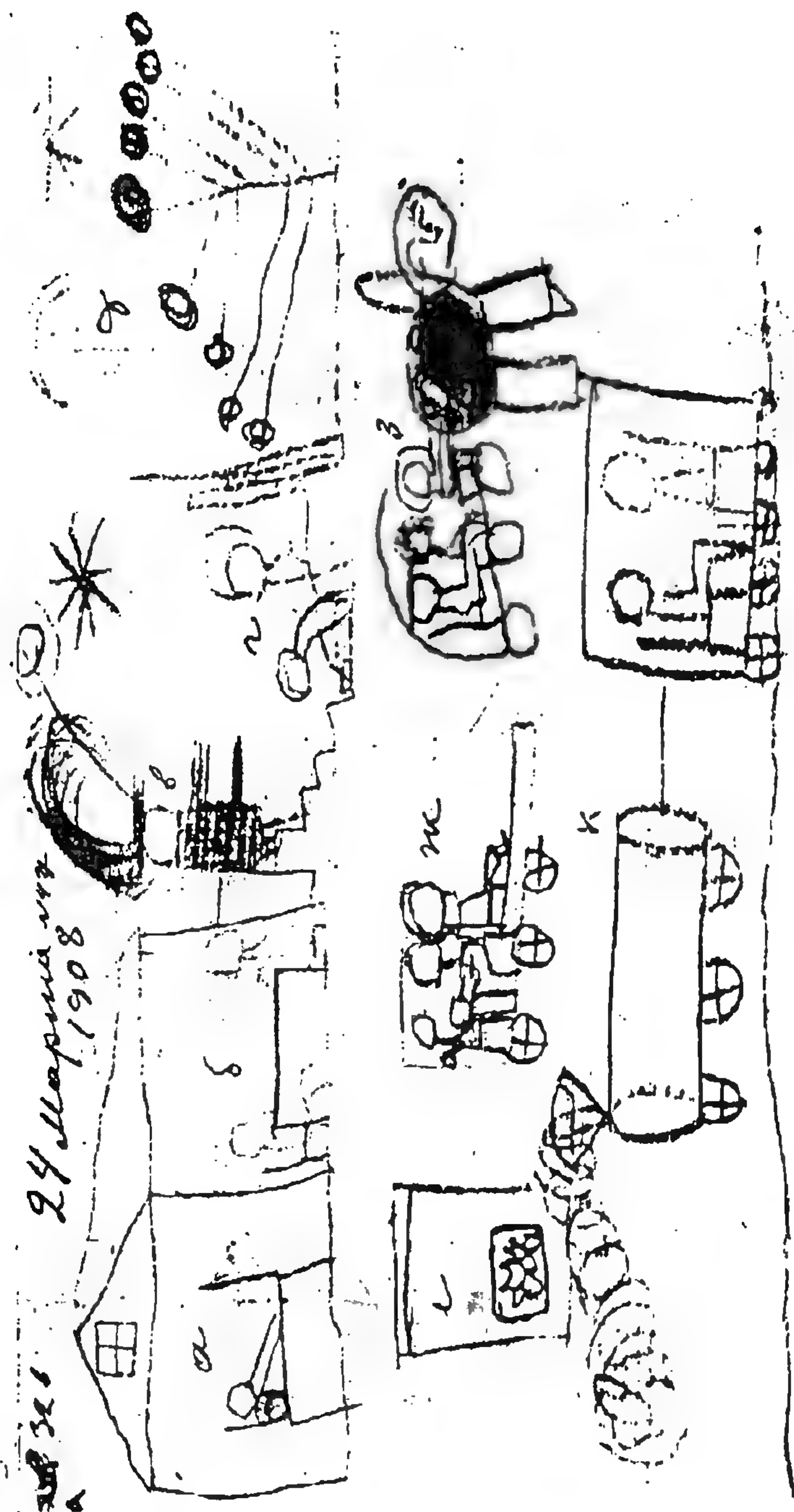

Рис. 51. Рис. девочки М. в возрасте около 4 лет, а — мальчик В. спит; б — девочка М. (автор рисунка) сидит и кушает, а няня стоит; в — мама идет по лестнице в шляпе с павлиньим пером; г — няня А. (мальчика В.) сидит, а мальчик В. копается; д — сад; е — почтовый ящик; ж — мотор; з — карета; к — паровик.

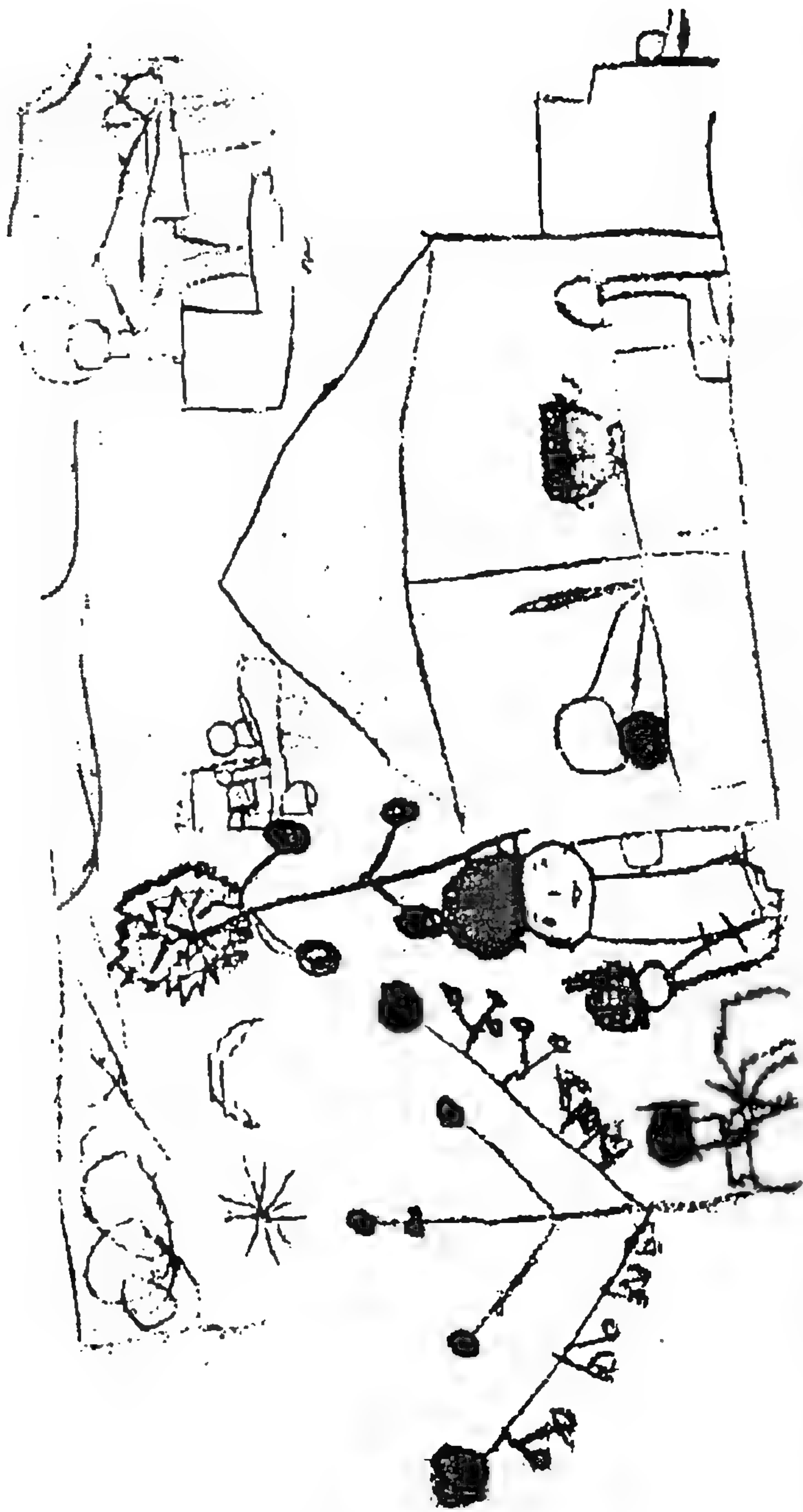

Рис. 52. Рис. девочки М. в возрасте 3 г. 11 м. Справа девочка М. (автор рисунка) в саду читает книжку, у дома мама (с павлинним пером на шляпе) вышла в сад гулять, к ней подбегает девочка М.; внутри дома девочка М. спит, ее мама сидит за столом. На небе, "покрытом тучами", луна и звезды. В оригинале человеческие фигуры вне дома и ветвей дерева нарисованы красным карандашом, остальное и часть павлиньего пера синим карандашом.

Рис. 53. Рис. девочки К. в возрасте 4 г. 5 м. Дойная "корова".

Рис. 54. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. 5 1/2 м. изображены: дом, при нем сад и вагоны с локомотивом. Крыльцо у дома и фрукты на яблонях нарисованы в оригинале красным и синим карандашом.

ставить рисовать на одну и ту же тему, доступную детскому возрасту. При этом ясно выступит и различие умственного кругозора, и степень развития и особенности, зависящие от окружающей ребенка обстановки и т. п.

В заключение нельзя не обратить внимание на некоторое сходство детского рисунка с рисунками душевнобольных хроников с психической слабостью. И здесь поражает удивительное упрощение форм и схематичность в изображении действительности, а также явления, совершенно напоминающие собою детский символизм)¹.

Так же, как и у детей, у душевнобольных мы имеем в рисовании поразительное упрощение внешних форм, причем выдвигается, главным образом, символический элемент, при котором внешняя отделка не играет существенной роли в рисунке; здесь форма изображений должна представлять собою лишь роль знака или простого указателя в изображении той или другой мысли, — ничуть не

более, причем и отдельные части, обыкновенно ничего не значущие, получают в глазах больных, как и у детей, особое, часто символическое, значение.

Сопоставляя все вышесказанное, мы приходим к выводу, что ранее всего у ребенка начинается рисование штрихов, затем рисование каракуль, с которых начинается уже символическое рисование, так как с той или другой каракулей ребенок связывает определенное изображение.

Постепенно из писания каракуль создается первичный детский рисунок, в виде неправильного кружка, с одной или двумя добавочными линиями; этот рисунок первоначаль-

Рис. 55. Рисунок девочки М.
“Сама себя нарисовала”.

¹ См. в этом отношении рисунки, помещенные в моей статье: Examen psychologique objectif des maladies mentales. Traite international de psychologie pathol. Paris. 1910.

но может изображать и человека, и ягоду, и животное, и любой вообще предмет. За этим следует постепенное дифференцирование из одного общего рисунка отдельных изображений разных предметов, благодаря чему мало-помалу развивается изобразительное рисование, в котором впрочем долго еще обнаруживается много условностей и несоответствующих деталей.

С течением времени развивается комбинированное рисование самостоятельное и на заданную тему. За этим следует проявление эстетического элемента в детском рисунке.

Одним из позднейших является также перспективное рисование и притом первоначально только в отдельных частях рисунка например, в рисунке дома. Что касается соразмерности частей рисунка, то оно является по-видимому значительно более поздним продуктом в рисовании ребенка.

Много внимания некоторыми авторами уделяется вопросу о сходстве рисунков детей с живописным искусством доисторического человека и современных первобытных народов. Этот вопрос, действительно, не может не быть интересным, но подходить к его выяснению можно только после обстоятельного разрешения вопроса о постепенной эволюции детского рисунка.

Во всяком случае, есть много данных за то, что законы развития искусства в жизни народов те же, что и законы развития искусства в жизни отдельных лиц, и поэтому, естественно, что общие черты развития детского рисунка повторяют те ступени развития человеческого искусства, которые оно проходило, начиная с доисторического периода своего развития.

С другой стороны, и тот упадок искусства, который мы находим у некоторых душевнобольных, особенно хронических, и у некоторых художников-дегенерантов, представляет собою как бы возврат к примитивному рисованию.

ОХРАНА ДЕТСКОГО ЗДОРОВЬЯ ^{6*}

Бехтерев В.М.

Познать дитя в его первых движениях сердца, проявлениях ласки и привязанности к матери, к семье, в его порывах любви ко всему светлому, радостному, чтобы дать ему все, чего жаждет его младенческая душа, — не значит ли это разрешить больные и самые жгучие вопросы нашего воспитания.

Всестороннее изучение ребенка с первых дней его рождения должно лежать в основе воспитания.

Воспитание, понимаемое в широком смысле слова, ставит своею целью способствовать полному и гармоническому развитию духовных и физических сил организма; ясно, что без всестороннего изучения организма вообще и условий его развития в частности не может быть и речи о его воспитании.

В этом смысле даже растения в школах садоводства культивируются более правильным образом, нежели воспитываются наши дети, так как там рука об руку идет самое тщательное изучение жизни растения и начинается его воспитание с появлением первого лепестка. Средством же для этого изучения служат наблюдение и опыт, на что до сих пор в отношении ребенка почти не обращалось внимания.

Одним из основных принципов правильного воспитания в период первого детства является соответственный физический уход за телом ребенка. Этот уход должен заключаться в хорошем содержании детского организма вообще в установлении соответственного пищевого режима и в наблюдении за правильными физическими отправлениями организма, в особенности по отношению к стулу и времени сна, в правильном обмывании тела в ванне, —

словом, в заботах о возможно целесообразном и здоровом содержании ребенка. Здесь должны быть приняты во внимание все вопросы питания и правильного содержания детского организма, а равно и правильного содержания кормящей грудью ребенка.

Вообще все вопросы, относящиеся до правильного пищевого довольствия и других отправлений желудочно-кишечного канала, должны быть предметом самого тщательного внимания со стороны окружающих лиц.

При физическом уходе в возрасте первого детства следует иметь в виду возможно раннее приучение ребенка к опрятности во всех отношениях. Этим путем удастся почти вполне устранить лежание ребенка в смоченных и загрязненных пеленках. Опыт в нашей семье с девочкой показывает, что уже с 6 недель, благодаря такому наблюдению, можно предупредить неопрятность ребенка, держа его вполне сухим. Приблизительно с 8 месяцев, когда ребенок начал сидеть, его уже усаживали через известный промежуток времени на посуду и таким образом, с этого возраста о неопрятности девочки не было уже и речи.

Как только ребенок в состоянии удерживать воду во рту, следует приучить его полоскать зубки с утра и на ночь, к чему дети очень легко приучаются уже в раннем возрасте, приблизительно с возраста 2 1/2 лет и затем считают полоскание зубов уже своей потребностью.

Нечего говорить, что в деле физического ухода нельзя забывать о правильном и достаточном сне для ребенка, дающем отдых всей нервной системе. Если ребенок спит мало или беспокойно, то это чаще всего говорит о нарушении физического здоровья ребенка и должны быть приняты меры к устранению нездоровья. Если же, несмотря на то, сон недостаточен, должно укреплять его тепловатыми ваннами и тепловатыми же водно-уксусными обтираниями, которые одновременно полезны ребенку и с целью уменьшения его раздражительности, и с гигиенической целью, и с целью улучшения обмена веществ в его организме, а следовательно, и его питания.

Что касается ванн вообще, то следует настойчиво рекомендовать правильное обмывание тельца ребенка в ванне 29–30° R.

Будить ребенка не следует даже для его кормления, так как голодный ребенок спать не будет, он все равно проснется сам под влиянием голода и потребует есть. К тому же исследования показывают, что усвоение пищи идет более правильно, если ребенок питается сообразно потребности своего организма, по сравнению с тем, когда он кормится не в надлежащие периоды времени.

Рассмотрение воспитания в возрасте первого детства мы начнем с воспитания воспринимающих органов и органов движения. Всем известно, какое значение имеют зрение, слух и осязание для умственной сферы ребенка. Отсюда ясно, как важно правильное функционирование этих органов от самого начала их деятельности. Между тем достоверно известно, что ребенок рождается с недоразвитыми воспринимающими органами и только систематическое и правильное упражнение их приводит к их относительному совершенству и целесообразному пользованию ими. Отсюда — необходимость правильного и систематического воспитания воспринимающих органов со дня рождения.

По Прейеру — новорожденный сначала ничего не слышит, потом очень плохо и лишь некоторые звуки, затем слышит большое количество звуков, но все еще очень плохо; вслед за этим мало-помалу из массы тех звуков, которые он воспринимает не вполне, он различает некоторые не совсем отчетливо, наконец, он слышит много звуков и вполне, но всегда ранее различая высокие звуки, чем низкие. Каждая мать тратит многие тысячи слов, которые говорит, бормочет или поет своему ребенку прежде, чем он услышит хотя одно из них; но если бы она этого не делала, то ребенок научился бы говорить лишь очень поздно и с большим трудом.

С другой стороны и орган зрения требует особенного воспитания со дня рождения, что представляется делом вообще крайне важным. Не в лучшем положении дело обстоит и с органом осязания у новорожденного младенца.

В целях воспитания воспринимающих органов необходимо постепенно приучать новорожденного ребенка к фиксированию цветных и блестящих предметов, медленно передвигаемых перед глазами; необходимо ребенку дать возможность играть ручками с подвешиваемыми перед ним предметами и необходимо снабжать его игрушками, издающими те или другие, по возможности, разнообразные нежные звуки, как-то: бубенчиками, колокольчиками и т. п.

В дальнейшем особенно следует иметь в виду развивать ребенка разбираться в цветах и в музыкальных мелодиях.

Для первой цели, с развитием хватательной способности ручки, можно предоставлять ребенку выбирать из массы цветных шариков или цветных яичек те, которые он пожелает, а затем, когда ребенок уже приобрел возможность прочного передвижения на ногах, можно организовать соответственные игры с цветными предметами. Например, скатывать по желобку соответственного цвета шарики в подставляемые для этой цели цветные места, сделанные из картона, или разбирания шариков разных цветов в соответствующие цветные ящики и т. п.

Само собою разумеется, что число цветных шариков первоначально должно быть ограниченным, со временем же оно должно увеличиваться и постепенно можно перейти к игре с оттенками одного и того же цвета. Со временем должно быть применяемо рассматривание цветных картинок, наклеивание готовых цветных фигур на бумагу в том или другом порядке; складывание цветных кубиков из картона в те или другие формы; складывание разъединенных частей несложных цветных картинок и т. п. Еще позднее, приблизительно с 3-летнего возраста, — зарисовывание цветными карандашами схематических фигур и рисование цветными карандашами, а затем и красками. Наконец, полезно для той же цели вырезывание из цветной бумаги различных фигур и наклеивание их на картон, что возможно с возраста в 3—4 года.

Вместе с тем желательно приучить ребенка к точному обозначению цветов, что возможно лишь вместе с развитием речи. Заслуживает также внимания правильное разви-

тие глазомера уже в возрасте первого детства, что достигается тем, что ребенка с развитием речи заставляют сравнивать размеры линий или кубиков, немного превышающих одна другую, а также большее или меньше удаление предметов и т. п.

Но недостаточно, чтобы ребенок научился правильно смотреть и видеть: необходимо, чтобы он легко улавливал характерные особенности предметов, чтобы он понимал гармонию красок, умел наслаждаться природой.

Равным образом и в органе слуха воспитание должно иметь целью не только правильное улавливание звуков, но еще понимание их гармонии.

Для этой цели от простых побрякушек, надо переходить постепенно к нежным музыкальным игрушкам и инструментам с простыми музыкальными тонами; наконец, для той же цели полезен небольшой граммофон, который может быть применяем для детей уже в возрасте 2-х лет. Само собою разумеется, что граммофон полезен при соответствующем подборе понятных детскому слуху, несложных и нежных музыкальных мелодий, в особенности из числа детских и народных песен, причем желательно постепенно приучать ребенка и к пению под граммофон. Дети очень любят простые детские песенки и легко их заучивают, благодаря чему одновременно достигаются две цели — обогащение слов и развитие музыкального слуха.

Что касается органа осязания, то изощрение его достигается первоначально тем, что ребенку дают касаться твердых и мягких вещей, теплых и холодных предметов. Всего лучше для этой цели могут служить небольшие цветные шарики из шерсти, дерева или металла, которые кладут в ручку ребенка.

Когда у ребенка достаточно развилась хватательная способность ручки, можно заставлять ребенка отгадывать влагаемые в его ручку несложные предметы (шарик, кубик, коробочку, ключ и т. д.) при предварительно закрытых глазах или еще лучше под покровом одеяла.

Для упражнения и воспитания органа обоняния можно пользоваться различными нежными запахами.

Что касается вкуса, то он развивается естественным путем с приемом пищи. Однако, в интересах правильного питания организма и здоровья, этот орган следует в детском возрасте тщательно оберегать от всяких резких раздражений.

Особенно следует заботиться о развитии таких актов, которые являются вернейшими орудиями дальнейшего развития ребенка в смысле его самостоятельности. Сюда относятся хватательная способность руки, ходьба, речь, и впоследствии чтение и письмо.

Возможно раннее приучение ребенка к удерживанию предметов дает ему так много для самостоятельного приобретения новых впечатлений, что было бы большою ошибкой оставить хватательную способность руки без возможно раннего упражнения. Для этой цели ребенку должно давать в ручку небольшие подходящие предметы, сначала преимущественно круглой формы, которые следует предоставлять ему захватывать возможно чаще.

Со временем постепенно следует переходить от предметов круглых к предметам иной все более и более сложной формы, пока не будет достигнуто в этом отношении полное развитие хватательной способности руки. Можно также в виде игры пользоваться упражнениями движений с целью развития в них правильной гимнастики, например, производить так называемые вольные движения, обучать попаданию пальцем в цель и т. п.

Важно с самого начала приучать ребенка к тому, чтобы он пользоваться так же хорошо левой ручкой, как и правой. Мало-помалу путем упражнения это достигается в такой степени, что ребенок вполне свободно может пользоваться и левой рукой на смену правой.

Не меньшее значение в развитии ребенка имеет ходьба, к которой, по нашему мнению, здоровый ребенок должен быть приучаем возможно ранее.

Для этой цели, как только ножки окрепнут, необходимо возможно чаще поднимать ребенка на ножки и заставлять его прыгать по кроватке, придерживая его под мышки. С тех пор как ребенок может уже, стоя, прочно удерживаться на ногах, необходимо его приучать к передви-

жению собственными ногами. Для этой цели ребенку можно предоставлять ходить самому, предупреждая возможность его падения с помощью полотенца, которое свободно, ничуть не стесняя, обхватывает грудь ребенка и удерживается за концы, выпущенные сзади, через подмышечные области.

Не следует, конечно злоупотреблять этими упражнениями, так как физическое утомление ребенка должно быть строго избегаемо и, следовательно, при малейших признаках усталости, ребенок должен быть взят на руки или в коляску.

Ношение ребенка на руках или возка его в детской колясочке неизбежны, так как ограничение ребенка в этом отношении лишало бы его в начальном периоде его развития очень важных сведений о пространстве и массы новых впечатлений. Напротив того, ползание ребенка следует возможно избегать ввиду того, что оно и не соответствует здоровью вообще, и задерживает надолго развитие правильной ходьбы.

Вряд ли нужно упоминать, что детские игры в деле физического развития имеют особо важное значение. Умелое направление детских игр имеет поэтому огромное значение для общего развития ребенка. К играм можно приступить прежде, чем ребенок будет бегать своими ножками, особенно, когда ребенок уже стал сидеть. Эти игры могут состоять в предоставлении ребенку разноцветных шариков, кубиков, погремушек и других предметов, которыми он сам будет охотно заниматься. Еще лучше, если мать или воспитательница в виде игры будет скатывать к ребенку по наклонной плоскости или желобку цветные шарики или звучащие бубенчики. Эта забава ребенка очень веселит и он оживляется во всех своих движениях.

Равным образом, сильно занимает детей игра, когда мать или воспитательница временно скрывает свое лицо платком, покрывалом или, прячась за перегородку и затем вновь внезапно показывается.

Само собою разумеется, что с началом ходьбы разнообразие игр значительно увеличивается и — что главное — в этих играх ребенок уже принимает более актив-

ное участие, а потому они получают огромное значение для физического развития ребенка.

С тех пор, как ребенок начал ходить, можно прибегать к любимой детской игре в прятки, причем в этом периоде ребенок может играть уже активную роль, прячась сам за ближайшие предметы. Одной из любимых детских игр является также игра в резиновый мяч, который можно предоставить ребенку лишь вместе с тем, как он научится хорошо бегать; ранее же ребенку, можно предоставлять более мелкие круглые предметы, например, шарики из шерсти и т. п.

Говоря о физическом воспитании, нельзя не обратить внимания на необходимость введения в систему воспитания в возрасте первого детства различного рода физических упражнений в виде детской гимнастики. Прежде всего, в первые месяцы младенческого возраста не следует держать ребенка постоянно завернутым в пеленки, в т. наз. конвертике, а время от времени необходимо его раскрывать, чтобы предоставить ему полную свободу движений. Ребенок будет сам производить массу движений ножками и ручками, которые полезны его физическому здоровью. Позднее, с развитием двигательной способности ручки, когда ребенок лежит, давайте ему тянуть ручками через блок небольшие тяжести; когда ножки его окрепнут в такой мере, что они будут в состоянии хорошо удерживать туловище, давайте ему держаться на ногах и подпрыгивать на кровати, а затем и ходить при помощи полотенца или при удерживании его под мышки, когда же ребенок будет в состоянии и сам хорошо держаться на ногах, — предоставьте ему самому ходить на мягком ковре и затем, когда ребенок уже станет хорошо ходить, учите его подниматься и спускаться с лестницы, держа его за ручку. Позднее когда ребенок окрепнет на ножках, дайте ребенку возможность самому спускаться с лестницы под вашим наблюдением. Затем учите его играм, сопряженным с физическими упражнениями, например, игре в лошадки с вожжами, и наконец, — беганью взапуски.

Детей в возрасте от 2 до 5 лет можно приучать уже к простым гимнастическим упражнениям; как например, вольные движения, хождение по ребру доски, укрепленной в

штативе, прыганье через веревочку и т. п. Словом, можно ввести в дело физического воспитания детей первого возраста целый ряд гимнастических упражнений, последовательно их усложняя и приумножая, соответственно возрасту и силам ребенка. Надо заметить, что дети охотно занимаются физическими упражнениями, особенно если эти упражнения ведутся сообща и в меру. В тех же целях физического развития ребенка можно пользоваться под руководством старших и разнообразными физическими занятиями, например, пилением.

Как показывает опыт, пилку можно предоставить ребенку очень рано, приблизительно с 2-летнего возраста. Разрезывание ножницами бумажек может быть начато уже с конца второго года или с 3-летнего возраста; приучение к шитью иглой может быть начинаемо с того же приблизительно возраста.

С этим вместе воспитание направляется на то, чтобы приучить ребенка не к физическим только упражнениям, но и к систематическим и целесообразным занятиям в форме труда, в чем мы видим также один из важных принципов воспитания в возрасте первого детства.

Ребенка можно уже рано приучать к убранству своей постели и даже комнаты, к переносу посуды и т. п. Дети очень любят помогать старшим и стараются им подражать во всем. Этой именно склонностью и можно пользоваться для приучения ребенка к физическому труду. Летом труд должен быть организован на свежем воздухе. Здесь могут быть применены занятия с песком, работы с лопаткой, с саночками, постройка горок и т. п. Затем следует иметь в виду посевы трав, систематический уход за цветами, посадку и поливку их, сбор ягод, а где условия позволяют, искание грибов и т. п.

Характер занятий, конечно, может сильно разнообразиться, смотря по условиям жизни и обстановки ребенка, но везде и всюду целью воспитания должно быть устранение праздности и приучение к систематическому труду, по крайней мере, с тех пор, как ребенок начинает ходить и прочно брать ручками предметы. С раннего возраста ребенка надо приучать мыть самому свои ручки и умывать-

ся; точно также крайне полезно возможно рано приучать ребенка к правильному держанию карандаша и к рисованию, которым дети охотно и подолгу занимаются.

Нужно ли вообще настаивать на важности уже с раннего возраста приучения к труду человека, вся жизнь которого должна быть наполнена трудом, сначала для своего развития и образования, затем для своей семьи, для общества и для всего человечества? Праздность и лень — не только мать всех пороков, но и является вреднейшим антисоциальным качеством в характере человека, губительно действующим на всю его личность. Поэтому особенной заботой воспитания во все периоды развития человеческой личности, должно быть приучение человека к систематическому труду. Но нелегко прививать привычку к труду, если не позаботились об этом в раннем возрасте.

Не менее важно приучение ребенка к порядку и чистоте во всем и прежде всего в соответственном укладывании своего платья перед сном, в укладывании своих игрушек, в чистом содержании того и другого и т. д. С самого начала порядок достигается, конечно, руками матери или воспитательницы, а затем ребенка постепенно привлекают к участию в укладывании своих игрушек и платья, пока ему нельзя будет предоставлять это проделывать самому. Куклы, хотя против них и возражают некоторые из педагогов, являются очень полезным элементом в воспитании ребенка в смысле приучения его к порядку, так как ребенок, занимающийся куклами, очень заботливо за ними ухаживает, наряжая их по своему желанию, устраивая их в известном порядке, заботясь о них во всем остальном, как о живых существах, порученных его вниманию, и как бы приучаясь на них к ведению маленького игрушечного хозяйства и в то же время к ведению порядка в своем обиходе.

Нужно иметь в виду, что правильное физическое содержание и развитие ребенка отражается не только на его физическом здоровье, но и на психическом развитии. Если ребенок хорошо и правильно питается, он меньше плачет, более спокоен, менее раздражителен, более уравновешен. Физические упражнения делают его не только физически,

но и умственно более бодрым, менее утомленным и более самостоятельным.

Отсутствие всякого ухода за ребенком, поразительные погрешности против элементарных правил гигиены со стороны задавленной нуждой и необразованной семьи, смрад и холод гнилых и грязных изб — все это такие условия, которые часто непереносимы для нежного организма ребенка. Страшная смертность детей в России, как известно, уносит около половины общего их числа до 5-летнего возраста. Если эти дети, погибающие в страшных мучениях от голода и жажды, от всевозможных инфекций, от гнойных язв разъедаемых червями, от истощающих поносов и хронических сыпей, являются страшной искупительной жертвой на наше поразительное нерадение к народному просвещению и за проведение в жизнь невозможной экономической системы государства, то что сказать об остающихся в жизнь детях нашей крестьянской семьи? Истощенные и малокровные, недоразвитые, страдающие тяжелым рахитом и хроническими сыпями, заедаемые насекомыми, они являются живым укором для всех обставленных лучшими жизненными условиями. И затем может ли быть речь об условиях нравственного воспитания, если дети в крестьянской семье, вследствие безысходной нужды, оставляются на произвол судьбы, подвергаясь всевозможным дурным влияниям улицы, растлеваемые нравственно и физически прежде, чем проявится даже понимание жизни? Естественно, что из таких детей вырастают нравственные уроды, которые, с возрастом, поняв свое положение и причины, приведшие к нему, жестоко мстят обществу, пополняя собою кадры преступного люда.

Небрежность по отношению к физическому уходу и правильному питанию, вызывая развитие малокровия, раздражительности и быстрой утомляемости, существенно вредит и правильному умственному развитию ребенка. При хорошем уходе, будучи всегда сытым, и при благоприятном содержании организма со дня рождения ребенок обнаруживает спокойное оживление и наоборот — при голоде, сырости и холоде он обнаруживает беспокойство с оборонительным характером движений, переходящее в

крик. Уже несколько времени спустя, при благоприятном содержании ребенка, нетрудно заметить появляющуюся на его лице улыбку, связанную с оживлением всех движений, при других же условиях — плач является почти постоянным спутником плохого содержания ребенка.

Довольный и веселый ребенок лучше питается и лучше усваивает вводимое в желудок, он бодрее, сильнее и трудоспособнее, обнаруживает более интереса к играм и занятиям и легче справляется вообще во всеми задачами, нежели ребенок вечно плачущий, недовольный и раздражительный.

К счастью, уже по природе правильно развивающийся и здоровый ребенок обнаруживает склонность к бодрящей радостной эмоции. Правильная доставка сосущему ребенку хорошего женского молока, сухость постельки, хорошее чистое содержание кожи и тепло уже достаточны, чтобы грудной младенец обнаруживал радостное состояние.

С дальнейшим развитием ребенка его радует всякая блестящая безделушка, простые бубенчики, его радует внезапно влетевшая в комнату бабочка или вид какого-нибудь нового зверька и даже, вообще, всякое новое впечатление, не содержащее в себе чего-либо неблагоприятного для него.

Наконец, источником бодрящей веселой эмоции являются доступные ребенку занятия, которые в состоянии его заинтересовать, в особенности же забавы и игры. Было бы преступно со стороны матери или воспитательницы подавлять эти полезные для развития ребенка бодрящие эмоции, не поддерживать их и не развивать. А между тем, как часто останавливают ребенка, когда он весело смеется и прыгает от радости, забывая, что этим подавлением бодрящей эмоции наносится существенный ущерб развитию ребенка.

Не менее, если не более, важно заботиться об устранении угнетающих эмоций, влияющих неблагоприятно на все вообще отправления организма. Основными принципами в достижении этой цели является поддержка физического благосостояния организма (правильное питание, сон и пр.) всеми известными нам средствами, удовлетворение различных стремлений ребенка и устранение от него всяких соблазнов, могущих возбудить в нем эмоцию желания, ко-

торую нельзя будет удовлетворить, возможное устранение всяких неблагоприятных раздражений и возможное избегание излишнего как физического, так и психического утомления ребенка. Известно, что крайняя возбудимость, нервность и связанная с ней капризность поддерживается утомлением ребенка, а потому следует всегда избегать утомления, которое легко наступает в младенческом возрасте уже от избытка впечатлений.

Если ребенок расплакался под влиянием какого-либо внешнего повода, первым делом надо его успокоить и утешить. Ребенок легко может утешиться даже простым обещанием, которое во всяком случае должно быть со временем исполнено. Наконец, важной мерой, способствующей устранению и облегчению подавляющих эмоций, является отвлечение внимания. Если ребенок плачет от испытанной им боли или от неудовлетворенного желания, или от испуга, необходимо отвлечь его внимание новым впечатлением, каким-либо забавным рассказом, способным заинтересовать ребенка, и он быстро забывает свое горе и перестает плакать. Если продолжительный плач поддерживается капризом, как бывает с раздражительными, нервными детьми, если ни увещания, ни отвлечение внимания не оказывают действия, полезно оставить на время ребенка одного, так как в этом случае, не видя людей, он перестает капризничать и скоро успокаивается. Но самая капризность есть уже ненормальное явление, которого при рациональном воспитании не должно быть вовсе.

Вряд ли нужно говорить, что эмоция страха особенно вредна для здоровья ребенка, и потому надо избегать всего, что приводит ребенка в испуг и вгоняет в страх. Сколько тяжких нервных страданий, иногда даже неизлечимых, развивается под влиянием испуга в детском возрасте, а между тем все еще распространены забавы с детьми, основанные на испуге ребенка каким-либо внезапным появлением с угрожающими звуками или переодеванием. Бесполезный ребенок уже по природе своей есть существо боязливое, стесняющееся, а потому отстраняйте от него всякий страх и всякое излишнее стеснение и конфузливость.

Если ребенок боится грозы, отвлекайте его от страха, объясните ему, как можете, что бояться грозы нет оснований и не следует. Если ребенок боится и конфузится посторонних лиц, постарайтесь его внимание сначала отвлечь от них, а затем необходимо уговорить, чтобы он не чуждался добрых гостей.

Вообще всеми зависящими средствами необходимо вселять в него чувство бодрости, даже смелости, поясняя лишь в случае нужды, как и в чем надо быть осторожным.

Вместе с тем, следует старательно оберегать ребенка от всех страшных рассказов, например, о бабе-яге, о страшных великанах, о злой и доброй дочке, о медведе с поломанной ногой и т. п. Благодаря таким рассказам, уже рано ребенок начинает страшиться многого, начинает беспокойно спать, тревожимый страшным сонными грезами. Сколько вреда принесли уже разные детские книжки с страшными рассказами, а между тем до сих пор еще не могут их изгнать из употребления в детских.

Далее необходимо особенно заботиться о самостоятельности в ребенке. Дети очень любят возиться с чем-нибудь и этим можно пользоваться для развития в них самостоятельности. С этой целью представляется совершенно неразумным вечно “нянчиться” с ребенком, не давая ему сделать ни одного шагу самостоятельно. Нужно вообще почаще предоставлять ребенка самому себе при условиях, чтобы он не мог нанести ущерба своему здоровью. В этом отношении крайне полезно предоставлять ребенку возиться со своими игрушками, как он желает. В сфере игрушек он чувствует себя полным хозяином и поэтому он тут проявляет свою самостоятельность возможно полным образом. Пусть он здесь строит домики из картонных цветных кирпичиков, устраивает домашнюю обстановку, двор и т. д. Всем, что он сделать сам, он будет крайне дорожить, как своим произведением, и будет развивать и дальше свою самостоятельность.

Но особенную роль в развитии самостоятельности в ребенке, без сомнения, должны занимать игры. В этом отношении умелый подбор игр, на что мы уже обращали выше внимание, должен иметь особо важное воспитательное значение в смысле развития самостоятельности в ребенке. Игры

для ребенка — это сфера его радости, труда и самодеятельности. Для ребенка они то же, что наука для взрослых. Поэтому не отстраняйте ребенка от игры, а напротив того постарайтесь предоставлять ребенку как можно больше разумного материала для игр, потому что с играми ребенок развивает свой ум, поддерживает желательную бодрость духа и укрепляет свое физическое здоровье. С возрастом следует заботиться об организации тех именно игр, в которых ребенку предоставляется какая-либо самостоятельная роль, где он должен проявить свое умение и находчивость.

Не менее важно, что ребенок в любимые игры уходит весь. Он поглощен ими, как взрослый серьезными делами. Это сфера его занятий, кажущихся для взрослых бесполезными, но имеющие для ребенка огромное воспитательное значение. Подробнее о том, как следует направить развитие ребенка в возрасте раннего детства, мы будем говорить в готовящемся к выходу издании “Первые шаги ребенка”.

С.-Петербург.

В. Бехтерев.

АЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИЛИ АЛКОГОЛЬНОЕ ОЗДОРОВЛЕНИЕ ^{7*}

Бехтерев В.М.

Вопрос алкоголизма в России, а сфере общественной мысли, совершает эволюцию. От выяснения различных его сторон начинается переход на практическую почву алкогольного оздоровления.

Страшный вред алкоголизма, с точки зрения здоровья населения, его нравственности и физической трудоспособности, а следовательно, и экономической его жизни, настолько выяснен соединенными трудами ученых и общественных деятелей разных стран, что в настоящее время центр тяжести вопроса заключается главным образом в осуществлении мероприятий, которыми можно было бы ослабить все растущее зло до возможного его искоренения.

В этом смысле вопрос разделяется на две практические задачи: одна заключается в помощи пострадавшим от алкоголизма, которых у нас бесчисленное множество, другая — в устранении самой причины алкоголизма.

Ни та, ни другая задача не терпит отлагательства. Алкоголизация населения является в полном смысле слова государственным злом, которое не только губит силы нынешнего населения, но, при доказанном влиянии алкоголизма на потомство, обрушивается всею своею тяжестью еще и на будущие поколения, которые при постоянно растущей алкоголизации окажутся во всех отношениях еще хилее настоящего.

Вот почему та страна, которая раньше освободится от "алкогольного зла", имеет все шансы выиграть пред другими, благодаря возрождению ее населения.

Следует при этом иметь в виду, что огромная масса населения России в отношении алкоголизации по сравнению с другими странами находится не в лучших условиях, как думают некоторые, основываясь на голой цифре среднего потребления алкоголя, а наоборот — в значительно худших, ибо у нас потребление алкоголя в населении распределяется крайне неравномерно, если принять во внимание мало пьющее мусульманское и еврейское население, а также наше старообрядчество и трезвенное сектантство.

Приняв в соображение значительную численность этих групп населения (как известно, одних татар у нас свыше 16 млн., старообрядцев свыше 30 млн.), представляется очевидным, что на каждого человека из остальной части населения придется цифра, превышающая среднее душевое потребление алкоголя в разных странах Западной Европы.

С другой стороны, зло нашей страны заключается в том, что огромная масса потребляемого спирта предоставляется населению в крепком растворе, в виде 40% водки. Между тем с научной точки зрения неоспоримо, что большая концентрация вводимого в организм алкоголя действует много губительнее, нежели алкоголь, вводимый в более слабых растворах. Следовательно, и в этом отношении мы находимся в менее благоприятных условиях, нежели западно-европейские страны. Отсюда очевидно, что медлить более с "алкогольным оздоровлением" нельзя, ибо оказаться в этом важном деле позади других — значит обречь себя на отставание во всем: в народной нравственности, в трудоспособности населения, в народной энергии, даже в умственных качествах народа.

Однако до сих пор сколько ни говорят о вреде пьянства в алкогольных комиссиях и на алкогольных съездах, нет даже выработанного плана борьбы с назревшим злом.

Раздающиеся при этом нападки по адресу производителей спиртных напитков совершенно естественны, но, к сожалению, редко сопровождаются указаниями, что же надо делать, в чем должна заключаться программа "алкогольного оздоровления".

Само собою разумеется, что думский законопроект, с его новыми этикетками и другими паллиативами вроде усиления наказания за шинкарство, такой программы не представляет. Единственное ценное и важное в думском законопроекте заключается в том, что он рассчитывает на самодеятельность населения в борьбе с алкоголизмом и призывает к решению вопроса о закрытии винной торговли, между прочим, и женщин. Все остальное — такие паллиативы, а которых и говорить не стоит.

Не очень давно в “Новом Времени” (от 29-го июля 1912 г.) появилась статья проф. Сикорского под заглавием: “Алкогольная политика в России”, которая как бы претендовала на определенную программу действий.

Эта статья устанавливает норму алкоголизации населения России на будущие времена. Задаваясь вопросом: “какое количество спирта на душу в год может быть допущено, как некоторая норма?” — автор отвечает так: “Существует чрезвычайно важный жизненный факт, который может послужить основанием для ответа на этот вопрос. Когда на дешевую водку, знаменитую “дешевку”, наложен был акциз, который затем крайне постепенно повышался из года в год, то в полном соответствии с повышением падало душевое потребление водки (среднее для всей России). В 1863 г. оно было 0,37 ведра безводного алкоголя на душу в год, а в 1893-м оно равнялось 0,20 на душу, т.е. на 1/2 ведра сорокаградусной водки. Около этого срока произошла остановка в движении цифр, а затем началось постепенное повышение потребления (введение казенной монополии). Чрезвычайно вероятно, что 0,20 ведра, т.е. 1/5 часть ведра безводного спирта или 1/2 ведра водки на душу и есть та естественная годовая норма, которая сказала сама собою и какая может быть признана допустимой с научно-гигиенической точки зрения. Нажимом на акциз можно поддерживать уровень этой нормы без особого потрясения финансов”.

Таким образом 1/2 ведра водки в среднем на душу населения, по проф. Сикорскому, признается цифрой допустимой с научно-гигиенической точки зрения. Если мы

сделаем простой расчет на рюмки, то 1/2 ведра водки — или 10 бутылок — составит около 200 настоящих полных рюмок на каждую душу населения, а если принять во внимание, что женщины вообще пьют сравнительно мало, если исключить детей до 15-летнего возраста и затем вспомнить указанное выше неравномерное распределение спиртных напитков в различных частях населения, то выйдет, что по “алкогольной политике” проф. Сикорского пьющий элемент в России может, будто бы с одобрения научной гигиены, потреблять в среднем по несколько рюмок в день 40% водки. Благодаря этой политике, по словам того же автора “у алкоголя будет обезврежено его ядовитое жало, и он войдет в границы бойкой и верной статьи государственных доходов без побочных вредностей, на какие он способен по самой природе своей”.

Совершенно ясно, придерживаться такой “алкогольной политики” — значило бы узаконить определенную “норму” народного пьянства, что, очевидно недопустимо со всех точек зрения. С тех пор, как доказан безусловный вред алкоголя с научно-гигиенической точки зрения, не может быть даже и речи о научном одобрении потребления так называемых малых или умеренных доз алкоголя. Всем известно, притом, что начало всегда выражается малыми дозами, которые постепенно переходят в дозы все большие и большие по закону тяготения ко всем вообще наркотическим ядам, к каковым относится прежде всего алкоголь по характеру своего действия.

Да и может ли быть вообще какая-либо “алкогольная политика”, имеющая в виду здоровье населения?

Мы полагаем, что в данном вопросе может быть речь не об “алкогольной политике”, а лишь об “алкогольном оздоровлении”, заключающемся в стремлении к возможно полному устранению того зла, которое именуется алкоголизмом, независимо от каких бы то ни было финансовых соображений. Экономический ущерб, наносимый стране потреблением алкоголя, так велик, что с устранением его государственные финансы только выиграют, а не проиграют, не говоря уже об ежегод-

ном сбережении страной одного миллиарда рублей, ныне пропиваемого населением.

Можно ли даже выразить в цифрах весь экономический и моральный ущерб, происходящий от потребления алкоголя, если принять в соображение те жертвы, которые приносит страна на алтарь Бахуса в виде усиления преступности и хулиганства, в виде массы душевно- и нервнобольных, а также одержимых другими болезнями (внутренними, хирургическими и т.п.), обусловленными алкоголизмом, в виде инвалидности всякого рода, включая и преждевременную старость алкоголиков, в виде огромной массы ежегодно погибающих от опоя и от самоубийств в связи с алкоголем, в виде многих тысяч гибнущих, хотя и от случайных причин, но в прямой или косвенной зависимости от алкогольных излишеств, в виде невероятно большого числа мрущих детей в семьях алкоголиков, в виде беспомощных членов их семей, содержащихся после их преждевременной смерти или разорения в приютах, и пр., и пр.

С распространением алкоголя в населении страна не только проигрывает и материально, и морально, но и существенно обременяет свой государственный бюджет чрезмерными тратами на содержание тюрем, домов трудолюбия, всевозможных приютов, богаделен, больниц, колоний и т. п.

Наконец, физическая хилость пьющего рабочего, умственная вялость интеллигента-алкоголика, нравственное и физическое вырождение потомства алкоголиков — разве это не прямой ущерб, ослабляющий экономические и нравственные силы населения?

Итак, можно ли говорить в данном вопросе об интересах фиска, хотя бы в виде нескольких сотен миллионов рублей, когда зло, проистекающее от распространения алкоголя, страшно отягчает бюджет по многим статьям расхода и в то же время ослабляет население экономически и морально, создавая лишь мираж бюджетного благополучия? В этом вопросе двух мнений быть не может: действительно необходима систематическая борьба с алкоголиз-

мом, к которой желательно привлечь возможно широкие круги общества и законодательные сферы.

В то же время необходимо озаботиться выяснением наиболее рациональных мер борьбы с алкоголизмом и с распространением алкоголя в населении.

Мне кажется, что план “алкогольного оздоровления” уже давно намечен — конечно, лишь в самых общих чертах, — коллективным умом врачей-психиатров на втором съезде отечественных психиатров в Киеве, где, согласно моему предложению, как председателя, была образована особая комиссия, постановление которой, принятое единогласно съездом, является в то же время и резолюцией самого съезда.

Эта резолюция заключается в следующем:

1) Алкоголики, как больные, должны подлежать индивидуальному лечению всеми признанными современной медициной наиболее пригодными для этого мерами, каковы: а) временные убежища для лиц, находящихся в состоянии острого опьянения, амбулатории для алкоголиков, могущих пользоваться на ходу гипнозом и другими физио-терапевтическими и фармацевтическими средствами, б) лечебницы для стационарных больных.

2) Этим отнюдь не разрешается общий и основной вопрос о борьбе с алкоголизмом, как народном зле; для последней цели главнейшей правильной мерой является отказ правительства от пользования вином для фискальных целей, а с другой стороны — проведение в жизнь самых широких реформ и поднятие благосостояния масс путем приобщения их ко всем плодам современной европейской культуры.

В этих двух кратких положениях выражено все главное, что необходимо в деле борьбы с алкоголизмом; в общих чертах в них начертана вся программа этой борьбы. В этих двух кратких положениях “мысль доведена до своего предела”, как я говорил в своем приветственном слове при открытии Первого Съезда по борьбе с пьянством¹.

¹ См. труды названного съезда и о психиатрии. 1910.

Ни в алкогольных комиссиях, ни на алкогольных съездах, при массе споров и часто совершенно бесплодного словесия, ничего по существу не прибавлено нового к этим двум основным положениям, а скорее многое убавлено. Так например, на первом съезде по борьбе с пьянством предлагалась замена водки, при постепенном понижении ее крепости, пивом, которое должно быть признано почему-то “национальным” напитком; на последнем же съезде в г. Москве предлагалась в виде “проекта точного искоренения пьянства” продажа одной бутылки водки не иначе, как вместе с пудом сахара. Другой докладчик на Московском съезде, выставляя, как положение, что “лечение народных масс от алкоголизма и алкогольной наследственности может быть выполнено только духовенством”, призывая последнее к пользованию лечебным методом внушения. “Коллективная” мысль на Московском съезде сделала существенный шаг назад, несмотря на то, что “температура” съезда к концу стала заметно подниматься, а отдельные члены съезда, благодаря очевидно свойству своей натуры, не воздержались от излишних, недопустимых вообще в научных собраниях, резкостей и грубостей по адресу других членов, сотрудников того же съезда, воображая, конечно, себя в этом случае Дон Кихотами новейшей формации.

Возвращаюсь к резолюции второго психиатрического съезда. Осуществление первой ее половины имеет особое значение; пострадавшим от алкоголя: при существовании винной монополии правительство обязано помочь не только в силу известного нравственного императива, но и в виду определенных государственных соображений, вызываемых необходимостью возвратить спившихся к трезвой жизни и к здоровому труду, уменьшить преступность в населении и развитие все растущего хулиганства и вместе с тем ослабить или устранить дегенерацию потомства, что угрожает бедствиями государству и в будущем. Эта задача до сих пор осуществлялась крайне вяло, вследствие ничтожности отпускаемых на этот предмет средств, часто идущих, притом, не

по прямому своему назначению. Страна нуждается в лечебницах и амбулаториях для алкоголиков, которых в сущности нет или почти нет, — а вместе того устраивают разные увеселения для здорового народа, приучая его тем самым к праздности и, следовательно, опять-таки к алкоголизму, ибо праздность и алкоголизм — близкие братья. Сегодня увеселения проходят с пивом, допускаемым в народных домах, а завтра подобные же увеселения в другом месте пойдут уже с водкой.

Что касается собственно лечебных заведений для алкоголиков, то ими у нас не были обставлены даже столицы, и только недавнее открытие в Петербурге Экспериментально-Клинического Института по изучению алкоголизма в некоторой степени пополнило этот пробел, знаменуя собою начало обращения правительства на путь необходимой помощи пострадавшему населению. Чрезвычайно важно, что вышеуказанная помощь началась с устройства клиники, ибо помощь алкоголикам требует соответственной научной обстановки и приготовления необходимого для этой цели врачебного персонала. Где же, как не в соответствующей клинике, можно обучаться надлежащему уходу за больным алкоголиком и соответственным методам физического и психического лечения алкоголизма? Где, как не в клинике, можно изучить наиболее полным образом больной организм алкоголика и путем предварительных опытов на животных установить новые методы его лечения, не говоря уже об изучении на практике методов внушения и психотерапии? Ведь в России нет до сих пор ни одного пункта, где бы врач, желающий изучить эти методы, как для лечения алкоголиков и морфинистов, так и для лечения больных других категорий, мог бы практически ознакомиться с правильным их применением.

Кроме врачебной помощи населению, Экспериментально-Клинический Институт по изучению алкоголизма, особенно при расширении его необходимыми лабораториями, даст возможность образовывать кадр врачей, желающих научно и практически работать на новом

поприще медицинской деятельности. В Институте конечно, будут работать не только свои врачи, но и приезжие из провинции, последние же, подготовившись, могут приложить свои силы в амбулаториях или соответственных лечебницах, которые постепенно должны устраиваться по губерниям.

Вообще дело устройства лечебных учреждений для алкоголиков у нас еще впереди. Для осуществления его должны быть отпускаемы соответственные средства, а не те крохи, которые теперь выдаются на этот предмет попечительствам о народной трезвости, не говоря о том, что и самые попечительства должны быть коренным образом преобразованы.

Другая и, без сомнения, особо важная сторона вопроса борьбы с алкоголизмом состоит, как гласит вышеприведенная резолюция, в отказе правительства от пользования вином для фискальных целей, в осуществлении широких реформ и в поднятии благосостояния народных масс. Нет надобности распространяться здесь о значении для "алкогольного оздоровления" страны экономического поднятия народных масс, и широких реформ, потому что это само собою разумеется, ибо нельзя серьезно говорить об "алкогольном оздоровлении" масс населения без создания соответственных условий для трудящихся классов населения, без повышения их материального благосостояния, без их просвещения и широкого предоставления им духовной, не развращающей пищи и в особенности без обеспечения самостоятельности населения в борьбе с алкоголизмом и с другими народными бедами. Во всяком случае "чрезвычайно важно указание съезда на необходимость отказа правительства от пользования вином для фискальных целей.

Всякому должно быть ясно, что ни о какой радикально-предупредительной борьбе с развитием алкоголизма у нас в России не может быть и речи до тех пор, пока не изменится коренным образом взгляд на алкоголь как на источник государственного дохода. Этот источник должен рассматриваться не как желательный и неотъемлемый, а как неизбежное

пока зло, в ближайшее время подлежащее устранению. Доход с обложения водки подлежит постепенной замене другими доходами, с переложением налога на другие предметы, как это сделали Финляндия и Швеция, как собираются это сделать в Исландии и в Новой Зеландии, где имеет быть проведенной запретительная система по отношению к продаже алкоголя.

Дело финансового ведомства найти и у нас средства замены доходы с водки другими доходами. Пока эта возможность не найдена и реформа в этом направлении еще не осуществляется, нельзя допустить, чтобы дело ограничивалось исключительно сизифовой работой в смысле врачебной помощи пострадавшему населению и тем, которых ожидает та же участь в будущем. Систематическое проведение, законодательным путем, предупредительных мероприятий возможно и в настоящее время. Дело должно двигаться вперед с одной стороны под влиянием пропаганды идей трезвости в населении (особенно при посредстве школ всех типов, начиная с низшей¹, церковной кафедры, показательных выставок, музеев, различных изданий, обществ трезвости, народных домов или клубов без продажи алкоголя и пр.), с другой — под влиянием проведения в жизнь законопроектов, ограничивающих время, место и продажу спиртных напитков и устраняющих сильно распространенное ныне шинкарство и так называемую “алкогольную провокацию”, которую мы теперь всюду встречаем в бойких местах, в виде бутылочных батарей с разного рода алкогольными напитками. Необходимо, в то же время возможно широкое распространение разного рода безалкогольных или мало содержащих алкоголь напитков.

Развитие предупредительных мер борьбы с алкоголизмом должно идти вперед под напором непреложной логики, не допускающей примирения с тем, чтобы бюджетное благополучие государства устраивалось на счет здоровья народа.

¹ См. мой доклад на Московском съезде: о распространении идей трезвости путем школ.

Однако, чтобы предупредительные мероприятия были целесообразны и осуществимы, необходимо внимательно изучать как экономические и социальные, так и психологические условия алкоголизма, в противном случае реформы будут сводиться к сомнительным паллиативам, вроде перемены этикеток или изменения размеров посуды для продаваемой водки.

Возрождение России требует серьезной и планомерной работы в смысле “алкогольного оздоровления”, а не “алкогольной политики” или вышеуказанных паллиативов.

В. Бехтерев.

ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТА В ОБЛАСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ^{8*}

Бехтерев В. М., Ланге М. В.

До последнего времени, если не считать анкетного способа опросов, эксперимент в прямом смысле этого слова почти не применялся к задачам изучения деятельности коллектива. Правда, иногда делались и эксперименты над коллективом, но их цель сводилась ничуть не к выяснению коллективных реакций или рефлексов как таковых. Они служили обыкновенно для выяснения значения свидетельских показаний или для массового выяснения тех или других вопросов психологии отдельных лиц без обращения особого внимания даже на то влияние, которое может оказывать масса или группа лиц, в ней находящихся.

В этих исследованиях дело шло таким образом по существу о таких же экспериментах, каковые вообще производились в экспериментальной психологии с тем различием, что здесь пользовались для опыта не отдельными испытуемыми в одиночку, а целой массой испытуемых одновременно, что в сущности даже ослабляет чистоту самих опытов.

Цель нижеприводимых опытов другая — выяснить сочетательно-рефлекторную или нервно-психическую деятельность коллектива как определенной собирательной личности по сравнению с деятельностью отдельной личности. В этом смысле задачи коллективной рефлексологии, как мы понимаем, сводятся главным образом и прежде всего к следующему.

1. Чем рефлексы целого коллектива вообще отличаются от рефлексов отдельной личности при более или менее одинаковых условиях эксперимента.

2. Как рефлексы коллектива видоизменяются в зависимости от изменения состава коллектива.

3. Как рефлексы коллектива видоизменяются в зависимости от тех или других внешних и внутренних условий, в которых оказывается коллектив.

4. Как рефлексы отдельной личности видоизменяются, т. е. стимулируются или тормозятся в связи с влиянием на личность самого коллектива по сравнению с проявлениями тех же рефлексов и той же личностью вне коллектива.

5. Как рефлексы отдельной личности видоизменяются в коллективе в связи с различным его характером и составом.

6. Как рефлексы коллектива видоизменяются под влиянием воздействий той или другой личности.

7. Какие из воздействий отдельной личности и при каких условиях наиболее действенны по отношению к коллективу.

8. Как и каким способом коллектив действует на самую личность в смысле внушения, убеждения и других форм воздействия.

9. Выяснение особенностей того или другого коллектива по внешним его проявлениям в форме коллективных рефлексов.

10. Каковы наиболее основные проявления раздражителей, действующие на коллектив.

К этим главным задачам, не говоря о многих других, сводится разработка путем эксперимента коллективной рефлексологии. В этом направлении эксперимент в сущности не применялся к коллективной рефлексологии. В литературе мы встречаем лишь указания на попытки применить экспериментально-психологический эксперимент к наиболее элементарной форме коллектива — толпе, например, со стороны известного французского ученого Фере. Автор нашел в отношении ощущений, что общее возбуждение всегда отражается приращением динамического эквива-

лента. Поэтому уже простое пребывание в толпе, судя по его опытам, поднимает динамические силы. Я думаю, однако, что и толпа толпе рознь. Возбужденная толпа это одно, а толпа угнетенная, например, на похоронах и во время паники, — другое. И не может, вообще говоря, настроение толпы отражаться на отдельной личности одинаковым образом вне зависимости от различных взаимоотношений между толпой и личностью. Вот почему эти примитивные эксперименты, не имевшие, по-видимому, своей целью разрешение сложных вопросов коллективной деятельности, не могут быть приняты как руководящие для дальнейшего изучения предмета.

С другой стороны, эксперименты нередко осуществлялись в школьной обстановке над массой лиц одновременно в целях выяснения тех или других вопросов экспериментальной педагогики, таковы опыты Stern'a, Clapared'a. Нечаева и многих других. Эти опыты без сомнения имели свое значение в разрешении тех или других вопросов, например, для выяснения вопросов внушения и вопросов, связанных со свидетельскими показаниями; но и в этом случае множество объектов, участвовавших в опыте, бралось как количество, а не имелось в виду выяснение вопроса, как общая работа самого школьного коллектива влияет на участвующих в ней сверстников или как влияет работа отдельного школьника на деятельность самого коллектива, что в сущности и составляет главный предмет исследований в области коллективной рефлексологии.

Мы не находим нужным касаться здесь старой и новой литературы по психологии народных масс, к каковой относятся исследования Tard'a, Le Bon'a, Dougalla, Wundt'a, Михайловского, Копельмана, de la Grasserie, Rossi и др. Все существенно необходимое о них сказано в недавно вышедшем в свет моем сочинении "Коллективная рефлексология"¹.

Замечу лишь, что все упомянутые авторы в большей или меньшей мере трактуют о народных массах, приме-

¹ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921.

няя к ним методы субъективной психологии, что я считаю в корне неправильным, и о чем я подробно говорил в только что цитированном сочинении. Недостаткам субъективного метода, мне кажется, мы обязаны в значительной мере установлением широко распространенного взгляда, что толпа есть коллективное существо низшего порядка по сравнению с индивидуальностью, которая в толпе не только обезличивается, но и всегда будто бы принижается в отношении продуктивности своих выявлений. Надо при этом заметить, что понятие толпы у авторов не ограничивается понятием уличной толпы, а вообще относится к любому собранию лиц в форме коллектива: так Габелли дает иллюстрацию вышеуказанной мысли по отношению к выборам в профессорской среде, например, ректора в университете. “Выбирают того, чей выбор наименее задевает самолюбие, кто не выдается, наиболее невзрачного. Часто желают иметь таковым наиболее терпимого, снисходительного, сговорчивого, имеющего наименьшее значение, одним словом человека наименее энергичного и решительного. Таким образом выбранный не пользуется доверием ни сторонников, ни противников”¹. Так ли это, предоставляю судить другим. Но мой жизненный опыт говорит другое.

Приблизительно такого же взгляда держится и М. Нордау: “Соедините двадцать или тридцать Гете, Кантов, Гельмгольцев, Шекспиров, Ньютонов и т. д. и предложите их решению или суждению практические вопросы минуты. Рассуждения их, может быть, будут разниться от суждений обыкновенного собрания, но что касается выводов, они ни в чем не будут отличаться от выводов обыкновенного собрания”².

Однако, что же тут удивительного, если дело касается, как в данном случае, практических вопросов, в которых наверное и Гете, и Кант, и Гельмгольц, и другие гении не более сильны, нежели самая обыкновенная лавочница.

¹ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921, с. 203.

² Сигеле С. Преступная толпа: Опыт коллективной психологии. СПб., 1893, с. 11.

Тем не менее вышеуказанная мысль несмотря на неудачную иллюстрацию этих двух авторов разделяется весьма многими. Так, Э. Ферри ту же мысль выразил следующим образом: "Совокупность нескольких способных людей не всегда служит гарантией их общей способности: собрание здравомыслящих людей может быть лишенным единодушия, как в химии от соединения двух газов может получиться жидкость"¹.

Я не привожу других мнений — Лебона, Сигеле, Сиддиса и некоторых других сходственных. Могу лишь прибавить, что для объяснения вышеуказанной мысли дается и пояснение: будто бы в коллективе высшие проявления ума не складываются, а как бы вычитаются друг из друга, выливаясь в форму средней линии, все же ценное и разнородное сглаживается, нивелируется.

Однако, так ли это? В своей "Коллективной рефлексологии" я высказываюсь по этому поводу с решительным сомнением и критикой: "Что касается большей глупости коллектива по сравнению с отдельными индивидами, то в этом отношении, говорю я, многое было высказано без достаточного взвешивания всех обстоятельств. Прежде всего, нельзя смешивать, как уже сказано, уличные толпы, связанные одним лишь настроением, с другими коллективами. С другой стороны, то, что делает отдельный индивид, есть плод часто долговременных поисков и стараний, основанных к тому же на синтезе коллективной работы, тогда как толпа большей частью принуждена принимать решения, которые не могут быть откладываемы на более или менее долгое время. Вместе с тем решение толпы является равнодействующей или вернее средней арифметической мнений целого ряда лиц, составляющих толпу, и, следовательно, характер решения определяется самым составом толпы, а потому при преобладании в ней посредственностей и мнение ее окажется посредственным, но вовсе не доказано, что толпа умных людей будет давать коллективное мнение, которое окажется глупее нежели в том

¹ Там же, с. 13.

случае, если бы оно при тех же самых условиях было высказываемо каждым в одиночку”¹.

С другой стороны, в “Коллективной рефлексологии” я останавливаю внимание на том, что даже уличная толпа может быть и героической и часто является даже жертвой благородных порывов, а, следовательно, неправильно приписывать уличной толпе одни свойства дикого зверя, как принимают многие авторы (Tard, Sighele и мн. др.). Я провожу также мысль, что возвеличение личности перед толпой или коллективом является взглядом слишком односторонним, ибо в сущности личность постольку может играть роль в истории, поскольку она олицетворяет и синтезирует в своем лице определенное мировоззрение и использует активность того или другого коллектива. Так, лидер партии олицетворяет собой всю силу данной партии, монарх олицетворяет собой господствующий и служилый класс и к нему примыкающие элементы. В этом отношении личность есть как бы синтез взглядов определенной партии, класса, слоя и других коллективов, а иногда и укоренившихся традиций, передаваемых из поколения в поколение. В конце концов, не общество есть продукт личности, а наоборот, личность есть продукт общества.

Из работ, появившихся после выхода в свет моей “Коллективной рефлексологии”, я имел возможность ознакомиться с работами Freud’a, Kollaris’a, Donald’a. Работа первого автора, как и все его более ранние работы, проникнута субъективизмом и к нашей теме не имеет близкого отношения; что касается работы Kollarits’a, то она устанавливает две психические группы народностей в Европе, характеризуя их с точки зрения религиозных и других воззрений. По сущности своей она также не имеет отношения к нашему исследованию. А MacDonald² изображает образовательное состояние народов, статистически представленное в отношении безграмотных, посещающих

¹ Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология, с. 205.

² Макдональд Р. Социалистическое движение Пер. с англ. Пг., 1919.

школы, учителей средних и высших школ, книг в библиотеках, газет и повременных изданий, а также в отношении патосоциальных явлений. Автор в отношении преступности вообще, убийства и нанесения смертельных побоев преступности против собственности, душевнобольных в заведениях, самоубийств, внебрачных рождений, брачных расторжений и разделов, дает довольно интересные параллели. По его выводам, народы с большим числом безграмотных дают большее число убийств, высокий процент мертворождений и случаев смерти в течение первого года и редкость самоубийств. Наоборот, у народов с малым числом безграмотных самоубийства часты.

Работа Д. MacDonald'a заслуживает большего внимания как основанная на статистическом материале. Но она опять же не относится к нашему предмету.

На этом мы покончим с данными литературы и перейдем к постановке и результатам своих опытов¹.

Начиная с зимы 1918 г. и в течение 1919–1923 гг., мной в разное время с участием моих сотрудников (ассистентов при занимаемой мной кафедре) производились исследования первоначально в детском саду Кашкадамовой над детьми обоего пола в возрасте 6–10 лет, а затем в аудиториях над студентами и студентками медицинских курсов, в Государственном институте меди-

¹ Лишь после того, как настоящая работа была доложена на I Всероссийском съезде по психоневрологии, я узнал, что в Германии вышла книга Moede W. Experimentelle Massenpsychologie. Beitrage zur Experimentalpsychologie der Gruppe L., 1920 и лишь в самое последнее время мне удалось с ней познакомиться. Автор поставил себе целью выяснить, какие изменения происходят в психике индивида под влиянием коллективных факторов, т. е. факторов взаимодействия. Строго придерживаясь экспериментально-психологического метода, он стремился в первую очередь установить "порог коллективного сознания", поэтому каждый опыт ставился им сначала на отдельной личности, а затем на группах из 2, 3, 4 и более лиц (максимум группы достигал 16 участников). Задачами исследования были: автоматические движения, воля и сила волевого напряжения, болевые ощущения, внимание, память и ассоциации. На основании полученных результатов д-р Moede приходит к выводам, что реакции отдельного индивида изменяются уже, начиная с группы из 2-х лиц, причем взаимодействие здесь часто сильнее, чем в количественно больших группах.

цинских знаний, в Ленинградском медицинском институте и над слушателями Педагогического института социального воспитания нормального и дефективного ребенка, а также на Высших педологических курсах Государственной психоневрологической академии, т.е. в тех учреждениях, где я читаю лекции по рефлексологии. Эти опыты производились мной обыкновенно на самой лекции и входили в самый курс лекций как практически демонстративная часть "Коллективной рефлексологии".

К участию в этих опытах были привлечены сотрудники по заведываемой мной рефлексологической лаборатории Института по изучению мозга — Звоницкая и М. В. Ланге и как ассистенты читаемых мной курсов по рефлексологии, д-р Триродов-Казаченко (в декабре 1921 г. выбывший из состава ассистентов), В. Н. Мяснищев, Н. И. Добротворская и д-р Шумков.

Разбор полученного материала происходил в рефлексологической лаборатории Института мозга, а в обработке опытов принимали участие слушатели и слушательницы Высших педологических курсов: З. Д. Меньшикова, Г. И. Оришич, О. М. Степанова, Б. Ф. Польшман, М. Ю. Шлепянова и А. Б. Шульговская под общим руководством М. В. Ланге. Эти опыты мы считаем далеко еще не законченными, они продолжаются и будут еще

В каждом коллективе взаимодействие бывает двух родов: тормозящим и стимулирующим. Смотря по интенсивности взаимодействий внутри группы, Моede различает коллективы статические и динамические. Чем слабее влияние коллектива на своих членов, тем больше коллектив приближается к статическому типу, чем взаимодействие сильнее, тем больше он является динамическим. В опытах на внимание, память и ассоциации коллектив приближался к статическому типу, в опытах на автоматические движения, волю, силу, волевые напряжения и болевые ощущения, в особенности там, где появлялся фактор соревнования, коллектив являлся динамическим.

Как будет видно из последующего изложения, наша работа проведена в другом направлении. Пользуясь строго объективным методом, мы имеем в виду вовлечь коллектив в общую объединяющую его деятельность и в этой его деятельности выяснить особенности коллективных проявлений по сравнению с проявлениями отдельных лиц, входящих в состав коллектива.

продолжаться в последующее время. В настоящий доклад вошла относительно небольшая только часть произведенных мной многочисленных опытов, ибо часть пришлось откинуть совсем по тем или другим основаниям¹; остальные будут опубликованы позднее.

Прежде чем приступить к коллективному эксперименту, мы должны отдать себе отчет в отношении того, что собственно следует понимать под названием коллектива.

Надо сказать, что в этом отношении далеко не имеется согласия между авторами. По самой сути дела коллективом следует именовать то собрание людей, когда между ними устанавливается известная коллективная связь и взаимоотношение. Не входя в дальнейшие подробности по этому предмету, замечу, что целый ряд авторов (де Роберти, Зиммель, Новиков, П. Сорокин, Гиддингс, Драгическо, Бугрэ, Фулье, Грассери, Уорд, отчасти Гумплович и др.) в основу коллектива кладут взаимодействие между сочленами коллектива или общественниками. Однако, всякое ли взаимодействие является основой коллектива? П. Кропоткин² полагал, что в основе образования соединений, т. е. общества, или что то же, коллектива, лежит взаимопомощь индивидов. Другого взгляда на этот счет держится П. Сорокин³, полагая, что как животные, так и люди входят в соприкосновение не для взаимной только помощи, но и для борьбы. Лев ищет добычи, входя с ней в соприкоснове-

¹ Почти во всех первоначальных ответах некоторые испытуемые не заполняли дополнительных листков, вследствие чего нельзя было учесть влияния на них коллективной работы. Другие испытуемые по рассеянности или по каким-либо иным причинам не вносили сведений о поле, возрасте, образовательном цензе и т. д. Все такого рода неполноценные записи пришлось выделить при разработке материала и не брать их в расчет при выводе результатов, вследствие чего пропал целый ряд опытов.

Вышеупомянутые дефекты устранялись нами постепенно по мере улучшения и выработки самой техники в постановке подобного рода опытов.

² Кропоткин П. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919.

³ Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1.

ние, паразиты взаимодействуют с организмами, являющимися их жертвами. Люди взаимодействуют и общаются друг с другом не только для взаимопомощи, но и для взаимоистребления (войны, драки и пр.). Спор двух противников, доходящий до драки, дает пример кратковременного объединения людей, а длительное единение будет представлять такие единения, как борьба никониан и раскольников, католиков и еретиков, преследуемых первыми, в том числе святая инквизиция с ее жертвами, религиозные споры и войны и т.п. Это ничуть не недосмотр, ибо автор говорит в примечании: "Подчеркиваю, что с моей ненормативной точки зрения группа взаимодействующих раскольников и никониан суть коллективное единство, реальная совокупность, ассоциация"¹. Ясно, что это даже не может быть названо парадоксом. И на этом-то в корне ненаучном базисе, где коллективным единением признается драка, зуботычина, убийство и т. п., построена многотомная социология П. Сорокина, в которой таким образом в корне ненаучные отделы вступают в своеобразное коллективное единение с научными ее отделами.

Мы будем держаться здесь того определения, которое дано мной в "Коллективной рефлексологии": "Коллектив только тогда является настоящим коллективом, т. е. объединенным целым, когда благодаря воздействию одних его членов на других устанавливается их единение в том или другом отношении"². Все пояснения к этому определению коллективного объединения, как солидаристического взаимодействия, можно найти в той же книге в разделе "О коллективном объединении". Эта точка зрения заставила меня остановиться на такой постановке опытов, где имело бы место то или иное объединение между индивидами в смысле пассивного или активного участия в общей работе, как например, коллективное наблюдение или различие, выявление коллективного отношения к предмету или действию, коллективное творчество и т. п.

¹ Сорокин П. Система социологии. Пг., 1920. Т. 1, с. 312.

² Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Ч. I, с. 111.

Первоначальные мои опыты, осуществленные в детском саду Кашкадамовой вместе с моей сотрудницей Звоницкой, имели целью выяснить вопрос, в какой мере совместная (хотя по существу своему индивидуальная) умственная работа, производимая учениками в сообществе своих сверстников, отличается от работы тех же учеников, производимой каждым в одиночку. Для указанной цели мы взяли умственный счет как особо чуткий показатель в смысле повышения или понижения умственной работоспособности. Мы избрали для этой цели детский сад опять-таки не без цели, ибо, как мы знаем, детский возраст вообще отличается значительно большей возбудимостью, нежели взрослые люди, а потому на детях ярче должно было выступить влияние участия в совместной работе.

Все дети, подвергнутые испытанию, прошли первоначальные правила арифметики (сложение и вычитание), но в отношении возраста и успешности были разделены на младшую группу (до 8 лет) и старшую группу, в большем возрасте.

План работы состоял в следующем: 10 человек детей старшего возраста и столько же детей младшего возраста должны были пройти через 3 серии опытов на сложение двухзначных цифр. Каждая серия состояла из 5 сеансов, по 5 мин. каждый сеанс. Испытания происходили всегда в одно и то же время дня — после горячего завтрака, которым пользовались все дети одинаково. Первая серия опытов была проведена в течение апреля месяца (1918 г.). Опыты этой серии происходили в классе. Группе детей, состоявшей, как сказано выше, из 10 человек, выставлялись большие таблицы с рядами двухзначных цифр, связанных знаком + для сложения их друг с другом. Каждый ученик молча производил счет по выставленным таблицам и записывал в своей тетрадке результаты сложения.

Вторая серия опытов происходила по тому же плану в течение мая месяца. Здесь работа была изолированной, т. е. присутствовали только испытуемый и экспериментатор; ученику давался новый ряд двухзначных цифр.

Третья серия опытов снова происходила в классе, так же как и первая серия. Этой третьей серией опытов мы хотели проверить влияние упражняемости, но закончить третью серию опытов нам не удалось по общим условиям того времени; был июнь месяц; дети стали посещать школу нерегулярно; на одни опыты являлись, на другие нет. Также не удалось правильно поставить опыты над детьми младшего возраста; поэтому мы приводим здесь данные только относительно опытов первой и второй серий, проведенных над детьми старшей группы.

Само собой разумеется, что учениками делались при счете те или другие ошибки, но в числе этих ошибок были такие, которые могли быть отнесены к пропускам и опискам, а не к действительным ошибкам в счете, вследствие чего пришлось разделить самые ошибки на действительные ошибки и на пропуски и описки.

В прилагаемых двух таблицах приводится результат произведенной учениками во время опытов работы. Помещенные в таблицах числа являются среднеарифметическими из 5 рядов наблюдений, т. е. указывают среднее число правильных решений в течение 5 мин. для каждого ребенка, а также среднее число сделанных им ошибок как в групповой работе (см. табл. I), так и в изолированной (см. табл. II).

Мы видим, что в общем изолированная работа количественно интенсивнее (359.62 против 327.70) и качественно выше работы совместной (на 1.33 меньше ошибок, и на 0.45 меньше описок). Но является ли это свойством самой изолированной работы или результатом некоторой упражняемости мы по этим данным судить не можем, ибо, как сказано, третью, проверочную серию опытов провести не удалось.

Что касается влияния совместной работы на каждого испытуемого в отдельности, то мы видим, что шесть учеников из десяти (см. табл. I и II, NI, II, IV, VII, IX и X) в одиночестве работали интенсивнее, чем в группе. Остальные четверо (III, V, VI и VIII) работали интенсивнее в группе. Если же мы сравним наиболее сильных

и наиболее слабых учеников, например, I, III и V, VII, IX и X, то увидим, что чем лучше ученик, тем лучше он работает в одиночестве. Характерно также, что в одиночестве сделано меньше описок, что можно объяснить большей сосредоточенностью.

Таблица I. Серия I (совместная работа)

Имя испытуемого	№ ученика	Возраст	Число произведенных в течение 3 мин арифметических действий		
			правильно	ошибок	описок
Костя	I	9 л. 3 м	15	2	0.50
Сережа	II	8 л.	23	0.75	0.25
Шура	III	8 л. 3 м	23.6	1	0.40
Петя	IV	9 л.	23.7	1.25	0.50
Нина	V	8 л. 3 м	25.4	0.60	0.20
Кирилл	VI	9 л.	25.6	0.66	1
Володя	VII	8 л. 11 м.	30.7	—	—
Коля	VIII	9 л.	46.5	1.25	1.80
Таня	IX	9 л. 2 м.	56.2	0.80	1
Вячеслав	X	9 л. 10 м	58	0.60	0.40
Всего	—	—	327.7	8.91	6.05

Эти данные совпадают с результатами позднейших опытов, произведенных д-ром Moede¹ над рядом школьников в Лейпциге. Худшие ученики, по его словам, в большинстве случаев выигрывали при совместной работе, лучшие же — проигрывали.

¹ Moede W. Experimentelle Massenpsychologie.

Таблица II. Серия II (изолированная работа)

Имя испытуемого	№ ученика	Возраст	Число произведенных в течение 5 мин арифметических действий		
			правильно	ошибок	описок
Костя	I	9 л. 3 м	16.22	0.50	—
Сережа	II	8 л.	27	1.50	1
Шура	III	8 л. 3 м	22.50	0.25	—
Петя	IV	9 л.	34.50	0.75	1.25
Нина	V	8 л. 3 м	23.40	0.83	—
Кирилл	VI	9 л.	24	—	—
Воподя	VII	8 л. 11 м.	37.70	0.50	0.25
Коля	VIII	9 л.	44	1.25	2.50
Таня	IX	9 л. 2 м.	65.80	1	0.60
Вячеслав	X	9 л. 10 м	64.50	1	—
Всего	—	—	359.62	7.58	5.60

Эти наши данные, как полученные еще в 1918 г., определились тогда же, во всяком случае еще до появления в свет книги д-ра Moede.

В предыдущем деле идет собственно о групповой умственной работе, при которой нет никакого объединения между членами группы при выполнении ими самой работы, вследствие чего и там, и здесь мы имеем работу отдельных индивидов, но в первом случае эта работа выполняется в присутствии сверстников, во втором же случае вполне изолированно, если не считать присутствия не участвующего в работе экспериментатора. Эти вы-

воды мы не считаем окончательными, и опыты будут продолжаться.

Дальнейшие серии опытов относятся: 1) к слушателям Высших педологических курсов Государственной психоневрологической академии, состоявшим из педагогов, мужчин и женщин, 2) к слушателям Государственного института медицинских знаний и 3) к Ленинградскому медицинскому институту, состоящим исключительно из студентов и студентов-медиков, причем в первых двух группах женщины и мужчины делились почти поровну, а в последней группе имелось большое преобладание женщин.

Возраст первой группы колебался между 20–25 годами, возраст двух последних групп приблизительно равнялся 18–25 годам.

Для вовлечения всего коллектива как целого в самую работу во всех трех группах мы поступали таким образом. В качестве раздражителя во всех опытах за небольшим исключением (см. ниже опыты с творчеством на создание проекта памятника и на определение времени) мы пользовались специально предназначенным для этой цели зрительным объектом, который выставлялся перед аудиторией, смотря по его сложности, на время от 10 до 15 с. Самый же опыт мы производили так: первоначально всем слушателям раздавалось по листку бумаги, на котором просили отмечать пол, возраст, образовательный ценз, близорукость или дальновзоркость, если они имелись, а в позднейших опытах и любимое занятие, а также место в ряду скамеек. Когда это было сделано всем коллективом, определялось количество участвующих в опыте лиц, после чего выставлялся объект как раздражитель без всяких к нему пояснений; аудитория предупреждалась только непосредственно перед показыванием объекта о необходимости внимания к нему. В случае же опыта с творчеством, где объекта-раздражителя не имелось, давалось задание с тем немногословным объяснением, которое признавалось необходимым.

Когда задание было пояснено, всем в одиночку предлагалось записать то, что было необходимо выявить в

опыте вслед за устранением объекта раздражителя. После того все записки отбирались. Тут же производилась их группировка по общему характеру содержания, а затем мы подвергали последовательно все части содержания этих записок коллективному обсуждению вслух. Ассистенты вели подробный протокол этого обсуждения. Затем приступали к голосованию, дабы получить окончательное коллективное решение по отношению к тому или иному объекту обсуждения. Голосование в опытах производилось поднятием рук с выяснением количества согласных, несогласных и воздерживающихся. Под именем последних обозначались те, для которых было неясно то или другое отношение к данному случаю. Их голоса при общем подсчете делились поровну и присоединялись затем в половинном размере к согласным и в половинном размере к несогласным. Результаты голосования тут же вносились в протокол. Затем отбирались записки от всех участников опыта, раздавались новые листки и предлагалось каждому записать возможное изменение его мнения. Когда таким образом коллективно намечались решения по поводу каждой частности объекта, также коллективным голосованием устанавливалось коллективное решение в пользу тех или других вопросов общего характера, если таковые имелись в данном опыте. По такому плану делались пока наши первоначальные опыты по коллективной рефлексологии, составляющие предмет настоящей работы, но само собой разумеется, что имеется в виду в дальнейшем разнообразить методику экспериментального исследования коллективных рефлексов в зависимости от цели самого эксперимента.

Наши опыты произведены пока с коллективным восприятием, с коллективным выявлением сочетательной деятельности, с различием сходственных изображений (анализом), с установлением сходства между различными объектами (синтез), с коллективным отношением к поведению, с коллективным творчеством, с коллективным определением времени и пространства и с влиянием личности на коллективное отношение к предъявлен-

ному объекту. Что касается влияния коллектива на личность, то оно выявлялось почти в каждом из опытов.

Опыты эти, которые последовательно имеют целью захватить и другие вопросы, связанные с деятельностью коллектива, требуют, как легко себе представить, кропотливой последовательной обработки, вследствие чего в настоящее время я ограничусь рассмотрением только некоторых из этих опытов.

Поясним теперь же некоторые данные, с которыми пришлось считаться при обработке полученного материала. В опытах на наблюдательность (предъявлена была в одном случае картина больших размеров, изображавшая пульмановский паровоз, стоящий на рельсах в поле; в другом случае предъявлено изображение шести общеизвестных животных) при разработке данных опыта были исключены все встречавшиеся в записках выражения о субъективных впечатлениях, полученных при рассмотрении картин и рисунков, как-то: "красиво исполнено" или "прекрасный летний день", "теплая южная ночь"; исключены также субъективные суждения о демонстрированном предмете, например: паровоз должен быть американской системы или новый паровоз, только что выпущенный с завода" и, наконец, не приняты во внимание обозначения цветов, как например: паровоз синий, фиолетовый, ярко-красный и т. д. ввиду того, что эти субъективные показания при особом подсчете будут обрабатываться особо. Таким образом в окончательном итоге в этих ответах подсчету и анализу подлежат только воспроизведенные отдельные детали предъявленных картин и рисунков, иначе говоря, IX перечислений; также исключены записки, в которых испытуемый говорит, что по тем или иным причинам плохо видел объект.

В ответах на констатирование различий между двумя таблицами с изображениями животных (предъявлены изображения общеизвестных животных: слон, лев, собака, кролик, лягушка, жирафа, в двух следующих друг за другом таблицах, различающихся друг от друга изменением их позы) также исключены все субъективные обо-

значения рисунков, например: “животные в спокойном состоянии” или “животные в двигательном эффекте”, “зайчик грустит”. В результате в этих опытах подсчету подлежали только такие указания испытуемых, которые давали сравнение рисунков обеих таблиц в отношении тех или других деталей, например, на 1-й таблице “уши подняты”, на 2-й — “уши прижаты” и т. д.

В опытах на отношение к поведению (предъявлены две картины воровства мальчиком яблок в саду, поимки его садовником и порки последним мальчика) исключены, напротив, все описания предъявленных рисунков и деталей как ненужных для цели опытов. Принято во внимание только отношение к поведению мальчика и отношение к поведению садовника. Анализ этого отношения показал, что одни испытуемые подходили к критике поведения с точки зрения правовой, другие — с общественно-этической, третьи — с медицинской, четвертые — педагогической; поэтому подсчет оценок произведен согласно этим отправным точкам зрения. При этом и видах однообразия в опытах были приняты во внимание только заявления о реакциях, которые были вызваны в зрителях действиями мальчика и садовника.

Наконец при обработке опытов на творчество (предложено создать проект памятника поэту Некрасову) исключены как неподходящие к делу взгляды на значение Некрасова в русской литературе и русской народной жизни вообще; принято же во внимание только то, что относилось непосредственно к проекту памятника, т. е. его общему виду, его деталям и руководящему в проекте основному мотиву.

Возьмем с самого начала опыт на наблюдательность или способность примечать с предъявлением большой стенной красочной картины, изображающей пульмановский паровоз в поле.

Картина представлена аудитории Государственного медицинского института в течение 15 с. с предупредительным — “внимание”. Затем было предложено тотчас же описать на розданных листках возможно подробнее. Когда эта запись была произведена каждым в отдельности лицом, предложено было всему коллективу перечислить

вслух детали предъявленной картины и сообща обсудить правильность или неправильность записи, после чего каждому участнику опыта предоставлялось на свободном месте розданных листков исправить или дополнить свое первоначальное описание картины в той или другой ее части, если испытуемый признавал правильным то, что было высказано во время обмена мнений. На первую запись давалось 10 мин, на вторую — 5 мин.

В результате коллектив заметил 41 деталь предъявленной картины: из них 7 мнимых (или иллюзорных) деталей (дым, пар, пламя, машинист, дрова, уголь, вагоны) и 34 детали, соответствовавшие действительности (котел, труба, конус, звезда, площадка, решетка, лесенка, будка машиниста, спицы, щиты, надпись “пожарный рукав”, тендер, полотно, рельсы, облака, деревья, ручеек трава, постройки, рама, ободок рамы, подпись “слесарь”, колеса, фонари, герб, инициалы, цифры: 2000 и 222). Последние шесть деталей определялись некоторыми испытуемыми не вполне точно, например, изображен герб или инициалы, или имеется и то и другое, имеется цифра 2000, 222 или 2222 и т. д. Такие ответы отнесены к числу ошибочных определений.

В результате этого опыта мы получили следующие данные (см. табл. № III).

Таблица III

Число деталей, отмеченных всем коллективом. (Участников опыта — 66)					
Характер примеченных деталей	До обмена мнений		После обмена мнений		Изменение работы коллектива после обмена мнений, %
	абсолютные цифры	%	абсолютные цифры	%	
Правильных	284	80.9	118	86.1	+32.7
Неправильных	29	8.1	17	12.4	+4.7
Мнимых	39	11	2	1.5	+0.6
	352	—	137	—	+38

После происшедшего в коллективе обмена мнений мы видим общее увеличение числа замеченных деталей (137), значительное увеличение правильных показаний (118), небольшое увеличение ошибочных ответов (17) и почти полное исчезновение иллюзорных определений (2).

Является ли это результатом равномерной репродукции или растормаживания каждого участника в отдельности, или же работой определенных групп в среде самого коллектива? Если мы распределим участников опыта в порядке правильно данных ими ответов, то увидим, что наблюдательность развита была у членов коллектива крайне неравномерно. В то время как одни успели в течение 15 с правильно заметить до 10 деталей, другие могли заметить всего 1–2 детали. Большое индивидуальное разнообразие в репродукции сохранилось и после обмена мнений: одни испытуемые добавляли до 6 деталей (максимум), другие всего до 2 и 1 детали (максимум).

Между тем коллектив был довольно однороден по возрасту и образовательному цензу своих сочленов — студенты-медики II курса — но разнороден по составу полов, состоя почти из равного количества мужчин и женщин. Репродукция женщин оказалась много слабее репродукции мужчин.

Индивидуальное различие мы находим и дальше, уже внутри мужской и женской групп коллектива.

Распределение участников и участниц опыта в порядке данных ими правильных отчетов мы находим в коллективе 4 группы (см. табл. IV и V):

1. Сильную группу мужчин. Входящие в ее состав 15 человек подметили правильно в среднем 6.2 детали (табл. V).

2. Сильную группу женщин. Входящие в ее состав 18 человек репродуцировали правильно, в среднем, 5.1 детали (табл. VI).

3. В слабой группе мужчин (15 чел.) воспроизведено, в среднем, 3.46 детали.

4. В слабой группе женщин (18 чел.) в среднем 2.61 детали.

Как отразилась на этих четырех качественно различных группах коллективная работа? Мы видим, что выиграли все 4 группы, хотя и не в равной мере. Правильность ответов возросла у сильной группы мужчин на 22%, у сильной группы женщин на 35%; у слабой группы мужчин на 38.1% и у слабой группы женщин на 44%. Ошибочность осталась у всех 4 групп, но мнимые детали дала после обмена мнений только самая слабая группа коллектива 5.6% (табл. V и VI).

Обмен мнений оказался в данном опыте наиболее продуктивным для самой слабой группы коллектива (процент правильных ответов увеличился на 44; см. табл. IV), тогда как в наиболее сильной группе (I) улучшение работы сказалось в 22%. Но в той или иной мере выиграли от коллективной¹ работы все 4 его группы.

В общем коллектив несомненно устраняет в значительной мере число иллюзий, хотя ошибочные воспро-

¹ В экспериментах Моёде, производившего опыты главным образом в классах над школьниками, работа "худших", по его выражению, в коллективе повышается, работа же "лучших" часто остается без изменения, а иногда и понижается. Надо, однако, заметить, что в опытах Моёде сравнивается изолированная, индивидуальная работа ученика с его же работой в группе, причем никакой общей работы группой не производилось, а дело шло лишь об индивидуальной же работе, но произведенной в классе, т. е. в присутствии других без всякого обмена мнений, тогда как в наших опытах сравнивается совместная работа членов коллектива до и после обмена мнений.

В дальнейшем анализ групп, входящих в состав этого коллектива показал, что только часть деталей предъявленной картины воспроизводилась как тем, так и другим полом, другая же часть деталей примечалась или одними женщинами или одними мужчинами. Мужчины воспроизводили детали, относившиеся к самому паровозу (тендер, кран, труба и т. д.), т. е. к главной части картины, женщинами репродуцировано много деталей, относящихся к окружающей обстановке (рама, ободок рамы, трава, ручеек и т. п.). Ни один мужчина не репродуцирует этих деталей; зато женщины минуют решетку паровоза, будку машиниста (но видят самого машиниста, которого не существует), крышку трубы и ободок колес тендера которые не отмечены мужчинами. Если же сравнить детали, репродуцированные тем и другим полом, то оказывается, что паровоз репродуцирован всеми мужчинами (100), женщинами же (при расчете на 100) — 77%,

изведения как менее значительные заблуждения мало им исправляются.

Таблица IV

Число примененных деталей											
Характер примененных деталей	Мужской группой коллектива (30 человек)					Характер примененных деталей	Женской группой коллектива (30 человек)				
	До обмена мнений		После обмена мнений				До обмена мнений		После обмена мнений		
	абсолютные цифры	%	абсолютные цифры	%			абсолютные цифры	%			
Правильных	145	86.8	47	85.5	+28.1	Правильных	139	75.1	71	86.6	+38.3
Неправильных	14	8.4	8	14.5	+4.8	Неправильных	15	8.1	9	11	+4.9
Минимум	8	8	—	—	—	Минимум	31	16.8	2	2 и 4	+1.1
Итого	167	—	55	—	+32.9	Итого	185	—	82	—	+44.3

Выравнивание шло таким образом в данном опыте не вниз, а вверх.

К тому же эта нивелировка не идет в ущерб точности воспроизведения, а наоборот, от нее последняя только выигрывает. Вместе с этим надлежит признать, что личность в коллективе несомненно приобретает, обогащается, ибо вместе с обсуждением личность иногда воспроизводит больше деталей и даже более точно, нежели это могло быть сделано индивидуально без участия кол-

колеса обозначили 73 мужчины и только 43 женщины, трубы отметили при этом же расчете 47 мужчин и 22 женщины, тендер отмечен 33 мужчинами и 10 женщинами. Все это лишь до общего обсуждения, но эта разница в полах значительно сглаживается после обсуждения в коллективе. Таким образом в коллективном обсуждении сглаживаются не только различия индивидуальных показаний, но и различия в показаниях отдельных полов.

лектива. Даже те, которые почти ничего не могли воспроизвести индивидуально, после обсуждения воспроизводили иногда без всяких ошибок несколько деталей.

Таблица V

Число примеченных деталей											
Характер примеченных деталей	Сильной группой мужчин (15 человек)					Характер примеченных деталей	Сильной группой женщин (18 человек)				
	До обмена мнений		После обмена мнений		Измене- ния ра- боты сильной группой мужчин		До обмена мнений		После обмена мнений		Измене- ния ра- боты сильной группой женщин
	абсолют- ные цифры	%	абсолют- ные цифры	%			%	абсолют- ные цифры	%	абсолют- ные цифры	
Правильных	93	89.4	23	92	+22	Правильных	92	76.7	42	91.3	+35
Неправильных	8	7.7	2	8	+2	Неправильных	10	8.2	4	8.7	+3.3
Мнимых	3	2.9	—	—	—	Мнимых	18	15	—	—	—
Итого	104	—	25	—	+24	Итого	120	—	46	—	+38.3

Между прочим рассматриваемые опыты с воспроизведением дают прекрасный случай выявить внушаемость отдельных лиц. Уже из того, как нивелируются отдельные мнения в коллективном обсуждении, видно, что некоторое влияние, несомненно, принадлежит взаимному внушению лиц, участвующих в коллективе. При этом с помощью подходящих вопросов нетрудно выявить внушаемость отдельных лиц в толпе. Например, относительно изображения пульмановского паровоза достаточно было в одном из опытов спросить относи-

тельно дыма из трубы паровоза, чтобы несколько лиц тотчас же откликнулись на этот вопрос, заявив о виденном ими дыме и о его направлении и распространении, между тем как на самом рисунке дыма не было изображено вовсе. Здесь в сущности выявлялось внушающее влияние руководителя собрания, так как влияние ошибочного показания относительно картины кого-либо из участников собрания далеко не сказывалось таким образом и в большинстве случаев отвергалось при общем обсуждении вопроса.

Таблица VI

Число отмеченных деталей											
Характер примеченных деталей	Слабой группой мужчин (15 человек)					Характер примеченных деталей	Слабой группой женщин (18 человек)				
	До обмена мнений		После обмена мнений				До обмена мнений		После обмена мнений		
	абсолютные цифры	%	абсолютные цифры	%			%	абсолютные цифры	%	абсолютные цифры	
Правильных	52	82.5	24	80	+38.1	Правильных	47	72.4	29	80.6	+44
Неправильных	6	9.6	6	20	+9.5	Неправильных	5	7.6	5	13.8	+7.1
Мнимых	5	7.9	—	—	—	Мнимых	13	20	2	5.6	+3.5
Итого	63	—	30	—	+17.6	Итого	65	—	36	—	+54.6

Другой опыт на репродукцию, состоявший в предъявлении 6 изображений общеизвестных животных, подтверждает сказанное относительно первого опыта (с

пульмановским паровозом). В этом опыте, поставленном на Педологических курсах, между прочим 20 лицами до общего обсуждения указано было 54 детали, после обсуждения было названо еще 15 деталей, следовательно, всего 69 деталей. Всеми участниками дано было правильных показаний до обсуждения 92, ошибочных 47, всего 139. После обсуждения число правильных показаний возросло на 84, ошибочных на 8. Таким образом, правильных показаний после обсуждения оказалось 176, ошибочных 55.

В числе других опытов для сравнения индивидуальной и коллективной деятельности мы поставили опыты на различие и сходство. Опыт на определение различия ставился таким образом, что аудитории предъявлялись один за другим два больших сходственных рисунка с небольшим различием в деталях изображений. Мы пользовались для этой цели теми же рисунками животных. Животные (собака, лягушка, слон, верблюд, кролик, лев) были изображены на двух картинах в различных позах; задание состояло в определении этих поз после того, как обе картины были показаны одна вслед за другой, каждая в течение 10 с. Для другого опыта было взято изображение гуся на одном рисунке и лебедя на другом рисунке. Оба изображения в естественных условиях жизни данных птиц, т.е. на воде. Задание состояло также в определении различия между тем и другим. Для определения сходства мы взяли на одном и том же рисунке изображения двух столь различных объектов, как взрослая женщина и ребенок-девочка, давая задание найти между ними сходство.

Из опытов на определение различия деталей в изображениях животных я приведу результаты первого опыта, осуществленные в аудитории Государственного института медицинских знаний.

Всего участников опыта было 13 чел. Каждый рисунок с изображением 6 животных был предложен вниманию аудитории в течение 10 с. Затем всем участникам предложено записать те различия, которые они замети-

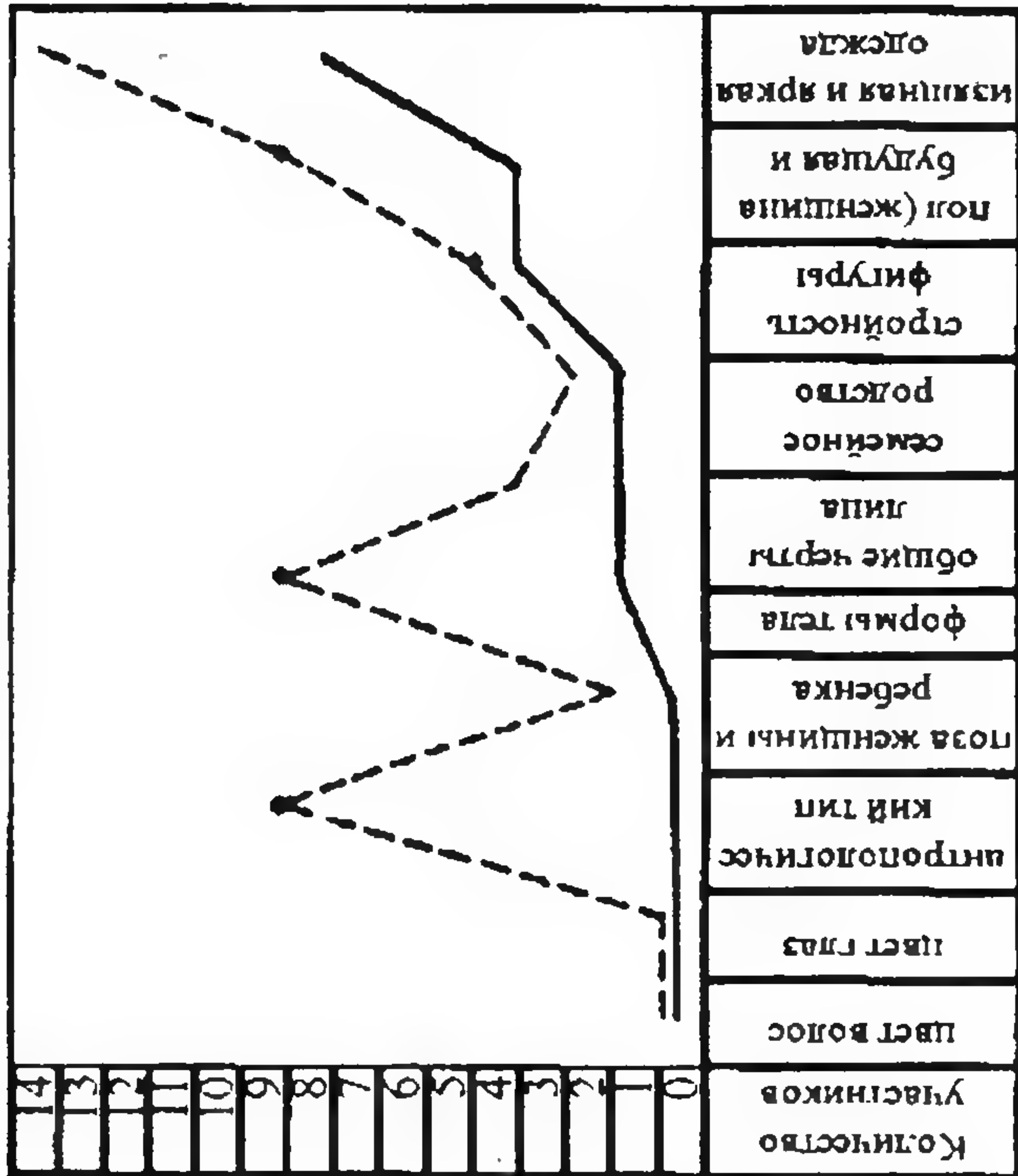
ли между изображениями животных на одном и на другом рисунке. Оказалось по заметкам, что всех отмеченных различий указано было аудиторией 42, но из них 33 было правильных, а 9 было неправильных или ошибочных. Когда эти отдельные наблюдения были подвергнуты обсуждению, то число правильно отмеченных различий достигло 40 и в то же время число ошибочных показаний убавилось до 2. Иначе говоря, коллектив из 9 ошибок, сделанных отдельными наблюдателями, исправил 7 и на то же число улучшил результат сравнения, сделанного отдельными лицами. В этом опыте на сравнение, лежащее в основе анализа, также можно было отметить обогащение личности после взаимного общего обсуждения как в количественном, так иногда и в качественном отношении.

Что касается опыта на определение сходства, лежащего в основе синтеза, то, как мы видели, объектом сравнения были взяты изображения взрослой женщины и ребенка-девочки. Участников опыта было 14. Индивидуально ими были отмечены следующие внешние сходства: в отношении цвета волос (см. рис. 1) (1), цвета глаз (1), антропологического типа (1), позы, формы тела (2), общих черт лица (2), семейного родства (2), стройности фигуры (4), пола (женщина будущая и настоящая) (4), изящества одежды (8). Таким образом только последний признак собрал большинство голосов, остальные оказались одинокими. Что же сделал коллектив? Из упомянутых внешних сходств, он при обсуждении избирает антропологический, т. е. расовый тип (9), формы тела (9), пол и изящество одежды (14). За первые три признака он высказывается большинством 9 голосов, а за последний, т. е. яркость и изящество одежды всеми 14 голосами. Все остальные признаки, как несоответствующие действительности, им отвергаются при голосовании.

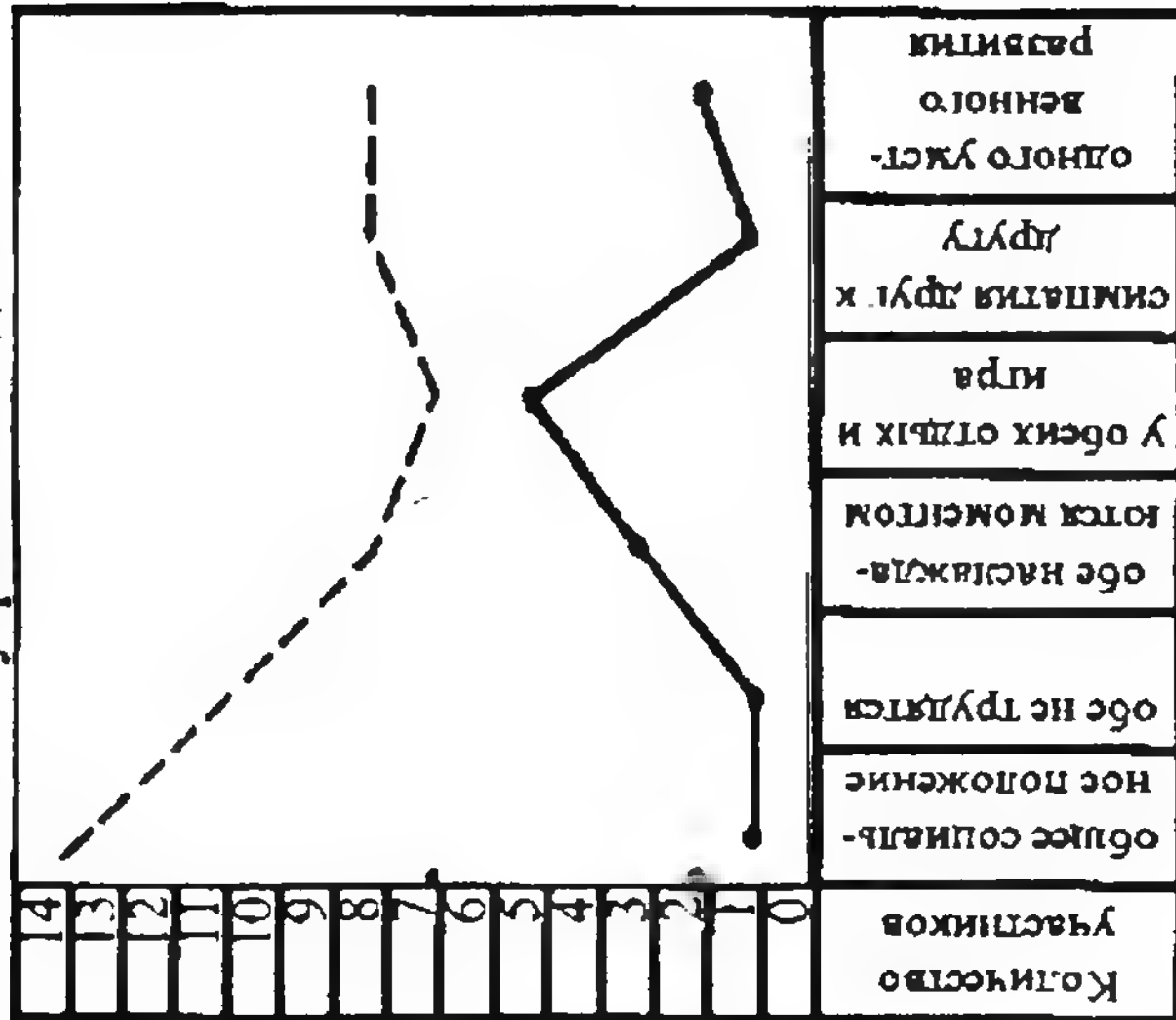
Задание: найти сходство внутреннее и внешнее между женщиной и ребенком.

Перейдем теперь к внутренним признакам сходства. Индивидуально из них отмечены следующие: общее соци-

Внешнее сходство

Внутреннее сходство

— до коллективного обсуждения
- - - после коллективного обсуждения

Рис. 1. Внешнее и внутреннее сходство между женщиной и ребенком

альное положение (1), оба не трудящиеся лица (1), наслаждение обеими моментом (3), для обеих характерны отдых и игра (5), симпатия друг к другу (1), сходственного умственного развития (2). Опять отмеченные признаки сходства в большинстве представлены единичными голосами, и ни один из внутренних признаков при индивидуальных показаниях не получил большинства. Между тем коллектив высказывается абсолютным большинством голосов за симпатию друг к другу, за сходственное умственное развитие и единогласно признает общее для обеих социальное положение. Иначе говоря, коллектив и в том и в другом случае выделил правильные признаки внешнего и внутреннего сходства: он единогласно высказался за бросающийся в глаза яркий внешний признак в изяществе одежды и за не менее яркий внутренний признак — общее социальное положение.

Опыт на отношение к поведению изображаемых лиц был произведен в следующем виде: слушателями Педагогических курсов, среди которых преобладающую группу представляют учителя I и II ступени средней школы, было предъявлено изображение в размере двух ватмановских листов с одной стороны — воровства мальчиком яблок в чужом саду и появление сторожа с палкой, с другой стороны — поимка мальчика сторожем и наказание пойманного на месте преступления мальчика садовником в виде порки¹. Участников опыта было 24, но одна участница себя исключила ввиду неизвестности всех обстоятельств при совершении проступка мальчиком. Таким образом на самом деле в опыте участвовало всего 23 человека. После предъявления этих двух вышеуказанных изображений было предложено вникнуть в содержание предъявленного и записать результат своего отношения к изображенному на предварительно розданных листках бумаги с обозначением как всегда на том же листке возраста, пола и образовательного ценза. После того, как затем каждым в отдель-

¹ Рисунки заимствованы из атласа Рыбакова с некоторыми видоизменениями.

ности была сделана запись на своем листке по поводу содержания предъявленной картины, приступлено было к обсуждению каждого мнения в отдельности. При этом естественно, что одни к нему присоединились, другие отвергали, после чего обсуждаемое мнение подвергалось окончательному голосованию, причем каждому предоставлялось либо оставаться при своем мнении, либо отказаться от него и присоединиться при голосовании к чужому мнению, записав изменение мнения в свой листок. Выяснившееся в записях отношение отдельных лиц к действиям изображенных на картине лиц сгруппировалось по следующим категориям: 1) отношение к вине мальчика; 2) отношение к наказанию мальчика; 3) отношение к порке с общественно-этической точки зрения; 4) отношение к порке как педагогической мере воздействия. В этом опыте интересно, как отношения отдельных лиц после обсуждения в коллективе теряли своих адептов или приобретали новых защитников. Так вина мальчика была признана индивидуально 12 лицами (см. рис. 2); за необходимость наказания мальчика индивидуально высказались 16 лиц. Таким образом и виновность, и необходимость наказания мальчика были признаны значительным большинством лиц. После обсуждения в коллективе за виновность мальчика высказалось 15 лиц, а по обсуждении за наказание в коллективе высказалось всего 12 лиц, следовательно, взгляд о наказании мальчика колебался. Затем индивидуально высказано было 3 лицами, что, если мальчик воровал яблоки с голода, то он наказанию не подлежит. При обсуждении в коллективе к такому отношению тотчас же присоединились многие, так что число приверженцев этого отношения увеличилось до 18. Затем 4 лица на своих записках индивидуально высказали взгляд, что, если мальчик — лакомка, то посечь можно, но это отношение в коллективе нашло сочувствие еще всего лишь среди 3 членов. В общей сложности за такое отношение таким образом высказалось 7 человек и, следовательно, оно провалилось. Три человека индивидуально высказались

за то, что при этих обстоятельствах достаточно мальчика отодрать за уши, но в коллективе это отношение также не встретило сочувствия и за него подано всего 2 голоса, из чего видно, что половина приверженцев этого отношения от него отказалась.

Таким образом, общее отношение коллектива к действиям изображенных лиц выразилось формулой: виновен, но при голоде наказанию не подлежит, а если мальчик — лакомка, то заслуживает снисхождения. Интересно сравнить индивидуальное отношение к порке с отношением к той же порке коллектива. Индивидуально отдельными лицами отмечено, что порка — грубость (1 чел.), порка — жестокость (1 чел.), порка — варварство (1 чел.), порка — насилие над слабым (2 чел.) и, наконец, порка — возмутительна (1 чел.). Таковы были индивидуальные отношения, заявленные 5 различными лицами из 23 человек и, следовательно, заявления эти имели значение лишь как взгляды отдельных лиц. Как же смотрит на порку коллектив? Оказалось, что первое отношение к порке было принято 19 лицами, второе — 23, третье — 22, четвертое — 17 и пятое — 17. Таким образом, коллектив огромным большинством голосов сказал, что порка и грубость, и жестокость, и варварство, и насилие над слабым, и возмутительна, тогда как в одиночку 18 человек в первоначальных записях не сразу осудили порку и не возмущались ею.

Не менее интересно сравнение индивидуальных отношений и отношения коллектива как целого к порке как педагогической мере. Индивидуальные записи были следующие: “порка — педагогическое недоразумение” (1), “порка — метод естественных последствий” (1), “порка — внушение с эмоциональной окраской” (1), “порка не исправляет” (11), “есть личности, на которых гуманные меры не действуют” (1), “следует посечь секущего”. После обсуждения в коллективе за “педагогическое недоразумение” высказались 12 лиц, за метод “естественных последствий” — 8, за “внушение с эмоциональной окраской” — 11, за “вред

с гигиенической точки зрения” — 17, за существование лиц, “на которых гуманные меры не действуют”, — 8, за “сечение секущего” — 7. Таким образом, придерживаясь большинства голосов, следует признать, что коллективное отношение выразилось формулой: порка вредна с гигиенической точки зрения, порка есть “педагогическое недоразумение” и что порка не исправляет.

Нет надобности пояснять, что такое отношение коллектива к порке должно быть признано по существу правильным и во всяком случае в качественном отношении выше взгляда некоторых отдельных участников собрания. Заслуживает внимания, что в коллективе педагогов порка решительно осуждена с общественной (этической) точки зрения, тогда как с педагогической точки зрения, хотя и признана мерой негигиеничной, но взгляд, что порка “педагогическое недоразумение”, принят незначительным большинством, следовательно, вопрос вызвал большое разногласие, равно как и вопрос, исправляет ли или не исправляет порка как мера воздействия. Групповой анализ этого коллектива (по возрасту, полу и образовательному цензу) показывает, что за порку высказались: 1) исключительно мужская группа, 2) наиболее молодые из этой группы от 19 до 23 лет, 3) люди с очень малым педагогическим стажем и со средним образованием; также из мужской группы тот, кто горячо восстал против порки и в свою очередь предложил “высечь секущего”, был тоже молод (21 г.) и был лицом со средним образованием. Все женщины, независимо от возраста и образования, за исключением одной, колебавшейся, были противницами порки как с этической точки зрения, так и с гигиенической. Так как в этом коллективе преобладал численно женский элемент, то он и повлиял гуманизирующе на общее решение коллектива. Повлиял и возраст: молодые люди, стоявшие за порку, от своего отношения после обмена мнений отказались. Предложение же “высечь секущего” не встретило сочувствия коллектива.

Тот же самый опыт мы произвели затем для сравнения в Ленинградском медицинском институте при 13 участниках-слушательницах и слушателях того же Института. Уже индивидуальные показания здесь дали мало разнообразия и самые записки отличались в большинстве случаев краткостью. Здесь не было выражено отношения к порке ни с педагогической, ни с общественно-этической точек зрения. Индивидуально большинство голосов высказалось за осуждение сторожа. Между тем коллектив оправдал сторожа и осудил мальчика, но признал заслуживающим снисхождения. Итак, в то время как педологи отнеслись с вниманием к положению мальчика и почти не интересовались сторожем, в Медицинском институте осудили мальчика и оправдали сторожа. Мальчик виновен, хотя и заслуживает снисхождения. Среди медицинской молодежи коллективное отношение было более, так сказать, прямолинейным и формальным, без углубленного отношения к происшедшему, в частности к ребенку, поступок которого вызвал у педагогов всестороннее обсуждение.

Таким образом эти два ответа показывают между прочим существенно различное отношение двух коллективов к одному и тому же происшествию, что можно объяснить главным образом различным составом коллектива; в одном случае будущие медики, в другом учителя; и частью же, быть может, и неодинаковым возрастом¹ участников обоих коллективов: с одной стороны — юная молодежь, с другой — более зрелые лица.

Что касается опытов с коллективным творчеством, то они были осуществлены путем заданий подготовить проект памятника Толстому, Достоевскому, Некрасову²; мы остановимся здесь на проекте памятника поэту

¹ В будущих опытах мы постараемся выяснить эти вопросы более детально.

² Мы производили и другие опыты на творчество, например написать по поводу чернильницы с воткнутым в нее пером или написать на тему "Весна и осень", но в настоящей работе мы их не приводим. Они будут рассмотрены в другом месте.

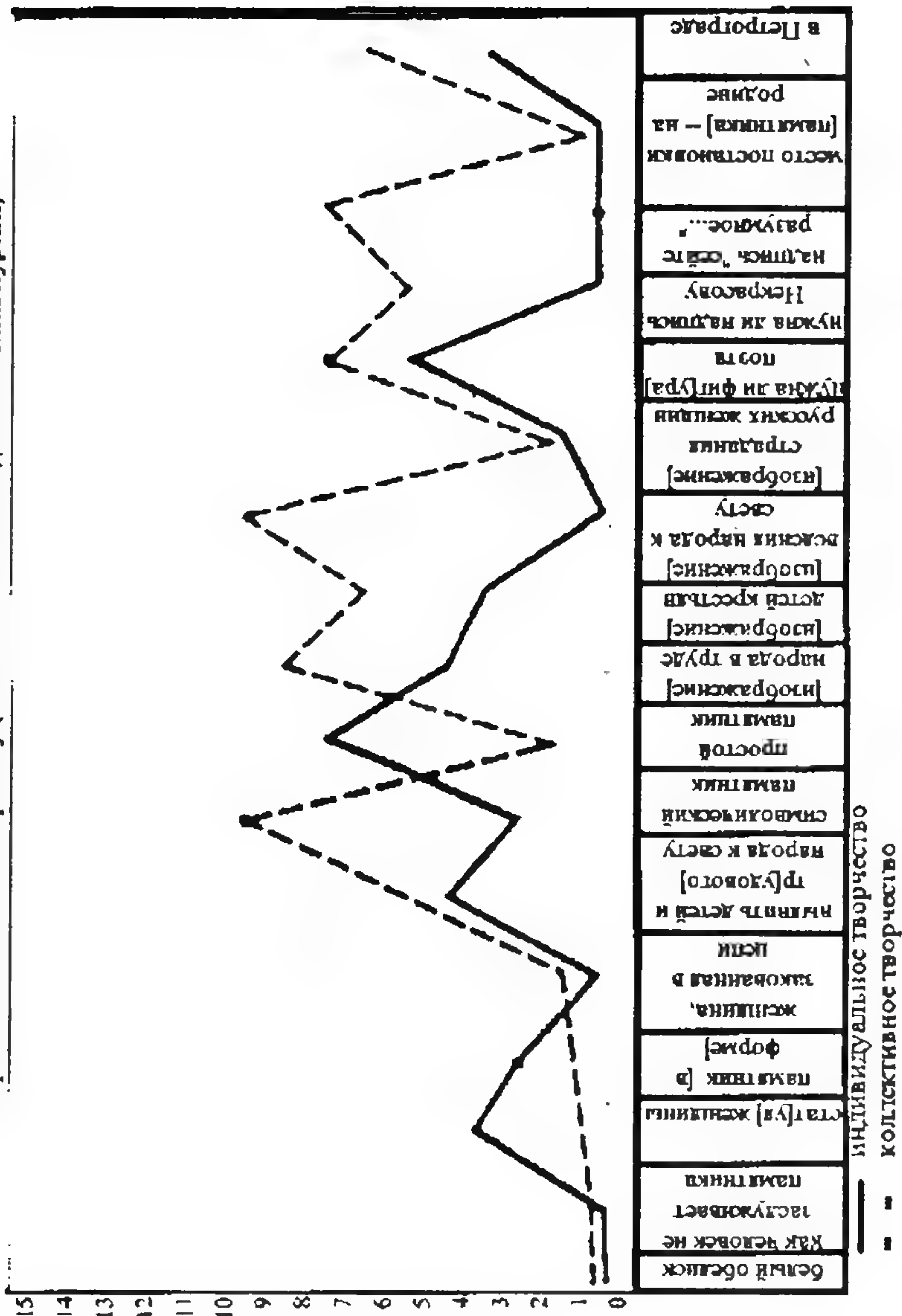

Рис. 3. Опыт на коллективное творчество

Некрасову. Опыт произведен на Высших педологических курсах, следовательно, среди педагогического персонала. На составление и запись проекта дано 10 мин. Перед опытом было предложено записать, как обыкновенно, свои инициалы, возраст, пол и образовательный ценз. Когда на том же листке был записан каждым его проект памятника, т. е. какую именно форму он считал бы нужным придать памятнику, записки прочитывались вслух, причем каждая новая деталь памятника, встречаемая в отдельных записках, подвергалась обсуждению и голосованию. Общее число участников в опыте было 16 (см. рис. 3). Но одним было признано, что Некрасов ввиду его личных качеств недостоин памятника. Следовательно, в обсуждении участвовало 15 человек. Один из участников предложил чисто символический памятник в виде женщины, закованной в цепи, долженствующей изображать крепостную Русь и Некрасова, ее освобождающего, одним предложен был памятник в виде белого обелиска с венком из колосьев и с надписью "Некрасову". Затем памятник в виде учреждения, посвященного поэту Некрасову, был предложен 3 лицами. Были сделаны еще другие предложения, например, памятник с изображением отдыхающей женщины (4 лицами), и памятник с изображением трудящегося народа; с изображением крестьянских детей (4 лицами), с изображением страдания русской женщины (2 лицами), с изображением народа в труде (5 лицами), с изображением ведения к свету трудящегося народа (1 лицом). Из надписей, кроме "Некрасову", было сделано предложение написать: "сейте разумное, доброе, вечное". Изобразить фигуру поэта на памятнике предложено 6 лицами. Место постановки памятника на родине предложил один, в Ленинграде предложено 4 лицами.

Интересно отношение коллектива к этим различным и не имеющим ничего общего друг с другом предложениям. Ни отрицание памятника, ни предложение поставить белый обелиск, ни предложение изобразить отды-

хающую женщину или страдающую русскую женщину не встретило поддержки со стороны коллектива, несмотря на то, что некоторые из этих предложений сделаны несколькими (3 или даже 4) лицами. Лишь изображение крестьянских детей, предложенное 4 лицами, привлекло еще 2 лиц их коллектива, а изображение народа в труде, предложенное 5 лицами, привлекло новых 3 голоса, но зато изображение “ведения к свету и знанию трудящегося народа”, предложенное 1 лицом, привлекло 9 лиц и, следовательно, объединило 10 лиц из 16.

Предложение поставить на памятнике фигуру поэта, внесенное первоначально 6 лицами, привлекло еще 2 и таким образом объединило 8 лиц; надпись “Некрасову”, предложенная 1 лицом, объединила 6 человек, а надпись “сейте разумное, доброе, вечное”, предложенная также 1 лицом, объединила 8 человек. Место постановки памятника на родине, предложенное 1 лицом, не привлекло к себе лишнего голоса, тогда как постановка памятника в Ленинграде, предложенная 4 лицами, привлекла на свою сторону еще 3 лиц при нескольких воздержавшихся. Этот опыт ясно показывает, как коллектив отвергает все крайности, как, например, отрицание памятника Некрасову или постановка ему памятника в форме учреждения, или столь простой памятник, как белый обелиск с венком из колосьев, или, наконец, слишком символический памятник в виде женщины, закованной в цепи. С другой стороны, сделанное всего одним лицом удачное предложение: “ведение к свету и знанию трудящегося народа” подхватывается педагогами и коллективным умом проект памятника Некрасову выливается в форму изображения на памятнике трудящегося народа и ведения его к свету с фигурой поэта, очевидно, наверху и с надписью “сейте разумное, доброе, вечное”, причем местом памятника избран Ленинград.

Отметим, что то же задание было проведено в Ленинградском медицинском институте, где имеется другой состав слушателей — по образованию медицинская

Памятник Некрасову (Опыт в Петроградском медицинском институте)

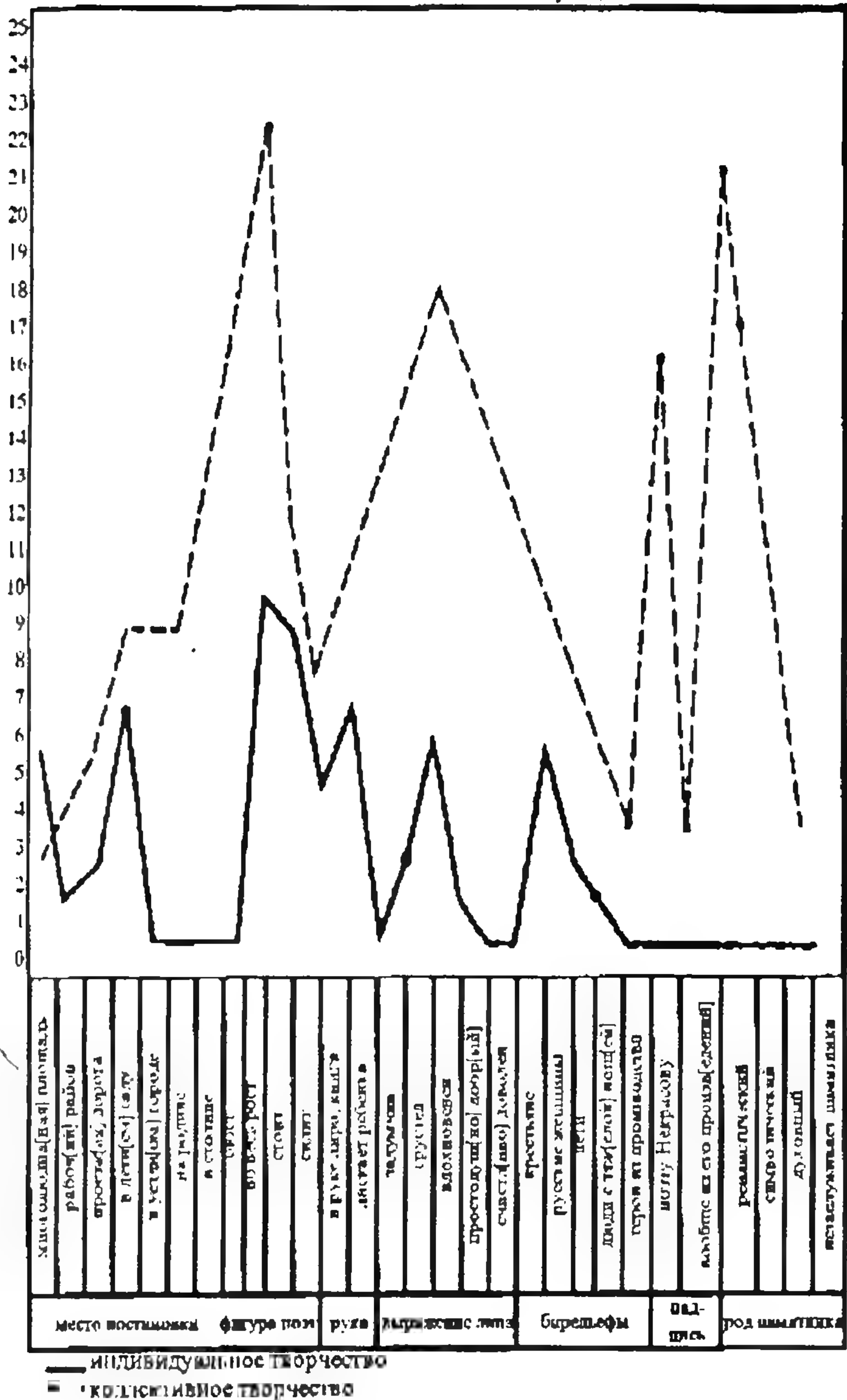

Рис. 4. Опыт на коллективное суждение

молодежь, более далекая от литературных интересов, чем педагоги. Опыт в этом случае дал уже качественно другие результаты (см. рис. 4). Прежде всего обращает на себя здесь внимание бедность содержания памятника в индивидуальных предложениях. При этом и самый коллектив не мог определенно высказаться ни в отношении надписи (ограничились только указанием, что надпись должна быть из произведений), ни в отношении изображений на памятнике фигур (ограничились лишь указанием, что барельефы должны быть взяты из произведений поэта). Самый памятник вышел более простым и реалистическим. При этом коллективу пришлось даже помогать постановкой некоторых вопросов, ибо в индивидуальных проектах не оказалось самого существенного. В общем выявилось, что произведения и личность Некрасова лучше изучены педагогами, чем медиками, что вполне естественно.

В заключение упомяну еще об опыте на определение времени, произведенном на Высших педологических курсах. Опыт имел в виду выяснить, влияет ли коллектив на результаты опытов в зависимости от содержания или его влияние может стоять и вне зависимости от содержания задания. Здесь требовалось определить промежуток времени, протекший между двумя последующими ударами руки по кафедре и представлявший в действительности 1 1/2 с. Этот опыт при 58 участниках показал, что более или менее точное определение таких промежутков времени большинством не может быть с точностью достигнуто. Обыкновенно промежуток времени отдельными лицами либо недооценивается, либо переоценивается и последнее в большей мере, нежели первое. Лишь сравнительно небольшое число (9 из 58) определило в опыте промежуток времени правильно¹. Но если сравнить коллективное определение времени (выясненное путем голосования отдельных определений), то оно оказалось во всех отношениях ближе к ис-

¹ Не выяснено при этом, не пользовались ли они мысленным счетом.

тине, как в отношении большего числа лиц высказавшихся за данный в опыте промежуток времени (со включением воздержавшихся около 20), так и в отношении уменьшения размера недооценки и в особенности переоценки. Таким образом и в определении времени, где в сущности никакого содержания нет, коллективное решение имеет преимущество по сравнению с показаниями отдельных лиц.

Подведем теперь итог всему вышеизложенному.

Выводы

Наряду с тем, что было установлено уже прежними авторами относительно значения подражания в коллективе и нивелировки проявлений отдельной личности, наши исследования заставляют признать, что коллективная деятельность в некоторых отношениях имеет несомненное преимущество перед индивидуальной. Так, репродукция внешних воздействий в коллективе безусловно выигрывает. То, что может воспроизвести коллектив *viribus unitis*, несомненно больше и в количественном, и до известной степени в качественном отношении, поскольку такое явление, как, например, устранение иллюзий у мужчин и уменьшение их числа у женщин, может указывать на улучшение воспроизведения в качественном отношении.

То же следует сказать и относительно наблюдательности различия сходственных объектов. В этом отношении несомненно коллектив достигает лучших результатов по сравнению с индивидуальными показаниями и в то же время коллектив исправляет значительную часть ошибок, делаемых отдельными людьми. Далее, и в отношении установления сходства между объектами различного характера индивидуальные показания в такой мере идут в разбивку, что в нашем опыте только один признак и притом внешний (изящество одежды) собрал

большинство голосов, тогда как коллектив тотчас же заметил целый ряд внешних и внутренних сходств, устранив из индивидуальных показаний те, которые не соответствовали действительности или не имели значения. Таким образом и здесь коллективная деятельность имеет безусловное преимущество перед индивидуальной. Далее, в отношении к поведению мальчика, воровавшего яблоки, оказалось, что коллектив педологов, признав виновность мальчика, колебался, вопреки мнению отдельных лиц, в необходимости наказания и даже определенно высказался, что, если мальчик воровал под влиянием голода, то наказанию не подлежит, а если лакомка, то все же он не заслуживает ни порки, ни отодранья за уши, иначе говоря — заслуживает снисхождения. Таким образом коллективное отношение оказалось здесь несомненно более правильным и даже более углубленным по сравнению с отношением отдельных лиц к тому же мальчику. Точно также и в отношении порки вообще и порки как педагогического мероприятия коллектив без колебания установил несмотря на разноречие отдельных лиц, что порка — грубость, жестокость, варварство, насилие над слабым; что порка — педагогическое недоразумение и что она вредна с гигиенической точки зрения, следовательно, коллектив опять же выявил вполне соответствующее отношение к порке и, что называется, разобрался в вопросе. Мы видели затем, что коллектив иногда совершенно видоизменяет решение, уже подготовлявшееся индивидуальными показаниями, и видоизменяет, исправляя его в лучшую сторону. Так было с тем же заданием в Ленинградском медицинском институте, где индивидуально большинство высказалось за виновность сторожа без достаточного основания, тогда как коллектив нашел, что оба заслуживают снисхождения.

Что касается творчества как процесса, стоящего в прямой зависимости от большей или меньшей одаренности и индивидуальных качеств творца, то мы не имеем возможности судить за неимением прямых опытов о

существенных особенностях и различиях коллективного творчества по сравнению с творчеством отдельных лиц. Надо думать, что этому роду деятельности, где особую роль должна играть степень одаренности и в особенности талант, каждому, как индивиду, так и коллективу, принадлежит своя роль; в отношении стиля, замысла и его развития при особой одаренности индивидуальная деятельность, очевидно, должна иметь преимущество перед коллективной, но что касается критики и исправления индивидуальной работы или, по крайней мере, указаний на ее погрешности и в отношении ориентировки в разных формах творчества в смысле определения его качества и общего к ним отношения, преимущество приходится отдать, по-видимому, коллективной деятельности.

Во всяком случае, согласно нашим опытам, коллектив в выработке общего плана какого-либо задания, критикуя отдельные взгляды, выявляет себя в положительном смысле, отмечая все крайности и останавливаясь на предложении, сделанном хотя бы одним лицом, но таком, которое наиболее отвечает цели задания. Также и другие предложения очищаются в коллективном горне и выходят из него только те, которые наиболее соответствуют заданию.

Наши опыты показывают затем, что можно вносить в коллектив продукты своей индивидуальной деятельности, давая толчок тому или другому выявлению в коллективе, и, следовательно, тем самым индивид может определять направление деятельности коллектива, но сама личность несомненно обогащается в коллективе, приобретая или заимствуя от него то, что не могло быть приобретено личностью вне коллектива. Убедительные данные в этом отношении могут быть почерпнуты из опытов на репродукцию и из опытов с различием сходственных фигур и из ряда других опытов.

Наконец, имеются данные полагать, как это показывают опыты с определением времени, что коллективное решение улучшает правильность индивидуальных

показаний даже там, где нет возможности руководиться содержанием задания.

Далее, применяемый нами метод дает возможность установить характерологию отдельных коллективов, как это мы видели в ряде опытов, произведенных то среди педагогов, то среди слушателей Государственного института медицинских знаний, то среди слушателей Ленинградского медицинского института. Примером могут служить вышеприведенные опыты с репродукцией картины, с выяснением отношения к воровству и наказанию и с творчеством. При этом выяснилось, что характер и углубленность решения коллектива стоят в прямой зависимости от состава самого коллектива.

Также различие между полами выявляется в коллективе с полной ясностью, что между прочим можно было проследить на опыте с репродукцией картины.

Наши опыты еще находятся в начале их производства несмотря на то, что мы ведем их уже много лет, начиная с 1918 г. Они будут с каждым годом еще разнообразиться и углубляться, но уже и нынешние результаты дают полное основание исключить очень распространенное мнение, что коллектив умственно менее работоспособен по сравнению с отдельными индивидами, его составляющими, и что он будто бы устраняет проявление лучших индивидуальных качеств личности. Лучшие индивидуальные проявления не только не подавляются, но наоборот они поддерживаются и оттеняются путем выдвижения их на первый план. С другой стороны, неправильные или ошибочные показания отдельных лиц или совершенно устраняются, или в большей или меньшей мере исправляются и в то же время отменяются все проявления отдельных лиц более крайнего характера. Благодаря этому окончательный результат коллективной деятельности является более или менее согласованным и несомненно выигрывает по сравнению с разноречивой деятельностью входящих в коллектив отдельных лиц.

В общем продуктивность работы коллектива зависит от его состава и большей или меньшей подготовлен-

ности его сочленов к выполнению данного задания. Он работает в пределах уже достигнутого отдельными индивидами, его составляющими. Критикуя и согласуя взгляды отдельных, входящих в коллектив индивидов и контролируя индивидуальную работу, он в то же время ограждает ее от чересчур грубых ошибок и отмечает все крайности и резкости. Вследствие этого коллективная работа в конечном итоге выигрывает по сравнению с работой отдельных лиц. Из наших слов отнюдь не следует делать вывод, что мы считаем коллективное решение всегда и везде непогрешимым: мы видели в опытах (на репродукцию, наблюдательность и др.), что часть ошибочности остается и после обмена мнений. История человечества полна примеров коллективных ошибок и массовых заблуждений (см. интересную в этом отношении работу д-ра Löwenberg'a)¹. Тем не менее заслуживает внимания, что каждый отдельный член в общей работе коллектива обогащается новыми приобретениями в той или иной степени. Чем сильнее и богаче личность, тем меньше она черпает из коллективной работы; чем беднее личность, тем она приобретает больше; уравнение происходит таким образом вверх, улучшая слабых, а не вниз, в смысле ухудшения сильных.

¹ Loewenberg. *Über die Dummheit*. München, 1910.

ЧТО ТАКОЕ ВНУШЕНИЕ? 9*

Бехтерев В. М.

Вопрос о том, что такое внушение, есть один из важнейших вопросов новейшей психологии и общественной жизни, получивший в последнее время огромное практическое значение благодаря в особенности изучению гипнотизма; тем не менее ныне твердо установлено, что внушение вообще является актом гораздо более широким, нежели собственно гипнотическое внушение, так как первое проявляется в бодрственном состоянии и притом наблюдается в общественной жизни везде и всюду при весьма разнообразных условиях. Несмотря, однако, на огромную практическую важность внушения, его психологическая природа до сих пор еще представляется в такой степени мало изученной, что этому понятию различные авторы придавали и придают весьма различное значение.

Уже в своей работе "Роль внушения в общественной жизни" я обратил внимание на разноречия авторов по этому поводу и на ту путаницу, которая от этого происходит. "Еще недавно этот термин, — говорю я, — не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно специальное научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными. Несомненно, что от такого злоупотребе-

ния научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения”.

Если мы обратимся к литературе предмета, то мы встретимся с самыми разнообразными определениями внушения. По определению Lefevre'a, книга которого только что появилась, явления внушения и самовнушения состоят в ассимиляции мыслей, вообще каких-либо идей, допущенных без мотива и случайно, и в их быстром превращении в движения, в ощущения или в акт задержки.

Liebault под внушением признает вызывание словом или жестами в гипнотике представления, следствием которого возникает то или иное физическое или психическое явление.

По Bernheim'у внушение есть такое воздействие, при посредстве которого представление вводится в мозг и им принимается.

Löwenfeld под внушением понимает представление психического или психофизического характера, которое своим осуществлением проявляет необыкновенное действие вследствие ограничения или прекращения ассоциационной деятельности.

Тот же автор в своей книге приводит целый ряд определений внушения, сделанных другими авторами. Из многочисленных определений внушения мы приведем лишь наиболее существенные.

Forel под внушением понимает вызывание такого динамического изменения нервной системы, когда возникает представление, что это изменение наступило, наступает или наступит.

Moll дает сходственное этому определение. По нему, внушением называется тот случай, когда результат обуславливается тем, что вызывают представление об его наступлении.

По Wundt'у, внушение есть ассоциация с сопутствующим ей сужением сознания по отношению к пред-

ставлениям, которые, возникая, не дают противоположным связям проявиться.

По Schrenk-Notzing'у, внушение выражается ограничением ассоциаций в отношении определенном содержания сознания.

Vincent говорит, что "под внушением мы понимаем обыкновенно совет или приказание, в состоянии же гипноза внушение есть произведенное на психику впечатление, которое вызывает за собою непосредственное приспособление мозга и всего от него зависящего".

По Hirschlaff'у, под внушением следует понимать со стороны гипнотизера утверждение, немотивированное и не соответствующее действительности, со стороны же гипнотизируемого — реализацию этого утверждения.

Lowenfeld справедливо восстает против этого крайне узкого определения, так как, согласно этому определению, пришлось бы исключить не только все терапевтические внушения, которые, по Hirschlaff'у, должны быть рассматриваемы не как внушения, а как советы, надежды и пр., но и целый ряд явлений, известных под названием противовнушений, также должен быть исключен из области внушения, — так как они стоят в соответствии с действительностью.

Да и сколько неопределенного в самом понятии "не соответствующий действительности"! Например, дается спящему внушение: проснувшись, взять со стола папироску и закурить, и он выполняет это по внушению. Спрашивается, много ли тут не соответствующего действительности, а между тем бесспорно, что мы здесь так же имеем дело с внушением, как и в других случаях.

Приведение других определений внушения излишне и бесполезно, так как и вышеизложенного вполне достаточно, чтобы видеть, как много путаницы, неясного и неопределенного вводится в понятие о внушении.

Очень характерно по этому поводу начинает свою книгу Б. Сиддис: "Психологи употребляют термин "внушение" так беспорядочно, что читатель часто не уясняет себе его настоящего значения. Иногда этим на-

званием пользуются для означения тех случаев, когда одна идея ведет за собой другую, и таким образом отождествляют внушение с ассоциацией. Некоторые настолько расширяют область внушения, что включают в нее всякое влияние человека на своих собратий. Другие суживают внушение и внушаемость до простых симптомов истерическом невроза. Так поступают сторонники Сальпетриерской школы. Нансийская же школа называет внушением причину, вызывающую то особое состояние духа, при котором явления внушаемости чрезвычайно выступают вперед". Само собою разумеется, что столь неясное положение вопроса о внушении приводит, по Б. Сиддису, к большой путанице в психологических исследованиях, относящихся до внушения, с чем нельзя не согласиться.

Сам Б. Сиддис, поясняя внушение на нескольких примерах, останавливается на определении Больдвина, по которому "под внушением понимается большой класс явлений, типическим представителем которых служит внезапное вторжение в сознание извне идеи или образа, становящихся частью потока мысли и стремящихся вызвать мышечные и волевые усилия — свои обычные последствия". Б. Сиддис справедливо считает его недостаточным, он находит во внушении еще другие важные черты, которые состоят в том, что внушение воспринимается субъектом *без критики* и выполняется им почти *автоматически*.

Но независимо от того во внушении имеется еще элемент, без которого определение является неполным. "Этот элемент или фактор составляет преодоление или обход противодействия субъекта. Внушенная идея насильно вводится в поток сознания, она нечто чуждое, нежеланный гость, паразит, от которого сознание субъекта стремится избавиться. Поток сознания индивидуума борется с внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость равновесия. Этот элемент противодействия имел в виду д-р I. Grossmann, определяя внушение как "процесс, в

котором какое-нибудь представление пытается навязаться мозгу”.

В конце концов Б. Сиддис останавливается на таком определении внушения: “Под внушением понимается вторжение в ум какой-либо идеи; встреченная большим или меньшим сопротивлением личности, она наконец принимается без критики и выполняется без обсуждения, почти автоматически”.

Определение это, выраженное в таком виде, стоит довольно близко к сделанному мною ранее определению внушения, но тем не менее оно не может быть признано вполне достаточным. Прежде всего далеко не всегда внушение встречается тем или другим сопротивлением со стороны личности внушаемого лица. Это наблюдается чаще всего в тех гипнотических внушениях, которые касаются нравственной сферы внушаемого лица или же противоречат установившимся отношениям данному лицу к тем явлениям, которые служат предметом внушения. В большинстве же других случаев внушение входит без всякого сопротивления со стороны лица, которому производится внушение, нередко оно проникает в его психическую сферу совершенно незаметно, несмотря даже на то, что действует в бодрственном состоянии.

Что это так, доказывает пример, заимствованный из книги Охоровича “О мысленном внушении”, приводимый самим Б. Сиддисом: “Мой друг П., человек столь же рассеянный, сколь и остроумный, играл в шахматы в соседней комнате, а мы, остальные, разговаривали около двери. Я заметил, что мой друг, когда совсем погружался в игру, имел обыкновение насвистывать арию из “Madame Angot”. Я уже собрался ему в аккомпанемент отбивать ритм на столе; но в этот раз он стал насвистывать марш из “Пророка”.

Послушайте, сказал я товарищам, мы сделаем с П. штуку: мы прикажем ему (мысленно) перейти с “Пророка” на “La fille de madame Angot”.

Сначала я стал отбивать марш, потом, воспользовавшись несколькими нотами, общими обеим пьесам,

немедленно перешел на более быстрый темп любимой арии моем приятеля. П., со своей стороны, внезапно переменил мотив и начал насвистывать "Madame Angot". Все рассмеялись. Мой друг был слишком занят шахом королевы, чтобы заметить что-нибудь. "Начнем опять, — сказал я, — и вернемся к "Пророку". Немедленно мы опять услышали замечательную фугу Мейербера. Все, что мой друг знал, было только то, что он что-то насвистывал".

Нет надобности пояснять, что здесь не было мысленного внушения, а было внушение слуховое, которое проникало в психическую сферу совершенно незаметно для внушаемого лица и без всякого с его стороны сопротивления.

То же самое мы имеем и в других случаях. Возьмем еще пример из Б. Сиддиса: "У меня в руках газета, и я начинаю ее свертывать; вскоре я замечаю, что мой друг, сидящий против меня, свернул свою таким же образом. Мы говорим, что это случай внушения."

Мы можем привести и много других аналогичных примеров, где внушение входит в психическую сферу незаметно для самого лица и без всякой борьбы и сопротивления с его стороны.

Вообще можно сказать, что внушение, по крайней мере в бодрственном состоянии, гораздо чаще проникает в психическую сферу именно таким незаметным образом и во всяком случае без особой борьбы и сопротивления со стороны внушаемого лица. В этом и заключается общественная сила внушения. Возьмем еще пример из том же Б. Сиддиса: "Среди улицы на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые томы болтовни, льстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено, они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глазеет на "чудесные предметы, выставленные ей на удивление. Еще несколько минут, и толпа начинает покупать вещи, про

которые торговец внушает, что они прекрасные, дешевые”.

“Уличный оратор влезает на полено или на повозку и начинает разглагольствовать перед толпой. Грубейшим образом он прославляет великий ум и честность народа, доблесть граждан, ловко заявляя своим слушателям, что с такими дарованиями они должны ясно видеть, как зависит процветание страны от той политики, которую он одобряет, от той партии, доблестным поборником которой он состоит. Его доказательства нелепы, его мотивы презренны, и, однако, он обыкновенно увлекает за собой массу, если только не подвернется другой оратор и не увлечет ее в другом направлении. Речь Антония в “Юлии Цезаре” представляет превосходный пример внушения”.

Очевидно, что во всех этих случаях действие внушения не осуществилось бы, как скоро было бы замечено всеми, что торговец не в меру расхваливает свои предметы, что уличный оратор преувеличивает значение своей партии, вздорным образом восхваляя ее заслуги. По крайней мере все, для которых ясна вздорность и лживость уверений, в таких случаях тотчас же отходят от таких ораторов, вокруг которых остается только доверчивая толпа слушателей, мало понимающая в деле, не замечающая ни грубой лести, ни лживых заявлений и потому легко поддающаяся внушению.

Итак, в действиях последнего, по крайней мере в большинстве случаев, нет ничего “насильственного”, нет ничего такого, что должно быть “преодолеваемо”, наконец, нет и ничего такого, от чего “осознание субъекта стремится избавиться”. Все происходит самым обычным, естественным порядком, и, однако, это есть настоящее внушение, которое вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия. Нет, конечно, надобности доказывать, что в отдельных случаях внушение действительно встречает сопротивление со стороны человека, которого оно имеет в виду, и тем не менее оно проникает

в сознание, как паразит, после известной борьбы, почти насильственным способом.

Один из прекрасных поэтических примеров внушения, проникающего в сознание после известной борьбы, представляет внушение со стороны Яго на Отелло, который первоначально встречает это внушение сильным сопротивлением, но затем постепенно поддается ему, когда “яд ревности” начинает совершать в душе Отелло свою губительную работу. Также и некоторые из внушений, производимых в гипнозе, иногда встречаются известным противодействием со стороны гипнотизируемого лица. Особенно часто это случается с лицами, которым внушают произвести поступок, противоречащий их нравственным убеждениям. Как известно, некоторые из французских авторов по степени сопротивления лица, которому производятся внушения, противоречащие общепринятым нравственным понятиям, находили возможным даже определять нравственность данного лица.

Очевидно, что в гипнозе личность большей частью не вполне устраняется, она только потухает в известной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере.

Тем не менее ничего обязательного и даже характерного для внушения в противодействии ему со стороны лица, которому производится внушение, мы не имеем, так как множество внушений вступает в психическую сферу того или другого лица без малейшего сопротивления с его стороны. Одному лицу, находящемуся в бодрственном состоянии, я говорю, что у него начинает стягивать руку в кулак, что всю его руку охватывает судорога и ее притягивает к плечу, и это внушение тотчас же осуществляется. Другому я говорю, — что он не может брать рукой окружающих предметов, что она у нем парализована, и оказывается, что с этих пор в самом деле он лишился употребления руки. Все это продолжается впредь до том времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по-прежнему владеют своей рукой. Ни в том, ни в другом слу-

чае, как и во многих других случаях, нет и тени сопротивления.

Поэтому мы не можем согласиться с Б. Сиддисом, когда он говорит, что “черта сопротивления есть основная часть внушения” или что “поток сознания индивидуума борется со внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость равновесия”. В этой борьбе и в сопротивлении для внушения нет никакой необходимости, вследствие чего сопротивление личности не может и не должно входить в определение внушения. Нельзя также думать, что внушение не допускает критики. Сопротивление внушению, где оно имеется, ведь и основано на критике, на уяснении внутреннего противоречия внушаемой идеи с убеждениями данного лица, на несогласии с ним его “я”. Иначе ведь не было бы и сопротивления. Отсюда очевидно, что внушение в известных случаях не исключает даже и критики, не переставая быть в то же время внушением.

Это обычно замечается в слабых степенях гипноза, когда личность еще относится с критикой ко всему окружающему, и в том числе к внушению. Одному лицу я внушаю в гипнозе, что по пробуждении он должен взять со стола фотографическую карточку, которую он увидит. Когда он проснулся, он почти тотчас же осматривает поверхность стола и останавливает свой взор на определенном месте. “Вы что-нибудь видите?” — спрашиваю я. “Вижу карточку”. Я прощаюсь с ним, намереваясь уйти; но он все еще обращает свой взор на стол. “Не нужно ли вам что-нибудь сделать?” — спрашиваю я. “Мне хотелось взять эту карточку, но мне ее не на-до!” — отвечает он и уходит, не выполнив внушения и, очевидно, борясь с ним.

Очень хороший тому пример мы находим также у Б. Сиддиса. Человеку, находящемуся в слабой степени гипноза, делается внушение, что он, услышав стук, возьмет сигаретку и зажжет ее. “Пробудившись, он помнил все. Я быстро стукнул несколько раз. Он встал со стула, но сейчас же сел опять и, смеясь, воскликнул:

“Нет, я не стану этим делать!” “Что делать?” — спросил я. “Зажечь сигаретку, это бессмыслица!” “А вам очень хотелось это сделать?” — спросил я, представляя желание прошедшим, хотя было ясно, что он теперь с ним борется. Он не ответил. Я снова спросил: “Вы очень желали это сделать?” “Не очень”, — отвечал он коротко и уклончиво”.

Таким образом, “принятие без критики внушенных идей и действий” также не составляет безусловной необходимости для внушения, хотя и бесспорно, что большинство внушений входит в психическую сферу, как о том говорилось ранее, без всякого сопротивления.

Равным образом полного автоматизма мы не находим и в осуществлении внушения. Известно, как часто мы встречаем даже у лиц, погруженных в гипноз, что внушение осуществляется не без некоторой борьбы. То же мы наблюдаем и в случаях после гипнотического внушения. Иногда эта борьба кончается тем, что внушение, бывшее на пути к осуществлению, в конце концов остается не осуществленным вовсе, как это было в только что приведенных примерах. Правда, это противодействие бывает различно, смотря по силе внушения, по его характеру, по тем или другим внешним условиям, тем не менее оно возможно и во многих случаях существует. Следовательно, и двигательный автоматизм далеко не может считаться неотъемлемой принадлежностью внушения.

Итак, внушение входит часто в психическую сферу незаметно, без всякого насилия, иногда вызывает борьбу со стороны личности внушаемого субъекта, подвергается с его стороны даже критике и выполняется далеко не всегда автоматически.

Надо, впрочем, заметить, что в других случаях внушение действительно входит в психическую сферу как бы насильственным образом и, будучи принято без всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполне автоматически. Примером таких внушений может служить способ внушения аббата Faria, действовавшего

одним приказанием. К этому же порядку внушения относится и всем известная команда, которая основана везде и всюду не столько на силе страха за непослушание и на сознании рациональности подчинения, сколько на действительном внушении, которое в этом случае врывается в сознание насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумывания и критики, приводит к автоматическому выполнению внушения.

Очевидно, что сущность внушения заключается не в тех или других внешних его особенностях, а в особом отношении внушенного к “я” субъекта во время восприятия внушения и его осуществления. Вообще говоря, внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое производится намеренно или ненамеренно со стороны внушающего лица и которое может происходить или незаметно для лица, которому производится внушение, или же с его ведома и согласия.

Для выяснения сущности внушения мы должны иметь в виду, что наше восприятие может быть активным и пассивным. При первом обязательно участвует “я” субъекта, которое направляет внимание, сообразуясь с ходом нашим мышления и окружающих условий, на те или другие предметы и явления. Последние, входя в психическую сферу при участии внимания и усваиваясь путем обдумывания и размышления, становятся прочным достоянием личного сознания или нашего “я”.

Этот род восприятия, приводя к обогащению нашего личного сознания, лежит в основе наших взглядов и убеждений, так как дальнейшим результатом активного восприятия является работа нашей мысли, приводящая к выработке более или менее прочных убеждений. Последние, входя в содержание нашего личного сознания, временно скрываются за порогом сознания, но так, что каждую минуту по желанию “я” они вновь могут быть оживлены путем воспроизведения пережитых представлений.

Но, кроме активного восприятия, многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого

участия нашего “я”, когда внимание наше чем-либо занято, напр. при сосредоточении на какой-либо мысли, или когда внимание наше вследствие тех или других причин ослаблено, как это наблюдается, напр., в состоянии рассеянности. И в том, и в другом случае предмет восприятия не входит в сферу личного сознания, а проникает в другие области нашей психической сферы, которые мы можем назвать общим сознанием. Это последнее является достаточно независимым от личного сознания, благодаря чему все, что входит в сферу общего сознания, не может быть нами по произволу введено в сферу личного сознания. Но тем не менее продукты общего сознания могут при известных условиях входить и в сферу личного сознания, причем источник их первоначального возникновения не всегда даже и распознается личным сознанием.

Целый ряд разнородных впечатлений, входящих в психическую сферу при пассивном восприятии без всякого участия внимания и проникающих непосредственно в сферу общего сознания, помимо нашего “я”, образует те неуловимые для нас самих воздействия окружающего мира, которые отражаются на нашем самочувствии, придавая ему нередко тот или другой чувственный тон, и которые лежат в основе неясных мотивов и побуждений, нередко нами испытываемых в тех и других случаях. Сфера общего сознания вообще играет особую роль в психической сфере каждого лица. Иногда впечатление, воспринятое пассивно, входит благодаря случайному сцеплению идей и в сферу личного сознания в виде умственного образа, новизна которого нас поражает. В отдельных случаях образ этот, принимая пластические формы, возникает в виде особого внутреннего голоса, напоминающего навязчивую идею, или даже в виде сновидения или настоящей галлюцинации, происхождение которой обычно лежит в сфере продуктов деятельности общего сознания. Когда личное сознание ослабевает, как это мы наблюдаем во сне или в глубоком гипнозе, то на сцену со-

знания выдвигается работа общего сознания, совершенно не считающаяся ни со взглядами, ни с условиями деятельности личного сознания, вследствие чего в сновидениях, как и в глубоком гипнозе, представляется возможным все то, о чем мы не можем даже и помыслить в сфере личного сознания.

Вряд ли можно сомневаться в том, что внушение относится именно к порядку тех воздействий на психическую сферу, которое происходит помимо нашего “я”, проникает непосредственно в сферу общего сознания. Еще в своей работе “Роль внушения в общественной жизни” (СПб., 1898) я определил внушение после соответствующих разъяснений следующим образом:

“Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания”. Я пояснил при этом, что “в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе как при посредстве логического мышления и с *участием личного сознания*”.

Все, что входит в сферу *личного* сознания, вступает в соотношение с нашим “я”, и так как все в личном сознании благодаря отношению к “я” находится в строгом соответствии и координации, служащей выражением единства личности, то очевидно, что все входящее в сферу личного сознания должно подвергаться соответственной критике и переработке, приводящей к убеждению. Но несомненно также, что кроме убеждения, действующего на другое лицо силой логики и непреложными доказательствами и возникающего при посредстве личного сознания, следует различать внушение, действующее на психическую сферу “путем непосредственного прививания психических состояний,

т. е. идей, чувствований и ощущений”, не требуя участия личного сознания и логики.

Я и теперь должен поддерживать тот же взгляд и полагаю, что внушение, в отличие от убеждения, проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий вообще предмет пассивного восприятия.

Когда по внушению у человека развивается судорога в руке или, наоборот, рука совершенно парализуется, спрашивается, что обуславливает осуществление этого внушения? Непосредственное проникновение внушаемой идеи в сферу сознания, не координированную с “я” субъекта, вследствие чего последнее не властно над этим внушением и не может ему противодействовать. Но что мешает “я” с его волевым вниманием допустить внушение проникнуть в общее сознание? Отчего оно не вводит его в сферу личного сознания? Оттого, что воля парализуется верой в силу гипноза и внушения и субъект не может на внушении сосредоточить волевого внимания, оно улавливается лишь непроизвольным вниманием, которое и вводит внушение в сферу общего, а не личного сознания, давая тем самым известный простор автоматизму.

Таким образом, если бы под внушением мы понимали всякое вообще непосредственное влияние на человека помимо его “я” или личного сознания, то мы могли бы отождествить эту форму воздействия на нас окружающих условий с формой пассивного восприятия, происходящего без всякого участия “я” субъекта. Но под внушением обыкновенно принято понимать воздействие одним лицом на другое, которое, очевидно, происходит при посредстве пассивного восприятия, т. е. помимо участия личного сознания, или “я”, субъекта в отличие от воздействия иного рода, происходящего всегда при посредстве активного внимания, с участием личного сознания и состоящего в логическом убеждении, приводящем к выработке тех или других взгля-

дов. Внушение и убеждение, таким образом, являются двумя основными формами воздействия одного лица на другое, хотя в числе способов психического воздействия одних лиц на других кроме убеждения и внушения мы можем различать еще приказание как требование, предполагающее за собой силу, способную заставить выполнять приказываемое, и пример, возбуждающий подражание, а также советы, надежды, желания и пр. Но эти формы воздействия одних лиц на других, кроме чисто автоматического подражания, по моему мнению, не могут быть причисляемы к основным, так как при анализе нетрудно убедиться, что как приказание, так и пример действуют частью путем того же убеждения, частью путем внушения. Несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению.

Так, приказ действует прежде всего силой страха за возможные последствия непослушания через сознание необходимости выполнения в силу разумности подчинения вообще и т.п. В этом отношении приказание действует совершенно подобно убеждению. Но независимо от того приказание действует, по крайней мере в известных случаях, и непосредственно на психическую сферу как внушение. Как известно, термин "внушение" до введения его в психологию предпочтительно употреблялся публикой для выражения властного влияния одного лица на другое. Лучшим примером влияния приказа как внушения может служить команда, которая действует, как известно, не только путем страха перед последствиями за непослушание, но и путем прямого внушения, не давая возможности здраво обсудить предмет команды. Точно так же и пример, с одной стороны, действует, несомненно, на разум путем убеждения в полезности того, что человек видит и слышит; с другой стороны, пример может дей-

ствовать и наподобие психической заразы, иначе говоря, путем прямого внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

В этом отношении мы напомним о заразительном влиянии публичных казней, о самоубийствах из подражания, о передаче путем подражания судорожных болезненных форм и т. п.

Что касается других форм воздействия одних лиц на других, как требование, советы, выражение надежды или желания, то в сущности они не имеют в виду ничем более, как предоставить материал для суждения другому лицу, а следовательно, имеют в виду поддержать или укрепить в нем определенное убеждение, хотя в известных случаях и эти формы воздействия могут влиять непосредственно на сознание наподобие внушения.

Таким образом, как приказание, так и пример, а равно и другие формы психического воздействия одних лиц на других действуют в одних случаях путем убеждения, в других случаях путем внушения, чаще же они действуют одновременно и как убеждение, и как внушение и потому не могут быть рассматриваемы как самостоятельные способы воздействия одних лиц на других, подобно убеждению и внушению.

Löwenfeld, между прочим, настаивает на различии в определениях самого процесса внушения (*suggestiren*) от результата его, известного под названием собственно внушения (*suggestion*). Само собою разумеется, что это два различных процесса, которые не должны быть смешиваемы друг с другом. Но, по нашему убеждению, только такое определение и может быть признано наиболее подходящим и более правильным, которое обнимает и самый способ воздействия, характерный для процесса внушения, и результат этого воздействия. Дело в том, что для последнего характерен не только результат, но и самый способ, каким он достигнут, равно как для процесса внушения характерен не только самый процесс или способ воздействия на психическую сферу, но и результат этого воздействия. Поэтому-то и в слове

“внушать” мы подразумеваем не только особый способ воздействия на то или другое лицо, — но и возможный результат этого воздействия, и, с другой стороны, в слове “внушение” мы подразумеваем не только достигнутый результат в психической сфере данного лица, но и в известной мере тот способ, который привел к этому результату.

По нашему мнению, в понятии внушения прежде всего содержится элемент непосредственности воздействия. Будет ли внушение производиться посторонним лицом при посредстве слова, или воздействие производится при посредстве какого-либо явления или действия, т. е. имеем ли мы словесное или конкретное внушение, оно всегда влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу, помимо сферы личного сознания или по крайней мере без переработки со стороны “я” субъекта, благодаря чему происходит настоящее прививание того или иного психофизического состояния.

Равным образом и те состояния, которые известны под названием самовнушения и которые не требуют посторонних воздействий, возникают обычно непосредственно в психической сфере, когда, например, то или другое представление проникло в сознание как нечто готовое в форме внезапно явившейся и поразившей сознание мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. д. Во всех этих случаях психические воздействия, возникающие помимо постороннего вмешательства, прививаются к психической сфере также непосредственно в обход критикующего и самосоз-нающего “я” или того, что мы называем личным сознанием.

Таким образом, внушать — значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суж-

дению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний помимо его "я", т. е. в обход его самосознания к критикующей личности.

Если внушение есть нечто иное, как воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия личного сознания данного лица, которому производится внушение, то очевидно, что оно может проявляться легче всего в том случае, когда проникает в психическую, сферу или незаметно, вкрадчиво, при отсутствии особого сопротивления со стороны "я" субъекта, или по крайней мере при пассивном отношении последнего к предмету внушения, или же, когда оно сразу подавляет психическое "я", устраняя всякое сопротивление со стороны последнего.

Опыт действительно подтверждает это, так как внушение может быть вводимо в психическую сферу или мало-помалу, путем постоянных заявлений одного и того же рода, или же сразу наподобие повелительного приказа.

Но без сомнения, внушение легче всего удастся в гипнозе, при котором личное сознание утрачивается в большей или меньшей степени и на сцену выступает сфера общего, или безличного, сознания. Когда личное сознание ослабело или утрачено, как в гипнозе, то естественно, что внушение входит непосредственно в сферу общего сознания, минуя "я" субъекта и не встречая с его стороны какого-либо противодействия, по крайней мере в более глубоких степенях гипноза.

Если в некоторых случаях гипноза противодействие внушениям и существует, то степень этого противодействия, во всяком случае, находится в известной зависимости от глубины гипноза. Чем последний глубже, тем и внушение встречает меньше сопротивления. Не подлежит, впрочем, сомнению, что и характер внушения влияет на сопротивляемость субъекта, так как

только внушения, противоречащие всему складу данного лица, и особенно его нравственным воззрениям, встречают обыкновенно то или другое противодействие со стороны гипнотизируемого лица. Но это противодействие далеко не такого рода, чтобы опытный гипнотизатор не мог его обойти и преодолеть.

Только что указанный факт объясняется, очевидно, тем, что в менее глубоком гипнозе “я” субъекта, т. е. его личное сознание, если и остается, то в общем далеко не отличается такой стойкостью, как в нормальном состоянии, благодаря чему и противодействие его не может быть столь полным и совершенным, как при нормальных условиях.

Внушение и воспитание^{10*}

Бехтерев В.М.

Вряд ли нужно доказывать, что развитие человеческой личности нуждается в самом старательном воспитании, а между тем как мало внимания в жизни уделяется этому делу. Мы воспитываем старательно каждое плодовое деревцо и даже простой цветок, мы воспитываем всякое домашнее животное и в то же время мало заботимся о воспитании будущего потомства и, что еще хуже, при незнании основ воспитания нередко уродуем будущую личность человека, воображая, что делаем нечто особо полезное.

К тому же в повседневной литературе так мало уделяется места вопросам воспитания, что самый предмет не всем кажется ясным. Мы привыкли говорить о нравственном, умственном и физическом воспитании; но спросите молодых супругов, что следует понимать под нравственным воспитанием, и вы убедитесь, что далеко не все вам ответят, что под этим следует понимать развитие чувства социальной любви и сострадания, и развитие чувства правды и уважения ко всему общественно ценному, хорошему, и развитие чувства долга или обязанности, а между тем в развитии этих именно сторон личности, как всем, должно быть, ясно, и заключается основа взаимоотношений между людьми.

Спросите кого угодно из публики о том, что такое умственное воспитание, и можно быть уверенным, что он вряд ли правильно разграничит это понятие от образования, а между тем развитие ума, которое достигается воспитанием, вовсе не представляется тождественным с приобретением познаний, тем более что

можно быть человеком достаточно образованным и в то же время умственно мало развитым.

Равным образом и по отношению к физическому воспитанию многие полагают, что оно состоит в простом укреплении тела, забывая, что оно играет выдающуюся роль в развитии энергии, находчивости, решительности, способности к инициативе и стойкости, т. е. развитию тех качеств, которые обнимаются общим понятием воли и самостоятельности — этого ценного дара человеческой личности.

Нечего говорить, что воспитание играет огромную роль не только в развитии характера, но и в охране здоровья, и притом как физического, так и умственного.

Мы не будем здесь распространяться на тему о значении воспитания в отношении приучения человека к труду, порядку, физическим занятиям и гигиене, что так важно для физического здоровья человека. Это должно быть очевидно для всех и каждого и без лишних пояснений. Но мы не можем здесь не отметить значения воспитания в вопросе, ближе касающемся нашей специальности, — в вопросе об охране умственного здоровья.

Для всех должно быть ясно, что правильно поставленное воспитание, выработка характера и создание столь важных в жизни идеалов не могут не быть признаны важным пособием в охране душевного здоровья.

Если принять во внимание, как часто душевное здоровье подрывается вследствие нарушения основных правил гигиены, вследствие слишком изнеженного воспитания, когда личность является не способной к труду, а следовательно, и не переносливой к тем или иным хотя бы в малейшей степени неблагоприятным условиям жизни, а также когда личность вследствие отсутствия идеалов и неприспособленности к жизненной борьбе и проведению их в жизнь теряет душевное равновесие, становясь разочарованной, то всем должна быть понятна связь между недостатком воспитания и развитием душевных расстройств.

Но существует и прямая связь между развитием психозов и неправильным воспитанием, на что мне уже приходилось обращать внимание при другом случае.

Неправильное воспитание, особенно в раннем возрасте, уже само по себе может быть причиной душевной болезни. По крайней мере психиатрическая практика не оставляет сомнения в том, что в иных случаях, несмотря на благоприятные условия наследственности и столь же благоприятные дальнейшие жизненные условия, душевная болезнь может развиваться под влиянием дурных воспитательных условий, сложившихся в раннем детстве.

Да может ли быть иначе, если ребенок, будучи здоровым от рождения, с первых шагов своего земного существования будет неудовлетворен в своих насущных потребностях и потому будет почти постоянно находиться в неблагоприятных не только физических, но и нравственных условиях, если он будет хронически болеть кишечными расстройствами и если будет почти постоянно в слезах не только от несвоевременного удовлетворения его физических нужд, но и под влиянием бессмысленных угроз няни или матери?

Можно ли вообще ожидать, чтобы эти и подобные им условия, действующие в течение многих лет в наиболее нежном периоде жизни, не отразились на душевном здоровье будущей личности самым губительным образом?

Нечем говорить, что дурные примеры старших и прививание этим путем нездоровых привычек к детскому организму, глубокое, ничем не оправдываемое и крайне вредное для здоровья пугание детей старшими, а также всякое поощрение легко прививающимся в возрасте первом детства дурным инстинктам и неустранение их своевременными воспитательными усилиями не могут не способствовать развитию навязчивых состояний, неуравновешенности, приводящей затем и к развитию душевных недугов.

В этом вопросе вряд ли возможны какие-либо сомнения, если мы примем во внимание особо восприимчивую и впечатлительную душу ребенка.

Эту исключительную впечатлительность ребенка никогда не следует забывать в такого рода вопросах, как охрана душевного здоровья, и так как эти же условия дают основу и для здорового воздействия на ребенка путем примера, возбуждающего подражание, и путем внушения, то мы и остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Всем общеизвестен факт, что из возраста первого детства, когда память уже начинает сохранять впечатления, некоторые события, почему-либо особо выделившиеся из многих других, остаются в виде воспоминаний на всю жизнь и оживляются в пожилом возрасте иногда с такою яркостью, как бы эти впечатления вновь переживались. Уже это обстоятельство ясно показывает о повышенной детской впечатлительности.

Можно привести и много других примеров, где проявляются необычайная детская впечатлительность и внушаемость. Достаточно бывает иногда неосторожно произнесенного при ребенке слова о совершенном убийстве или каком-либо другом тяжелом происшествии, и ребенок будет уже тревожно спать ночь или даже подвергнется ночному испугу или кошмару. Вот почему обстановка и в особенности окружающая среда всегда оказывают на воспитание ребенка огромное влияние.

Baginski в своей небольшой статье приводит целый ряд примеров, где детская впечатлительность благодаря действию окружающей среды сказалась самым ярким образом.

Особая впечатлительность детей стоит в тесной связи и с необычайной их внушаемостью, благодаря которой ребенку легко прививается как все дурное, так и хорошее.

Как велико значение внушения в детской жизни, показывает, между прочим, тот факт, что маленькие дети легко успокаиваются после ушиба, коль скоро подуть на ушибленное место.

Известно, что ребенок Baldwin'a в первые месяцы мог быть с постоянством усыпляем, если его клали ли-

цом вниз и легонько похлопывали по нижней части позвоночника.

Известно далее, что маленькие дети успокаиваются в присутствии близких им лиц и тотчас же быстро засыпают.

Поразительно также, как легко дети подвергаются чувственному внушению. Достаточно, чтобы окружающие обнаруживали веселое настроение, и это настроение тотчас же заражает и детей; с другой стороны, испуг и растерянность старших тотчас же передается и ребенку.

Wittasck сообщает, что при рассматривании картин ему удалось прививать детям по желанию ту или другую чувственную реакцию в зависимости от того, обнаруживал ли он сам удовольствие или неудовольствие при представляемом предмете.

Plescher также имел аналогичные наблюдения. Поставив стакан на стол, наполненный не совсем крепким уксусом, он выпивал его в присутствии маленькой девочки со всеми признаками удовольствия, после него и девочка просила о том же и выпивала полстаканчика. Хотя лицо девочки при этом стягивалось, но она произносила “хорошо” и требовала вскоре после того еще и остаток. В другом случае на вопрос: “Хороша ли твоя кукла?” — получался энергичный ответ: “Да”, но, когда автор отходил с замечанием, что кукла дурная и что она злая, девочка клала куклу со страхом или бросала ее в угол, хотя в другое время она ее обожала.

Благодаря поразительной внушаемости и свидетельские показания детей страдают неправдивостью, в чем согласно большинство авторов.

Plescher приводит поразительный пример внушаемости детей из своей собственной практики, иллюстрирующий только что сказанное.

Он спросил около 11 часов дня своих учеников: не видал ли кто из них что-либо лежавшее на его столе? Никто ничего не сообщил. На его дальнейшие вопросы, не видал ли кто-либо положенный им ножик, из 54 учеников 29, т. е. 52%, ответили, что они его видели, и притом ответило

таким образом известное число таких учеников, которые со своего места не могли ничего видеть; 7 учеников видели даже, как он ножом резал бумагу и после того положил ножик, 3 — как он чинил карандаш и 1 — как он отрезывал резинку для физических опытов. На объяснение Plescher'a, что ножик после перерыва в занятиях исчез со стола, первоначально было молчание, затем стали выяснять, что мальчик Г., который за короткое время перед тем обвинялся в воровстве, во время перерыва в занятиях держался вблизи стола, как бы желая осмотреть поставленные аппараты. В действительности автор в течение всего предобеденного времени не вынимал ножа из своего кармана. Ученик Г. вышел из комнаты в числе первых и во время перерыва находился все время на школьном дворе в непосредственной близости с ним.

Как велико внушающее влияние на детей даже простых вопросов, показывают известные опыты Stern'a, показывающие, между прочим, как и предыдущий случай, какую ценность могут иметь свидетельские показания детей на суде. Автор предъявлял испытуемым детям картинку в течение $3/4$ секунды и требовал от детей, чтобы они сообщили о виденном, после чего предлагал им заготовленные ранее вопросы.

Оказалось, что при простом сообщении число ложных ответов достигало 6%, при опросах оно достигло 33%.

Этот результат объясняется тем, что всякий вопрос до некоторой степени оказывает уже внушающее влияние на испытуемого.

Если же при опытах давалось Stern'ом известное число внушающих вопросов, то результаты оказывались еще более поразительными, так как правильных ответов получилось всего 59%.

Lipmann, делая специальные опыты над влиянием внушающих вопросов на детей, убедился, что у детей меньшего возраста внушаемость значительно больше, нежели у детей большего возраста.

Козог проделывал над 9-летними детьми опыты со специальной целью выяснить внушаемость по отдельным органам.

При этом оказалось, что при испытании осязания внушающее влияние можно было установить в 45%, в органе зрения — в 55, в области слуха — в 65, в области обоняния — в 72,5 — 78,75, в области вкуса — 75%.

Все же 600 отдельных опытов дали 390, или 65%, удавшихся внушающих влияний. При этом внушаемость, по автору, больше обнаруживалась у более способного ученика, нежели у среднего, а у последнего больше, чем у менее способного; но автор допускает в этом случае возможность случайности.

Поразительной детской внушаемостью объясняются, между прочим, и такие явления, как детские психические эпидемии, и в числе их одно из поразительных явлений этого рода представляет собою детский крестовый поход 1212 г. Можно ли в самом деле иначе объяснить, как силой внушения, странное влечение детей, которые вопреки воле родителей выскакивали из окон, чтобы присоединиться к проходящим детским толпам, направлявшимся в Святую Землю с целью освободить Гроб Господень.

Сумасшедшая идея освободить Святой Гроб с помощью детских рук подавляла совершенно в детях всякий страх перед неизвестностью и увлекала их под видом чарующей воображение мнимой божественной миссии на путь верной гибели и рабства.

С тех пор столь грозных детских эпидемий не случилось в истории отчасти, может быть, потому, что дети ныне живут обыкновенно в условиях, исключающих большое их скопление на улицах.

Однако в школах детские психические эпидемии случаются сплошь и рядом.

Они описывались многими авторами, и вряд ли нужно приводить здесь примеры таких школьных эпидемий. Чаще всего они выражаются в распространении

среди детей судорожных и иных форм истерии и истерической хорей.

Хотя в происхождении этих детских психических эпидемий играют роль такие явления, как наследственное расположение, малокровие и т. п., но, собственно, непосредственной причиной здесь все же является психическая зараза, основанная на внушающем действии примера и переживании соответствующей эмоции.

Всем известно, что достаточно одного истерического или эпилептического приступа среди детей, чтобы в известных случаях развилась целая судорожная эпидемия, захватывающая нескольких школьников.

Влияние внушения на детский ум доказывают и случаи тайного бегства детей для выполнения отдаленных путешествий, например в Америку или к Северному полюсу, под влиянием чтения книг Майна Рида, Жюль Верна и др. Так, два маленьких 13-летних баварца, начитавшись книг, захватили тайно от родных деньги и оружие и отправились в путешествие к Северному полюсу, чтобы охотиться за белыми медведями (Plecher).

Чтение книг, действующих на воображение, вообще оказывает на детей огромное внушающее влияние. Известны примеры, что дети совершали тяжкие преступления исключительно под влиянием чтения книг, в которых описываются преступления и где сами преступники являются героями. Так, четыре 13—14-летних мальчика под влиянием чтения разбойничьих историй основали воровскую шайку и совершили ряд больших краж (Plecher).

Тот же автор сообщает, как в 1908 г. после наделавшей большого шума истории с вымогательством посредством угрожающих писем, направленных к одному богатому мюнхенцу с требованием 100 000 марок, последовал целый ряд подобных же историй с вымогательством путем угрожающих писем и в других местах Германии, причем виновниками всех этих историй оказались дети в возрасте, не превышавшем 15 лет. Нет надобности говорить, что в России в период

экспроприаций эти явления были обычными и, вероятно, из России они и распространились на Германию.

В России они нередко совершались также подростками и детьми из подражательности и под влиянием описаний, которыми в то время были наполнены столбцы газет.

Эти подражательные детские преступления случаются у нас в изобилии еще и в настоящее время. Мы то и дело читаем о детских играх в “стражников” и в “экспроприаторов”, об играх в “смертные приговоры” и в “самоубийство”.

Еще недавно газетные известия со станции Провенишки сообщили о результате детской игры в “Столыпина” и “Богрова” и осужденному “Богрову” была накинута детьми веревка на шею, которую зацепили за забор на высоте 2 арш. “Богров” сорвался и повис на веревке. Когда прибыл отец, повешенный ребенок оказался уже мертвым. По тем же газетным известиям, в Саратове три ученика рисовального училища в возрасте от 14 до 16 лет оказались серьезными экспроприаторами. Один из этих мальчиков, 14-летний Коля, неожиданно исчез. Вскоре получилось письмо в дому, что “Колю держат члены организации социалистов-революционеров”, требуя “выслать 5300 р. за выкуп”. Авторами этого письма оказались два товарища Коли, Петя Власов и Сережа Баукин. Образовав шайку экспроприаторов, они приобрели себе браунинги и кинжалы. Посвященный в это дело Коля будто бы стал “пробалтываться”. Тогда двое товарищей решили с ним покончить. Они потребовали, чтобы он взял у отца браунинг и кинжал, и заявили ему, что покажут ему фокус в загородной пещере, где решили собраться для экспроприации. Когда пришли в пещеру, Коле было приказано играть похоронный марш на мандолине и смотреть на ожидаемый фокус, а в то же время Сережа Баукин, зайдя сзади, выстрелил ему в затылок. Несчастный Коля упал навзничь, после чего Сережа Баукин еще выстрелил ему два раза в лоб. Нечего говорить, что подметное

письмо о 5300 р. было подброшено нарочно, для отвода глаз.

Рецидивизм в преступлении также в известной мере основан на внушении и подражательности.

По Guuau, число рецидивизма колеблется в зависимости от организации тюрем. Так, например, в Бельгии рецидивизм достигает 70%, во Франции — 40%. С введением одиночного заключения рецидивизм понижается до 10%, а через индивидуализированные наказания — до 2,68%.

Ясно, что высокие цифры рецидивизма при общем тюремном содержании детей зависят от повышенной детской внушаемости¹.

Равным образом известны и самоубийства под влиянием тех же условий. Н. Plecher рассказывает, как одна 17-летняя девушка, Fanny Schneider из Wilhelmshafen, решила покончить с собою, открывши кран газового рожка. Причиной было то, что она начиталась романа, под влиянием которого ей захотелось однажды “так же прекрасно” умереть, как описывалось в этом романе. Будучи уже мертвой, она еще держала в правой руке книгу своего романа.

Внушение как причина самоубийства в юношеском возрасте отмечается весьма многими авторами. Один из поразительных примеров, где одной из причин самоубийства явилось внушение, представляет следующий случай. Молодая девушка 25 апреля 1890 г. бросилась на рельсы пред локомотивом и была раздавлена. При ней была найдена записка, в которой говорилось, что она уже давно преследовалась мыслями о самоубийстве.

¹ Было бы, однако, неправильно делать отсюда вывод о преимуществах одиночного заключения для малолетних, как и для взрослых, преступников. Притупляющее влияние одиночного заключения на умственное развитие настолько значительно, что не может быть и речи о том, чтобы применение его в какой-либо мере можно было оправдывать не только в применении к детям, но и к взрослым. Для детей-преступников во всяком случае наиболее благонадежным средством является лишь перевоспитание их в хорошо устроенных детских колониях.

Причина этого заключается в том, что ей еще в детстве предсказано, что она сама себя лишит жизни. “Это верно, но не надо было мне об этом говорить”, — значилось в записке.

Еще более яркими примерами детской внушаемости являются патологические случаи, особенно же случаи развития нервных состояний под влиянием внешних впечатлений. Всем известно, например, что испуг, простой испуг, служит одной из частых причин развития падучей, которая в таких случаях нередко остается на всю жизнь.

Также нередко под влиянием пережитого страха дети подвергаются заиканию, которое с течением времени закрепляется и при новых волнениях еще более усиливается.

Далее известно, что ребенок, раз увидевши судороги, иногда и сам подвергается судорожным состояниям. Таким образом часто развиваются у детей хореические и истерические судороги. Полагаю, что эти факты настолько общеизвестны, что совершенно излишне здесь приводить им примеры.

Не менее часты случаи параличей, развивающихся у детей по внушению. Можно было бы привести многочисленные примеры развития у детей таких параличей, которые, развившись, также быстро исчезали при соответственном внушении.

Вот, например, мальчик 9–10 лет, доставленный в клинику с диагнозом “расширение спинного мозга”. У него оказался вялый паралич обеих ног и другие сопутствующие явления. Ошибочность диагноза, однако, обнаружилась тотчас же, как только приступили к электрическому исследованию, так как ребенок внезапно спрыгнул с кровати и побежал. Оказалось, что мальчик как-то был сброшен и при этом он слышал рассказ, как другой ребенок после такого падения сделался несчастным.

Вследствие этого походка его становилась все хуже и хуже, пока дело не дошло до паралича ног. Таких или подобных случаев с истерическими расстройствами

того или иного рода у детей можно было бы указать множество. Но я приведу здесь лишь еще один случай, бывший под моим наблюдением.

Девочка около 12 лет, бегая по комнатам во время игры, случайно наткнулась одной стороной живота на угол рояля. Самый ушиб на имел бы, вероятно, последствий вследствие его незначительности, если бы не испуг ребенка и оханье и аханье над ним взрослых. В результате девочка заболевает параличом нижних конечностей с контрактурой, от которых она освободилась лишь спустя несколько месяцев путем простого внушения в гипнозе о возможности ходьбы.

Не менее убедительным доказательством детской внушаемости является развитие половых извращений. Хотя многими признавалось и признается, что половые извращения являются результатом неблагоприятной наследственности и прирожденных уклонений, но несомненно, что кроме условий невропатической наследственности большинство из них обуславливается главным образом детской впечатлительностью, приводящей к тому, что однажды пережитые впечатления, почему-либо сопровождавшиеся эротическим возбуждением, сохраняются в виде прочной ассоциации наподобие сочетательного рефлекса, благодаря чему иногда на всю жизнь упрочивается связь двух явлений — данного внешнего впечатления и эротического возбуждения — в такой мере, что каждый раз вместе с возникновением того же впечатления наступает и эротическое возбуждение, с повторением же этого возбуждения при необычных условиях нарушается и даже утрачивается возможность нормальной половой функции.

Можно было бы привести из своей практики множество эксквизитных случаев этого рода, но полагаю, что в этом нет большой надобности, ибо вопрос и так представляется ясным.

Вряд ли нужно здесь входить в подробности того, чем обуславливается вообще детская впечатлительность и поразительная детская внушаемость. Достаточ-

но сказать, что основой ее, как надо думать, являются, с одной стороны, недостаточно развитые задерживающие механизмы в центрах и, с другой — недостаточная опытность, отсутствие прочно сложившегося мировоззрения, а также слабо развитая критическая способность детей, благодаря чему они легко принимают на веру то, что взрослые встречают с критикой рассудка. В помощь этому служит также привычное признание авторитетности за старшими, действия и слова которых обычно и служат предметом детской подражательности и внушения.

Заслуживает внимания также недостаток активного внимания у детей, способствующий повышенной их впечатлительности и внушаемости. Как пример, иллюстрирующий недостаток активного внимания у детей, можно привести следующее указание Plescher'a. При входе в школу, который должны были проходить все мальчики, находилась черная доска, на которой каждый день можно было читать метеорологические указания насчет состояния температуры и определения времени и направления ветра. При неожиданном опросе учеников 13–14-летнего возраста оказалось, что ни один из них не знал о содержании надписи.

Все вышесказанное не оставляет сомнения в том, как велико вообще значение внушения в психической жизни ребенка, какое влияние оно оказывает вообще на детей и к каким последствиям оно может приводить в известных случаях.

Отсюда понятно и значение внушения в воспитании.

Нетрудно представить себе, что ребенок может оказаться нравственным уродом только потому, что он вырос в соответствующей среде.

Вот почему ребенок благодаря своей необычной впечатлительности должен быть оберегаем от всего, что так или иначе может пагубно отразиться на его детской природе.

А. Boginski повторяет в сущности избитую истину, говоря, что под влиянием дурной среды создаются

дурные привычки, дурные нравы, ложь, преступность и обратно — созданные под влиянием дурной среды дурные привычки и понятия благодаря применению и улучшению среды исчезают и сменяются лучшими.

Значение внушения для воспитания, сколько известно, впервые было указано Verillon'ом в его докладах еще в 66 и в 87 годах. Позднее и другие врачи и педагоги останавливались на значении внушения в деле воспитания. Между прочим, Forel признает внушение за основной руководитель правильного воспитания. “Добрая часть педагогики, — по его словам, — поконится на правильно понятом и выполняемом внушении”.

Trötnner в своем сочинении о гипнотизме говорит: “Меня удивляет, как мало интереса уделяют даже мудрые педагоги учению о внушении даже теперь, когда обнаруживается оживление идей гуманности, признание известного уважения к жизни и личности детей, хотя уже признается, что все воспитание состоит не в выработке послушания и в дрессировке памяти, а в развитии духовного организма в определенном направлении, установленном законами жизни”.

Между прочим, Trötnner считается с возражением, что путем воспитания должны создаваться не “внушаемые” характеры, а, наоборот, характеры, не поддающиеся стороннему влиянию. По этому поводу он говорит, что вообще все люди способны к влиянию и сохраняют эту способность даже после лучшей школы, и притом без ущерба для своей жизни. С другой стороны, педагогическое внушение, если оно целесообразно и правильно применяется, может быть только полезным, так как каждое внушение не только может вызывать желаемое изменение, но в то же время устраняет все другие явления, которые ему противодействуют.

По Verworn'у, все воспитание поконится на внушении. Дитя воспринимает представления, которые мы ему даем, без дальнейшего, не проверяя и даже не имея возможности проверить, в какой мере правильны и соответственны те представления, которые мы у них воз-

буждаем и которые они усваивают. Мы говорим ребенку: этого ты не должен, этого нельзя, так нужно делать, это хорошо, это дурно и т. д. Дитя принимает сказанное, не вникая в него, и таким образом получает первые основные эстетические понятия.

Первоначальные ступени духовного развития состоят вообще в усвоении такого рода внушений. Но все эти внушения продолжают действовать также и в дальнейшей жизни взрослых, ибо, что ребенок себе усвоил, то, как известно, много прочнее, чем то, что приобретает во взрослом состоянии или в позднейшем возрасте.

Особую важность внушения в воспитании и педагогике отмечают также Lay, Barth и Plecher. Последний автор, признавая внушение за важный фактор в воспитании, говорит, что многое из того, что ребенок выучивает, он выучивает подражанием, но подражание основывается главным образом на внушающем влиянии воображения.

Не подлежит вообще сомнению, что уже в обыкновенных условиях воспитания психическое воздействие в форме внушения и примера, возбуждающего подражание, играет видную роль.

Наше воспитание вообще основывается в значительной мере на внушении и вызывании подражания как неизбежных способах воздействия родителей и вообще старших лиц на детей и подростков.

Ребенок всегда склонен воспринимать более при посредстве прямого перенимания и безотчетного подражания, нежели путем осмысленного усвоения. Вот почему и на применение внушения к воспитанию следует смотреть как на один из воспитательных приемов, предназначенных наряду с другими способами для вкоренения тех или других положительных сторон личности и исправления недостатков ребенка, привившихся к нему путем дурных условий и по другим причинам.

Особенно важную роль внушение играет при воспитании в возрасте первого детства.

Но нельзя сомневаться в том, что внушение в широком смысле слова представляет собою важный фак-

тор и в школьном воспитании. В этом отношении уже Grosset признавал, что внушение в воспитании играет полезную роль, хотя к образованию будто бы оно, по его мнению, не применимо ни при каких условиях. Против последнего положения, однако, Plescher не без основания возражает, говоря, что в школе образование и воспитание неразделимы.

Вследствие этого и в образовании роль внушения не может быть вполне исключается.

В этом отношении должно принимать во внимание, с одной стороны, влияние школьной среды на обучающихся, с другой стороны, имеет значение и влияние массы лиц на отдельного воспитанника.

Ввиду этого целесообразное воспитание требует прежде всего устранения всего, что путем внушения может вредить ребенку и поддерживать все то, что может ему быть полезным.

В этом отношении должно быть обращено особое внимание на обстановку, на окружающих лиц, на самого воспитателя и на способ преподавания.

Вряд ли нужно доказывать, что та обстановка, в которой ребенок живет, отражается на психическом складе его в гораздо большей степени, нежели на взрослых. Ребенок как губка впитывает в себя все, что он видит, все, что он слышит, и потому-то Рескин прав, проповедуя создание эстетической обстановки в детских, которая должна быть обязательна и в школе. Нечего говорить, что придется еще много человечеству поработать над тем, чтобы не только обставить детскую изящными картинами, но и дать соответствующие возрасту ребенка рассказы с изящными рисунками, а также дать ему подбор художественных игрушек.

Но эта эстетическая обстановка, выполняемая с помощью детской живописи, нуждается в естественном дополнении, в подборе подходящих для детей музыкальных пьес и песенок, которыми должен услаждаться слух ребенка с первых дней его жизни. Такие инструменты, как цимбалы и аристон, уже всегда были в обиходе детских,

но этого мало, необходимо, чтобы все лучшее в музыкальных произведениях, что соответствует детскому слуху и что может облагораживать душу ребенка, было ему предоставлено, тем более что слух у детей вообще развивается очень рано. Особенно полезны в этом отношении специальный набор песен, а также некоторые из других музыкальных произведений; но, по моему мнению, решительно не подходят здесь романсы, возбуждающие не соответственно возрасту чувственность в ребенке.

Само собой разумеется, что большое значение для ребенка имеет музыкальность самих родителей или няни и воспитательницы. В таком случае они сумеют передать ребенку все доступное ему музыкально-художественное в своих песнях. Но так как музыкальность есть ничуть не общее свойство людей и к тому же музыкальные знания никогда не могут быть всеобъемлющими, то особенной помощью в этом деле может служить граммофон с тщательным подбором пластинок с детскими или доступными детскому слуху и соответствующими его возрасту песнями.

При этом нужно иметь в виду, что с музыкальным воспитанием достигается не одно только развитие слуха, что вообще чрезвычайно важно, а гораздо больше: этим достигается и лучшее настроение, и опoэтизирование окружающей природы, равно как и облагораживание взаимоотношений между людьми, что возвышает нравственную сторону будущей личности.

Чрезвычайно жаль, что до сих пор на эту сторону воспитания мало обращают внимания и в школах, и в дошкольном семейном и общественном воспитании, а между тем к созданию детских музыкальных пьес нужно бы привлечь лучших композиторов мира, ибо нет более значительной цели музыки, как облагораживание души, а она достигается легче всего в детском возрасте.

Но раньше и прежде всего должен быть лучший пример для ребенка в окружающих лицах, особенно же в наставниках. Пример для ребенка все, и он, естественно, является подражателем и повторителем всего, что видит и слышит.

Вот почему живая среда или товарищество в воспитании приобретают особенно важную роль. Благодаря товариществу легко прививается непосредственно путем внушения все: и хорошее и дурное; к сожалению, чаще всего этим путем прививаются самые дурные привычки. Здесь, между прочим, сказывается импонирующее влияние массы лиц на отдельных воспитанников.

Особенно сильно это сказывается в отношении половой сферы, которая в школьном возрасте начинает впервые заявлять о себе и, не будучи предметом воспитания, служит объектом поразительного и грубого извращения.

В этом отношении всем известно повальное распространение онанизма в закрытых школах, где товарищеское воздействие в форме внушения прямого и косвенного играет особенно видную роль. В этом отношении раскрываются из жизни интернатов поразительные явления, которым трудно было бы поверить, если бы они не были действительностью.

Против этого зла надежными средствами являются соответственное половое воспитание и своевременное ознакомление детей со значением половой функции и с последствиями нарушения в области половых отправлений и, наконец, моральное влияние самого воспитателя, которого авторитет может победить влияние товарищества и в то же время может подействовать и на всю массу облагораживающим образом.

Устранение дурного влияния массы на отдельных лиц и облагораживание самой массы возможны при том условии, если в свободное от занятий время дети будут находиться в присутствии и по возможности под руководством старших. Необходимо, однако, чтобы присутствием последних они не были стеснены и чтобы старшие в этом случае были не их начальниками, а их друзьями.

Личность воспитателя в известных случаях вообще имеет еще большее значение, нежели влияние среды. Авторитет его представляет во всяком случае один

из важных факторов в школьной жизни и даже преобладает над авторитетом родителей.

Личность учителя для детей обыкновенно оказывает больше влияния, нежели родители, которых дети знают не только с хороших, но и со слабых сторон, тогда как слабые стороны учителя для них остаются скрытыми или малоизвестными. По Plecher'у, три главных условия внушения: подражание, утверждение и повторение — действуют в личности учителя. Дитя принимает слова учителя в большинстве случаев за безусловную истину. Если же они будут достаточно часто повторяться, то не может быть больше для него никакого сомнения. Самая личность учителя обнаруживает влияние, особенно в истории, Библии, в рассказах и чтении. В этих случаях настроение учителя часто непосредственно передается ученикам.

На этом пункте мы сталкиваемся с вопросом о роли внушения в самом преподавании. Нет надобности говорить, как много зависит внушающий элемент в преподавании от самою учителя, от его авторитетности, умения влиять на учеников и своим примером и способом изложения. Но без сомнения, известная роль принадлежит и самой методе преподавания.

Прежде всего остановимся на отрицательных сторонах преподавания, нарушающих благоприятные условия непосредственного воздействия на учеников в школе.

Само собою разумеется, что из системы преподавания должно быть прежде всем устранено все то, что угнетает впечатлительность ребенка и не дает ему правильно воспринимать преподаваемое. Такими угнетающими моментами в преподавании является страх. Вот почему строгость учителя, переходящая границы, никогда не может быть полезным педагогическим условием.

Равным образом нельзя не признать в этом отношении существенный вред экзаменационной системы в низших и средних школах. Экзамен, в особенности в условиях той обстановки, как он обыкновенно производится, не может не сопровождаться сильной эмоци-

ей, которая у огромного большинства детей переходит в состояние страха, и одна мысль о возможном провале на многих уже действует парализующим образом, и они пасуют на экзамене, тогда как на те же вопросы они могут дать вполне соответствующие ответы несколько времени спустя при нормальных условиях.

Plescher, подробно разбирая вопрос об экзаменах с этой стороны, между прочим, задал непосредственно после испытаний сочинение на тему: "Наши школьные испытания", причем все ученики, кроме одного, писали о том страхе, который они испытывали и который нарушал возможность с их стороны правильного исполнения задач.

О других неблагоприятных сторонах экзаменационной системы здесь не место распространяться. В этом отношении периодическая проверка знаний в течение года, как лишенная необычных условий, связанных с экзаменами, имеет несомненное преимущество пред экзаменационной.

Далее, в отношении преподавания следует иметь в виду, что общеупотребительная форма преподавания — вопросная — является возбудителем бодрости у детей, но имеет и дурные стороны, что зависит от формы вопросов. Последние в известных случаях могут быть так направляемы, что скорее ослабляют бодрость учеников. Лучшим средством против этого может быть только ограничение, развитие и усиление демонстрационного преподавания.

Далее, ожидание является одним из условий, содействующих внушению, и необходимо, чтобы каждый учитель принимал этот фактор во внимание.

Ожидание может быть полезным, если учитель предварительно подготавливает учеников к наиболее важному пункту своего изложения; но ожидание может быть и вредным, так как оно может содействовать ошибочному усвоению путем самовнушения.

Борьба с последним возможна только путем самостоятельной работы детей. Нужно приучать детей, чтобы они проверяли все сами и чтобы все сами виде-

ли и ко всему относились бы с критикой. В этом отношении особенно полезно введение такого принципа в школьном преподавании, чтобы в приобретении знания участвовали по возможности все органы чувств, а не один только слух. Кроме того, полезно детей приучать к критическому обсуждению усвоенного.

Человек есть продукт среды, но человек есть и продукт воспитания, которое должно умерять неблагоприятное влияние внушения и в то же время должно пользоваться внушением, где оно полезно.

Самостоятельная работа делает также ученика независимым не только от самовнушения, но и от влияния учителя и учебного материала. Она развивает в ребенке самоопределение своей силы и создает доверие к себе, что влияет в свою очередь на характер и волю. Своевременное поощрение словами и своевременное же устранение колебания путем внушения играет во всякой массовой работе также огромную роль.

Но как ни важно поддерживать и развивать самостоятельную работу мысли путем убеждения и развития критики, необходимо иметь в виду, что материал для той сферы психики, которая ложится в основу характера, дается внушением как непосредственным прививанием идей и чувств.

С другой стороны, во всех тех случаях, в которых дело идет уже о привившихся дурных привычках или других каких-либо ненормальных проявлениях, необходимо по возможности немедленно прибегнуть к систематическому врачебному внушению, которое может быть, смотря по случаю, гипнотическим внушением, или же просто внушением в бодрственном состоянии, или тем или иным видом психотерапии.

Что касается гипнотического внушения, то оно уже успешно применялось некоторыми авторами в случаях тех или других ненормальных состояний у детей.

Так, уже Berillon приводит случай излечения у 14 1/2-летней наследственно обремененной девочки она-низма, начавшегося с 4 лет, и одновременно с тем упор-

ного грызения ногтей. Тот же автор сообщает об излечении с помощью гипнотического внушения склонности к воровству у одного мальчика. В другом случае тем же путем был избавлен мальчик 12 лет от навязчивого страха, имевшего предметом смерть бабушки. Доктор Wetterstrand излечил 9-летнюю девочку гипнотическим внушением от непроизвольного ночного недержания мочи (Rude). Доктор Liebcault с успехом пользовал гипнотическим внушением мальчика от лени. Даже один идиот, не имевший возможности вследствие недостаточного внимания научиться ни читать, ни считать, благодаря систематическим гипнотическим внушениям, производимым Liebcault спустя два месяца мог выучиться читать и вместе с тем мог обходиться с четырьмя правилами арифметики.

Доктор Rude также сообщает о случае с мальчиком, у которого он путем гипнотического внушения возбудил не существовавший ранее интерес к химии, поддерживавшийся в течение нескольких дней; тому же мальчику автор с успехом путем внушения прививал также интерес к орфографии, к этимологии, к псалмам и к библейской истории.

Уже вышеизложенные примеры показывают, что гипнотическое и вообще врачебное внушение является существенным и даже необходимым пособием при исправлении ненормальных детских характеров, дурных привычек и других необычных и болезненных проявлений. В сущности говоря, в такого рода случаях простого воспитания, как бы старательно оно ни велось, недостаточно, чтобы достигнуть желаемых результатов. Неизбежность применения в подобного рода случаях специальных способов внушения тем именно и обусловливается, что эти случаи суть уже болезненные случаи, нуждающиеся не в воспитании только, но и в лечении.

Собственно, применение гипнотического внушения по отношению к детям, вообще говоря, легко осуществимо. Необходимо только устранить волнение ребенка перед необычным для нем приемом гипнотического внушения.

Поэтому, если ребенок волнуется, надо прежде всем его успокоить и лишь после того прибегать к внушению. Часто ребенок настолько волнуется, что применение гипнотического внушения возможно осуществить только в присутствии матери, против чего, конечно, нет основания возражать.

Глубина сна и степень внушаемости детей, как и у взрослых, неодинаковы. Поэтому нельзя предвидеть число необходимых сеансов в каждом данном случае, тем более что это зависит и от упорства и давности того или другого состояния, подлежащего исправлению. Но во всяком случае, в подходящих случаях можно всегда рассчитывать на успех при систематическом применении гипнотического внушения.

Если применение гипноза почему-либо может оказаться нежелательным, следует пользоваться внушением в бодрственном состоянии, для чего ребенку предлагают лишь закрыть глаза и затем начинают с ним вести беседу, как и при обыкновенном гипнотическом внушении.

Я считаю крайне важным как в том, так и в другом случае не пользоваться формой приказания, а влиять скорее на чувство ребенка и действовать убеждением, представляя ребенку в доступной для него форме, с одной стороны, вред той привычки, с которой приходится бороться путем внушения, и необходимость во что бы то ни было от нее освободиться, с другой стороны, необходимо внушить ребенку, чтобы он всемерно отвлекал от нее свое внимание, при этом необходимо укрепить его волю, внушив ему, что он может и должен воздерживаться от своей привычки во что бы то ни стало. Вместе с этим желательно дать ребенку идеалы хорошего поведения и хорошей жизни. В этом заключается способ лечения перевоспитанием.

Кроме того, в подходящих случаях надлежит внушение совмещать и с другими приемами лечения, действующими против излишней возбудимости нервной системы, как, например, гидротерапия, бромиды и пр.

Лечение внушением у детей применимо в самых разнообразных случаях. Разберем их по порядку.

Крайне важно в воспитательных целях бывает устранить онанизм, который часто прививается к детям в очень раннем возрасте.

Само собою разумеется, что каждый случай онанизма должен быть подробно обследован, причем необходимо, чтобы были устранены те или другие физические состояния, приводящие к раздражению половых органов, например мелкие глисты (*oxyuris vermi*) или экзема. Равным образом могут быть применены и другие содействующие устранению половой возбудимости средства (прохладные ванны, препараты камфоры, брома и т. п.). Но за всем тем необходимо психическое воздействие, которое и должно состоять в применении внушения.

Последнее должно состоять в том, чтобы, разъяснив ребенку вред онанизма, отвлечь внимание его от половой сферы, чтобы он никогда не вспоминал о ней и не думал, чтобы не создавал в то же время никаких соблазнительных представлений и чтобы при всяком случае отклонял от себя все мысли, возбуждающие половую сферу. В то же время необходимо укрепить его волю, чтобы он ни в каком случае сам не допускал физического раздражения половой сферы и чтобы устранял даже возможность случайного ее раздражения, устраивая ночью свои руки подальше от половых органов.

Само собою разумеется, что эти внушения необходимо производить систематически в несколько сеансов, сначала чаще, со временем же все реже и реже, причем закончить лечение можно лишь тогда, когда явится уверенность, что онанизм устранен окончательно.

Кроме онанизма могут быть и другие извращения с половым характером у детей даже раннего возраста, с которыми трудно бороться иначе как психотерапией и внушением.

Я помню мальчика 7 лет, который проявлял уклонения полового инстинкта, выразившиеся в том, что он обнюхивал тело своей мамы и няни с выражением

особенного удовольствия или ощупывал у них мягкие части бюста. Этого мальчика, которого не удавалось отучить от нехорошей привычки никакими воспитательными усилиями, можно было исправить совершенно в течение нескольких сеансов внушений и психотерапии.

Далее заслуживают большого внимания различного рода нравственные уклонения, которые легко прививаются детям, особенно нервным. Так, могут быть случаи kleптомании или склонности к воровству, которые также обыкновенно неустранимы обыкновенными воспитательными усилиями и которые легко устраняются путем внушения. В этом отношении я мог бы привести несколько примеров полного устранения у детей kleптоманических поступков, не поддававшихся обычным воспитательным приемам.

Очень нередки случаи детской лжи, которая прививается иногда детям с самого раннего возраста и с которой борьба опять-таки возможна главным образом путем психотерапии.

Равным образом и другие противонравственные склонности, не устраняемые путем обыкновенных воспитательных усилий, легко устраняются под влиянием систематически проводимого внушения и психотерапии.

Возьмем другие привычки, с которыми приходится считаться воспитателю.

Всем известно, что некоторые из детей приучаются грызть ногти, и эта привычка, не устраненная вовремя, может вкорениться столь прочно, что остается нередко на всю жизнь. Попробуйте ее искоренить обыкновенными воспитательными усилиями. Можно быть уверенным, что в огромном большинстве случаев они не приведут ни к чему. Между тем достаточно несколько сеансов внушения, чтобы эту привычку искоренить навсегда.

В других случаях дети благодаря дурному примеру приучаются к курению табака или даже к вину.

И здесь при укоренившейся привычке обыкновенными воспитательными усилиями нелегко бывает добиться

благоприятных результатов, тогда как систематически проведенное внушение и психотерапия устранят вполне вкоренившуюся привычку.

Нужно, однако, иметь в виду, что отучение от курения табака, если оно сильно вкоренилось, правильное и при внушениях отнимать не сразу, а в два, три или несколько приемов, предоставляя на каждый день все меньшее и меньшее количество папирос, тогда как вино предпочтительнее отнимать сразу, без малейших послаблений.

Далее, в известных случаях мы встречаемся с нарушением речи в виде заикания, приобретенным вследствие подражания или испуга. Оно обыкновенно также поддается внушению, особенно не в запущенных случаях, и почти вовсе не поддается другим воспитательным усилиям.

Затем могут быть случаи застенчивости детей или особой конфузливости, которая вкореняется нередко в самый характер ребенка, становясь иногда упорным навязчивым состоянием, не поддающимся никаким воспитательным усилиям, тогда как под влиянием систематически примененного внушения и психотерапии и эти нарушения обыкновенно исчезают совершенно.

Спрашивается, могут ли внушения оказывать влияние на степень внимания к занятиям, на развитие к ним интереса и большую степень усвоения?

И в этом отношении, как показывает опыт, внушение и психотерапия могут оказать свое влияние. По крайней мере я имел многих молодых людей, обращавшихся за укреплением их памяти и за большей продуктивностью и интереса к занятиям, и, поскольку это зависело не от органических причин, успех всегда достигался в той или другой степени.

Наконец, и непослушание, этот бич учителей и воспитателей, имеющих дело с испорченными уже детьми, может быть исправляем путем психотерапии.

В этих и подобных им случаях было бы ошибочно думать, что дело исправляется путем простого внуше-

ния: "Слушайте своего учителя". Напротив того, психотерапия будет лишь тогда успешной, если соответственным образом подготовить ребенка к усвоению им мысли о необходимости послушания, убедить его, что от этого зависит все его будущее, и все с большей и большей настойчивостью укрепить идею о полезности и значении в жизни послушания. При этом нужно подробно изучить все индивидуальные особенности ребенка, вникнуть в причины непослушания и, сообразуясь с данными условиями, направить соответственным образом и психотерапию.

В заключение скажем, что применение внушения и психотерапии к воспитанию никогда не должно быть шаблонным. Везде и всюду требуется внимательное отношение к ребенку, к его складу ума и к условиям происхождения тех или иных уклонений и недостатков, дабы можно было с успехом воспользоваться психическим воздействием на ребенка в соответствующих случаях.

При этом нельзя упускать из виду, что лечение тех или иных ненормальных состояний, привившихся детям, относится, собственно, уже к медицине, которая в этих случаях приходит на помощь педагогике. Тем не менее в состояниях отсталости, зависящей от каких-либо индивидуальных условий, а также в случаях каких-либо иных психических отклонений у детей одно простое воспитание оказывается почти всегда бессильным и лишь психотерапия оказывается тем приемом, который исправляет иногда даже очень тяжелые и запущенные воспитанием случаи.

РОЛЬ ВНУШЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ^{11*}

Бехтерев В.М.

Мм.! Гг.! Когда на мою долю выпала высокая честь, согласно установившемуся академическому обычаю, произнести речь в торжественном актовом собрании, я после некоторых колебаний решил остановиться на практической теме и выбрал вопрос о внушении как факторе, играющем видную роль в нашей общественной жизни.

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве *contagium vivum*, или физических микробах, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о *contagium psychicum*, приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и невидимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом — где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.

Вот почему мне представляется не только современным, но и небезынтересным остановиться на этом предмете, полном глубокого значения как в повседневной жизни отдельных лиц, так и в социальной жизни народов.

Правда, этот вопрос еще не в достаточной мере освещен наукой, и потому я не могу скрыть от вас опасения, что в короткой беседе вряд ли мне удастся дать полное представление о затрагиваемом здесь предмете,

но такова уж природа человеческой мысли: пока вопрос недостаточно изучен, он представляет живой интерес для всех и каждого, но, как только тот же самый вопрос рассмотрен всесторонне в науке и сделался достоянием обширного круга лиц, он уже значительно утрачивает долю своего интереса. Руководясь этим, я полагаю, что не заслужу с вашей стороны большого упрека, если я позволю себе привлечь ваше внимание к вопросу о так называемом психическом внушении и о психической заразе.

Прежде всего мы должны выяснить, что такое само по себе внушение?

Еще недавно этот термин не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии, главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно специальное научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными.

Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения, а потому прежде всего мы должны подумать об определении и точном ограничении этого термина.

Нужно заметить, что уже многие авторы давали этому термину то или другое определение. Но я не хотел бы Вас утомлять перечислением этих определений внушения как психическом фактора, а постараюсь сам ввести этот термин в должные рамки, дабы иметь затем ясное понятие о предмете нашей беседы.

Бесспорно, что внушение есть один из способов влияния одних лиц на других, которое может происходить как намеренно, так и ненамеренно со стороны влияющего лица и которое может осуществляться

иногда совершенно незаметно для человека, воспринимающего внушение, иногда же оно происходит с ведома и при более или менее ясном его сознании. Для того чтобы выяснить себе роль внушения, необходимо пояснить, что наша психическая сфера имеет один важный фактор, известный под названием личного сознания, или так называемого “я”, которое при посредстве воли и внимания обнаруживает существенное влияние на восприятие нами внешних впечатлений, которое регулирует течение наших представлений и которое определяет выполнение наших действий. Все, что входит в сферу психической деятельности при посредстве личного сознания, усваивается нами путем обдумывания и осмысленной переработки, становясь прочным достоянием нашего “я”.

Этот путь воздействия окружающей среды на нашу психическую сферу может быть назван путем “логического убеждения”, так как конечным результатом упомянутой переработки всегда является в нас убеждение. “Мы убедились в истине, мы убедились в пользе, мы убедились в неизбежности того или другого” — вот что мы внутренне можем сказать после того, как в нас совершилась упомянутая переработка внешних впечатлений, воспринимаемых при посредстве нашего личного сознания. Но независимо от того в нашу психическую сферу могут входить разнородные впечатления и влияния помимо нашего личного сознания и, следовательно, помимо нашего “я”. Они проникают в нашу психическую сферу уже не с парадного хода, а, если можно так выразиться, с заднего крыльца, ведущего непосредственно во внутренние покои нашей души. Это и есть то, что мы называем внушением.

Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания.

Очевидно, что уже в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе как при посредстве логического мышления и с участием личного сознания.

В числе способов психического воздействия одних лиц на других кроме убеждения и внушения мы можем различать еще приказание или пример, но несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению. Так, команда есть, бесспорно, приказание, а кто не знает, что команда действует не только силой страха за непослушание, но и путем внушения или прививания известной идеи. С другой стороны, и пример помимо своего влияния на разум путем убеждения в полезности того или другого может еще действовать наподобие психической заразы, иначе говоря, путем внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

Кто не знает заразительного действия публичных казней; кому, наконец, не известно заразительное влияние самоубийства?

Итак, необходимо иметь в виду, что вопреки словесному убеждению, обыкновенно действующему на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, т. е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике.

Одним словом, внушение действует прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путем увлекательной и взволнованной речи, путем уговора, жестов и мимики.

Легко видеть отсюда, что пути для передачи психических состояний с помощью внушения гораздо бо-

лее многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путем убеждения.

Вот почему внушение в общем представляет собою гораздо более распространенный и нередко более могущественный фактор, нежели убеждение.

Последнее может действовать только на лиц, обладающих здоровой и сильной логикой, тогда как внушение действует не только на лиц с сильной и здоровой логикой, но еще в большей мере на лиц, обладающих недостаточной логикой, как, например, детей и простолюдинов.

Несомненно поэтому, что внушение, или прививание психических состояний, играет особо видную роль в нашем воспитании, по крайней мере до тех пор, пока логический аппарат ребенка не достигнет известной степени своего развития, позволяющего ему усваивать логические выводы не менее, нежели готовые продукты умственной работы других, передаваемые с помощью так называемого внушения, или психической прививки.

Равным образом и в простом классе населения внушение, или прививка идей, играет гораздо более видную роль, нежели логическое убеждение.

Всякий обращавшийся с народом знает это хорошо по собственному опыту и знает цену логических убеждений, которые если и имеют иногда успех, то лишь временный, тогда как внушение или приказание здесь почти всегда действует верно.

Влияние команды в войсках сводится также не к убеждению, а к внушению и приказанию, которые действуют сильнее всякого убеждения. Но и на интеллигентных лиц, обладающих вполне развитой логикой, внушение действует вряд ли менее сильно, нежели на детей и простолюдинов.

Хотя все вышеуказанное достаточно точно определяет самый предмет, тем не менее нельзя не упомянуть, что о действии внушения и о распространении психической инфекции, или заразы, мы не могли составить себе ясного представления до тех пор, пока не были нами ближе выяснены условия, необходимые для

осуществления внушения и распространения психической заразы.

Эти условия мы получили возможность выяснить лишь в позднейшее время вместе с развитием учения об искусственном, или намеренном, внушении. Как о распространении физического заражения еще так недавно господствовали самые смутные представления до тех пор, пока не явилась возможность производить чистые культуры микробов и с помощью их производить искусственные прививки болезней, так точно и в вопросе о внушении и психической заразе существовало множество самых сбивчивых и неясных представлений до тех пор, пока не явилась возможность ближе изучить условия искусственного прививания тех или других психических состояний с помощью намеренного внушения.

Опыт показывает, что такое намеренное прививание тех или других психических состояний удастся лучше всего в особом состоянии сознания, которое мы называем гипнозом и которое, на мой взгляд, есть не что иное, как искусственно вызванное видоизменение нормального сна.

Как известно, в гипнозе легко удаются самые разнообразные внушения. Ввиду этого гипноз представляет для нас глубокий интерес не с одной только практической стороны, но и в отношении изучения вопроса о наиболее благоприятных условиях внушения. Чем, в самом деле, объясняется то обстоятельство, что в гипнозе хорошо удаются внушения? Можно думать, что гипноз как состояние близкое или родственное нормальному сну сам по себе уже составляет благоприятное условие для внушения. Но опыт показывает нам, что не всегда степень внушаемости идет рука об руку с глубиной сна. Есть очень глубокие степени гипноза, как, напр., "летаргическая фаза Charcot", которые совершенно недоступны внушению. Напротив того, в других случаях уже слабые степени гипноза отличаются необычайною внушаемостью.

Известно также, что и обыкновенный сон большею частью не составляет благоприятного условия для внушения, хотя в некоторых состояниях естественного сна имеются условия, столь же благоприятные для внушения, как и в гипнозе.

Отсюда ясно, что степень внушаемости определяется не самим гипнозом или сном, а тем особым состоянием сознания или психической деятельности, которое мы имеем в гипнозе, а иногда и в естественном сне.

Эти условия, благоприятствующие внушению в гипнозе, заключаются в том, что при изменении нормального сознания, выражающемся большим или меньшим засыпанием "я" и не исключающем общения с внешним миром или по крайней мере не исключающем общения с гипнотизатором, производимые последним внушения входят в психическую сферу непосредственно и независимо от личного сознания гипнотизируемого субъекта, иначе говоря, помимо его "я". Закрепляясь в тех глубинах души, которые мы называем бессознательными и которые вернее было бы назвать скрытыми, эти внушения впоследствии входят сами собой в сферу личного сознания и, не будучи распознаны как посторонние внушения, подчиняют личное сознание в более или менее значительной мере.

По-видимому, таким образом, вся сущность гипнотических внушений, заключается в том, что у загипнотизированного наступает особое состояние пассивности, в силу чего внушения и действуют на него столь подавляющим образом.

Не подлежит, однако, сомнению, что состояние пассивности представляет собою лишь одно из благоприятнейших условий для введения внушения в бессознательную сферу. Оно составляет лишь подходящую обстановку для внушения, устраняя в большей или меньшей мере вмешательство личного сознания.

Так как, однако, это состояние пассивности ничуть не идет рука об руку с глубиной сна, а зависит в значительной степени также от индивидуальных условий,

то отсюда очевидно, что и степень восприимчивости к внушениям не стоит в прямом соотношении с глубиной гипноза.

Опыт показывает далее, что гипноз не составляет необходимого условия для внушения, что внушение вполне возможно и в совершенно бодрственном состоянии, следовательно, при наличии воли. Есть лица, у которых внушения могут быть производимы в бодрственном состоянии так же легко и просто, как и в состоянии гипноза.

Исследуя сам неоднократно таких лиц, я убедился, что они по существу ничем не отличаются от всех прочих, кроме, быть может, большей нервности и впечатлительности.

При этом не подлежит никакому сомнению, что восприимчивость их к внушениям происходит в нормальном психическом состоянии.

Но суть в том, что эти лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия. Благодаря этому внушения входят в их психическую сферу помимо их "я", точнее говоря, помимо их личного сознания, следовательно, прививаются непосредственно, так сказать в самые недра психической сферы, помимо всякого участия воли и действуют так же неотразимо на субъект, как и внушения, производимые в гипнозе.

Само собой разумеется, что у такого рода лиц внушением в бодрственном состоянии можно пользоваться для лечения так же, как и внушениями, производимыми в гипнозе.

Примером действительности подобного рода внушений, производимых в бодрственном состоянии, может свидетельствовать следующий случай, недавно представившийся моему наблюдению в клинике.

Осенью 1896 г. мы приняли молодого человека, который страдал тяжелыми судорожными истерическими

приступами и полным параличом нижних конечностей, развившимся в одном из истерических приступов.

Этот паралич длился уже более 1 1/2 месяца, не поддаваясь никаким вообще терапевтическим приемам, и грозил, таким образом, перейти в те хронические параличи, которые длятся годами и не поддаются излечению.

Но во время исследования этого больного совместно с врачами клиники он был загипнотизирован простым закрытием глаз и затем благодаря внушению излечен от паралича совершенно и уже в гипнозе начал ходить.

Когда он был разбужен, то, к удивлению своему, убедился, что он стоит на ногах и может свободно ходить.

Больной в восторге отправился сам в свою палату и привел в изумление всех тех, которые за несколько минут перед тем видели его в состоянии полного паралича нижних конечностей, перевозимого лишь на коляске.

С этих пор у больного оставались одни истеро-эпилептические припадки, которые случались с больным довольно часто и продолжались нередко весьма продолжительное время, если они своевременно не были останавливаемы соответствующими внушениями.

Перед тем как демонстрировать больного на лекции перед студентами, я исследовал его вновь и убедился, что внушения можно свободно производить ему в бодрственном состоянии. Тотчас же ему было произведено внушение о прекращении судорожных приступов и о его выздоровлении.

Внушение подействовало на больного так, что он совершенно приободрился и припадки прекратились.

На другой день на лекции можно было больному в совершенно бодрственном состоянии внушать разнообразные судороги, контрактуры и параличи, иллюзии и галлюцинации — словом, все, что угодно.

Я много раз спрашивал больного, как он может объяснить себе действие внушения наяву, но он на это

выражал только удивление вместе с другими присутствовавшими лицами.

У этого больного со временем, правда, проявились еще два или три слабых истерических припадка под влиянием особых поводов, но это были лишь изолированные припадки, которые затем, после новых внушений, более уже не повторялись.

Мы сейчас имеем в клинике истерическую больную, у которой в бодрственном состоянии так же легко осуществляются разнообразные внушения, как, например, иллюзии, галлюцинации и пр., и которая этими внушениями легко излечивается от разнообразных нервных припадков.

Приведенные примеры, подобных которым я мог бы привести довольно много, не оставляют сомнения в том, что внушения в бодрственном состоянии в известных случаях могут быть столь же действительными, как и внушения в состоянии гипноза.

Таким образом, для внушения в сущности не нужно сна, не нужно даже никакого подчинения воли внушаемого лица, все может оставаться как обыкновенно, и тем не менее внушение, входящее в психическую сферу помимо личного сознания, или так называемого "я", при отсутствии психического сопротивления со стороны внушаемого субъекта действует с непреодолимой силой на последнего, подчиняя его внушенной идее.

Для доказательства этой истины нет надобности даже обращаться к тем или другим патологическим примерам, так как подобные и притом не менее яркие примеры мы можем почерпнуть и вне клиники. Известно, какую магическую силу имеют в некоторых случаях заговоры знахарей, сразу останавливающие кровотечения; не менее известно и целительное значение так называемых симпатических средств, к которым так охотно прибегали в особенности в старое время при сильном распространении веры в эти средства. На этом внушении в бодрственном состоянии основано известное лечеб-

ное значение королевской руки, магическое действие хлебных пилюль, невской воды и других индифферентных средств против многих болезней, магическое слово аббата Faria, одним повелением исцелявшего больных, известное в Париже лечение параличных больных одним зуавом, пользовавшимся для этой цели лишь повелительным внушением, наконец, многие из тех внезапных исцелений, которые нередко ставят в тупик очевидцев и которые повторяются еще и поныне.

Примера ради достаточно указать на недавние подвиги в Америке немецкого эмигранта Шляттера, который, начав башмачником в Данвере, вообразил, что его призвание заключается в том, чтобы просветить всю Америку евангельским учением. С этих пор он закрывает свою торговлю, превращаясь в странника, выдает себя за мессию и исцеляет многих наложением своей руки.

Вскоре молва о производимых им чудесах повлекла за ним толпы приверженцев, на глазах которых совершались чудесные исцеления. К нему стало стекаться множество больных, жаждущих наложения его руки, так что он уже не успевал удовлетворять всех, ищущих его помощи.

Особенной славой он пользовался в штате Колорадо. Затем он отправился в Мексику, после чего вскоре исчез, и никто не знал, что с ним случилось. Его приверженцы уверяли, что он отправился в другие страны для проповеди, другие — что он вознесся на небо. Пользуясь этим, то там, то сям стали являться его подражатели — лже-Шляттеры.

В конце концов скелет настоящего Шляттера был найден совершенно случайно под одним деревом двумя исследователями Сьера-Мадре в 50 милях от casas grandes в провинции Чигуагуе.

Этот поражающий пример, взятый из жизни современного общества, показывает нам со всею яркостью, какова может быть сила внушения в бодрственном состоянии при условии слепой веры в силу производимого

внушения и в отсутствии психического противодействия по отношению к внушению.

Но не повторяется ли то же самое в большей или меньшей мере и с врачом, подходящим к кровати больного? Всякий знает, какое магическое оздоровляющее действие может приобрести одно утешительное слово со стороны врача и, наоборот, как иногда убийственно в буквальном смысле слова действует на больного суровый, холодный приговор врача, не знающего или не желающего знать силы внушения.

Надо, впрочем, заметить, что далеко не все лица верят слепо в могущество того или другого врача по отношению к своей болезни, а потому и психическое влияние врача на своих пациентов бывает неодинаковым.

Вообще надо признать, что так как большинство лиц не может удержать себя от невольного сопротивления посторонним психическим воздействиям, то естественно, что намеренное внушение в бодрственном состоянии в более или менее резко выраженной степени удастся далеко не у всех. Но совершенно другое мы имеем, когда дело идет не о намеренном, но о совершенно невольном внушении, производимом при естественном общении одного лица с другим. Это внушение происходит незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере.

Чтобы пояснить этот факт примером, я напомним здесь, какое магическое влияние на всех производит, например, появление одним веселого господина в скучающем обществе. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом, и общество из скучного и монотонного делается очень веселым и оживленным. В свою очередь оживление общества действует заразительно и на лицо, внесшее это оживление, в силу чего его душевный тон еще более приподнимается.

Вот один из многих примеров действия невольного внушения, или естественного прививания психических состояний от одних лиц к другим.

Так как в этом случае дело идет о взаимном психическом влиянии одном лица на других и обратно, то правильнее всего это состояние называть невольным *взаимовнушением*. Нужно при этом иметь в виду, что действие невольного внушения и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала. Оно не ограничивается только отдельными более или менее исключительными лицами, подобно намеренному внушению, производимому в бодрственном состоянии, и также не требует для себя никаких особых, необычных условий, подобно внушению, производимому в гипнозе, а действует на всех и каждого при всевозможных условиях.

Само собою разумеется, что и в отношении непроизвольного прививания психических состояний существуют большие различия между отдельными лицами в том смысле, что одни, как более впечатлительные, более пассивные и, следовательно, более доверчивые натуры, легче поддаются непроизвольному психическому внушению, другие же менее; но разница между отдельными лицами существует лишь количественная, а не качественная, иначе говоря, она заключается лишь в степени восприимчивости к ненамеренному или невольному внушению со стороны других лиц, но не более.

Невольное внушение и взаимовнушение, таким образом, как мы его понимаем, есть явление более или менее всеобщее. Возникает, однако, вопрос: каким способом могут прививаться к нам идеи и вообще психические состояния других лиц и подчинять нас своему влиянию? Есть полное основание думать, что это прививание происходит исключительно при посредстве органов чувств.

В науке неоднократно возбуждался вопрос о мысленном влиянии на расстоянии со стороны одного лица на другое, но все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непрелож-

ным образом рушатся тотчас же, как только его подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено в сущности ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний.

Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанною.

Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, т. е. при посредстве органов чувств.

Вряд ли можно сомневаться в том, что главнейшим передатчиком внушения от одного лица другому является орган слуха, так как словесное внушение является, вообще говоря, наиболее распространенным и, по-видимому, наиболее действительным.

Но не подлежит сомнению, что и другие органы, особенно зрение, могут служить также посредниками в передаче внушения. Не говоря о влиянии мимики и жестов, я укажу лишь на тот факт, что весьма немногие лица могут видеть зевоту, чтобы не зевнуть самим; равным образом вид съедаемого лимона вызывает невольное сжимание губ и обильное слюноотделение. Известен анекдот, что этим путем был остановлен целый оркестр одним зрителем, который занялся на глазах музыкантов поеданием лимона.

Все это суть примеры зрительного внушения, которое, как легко видеть, действует в известных случаях не менее верно, нежели внушение слуховое.

Можно привести также примеры передачи внушения при посредстве осязательного и мышечного чувств.

Всякий знает, что взаимное пожимание рук нередко является очень действительным средством передачи душевных чувств и симпатии между близкими лицами. Далее известен пример, что один студент-медик испытал сильный страх при мысли, что скальпелем он отрезал себе палец, тогда как на самом деле по пальцу его скользнула лишь тупая спинка скальпеля.

Другим примером внушения при посредстве осязательного органа может служить известный рассказ о приговоренном к смерти преступнике, которому при закрытых глазах было внушено, что вскрыта одна из вен и что кровь его постоянно истекает. Через несколько минут он оказался мертвым, несмотря на то что вместо крови по телу его струилась теплая вода.

Что касается внушения при посредстве мышечного чувства, то оно изучалось неоднократно на истеричных в Сальпетриере, причем оказалось, что этим путем в известных случаях внушение может производиться весьма успешно. Достаточно истеричной больной в гипнозе сложить руки, как они складываются при молитве, и тотчас же лицо ее принимает выражение мольбы. Если в другом случае сложить ее правую руку в кулак, то лицо ее принимает выражение угрозы.

Очевидно, следовательно, и такой орган, как мышечное чувство, вообще весьма мало приспособленное для общения отдельных лиц, дает возможность передавать внушения. Надо думать, что не составляют в этом отношении исключения даже и такие органы, как орган обоняния и вкуса.

Вообще надо признать, что передатчиками внушения могут служить все вообще органы чувств, не исключая осязания и мышечного чувства, но само собою разумеется, что такие органы, как слух и зрение, как органы, наиболее приспособленные для общения людей друг с другом, являются важнейшими органами, при посредстве которых чаще всего и вернее всего передаются внушения.

В сущности невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действуют везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего общаемся. Подобное прививание психических состояний происходит взаимно между лицами, совместно живущими, иначе говоря, каждая личность в той или другой мере прививает другой особенности своей психической натуры и, наоборот, принимает от нее те или другие психические черты. Происходит, следовательно, в полном смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней вообще может отражаться влияние психической деятельности.

Это влияние особенно сказывается на мимике, придающей лицу определенное выражение и обрисовывающей в известной мере его черты. Факт этот, между прочим, объясняет нам то обстоятельство, что, как уже давно было замечено, существует в значительном числе случаев большое сходство в чертах мужа и жены, которое, очевидно, более всего зависит от психической ассимиляции путем взаимовнушения обоих лиц, находящихся в сожительстве. В счастливых браках это сходство черт лица встречается, по-видимому, еще чаще, нежели в массе всех вообще браков. Но нет ничего убедительнее в смысле непосредственной передачи психических состояний от одного лица другому, как передача патологических явлений.

Всякому известно, что истерика, случившаяся в обществе, может повлечь за собою ряд других истерик, с другой стороны, заикание и другие судорожные формы легко передаются предрасположенным субъектам совершенно непосредственно, путем невольного и совершенно незаметного прививания, или внушения.

Не менее поучительные случаи мы имеем в массовых самоубийствах и в так называемых случаях наведенного помешательства. В тех и других случаях дело идет о действии внушения, благодаря которому и происходит зараза самоубийств, с одной стороны, и, с другой — передача болезненных психических состояний от одного лица другому.

Известны примеры, что случаи наведенного помешательства наблюдались в целой семье, состоящей из четырех, пяти и даже шести лиц. Эти случаи представляют, таким образом, уже настоящую психическую семейную эпидемию.

С другой стороны, психиатрам давно известен факт, что при совмещении душевнобольных в известных случаях происходит заимствование бреда одними больными от других и в таком случае иногда бред больных соответственным образом видоизменяется, в силу чего и случаи эти получают название видоизмененного помешательства (*folie transformée*).

Известно также, что наилучшим средством устранения такого заимствованного бреда является немедленное обособление больных, влияющих друг на друга.

Можно, конечно, подумать, что в вышеприведенных примерах дело идет о таких патологических случаях, которые отличаются особой восприимчивостью к психическим влияниям со стороны других лиц. Однако не подлежит сомнению, что в некоторых случаях передача психической инфекции представляется крайне облегченной и среди совершенно здоровых лиц.

Особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются, между прочим, иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно.

Эти коллективные или массовые галлюцинации, случающиеся при известных условиях, представляют собой одно из интереснейших психологических явле-

ний. Почти в каждой семейной хронике можно слышать рассказы о видении умерших родственников целой группой лиц.

Известен рассказ об одном поваре на корабле, который неожиданно скончался, что поразило всех пассажиров корабля. Были произведены обычные в таких случаях морские похороны, т.е. труп был спущен в море, и вечером того же дня многие из пассажиров видели умершего повара, идущего за кораблем и ковыляющего на одну ногу. Нечего и говорить, что всех это повергло в неописуемый страх и что многие пассажиры провели тревожную ночь. Наутро дело разъяснилось: вместо повара оказался обрубок дерева, привязанный к корме корабля.

Рассказывают, что в прежнее время, когда корабли двигались под парусами и когда под тропиками их заставлял штиль и они должны были долгое время оставаться в безбрежном пространстве во время страшного зноя, у пассажиров иногда развивались массовые иллюзии и галлюцинации, причем им нередко казалась вблизи земля с необычайно красивыми видами и живописными очертаниями берегов.

Один из интересных примеров массовых иллюзий и галлюцинаций представляет случай, происшедший с французскими военными судами в 1846 г. Фрегат "Bella-Poule" и корвет "Bergseau" были застигнуты страшным ураганом близ островов Соединения. Первый из них вынес ураган благополучно, но потерял из виду, корвет "Bergseau" и, считая бесполезным разыскивать его в открытом океане, направился к условленному заранее пункту встречи у восточном берега Мадагаскара, к острову Св. Марии. Здесь корвета не оказалось, причем все поиски его вблизи острова были бесплодными. Естественно, что вслед за этим начался для экипажа "Bella-Poule" мучительный период ожидания. Каждый день приносил все более и более беспокойства за судьбу несчастного корвета, экипаж которого состоял из 300 человек. В таком мучительном ожидании прошел целый месяц. Наконец однажды в жаркий солнечный день

после полудня сигнализистом, сидевшим на мачте, был замечен на западе вблизи берега корабль, лишенный мачты. Весь экипаж устремил свои взоры на указанный пункт и убедился, что сообщение сигналиста было справедливо.

Само собой разумеется, что это событие взволновало всех, причем волнение достигло еще большей степени, когда все увидели перед собой не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый морскими шлюпками, с которых подавали сигналы о гибели. Это видение продолжалось несколько часов, причем каждой минутой выяснялись все более и более ужасающие подробности этой сцены. На помощь погибавшим по приказу командира был тотчас же отправлен стоявший на рейде крейсер "Archimède". День уже приходил к концу и начинала спускаться южная ночь, когда "Archimède" подошел к месту своего назначения. Надо заметить, что все это время экипаж крейсера "Archimède" видел погибавших на плоту людей; были даже слышны крики о помощи, заглушаемые плеском весел. Эта поразительная иллюзия рассеялась лишь тогда, когда спущенные с крейсера шлюпки подошли к предмету, принятому за плот с людьми и оказавшемуся массой вырванных с берега огромных деревьев, принесенных сюда течением. Вместе с этим надежда видеть пассажиров разбитого корабля "Vergesu" окончательно погибла и самая их судьба покрылась густым мраком неизвестности.

Нечего и говорить, что в развитии этой массовой галлюцинации, так сказать, сквозит влияние внушения. Несомненно, что бедствия, пережитые в море сильно возбудили нервы пассажиров. Беспокойство и страх за участь 300 сотоварищей, бывших на "Vergesau", сильно содействовали известному направлению умов.

Естественно, что мысли всех сосредоточивались на предположении возможной гибели своих несчастных сотоварищей. Все разговоры сводились к одной и той же теме. В такое-то время сигнализист замечает на горизонте на стороне солнечного заката странный предмет с неяс-

ными очертаниями, и под влиянием мысли о крушении корвета в его глазах воссоздается образ последнего. Одних его слов, что вдали виднеется разбитый корабль, было уже достаточно, чтобы внушить всем одну и ту же иллюзию. Далее идет развитие той же самой внушенной идеи. При обмене мыслей о видимом предмете все соглашались, что это не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый шлюпками, с которых раздаются сигналы бедствия. Такая галлюцинация длится много часов до наступления ночи, когда посланные с крейсера "Archimède" шлюпки врезались в густую листву плавающих деревьев.

Не подлежит сомнению, что подобные же явления возможны и в других случаях и, может быть, даже случаются чаще, чем обыкновенно принимают. Вероятно, многие еще помнят, что при обострившихся отношениях наших с Германией начались странные полеты в Россию прусских воздушных шаров. Целые массы лиц свидетельствовали об одновременном видении этих шаров многими лицами, несмотря на то что современная авиация не давала основания верить в действительность этих полетов. Ввиду этого не без основания была высказана мысль, что эти полеты прусских шаров относились к области массовых галлюцинаций, обусловленных направлением умов в сторону возможных неприязненных действий против нас со стороны Германии.

Не повторяется ли та же история и с шаром Андре? Сколько уже было получено телеграмм из разных концов северного полушария о видении шара Андре целой массой лиц. Не имеется ли и здесь дела с массовой иллюзией или галлюцинацией, подобно тому как это было, по-видимому, с прусскими воздушными шарами? Такое объяснение по крайней мере напрашивается само собой, когда читаешь мельчайшие подробности о видении шара Андре несколькими лицами в той или другой местности. Видение это, стереотипно повторявшееся в нескольких местах, было настолько полным, что, как известно, была даже высказана

мысль, что оно могло обуславливаться существованием особой не открытой еще планеты, с чем, однако, совершенно не согласуется относительная быстрота движения видимого шара.

Не менее известны исторические примеры множественных галлюцинаций. К числу таких исторических галлюцинаций относится, между прочим, известное видение креста на небе с надписью: "Сим победишь" — видение, испытанное воинами Константина Великом перед началом решительной битвы.

Массовые религиозные видения случались неоднократно и в позднейшее время, особенно в средние века. Они возможны даже и теперь, как показывает случай, описанный Verga.

В период тяжелой холерной эпидемии в 1885 г. жители деревни Корано, близ Неаполя, начали видеть Мадонну в черном одеянии, молящуюся за спасение людей на одном из ближайших холмов, где стояла часовня.

Слух об этом происшествии быстро распространился по окрестностям, и в Корано начало стекаться множество народа.

Видение это продолжалось до тех пор, пока итальянское правительство не приняло решительных мер против дальнейшего распространения этой эпидемической галлюцинации. Часовня была перенесена на другое место, холм же был занят отрядом карабинеров, после чего видение прекратилось.

Подобные видения объяснимы только с точки зрения внушения, совершенно невольного, со стороны одних лиц на других. Когда господствует в населении или в группе лиц то или другое настроение и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица с психическою неуравновешенностью особенно легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мыслей, которые тотчас же путем невольного внушения, словесного

или иного, сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях.

С той же точки зрения следует объяснить и стереотипные обманы чувств, свойственные лишь известным семьям, в которых этим галлюцинациям придают то или другое, большею частью роковое, значение. Известно, что в Габсбургском доме, например, такою галлюцинацией, которой придают роковое значение предвестника смерти, является видение черной женщины. Появление этой женщины уже издавна считается верным вестником приближения кончины и передается из уст в уста в виде семейной или родовой внушенной идеи, которая и олицетворяется при соответствующих случаях в форме стереотипной галлюцинации.

Изредка в тех или других семьях можно встретить и с другого рода внушенными идеями, которые также играют немаловажную роль в жизни членов данной семьи. Я имел сведения, например, об одной семье, в которой из рода в род передавалась боязнь к огню из-за возможности погибнуть от него, и, действительно, многие из членов семьи погибли от неосторожного обращения с огнем или даже от самоубийства путем самосожжения. В другом роду удерживалось представление, что смерть его членов происходит от огнестрельного оружия путем ли самоубийства или той или другой случайности, и оказалось действительно, что даже последние потомки этого рода, несмотря на страшную боязнь, проявляемую ими к огнестрельному оружию, погибали совершенно случайно или намеренно от выстрелов из ружья или револьвера.

Следует иметь в виду, что в подобного рода случаях на помощь внушению идет нередко и *самовнушение*, под которым мы понимаем прививание психических состояний, обусловленное, однако, не посторонними влияниями, а внутренними поводами, источник которых находится в личности самого лица, подвергающегося самовнушению.

Всякий знает, что человек может настроить себя на грустный или веселый лад, что он может при известных случаях развить воображение до появления иллюзий и галлюцинаций, что он может даже вселить в себя то или другое убеждение. Это и есть самовнушение, которое, подобно внушению и взаимовнушению, не нуждается в логике, а, напротив того, нередко действует даже вопреки всякой логике.

Кому не известно, что достаточно дать волю своему воображению и оно готово рисовать всевозможные страшные образы в темноте ночи, несмотря на то что мы можем быть твердо убеждены, что ничего страшного на самом деле не существует?

Но это только один из слабых примеров действия самовнушения, которое в известных случаях может приводить к настоящим обманам чувств. Надо думать, что и стереотипное видение черной женщины перед смертью в доме Габсбургов получает объяснение не в одном только взаимовнушении, но, быть может, и в самовнушении, невольно настраивающем воображение в определенном направлении. Путем невольного самовнушения, по-видимому, могут быть объяснены и некоторые другие темные психические явления, как, напр., предчувствие.

Известно также, что самовнушение в некоторых случаях, подобно гипнотическому внушению, может обнаруживать резкое влияние на сосудодвигательную и растительную сферы организма. Этим путем, между прочим, объясняются различные стигматы и даже периодические кровоизлияния из тех областей тела, из которых сочилась кровь у распятого Христа, как показывает известный в медицинской литературе и тщательно проверенный видными научными авторитетами пример Луизы Лато.

Но мы бы отвлеклись далеко в сторону от главного предмета нашей беседы, если бы задались целью подробнее разъяснить только что указанные явления нашей психической жизни.

Путем невольного внушения, взаимовнушения и самовнушения без труда объясняются и многие своеобразные стороны нашего сектантства, выражающиеся в крайне грубых формах. Кто не помнит еще так недавно проявившегося изуверства тираспольских беспоповцев погребением и замуровыванием живьем в подземельях 25 человек по их собственному желанию? Читая описание этого потрясающего события, перед которым бледнеет всем известный аскетизм буддистов, невольно приходишь к выводу, что так спокойно шли эти сектанты на верную смерть лишь в силу укоренившейся путем внушения и самовнушения идеи о переселении вместе с этим погребением в лоно праведников.

Ковалев, выполнивший этот обряд погребения в Терновских хуторах над 25 сектантами, в числе которых были его мать, дочь и жена, сам, очевидно, также находился под внушением со стороны монахини скитницы Виталии, которая отдавала ему свои повеления даже в то время, когда уже находилась в числе шести человек в подземной нише и была забрасываема землею.

Бесспорно, что убеждения раскольников, признающих народную перепись за антихристову запись, за отчуждение от Христа и от истинной христианской веры, создают почву для самоистребительных стремлений; но отсюда до массового самосожжения, как это случалось уже не однажды с нашими раскольниками, до закапывания в землю или до так называемого заповщения или до умерения себя голодом еще далеко. Не подлежит, однако, сомнению, что раскольничья среда в скитах, в некотором отчуждении от внешнего мира, при постоянном посте и молитвах представляет крайне благоприятные условия для поддержания и развития религиозного фанатизма. При этих-то условиях самоистребительная проповедь и находит себе благодарную почву. Эта проповедь действует в этих случаях не столько путем убеждения, сколько силой внушения и взаимовнушения, что и приводит к окончательному

решению “соблюсти благочестие без отступления”, согласно выражению самих раскольников.

Не подлежит никакому сомнению, что в терновских происшествиях роль главного вожака играла Виталия, которая, действуя первоначально по убеждению, в значительной мере укрепляла себя в проповеднической роли благодаря самовнушению. Общая атмосфера скита во время бывшей переписи, постоянные толки и обсуждения последней в ските, общая тревога и страх за последствия переписи поддерживали и укрепляли между членами путем взаимовнушения мысль о необходимости закопаться или запоститься. Исполнитель же закапываний Ковалев, как человек недалекий, находился под внушением как Виталии, так и других лиц, поддерживавших общее настроение раскольниковского скита.

Время не позволяет долее останавливаться на этом животрепещущем вопросе; но вся картина самоистребительных происшествий в Терновских хуторах решительно не поддается иному объяснению, если не принять в этом деле влияния внушения и взаимовнушения на почве уже укоренившихся суеверий, сыгравших здесь, бесспорно, крупную роль.

Не менее ярко сила внушения сказывается в так называемых психопатических эпидемиях. На этих психопатических эпидемиях отражаются, бесспорно, прежде всего господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной местности. Но не может подлежать никакому сомнению, что эти эпидемии развиваются главным образом путем взаимовнушения и самовнушения.

Господствующие воззрения являются только более или менее благоприятной почвой для распространения путем невольной передачи от одного лица другому тех или других психопатических состояний. Эпидемическое распространение так называемой бесоодержимости в средние века, бесспорно, носит на себе все следы установившихся в то время народных воззрений на необычайную силу дьявола

над человеком; но тем не менее также бесспорно, что развитие и распространение этих эпидемий обязано главным образом, если не исключительно, силе внушения. Вот, например, средневековой пастор во время церковного богослужения говорит о власти демона над человеком, увещевая народ быть ближе к Богу, и во время этой речи в одном из патетических мест, к ужасу слушателей, воображаемый демон проявляет свою власть над одним из присутствующих, повергая его в страшные корчи. За этим следуют другая и третья жертвы. То же повторяется и при других богослужениях.

Можно ли сомневаться в том, что здесь дело идет о прямом внушении бесоодержимости, переходящем затем и в жизнь народа и выхватывающем из последнего свои жертвы даже и вне богослужебных церемоний.

Когда укоренились известные воззрения о возможности воплощения дьявола в человеке, то это верование само по себе уже действует путем взаимовнушения и самовнушения на многих психопатических личностей и приводит, таким образом к развитию демонопатических эпидемий, которыми так богата история средних веков.

Особенно большими эпидемиями бесноватых, как известно, славится XVII век. Бесноватость, встречавшаяся во все времена, была в полном смысле слова недугом этого века, подобно тому как колдовство было недугом XVI века, а мания величия и мания преследования являются болезнями нашего столетия.

Благодаря самовнушению те или другие мистические идеи, вытекавшие из мировоззрения средних веков, нередко являлись вместе с тем источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые благодаря господствовавшим верованиям также получали склонность к эпидемическому распространению.

Таково, очевидно, происхождение судорожных и иных средневековых эпидемий, известных под названием пляски Св. Витта и Св. Иоанна, народного танца,

носящего название тарантеллы, и, наконец, так называемого квиэтизма. Даже знакомясь с описанием этих эпидемий современниками, нетрудно убедиться, что в их распространении играло роль взаимовнушение.

Вот, например, небольшая выдержка о средневековых конвульсионерках из Луи Дебоннера. Представьте себе девушек, которые в определенные дни, а иногда после нескольких предчувствий внезапно впадают в трепет, дрожь, судороги и зевоту; они падают на землю, и им подкладывают при этом заранее приготовленные тюфяки и подушки. Тогда с ними начинаются большие волнения: они катаются по полу, терзают и бьют себя; их голова вращается с крайней быстротой, их глаза то закатываются, то закрываются, их язык то выходит наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку. Желудок и нижняя часть живота вздуваются, они лают, как собаки, или поют, как петухи; страдая от удушья, эти несчастные стонут, кричат и свистят; по всем членам у них пробегают судороги; они вдруг устремляются в одну сторону, затем бросаются в другую; начинают кувыркаться и производят движения, оскорбляющие скромность, принимают циничные позы, растягиваются, деревенеют и остаются в таком положении по часам и даже целым дням; они на время становятся слепыми, немыми, параличными и ничего не чувствуют. Есть между ними и такие, у которых конвульсии носят характер свободных действий, а не бессознательных движений. Прочитав это описание современника, кто из невропатологов станет сомневаться в том, что здесь дело идет о припадках большой истерии, развивающейся, как мы знаем, нередко и ныне эпидемически.

Еще более поучительная картина представляется нам в описании судорожных эпидемий, развивавшихся в Париже в прошлом столетии, объединяющим объектом которых явилось Сен-Медарское кладбище с могилой дьякона Пари, некогда прославившегося

своим аскетическим образом жизни. Это описание принадлежит известному Луи Филлье:

“Конвульсии Жанны, излечившейся на могиле Пари от истерической контрактуры в припадке судорог, послужили сигналом для новой пляски Св. Витта, возродившейся вновь в центре Парижа в XVIII в., с бесконечными вариациями, одна мрачнее или смешнее другой.

Со всех частей города сбегались на Сен-Медарское кладбище, чтобы принять участие в кривляниях и подергиваниях. Здоровые и больные, все уверяли, что конвульсионизируют, и конвульсионизировали по-своему. Это был всемирный танец, настоящая тарантелла.

Вся площадь Сен-Медарского кладбища и соседних улиц была занята массой девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсионизирующих как бы вперегонку друг с другом. Здесь мужчины бьются об землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие, немного дальше, глотают камешки, кусочки стекла и даже горящие угли; там женщины ходят на голове с той степенью странности или цинизма, которая вообще совместима с таким рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударять их по животу и бывают довольны только тогда, когда 10 или 12 мужчин обрушиваются на них зараз всей своей тяжестью.

Люди корчатся, кривляются и двигаются на тысячу различных ладов. Есть, впрочем, и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются какие-нибудь религиозные мистерии, особенно же часто сцены из страданий Спасителя.

Среди всего этого нестройного шабаша слышатся только стон, пение, рев, свист, декламация, пророчество и мяуканье.

Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духов-

ное лицо, аббат Бешерон, который, чтобы быть на виду у всех, стоит на могиле.

Здесь он совершает ежедневно с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое “па”, знаменитый скачок карпа (*saute de Carpe*), постоянно приводящий зрителей в восторг.

Такие вакханалии погубили все дело. Король, получая ежедневно от духовенства самые дурные отзывы о происходившем в Сен-Медаре, приказал полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище.

Однако эта мера не прекратила безумия конвульсионеров. Так как было запрещено конвульсионировать публично, то припадки янсенистов стали происходить в частных домах, и зло от того еще более усилилось. Сем-Медарское кладбище концентрировало в себе заразу; закрытие же его послужило для рассеивания ее.

Всюду на дворах, под воротами можно было слышать или видеть, как терзается какой-нибудь несчастный; его вид действовал заразительно на присутствующих и побуждал их к подражанию.

Зло приняло такие значительные размеры, что королем был издан такой указ, по которому всякий конвульсионировующий предавался суду, специально учрежденному при Арсенале, и приговаривался к тюремному заключению. После этого конвульсионеры стали только искуснее скрываться, но не вывелись”.

Прочитав эти строки, можно ли сомневаться в том, что эти эпидемии конвульсионировующих развивались благодаря взаимовнушению на почве религиозного мистицизма и тяжелых суеверий? Очевидно, подобным же образом объясняется и происхождение колдовства, этой страшной болезни, из-за которой погибло на кострах и эшафотах, наверно, много более народа, нежели во всех, вместе взятых, войнах нынешнего столетия.

Не допустив взаимовнушения и самовнушения, мы не могли бы понять ни столь значительного распространения эпидемий колдовства, проявившихся в самых

различных частях Европы, особенно в XVI в., ни почти стереотипного описания видений, которым подвергались несчастные колдуны и колдуньи средних веков.

По описанию Реньяра, к женщине, которая обыкновенно подвержена конвульсивным приступам, в один прекрасный вечер является изящный и грациозный кавалер; он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, вырастая как бы из земли.

Вот как описывают его колдуньи на суде: "Он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером, или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы.

Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать ее могущественной; показывает ей свою шляпу, полную денег; но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от Св. крещения, от Бога и отдаться сатане душой и телом".

Вот стереотипные описания демонических галлюцинаций, которым подвергались истерические женщины средних веков, или так называемые колдуньи по тогдашним понятиям.

Не ясно ли, что здесь дело идет о галлюцинациях такого рода, которые выливаются в определенную форму благодаря представлениям, упрочившимся в сознании путем самовнушения или внушения, быть может еще с детства, благодаря рассказам и передаче из уст в уста о возможности появления дьявола в роли соблазнителя.

Другое не менее распространенное убеждение в народе, которое получило особенную силу благодаря религиозному мистицизму в эпоху средних веков и последующий за ними период времени, есть так называемая бесоодержимость, т. е. обладание дьяволом человеческим телом. Благодаря самовнушению эта идея нередко является источником целого ряда конвульсивных и

иных проявлений большой истерии, которые также способны к эпидемическому распространению.

“Первая большая эпидемия этого рода, по словам Реньяра, — произошла в мадридском монастыре.

Почти всегда в монастырях, и главным образом в женских обителях, религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекли за собою различные нервные расстройства, составляющие в своей совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок, игуменье которого донне Терезе еле исполнилось в то время 26 лет.

С одной монахиней вдруг стали случаться страшные конвульсии. У нее делались внезапные судороги, мертвели и скорчивались руки, выходила пена изо рта, изгибалось все тело в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал настоящий бред.

Несчастливая объявила, что в нее вселился демон Перегрино, который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями, за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже сделалась жертвой этого недуга.

Тогда начались в обители неописуемые сцены: монахини по целым ночам выли, мяукали и лаяли, объявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник Франсуа Гарсиа прибег к заклинанию бесноватых, но неуспешно, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри.

Гарсиа, обнаруживавший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношение с демонами, прежде чем напасть на них”

Бесноватость бенедиктинок наделала много шума, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией луденских урсулинок, беснования которых относят-

ся к следующему 1631 г. “В Лудене существовала община урсулинок, посвятивших себя делу образования. Она состояла из дочерей знатных лиц”.

“Приором монастыря был аббат Муссо, вскоре, впрочем, умерший. Спустя непродолжительное время после его кончины он однажды явился к г-же де Бельсьель ночью в виде мертвеца и приблизился к ее постели. Она своими криками разбудила всю обитель. Но после этого привидение стало возвращаться каждую ночь. Монахиня рассказала о своем несчастье товаркам. Результат получился как раз обратный — вместо одной привидение стало посещать всех монахинь. В дортуаре то и дело раздавались крики ужаса, и монахини пускались в бегство. Слово “одержимость” было пущено в ход и принято всеми. Монах Миньон, сопровождаемый двумя товарищами, явился в обитель для изгнания злого духа.

Игуменья мадам де Бельсьель объявила, что она одержима Астаротом, и, как только начались заклинания, стала издавать вопли и конвульсивно биться; в бреду она говорила, что ее околдовал священник Грандье, преподнося ей розы.

Игуменья, кроме того, утверждала, что Грандье являлся в обитель каждую ночь в течение последних четырех месяцев и что он входил и уходил, проникая сквозь стены.

На других одержимых, между прочим на мадам де Сазильи, находили конвульсии, повторявшиеся ежедневно, особенно во время заклинаний.

Одни из них ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле, в то время как священники со Св. Дарами в руках гнались за ними; изо рта у них высовывался язык, совсем черный и распухший. Когда галлюцинации присоединялись к судорогам, то одержимые видели смущавшего их демона. У мадам де Бельсьель их было 7, у мадам де Сазильи — 8, особенно же часто встречались Асмодей, Астарот, Левиафан, Исаако-

рум, Уриель, Бегемот, Дагон, Магон и тому подобные. В монастырях злой дух носит названия, присвоенные ему в богословских сочинениях.

В некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других они переходили в сомнамбулизм и бредили в состоянии полного автоматизма. Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю”.

А вот, между прочим, сцены, которые разыгрывались в том же монастыре под влиянием заклинаний, заимствованные из книги отца Иосифа.

Однажды начальница пригласила отца отслужить молебен Св. Иосифу и просить его защиты от демонов во время говения.

Заклинатель немедленно выразил свое согласие, не сомневаясь в успешности чрезвычайного молитвословия, и обещал заказать мессы с той же целью в других церквях.

Вследствие этого демоны пришли в такое бешенство, что в день поклонения волхвов стали терзать игуменью. Лицо ее посинело, а глаза уставились в изображение лица Богородицы. Был уже поздний час, но отец Сюрен решился прибегнуть к усиленным заклинаниям, чтобы заставить демона пасть в страхе перед тем, кому поклонялись волхвы.

С этой целью он взял одержимую в часовню, где она произнесла массу богохульств, пытаясь бить присутствующих и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому наконец удалось тихо подвести ее к алтарю.

Затем он приказал привязать одержимую к скамье и после нескольких воззваний повелел демону Исаакору-му пасть ниц и поклониться Младенцу Иисусу; демон отказался исполнить это требование, изрыгая страшные проклятия.

Тогда заклинатель пропел “Magnificat”, и во время пения слов “Gloria patri” и т. д. эта несчастная мо-

нахиня, сердце которой было действительно переполнено злым духом, воскликнула: "Да будет проклят Бог-Отец, Сын, Святой Дух и все Небесное Царство!" Демон еще усугубил свои богохульства, направленные против Св. Девы, во время пения "Ave Maria Stella", причем сказал, что не боится ни Бога, ни Св. Девы, и похвалялся, что его не удастся изгнать из тела, в которое он вселился.

Его спросили, зачем он вызывает на борьбу всемогущего Бога. "Я делаю это от бешенства, — ответил он, — и с этих пор с товарищами не буду заниматься ничем другим!"

Тогда он возобновил свои богохульства в еще более усиленной форме.

Отец Сюрен вновь приказал Исаакоруму поклониться Иисусу и воздать должное как Св. Младенцу, так и Пресвятой Деве за богохульственные речи, произнесенные против них... Исаакорум не покорился.

Последовавшее затем пение "Gloria" послужило ему только поводом к новым проклятиям на Св. Деву.

Были еще делаемы новые попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакорума повиниться перед Божьей Матерью, во время которых у игуменьи появились такие сильные конвульсии, что пришлось отвязать ее от скамьи.

Присутствующие ожидали, что демон покорится, но Исаакорум, повергая ее на землю, воскликнул: "Да будет проклята Мария и Плод, который Она носила!"

Заклинатель потребовал, чтобы он немедленно покался перед Богородицей в своих богохульствах, извиваясь по земле, как змей, и облизывая пол часовни в трех местах. Но он все отказывался, пока не возобновили пение гимнов. Тогда демон стал извиваться, ползать и крутиться; он приблизился (т. е. довел тело г-жи де Бельсьель) к самому выходу из часовни и здесь, высунув громадный черный язык, принялся лизать каменный пол с отвратительными ужимками, воем и ужасными конвульсиями. Он повторил то же самое у

алтаря, после чего выпрямился и, оставаясь все еще на коленях, гордо посматривал, как бы показывая вид, что не хочет сойти с места; но заклинатель, держа в руках Св. Дары, приказал ему отвечать. Тогда выражение лица его исказилось и стало ужасным, голова откинулась совершенно назад, и слышался сильный голос, произнесенный как бы из глубины груди: "Царица Неба и Земли, прости!"

Нетрудно представить себе, что подобные заклинания не только не действовали успокоительно на окружающих лиц, но еще способствовали большему развитию бешенства у несчастных монахинь. В заключение следует заметить, что луденская эпидемия урсулинок кончилась трагически, так как несчастный аббат Грандье, обвиненный в чародействе, был подвергнут ужасным пыткам и истязаниям и был в конце концов сожжен на костре. Описания пыток и казни Грандье производят потрясающее впечатление, и я, щадя нервы своих высокочтимых слушателей, опускаю их, но всем интересующимся рекомендую прочесть несколько страниц, относящихся к этому предмету, у Реньяра (Умственные эпидемии).

Но как ни тяжела была казнь Грандье, сожженного живым на костре с раздробленными ранее ногами, она не успокоила беснующихся урсулинок, пока не было приступлено к их изолированию. После того демоны стали еще преследовать молодых девушек в г. Лудене. Назывались эти демоны: Уголь нечисти, Адский Лев, Ферон и Малон. Эпидемия распространилась на окрестности.

Девушки в Шиноне почти все подпали страшному недугу и обвиняли при этом двух священников в чародействе; к счастью, коадьютор пуатьевского епископства благоразумно повел дело и разъединил бесноватых.

Но еще замечательнее тот факт, что Миньон, искони считавшийся страной пап, переполнился около этого времени одержимыми.

Луденская эпидемия заразила умы и охватила собой большое пространство. Страшная луденская трагедия еще не изгладилась из памяти ее современников; истина относительно мученичества несчастного Грандье едва только успела выясниться, когда разнесся слух, что демоны овладели обителью Св. Елизаветы в Лувье.

Здесь также усердие духовника послужило если не причиной, то по крайней мере точкой отправления для распространения недуга. Лувьевскими монахинями овладело желание посоперничать в деле набожности с своим духовным пастырем.

Они стали поститься по неделям, проводили в молитве целые ночи, всячески бичевали себя и катались полунагие по снегу.

В конце 1642 г. священник Пикар (духовник) внезапно скончался. Монахини, уже и без того близкие к помешательству, тогда окончательно помутились.

Их духовный отец стал являться им по ночам, они видели его бродящим в виде привидения, а с ними самими начали делаться конвульсивные припадки, совершенно аналогичные с припадками луденских монахинь: у несчастных являлось страшное отвращение ко всему, что до тех пор наполняло их жизнь и пользовалось их любовью.

Вид Св. Даров усиливал их бешенство; они доходят до того, что даже плюют на них. Затем монахини катаются по церковному полу и, издавая при этом страшный рев, подпрыгивают, как будто под влиянием пружин”.

Современный богослов Лабретан, имевший случай видеть лувьевских монахинь, дает нам следующее описание их беснований:

“Эти 15 девушек обнаруживают во время причастия страшное отвращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительной смелостью и бесстыдством.

По несколько раз в день ими овладевали сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец.

Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги без помощи рук, так что их тело покоится более на темени, чем на ногах, и вся остальная часть находится на воздухе; они долго остаются в этом положении и часто вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение четырех часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо, даже во время самых жарких летних дней; несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно: обморок начинается с ними в то время, когда их лицо наиболее взволнованно, а пульс становится значительно повышенным. Во время обморока, продолжающегося полчаса и более, у них не заметно ни малейшего признака дыхания.

Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ног, потом ступни и самые ноги, а за ними живот, грудь, шея; во все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным; наконец, оно начинает искажаться, и вновь появляются страшные корчи и конвульсии”.

Это описание не оставляет сомнения в том, что дело идет в данном случае о проявлениях большой истерии, хорошо изученной за последнее время, особенно со времени классических трудов Charcot и его учеников.

Наше современное кликушество в народе не есть ли то же отражение средневековых демонопатических болезненных форм? И здесь влияние внушенных, ранее

привитых идей на проявление болезненных состояний неоспоримо.

Известно, что такого рода больные во время церковной службы при известных возгласениях подвергаются жесточайшим истерическим припадкам.

И здесь повторяется то же, что было и в средние века. Несчастные больные заявляют открыто и всегласно о своей бесоодержимости.

Во время отчитываний, которые производятся над такого рода больными, вероятно, еще и теперь в отдаленных монастырях глухой провинции, можно видеть те ужасные корчи, которым подвергаются такого рода бесноватые при производстве над ними заклинаний, причем дьявол, вошедший в человека, может быть вызван на ответы и не скрывает своего имени, горделиво называя себя во всеуслышание Легион или Вельзевул.

Все эти сцены, которых случайным очевидцем мне приходилось быть еще в раннем детстве, без сомнения, являются результатом внушенных идей, заимствованных из Библии и народных верований.

Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы наши кликуши, которых встречается немало в наших деревнях, жили в средние века, то они неминуемо подверглись бы сожжению на костре.

Впрочем, кликушество в народе хотя еще и по сие время заявляет о себе отдельными вспышками в тех или других местах нашей провинции, но во всяком случае в настоящее время оно уже не приводит к развитию грозных эпидемий, какими отличались средние века, когда воззрения на могучую власть дьявола и бесоодержимость были господствующими не только среди простого народа, но и среди интеллигентных классов общества, и даже среди самих судей, которые были призваны для выполнения над колдуньями правосудия и удовлетворения общественной совести.

Тем не менее до сих пор еще не лишены важного социального значения другого рода психопатические эпидемии религиозного характера, которые выражают-

ся развитием некоторых форм сектантства в народе, носящих явные психопатические черты.

Об одной такого рода психопатической эпидемии религиозного характера, известной под названием малеванщины и развившейся у нас за последнее время на Юге, я могу сказать несколько подробнее, так как самое развитие эпидемии было более или менее близко прослежено врачами — специалистами по душевным болезням.

С самого начала я остановлюсь на виновнике этой эпидемии Кондрате Малеванном, несомненно психически больном субъекте, над которым я читал клиническую лекцию в Казанской окружной лечебнице в течение зимы 1892/93 г., еще до появления прекрасной брошюры проф. И. А. Сикорского, и уже тогда подробно разобрал как самую болезнь К. Малеванного, так и возникшую под влиянием его учения психопатическую эпидемию по присланным в лечебницу документам и собранным сведениям. Благодаря этому я имею возможность представить довольно полную историю болезни этой своеобразной и достойной внимания личности.

Кондрат Малеванный, 48 лет, малоросс, из мещан г. Таращи Киевской губ., неграмотный, женат, имеет 7 детей, колесник, принадлежал к секте штундистов, был доставлен 31 марта 1892 г. в Кирилловские богоугодные заведения, около г. Киева, как больной хроническим помешательством, распространявший среди народа лжеучение, известное под названием секты малеванцев. В брошюре проф. И. А. Сикорского мы находим следующие сведения о Малеванном, почерпнутые на основании данных исследования в Кирилловских богоугодных заведениях.

“Малеванный — человек худощавый, высоком роста, с резкими чертами лица и резкими решительными жестами, говорит плавно, отчетливо, неудержимо увлекаясь потоком собственной речи.

Родители Кондрата Малеванного злоупотребляли спиртными напитками; сам он, начиная с молодых лет,

тоже предавался весьма неумеренному употреблению спиртных напитков, что продолжалось до сорокалетнего возраста его жизни.

Малеванный всегда был чувствительным к действию спиртных напитков, издавна страдал бессонницей, частыми приступами тоски, и ему нередко настойчиво приходила в голову мысль о самоубийстве.

С появлением в Юго-Западном крае штундовства Малеванный, томившись чувством болезненного беспокойства, искал перемены, и казалось ему, желаемый исход находится в этой новой вере. Малеванный оставил православие и с 1884 г. стал штундистом.

Он сделался ревностным последователем секты, перестал злоупотреблять спиртными напитками, усердно предавался штундовским религиозным упражнениям и среди молитвы и пения легко доходил до экстаза.

Состояние возбуждения, к которому его организм издавна привык и которое в течение многих лет достигалось употреблением спиртных напитков, теперь стало заменяться религиозным упражнением, проповедью и экстазом.

После нескольких лет такой жизни Малеванный стал страдать галлюцинациями обоняния и общего чувства. Это случилось в 1889 или в 1890 годах.

Ему часто во время молитвы чувствовались запахи, не сравнимые ни с какими ароматами на земле, и Малеванный объяснял это необычайное явление близостью Св. Духа. Это был, по мнению Малеванного, запах Св. Духа.

Вскоре затем Малеванный стал испытывать во время молитвы необычайную радость и чувство особенной легкости тела; ему казалось, что он отделяется от земли, вследствие чего он стал во время молитвы невольно поднимать руки как бы с целью содействовать этому необыкновенному подъему. По словам Малеванного, и сам он чувствовал свой подъем, и окружающие видели, что он отделяется от земли вершков на пять.

Вскоре у Малеванного сформировался бред. Он убеждал, что в нем находится Св. Дух и что все, что он делает и говорит, исходит от Св. Духа.

Он также находится в постоянном и непосредственном общении с Отцом (т. е. Богом-Отцом).

Кроме того, Малеванный считает себя Иисусом Христом, Спасителем мира. Евангельский же Христос, по его мнению, не был исторической личностью, и все сказания о евангельском Христе суть только пророчества о нем — Малеванном. Доказательства своей божественности Малеванный видит в появлении того, что он называет *свидетельствами*, а именно в поднятии его тела на воздух, в появлении божественных запахов и в появлении ярких звезд, которых никогда раньше не было видно и которые видел как он сам, так равно видели в 25 государствах, что, по словам Малеванного, и описано в газетах целого света.

Уже в 1890 г. у Малеванного во время молитвы и поднятия рук стали дрожать руки, а затем дрожания и судороги распространились и на другие части тела.

Малеванный объяснял это вхождением в него Св. Духа, так как, по его словам, он был совершенно непричастен этим движениям, происходившим помимо его воли.

Дрожание и трясение Малеванного, которое нередко было ритмическим, производило большое влияние на простодушных окружающих Малеванного его поклонников.

Во время общих молитв, в ту пору, когда Малеванный начинал дрожать (*“трястись”*, по местному выражению), у некоторых присутствующих, особенно женщин, являлись также вздрагивания и судороги.

С этого времени вздрагивания сделались почти неизбежной принадлежностью молитвенных собраний, имевших место в присутствии Малеванного, отчасти и без него.

Уже с 1890 г. Малеванный стал заменять молитву, которой прежде предавался, проповедью, в которой он утверждал, что он Спаситель мира, что скоро насту-

пит Страшный Суд, в котором он будет судить людей, и потому он приглашал всех к покаянию.

В 1891 г. Малеванный был по распоряжению властей освидетельствован относительно умственных способностей и помещен в психиатрическое отделение при Кирилловских богоугодных заведениях в Киеве.

По тщательном исследовании он оказался страдающим паранойей, уже перешедшей в хроническое состояние.

В течение своего более нежели годичного пребывания в больнице Малеванный постоянно обнаруживал описанные выше идеи бреда, по временам был подвержен галлюцинациям и, приходя в возбужденное состояние, импровизировал или чаще цитировал отрывки из того, что когда-либо было им читано и усвоено заучиванием.

Речь его носит характер автоматического потока фраз, сопровождаемых одними и теми же движениями, жестами и интонацией.

Течение его мыслей лишено последовательности. Такой же характер носит и так называемое Евангелие Малеванного — это записанная его поклонниками с его слов импровизация, не лишенная лирического оттенка, но лишенная последовательности, логического и грамматического смысла.

При исследовании физического состояния Малеванного обращает на себя особенное внимание извилистость черепных сосудов и налитие их кровью, что особенно резко выражается, как только Малеванный начинает говорить или проповедовать, хотя он при этом и не бывает возбужден. Очевидно, что это налитие кровью не есть следствие эмоционального возбуждения, а должно быть отнесено к другим причинам (вероятно, к алкоголизму, которым страдал сам Малеванный и его родители)".

Так как последователи не оставляли Малеванного в покое и во время пребывания его в Кирилловских богоугодных заведениях, приходили слушать его проповедь к окнам и заборам больницы, то Малеванный

по распоряжению начальника края был выслан из г. Киева этапным порядком в г. Казань для помещения в окружную лечебницу, где он и был всесторонне исследован как врачами лечебницы, так и мною.

Здесь мы дополним вышеприведенные данные лишь сведениями из скорбного листа психиатрической клиники при Казанской окружной лечебнице, могущими служить пополнением характеристики болезненного состояния Малеванного, упуская все то, о чем было уже упомянуто нами ранее.

Речь Малеванного и здесь сохранила вышеописанный характер, она была несколько ускорена, не всегда последовательна, пересыпалась иногда извращенными текстами из Священного писания и вообще носила на себе характер проповеди или поучения. С врачами Малеванный всегда охотно беседовал.

О себе он передал, что с детства был внимательным и задумчивым. Когда он вырос и стал понимать отношения людей друг к другу, то они казались ему странными, повсюду он видел ложь и обман, и это обстоятельство его нередко волновало, и в его уме являлись вопросы: почему люди живут так безнравственно, где же Бог, могущий устранить все это и заставить людей жить в мире и согласии?

Недовольный христианской религией, он 10 лет тому назад перешел в секту штундистов и стал еще более задумываться о безнравственной жизни окружающих. Многих из них он старался помирить; стал восставать против дурных людских отношений и проповедовал всеобщий мир и любовь.

Окружающие стали над ним подсмеиваться и мало-помалу начали его преследовать. Так, напр., когда он шел по улице, он замечал, что над ним насмехаются, издеваются, хулят его, клеветают на него и вообще его преследуют.

Это преследование распространялось не только на него, но и на его жену и детей, когда, напр., они отправлялись за водой, их бранили и били.

По словам больного, он чувствовал призвание к своей проповеднической деятельности уже 6 лет назад, но в то время не мог еще хорошенько понять, что он будет иметь такое великое назначение и обладать такой божественной силой, какая в нем теперь имеется.

В 1887/88 г. к нему часто являлись различные лица, по его выражению — философы и миссионеры, то под видом священников, то чиновников из Петербурга и вели с ним беседы.

Во время этих бесед его душа испытывала особенно радостные ощущения, а у беседовавших часто капали слезы от жалости к нему за перенесенные и испытываемые им страдания.

На расспросы о своих преследованиях он иногда заявлял, что все будет подробно описано в пророчествах и что Дух Божий его называет сыном и уговаривает его без боязни идти всюду, куда бы его ни повели. После этого он стал еще усерднее проповедовать свое учение, заявляя, что все, о чем он говорит, принадлежит не ему, а духу, поселившемуся в нем. С этим духом он вел и теперь еще часто ведет беседы, причем дух говорит ему обыкновенно не прямо, а примерами.

Полагает, что преследования его происходят главным образом со стороны попов, которые неоднократно приходили к нему, уговаривая принять от них благословение. Но так как все эти уговоры оказались напрасными и совратить с истинного пути его не удалось, то им стало досадно, что Христос проявился не в их среде, а в нем, простом человеке.

Он уверяет, что по подстрекательствам попов народ стал преследовать не только его, но и его последователей, а полицейские забирали этих последователей и убивали. Они бы убили и его, если б имели на то силу. Нередко его уводили в участок и там подвергали мукам.

Однажды его в участке били в продолжение четырех часов, до тех пор пока сами не устали. Били жестоко, дергали его за голову, за зубы и пр. Видя, что это не приводит ни к чему, они стали ему совать в нос

табак и другие гадости, и, несмотря на все эти мучения, он лежал недвижим, и тело его было неуязвимо.

После этих мучений четыре гонителя уверовали в него и заявили, что это не простой человек. Об этом факте, как и о многих других, было предсказано в пророчествах.

Сущность учения Малеванного, как она выясняется по его заявлениям во время пребывания в Казанской окружной лечебнице, заключается в следующем.

Дух Божий от сотворения мира носился над вселенной, отыскивая безгрешного человека. Этот Дух Божий нередко спускался на некоторых людей и отчасти соединялся с ними, вследствие чего они приобретали дар пророчества и писали пророческие изречения, но это соединение было временное, и Дух Божий опять витал над вселенной.

Теперь этот Дух Божий сошел и поместился в нем, Кондрате Малеванном, почему он и есть истинный Спаситель мира — Иисус Христос.

Вследствие этого соединения он получил особенную Божественную силу: он, Малеванный, может, напр., говорить и проповедовать на всех языках, он обладает способностью угадывать мысли и желания всех окружающих людей и т.п. Все, что бы он теперь ни говорил или делал, принадлежит не ему, а поместившемуся в его теле высшему духу.

Находясь под непосредственным покровительством этого духа, он решил обратить в истинную веру всех неверующих-раскольников.

Раскол, уже приведший к различным религиям на земле, произошел следующим образом.

Было Священное писание и пророчества, но уже в этих пророчествах вкрались ошибки, и одна из самых главных ошибок заключается в том, что везде поставлено слово “было” вместо “будет”. Сказано: “Был Христос, страдал и умер”, а надо читать: “Будет Христос, будет страдать и т. п. ”.

Это Священное писание всем простым и неопытным людям читать не следует, так как в нем они, как в море или в пустыне, могут заблудиться или утонуть, а потому люди должны слушать только то истинное толкование, которое дает им он.

Вследствие упомянутой неясности и извращенности пророчества произошло то, что нашлись люди, которые из этого Писания начали выбирать только те “штрихи”, которые им нравились и были полезны, все же другое, не подходящее, они отбрасывали в сторону.

Таких людей нашлось много, и каждый из них образовал новую, конечно извращенную, религию и стал зазывать к себе в последователи доверчивых людей.

Таким образом сложились магометанская, еврейская, “польская”, немецкая, православная и многие другие религии, а их хитрые руководители назывались мулла, раввин, ксендз, поп и т. д.

Люди, как овцы, шли, гонимые каким-нибудь одним заблудившимся пастухом, или как целое стадо овец, манимое маленьким кусочком хлеба, не зная куда и зачём, быть может на бойню, где “толстошейный” поп или ксендз высосет из них кровь в свою пользу.

Далее Малеванный осуждает поступки и действия этих пастырей и ставит вопрос: “Какие же они руководители? Каждый начальник прежде всего должен быть строг и справедлив. Посмотрите, каждый полицейский за какой-нибудь безнравственный поступок тащит человека в часть и там возлагает на него наказание. А поп что делает? Какие грехи ему ни говори — он все производит: “Прощаю и разрешаю — Бог простит”. Что же из этого выходит? Выходит только то, что он потворствует злу”.

Малеванный проповедует, что скоро наступит кончина мира, вся жизнь каждого человека, его поступки и грехи будут ясны для всех, как солнечный свет, и они понесут должное наказание; желая спасти этих несчастных, он и обращается к ним с проповедью. Все умершие не воскреснут, а последователи его будут жить вечно.

Он уговаривает всех жить в мире и согласии, ввиду скорой кончины не заботиться о материальном благосостоянии: все лишнее продать, иметь общую братскую кассу, из которой каждый неимущий мог бы брать, сколько ему нужно; оставить полевые и другие работы и все время посвящать молитве и слушанию его божественного слова. Такие последователи нашлись и, собираясь в его доме, подолгу молились. 15 ноября 1889 г. во время такой усердной молитвы со своей братией (человек 18) на нем проявилось чудо — наитие Святого Духа. Малеванный поясняет, что это было в присутствии полицейских и других посторонних лиц, причем исполнилось все в точности, как сказано в пророчестве.

Вдруг его голова стала отделяться от тела и невидимою, как бы электрическою силою подниматься кверху, тело же оставалось на месте, и руки продолжали быть сложенными на молитву. В сердце ощущалось какое-то особенное радостное трепетание, а в глазах разливался темный цвет; затем голова опустилась снова на свое место, и он продолжал молиться. —

На дворе в это время был туман, и, несмотря на то, ясно были видны звезды, и особенно одна, о которой говорится в Священном писании, что ее видели волхвы (по Малеванному, неверно; надо читать “увидят”). Эта звезда была видна во всех 25 государствах, и действительно, волхвы-астрономы ее не просмотрели: вскоре из Африки и Америки были получены телеграммы, что появилась новая звезда, доказывающая появление Христа, и мы-де веруем. Эта Вифлеемская звезда стояла над его городом три месяца. Эта звезда, как особая благодать Божия, переселилась потом в его тело. Затем впоследствии, когда он был арестован, в киевских газетах было пропечатано, что мы приняли Христа, называемого Кондрат Малеванный.

Далее Малеванный рассказывает, что за 40 дней до этого чудесного над ним проявления он молился и постился. С этого времени он окончательно бросил все свое домашнее хозяйство, потому что при всяком физи-

ческом труде у его появлялась сильная слабость и дух, поселившийся в нем, не позволял сосредоточиваться над работой.

Через неделю после первого проявления Божественной благодати над ним совершилось второе: его тело начало распинаться; руки были как бы прибиты, а самое туловище как бы поднималось в воздухе и слегка покачивалось. В сердце в это время ощущались вопросы и ответы, напр. вопрос: какая будет кончина мира? Ответ: будет Новый завет и новая жизнь, бесконечная и радостная... В прошлом году, когда он особенно сильно страдал, 17 мая померкла луна, а 25 мая — солнце, это продолжалось недолго и сменилось видением столба, одна половина его была совершенно черного, как смола, цвета, а другая темно-огненная (“как будто огонь был смешан с сажей”). При этом видении в него уверовали некоторые полицейские и сказали: “Действительно, он святой человек”.

В последнее время появилось четыре новых звезды, расположенных на небе крестообразно. Все эти чудеса и знамения предвещают скорую кончину мира. Об этом Малеванный рассуждает так: сейчас, по божеству, ночь, люди ходят и живут, не зная своего пути — как ночью, но скоро придет время, когда поступки всех людей так же ясно будут видны, как днем мы видим дорогу, тогда они все познают Бога и будут испытывать духовную борьбу, т. е. муку о своих грехах.

Люди грешные и строптивые будут испытывать эту борьбу в течение 6 лет, а люди, уверовавшие в него, только в течение одного года, потому что их страдания искупил он — Христос, который в течение 40 лет за них проливал в молитве пот и слезы.

По истечении 6 лет, проведенных в посте и молитве, все получают обновление, узнают, что душа их бессмертна, и войдут в Божий мир. Тогда явится Божественная сила, не описанная ни в какой книге, брениое тело исчезнет, души не будут переселяться в новые брениые тела, а будут только видимы друг для друга,

как звезды небесные в бесконечные времена и на бесконечном пространстве.

Все живущее на земле умрет, и останутся только тела нетленные (камни, деревья и травы). Видимые ныне звезды — это души небесные. В прошедшие времена они иногда испускали свои лучи на избранных людей — пророков, и вследствие вхождения этих лучей во внутренность таких избранных они получали дар предсказания.

После вышеуказанных видений и наития на Малеванного Св. Духа число его последователей еще более увеличилось, они шли напролом, не обращая внимания на приставленную к его дому стражу. В силу этого по распоряжению киевского генерал-губернатора он был взят и посажен в Кирилловское богоугодное заведение.

Малеванный сообщил далее, что он имеет жену и 7 детей в возрасте от 7 до 20 лет. Все его дети обладают пророческим духом, и, несмотря на то, что они учились только в простой школе, они обладают большей премудростью, чем все прочие люди, обучавшиеся в высших учебных заведениях. Далее он заявляет, что ежедневно он испытывает на себе проявление благодати Божией. На вопрос, в чем эта благодать выражается, он ответил, что ежедневно он в сердце и внутренностях испытывает до 1000 изменений: то скорбь, то радость безграничную, то муки. Ежедневно он по нескольку раз как бы умирает и воскресает; когда у него является тоска, то это состояние он отождествляет со смертью, наоборот, радость — с воскресением.

Его душа ежедневно невидимо обновляется, и из его тела расходится особенный, наподобие электричества, свет, видимый только истинно верующим на несколько тысяч верст; этот свет напоминает им о тех муках, какие он за них испытывает.

Среди окружающих он не имеет ни одного последователя, их сердца настолько загрубели, что они не в состоянии понять его божественные слова; это его еще более мучает, и жить среди этих чудовищ, как он выражается, крайне тяжело. Он успокаивает себя толь-

ко мыслью, что скоро наступит Страшный Суд и будет представлена книга, в которой с замечательной точностью будут описаны все его мытарства.

Окружающие суть не люди, а чудовища, надевшие только маску человека. Если бы эти чудовища были дикие животные, без речи, он жил бы с ними дружно, как с овцами, но так как они ежечасно произносят яд своими языками (ругаются), то он не может с ними жить в дружбе.

Но еще хуже “этого яда языка” их помыслы и желания, которые ему так же ясны, как и их дерзкие слова. Хотя он и находится здесь, в казанской лечебнице, тем не менее его дух постоянно раздает приказания во все концы мира, и все они исполняются; летом он слышит исполнение своих приказаний в громах и молнии, теперь же, когда этих явлений природы нет, ему сообщает об этих исполнениях тот же дух, который в нем поселился. С этим духом он ведет постоянную беседу и получает ответы, ощущаемые, однако, не органом слуха, а умом.

Малеванный заявляет, что если бы он запел в присутствии своей братии, то врач и вся вселенная затрепетали бы, но без его последователей ему запретил петь Тот, Кто в нем находится, — Бог-Отец, Сын и Дух Святой.

Врачу он это сообщил под некоторым секретом, будто бы из нежелания самого себя прославлять; об этом засвидетельствуют и скажут другие.

Далее Малеванный сообщил, что еще в 1891 г., в мае месяце, он видел, как его руки поднимались высоко в воздух, они касались даже туч, воздух при этом был темно-красного цвета. Вначале была полная тишина, потом послышался голос: “Готовься к смерти!” При этих словах его рубашка моментально была с него снята воздухом. Потом снова голос: “Приготовь и семью твою, пусть наденут белые рубашки, хотя и тяжело мне, но я погублю весь мир, а тебя с твоим семей-

ством восхищу в неприступный свет, и ты будешь жить, как свет Солнца, Луны и звезд”.

Это говорил какой-то дух, который то входил, то исходил из его тела.

При этом духи моря, молнии, громов, ветра и др. говорили ему, Малеванному, что им приказано не спасать живущих на земле людей, а губить.

Когда он услышал эти слова, у него явилось сильное сожаление, и он в течение 40 дней и ночей постился и молился и вот вследствие этой молитвы сначала выхлопотал спасение только своим последователям, а в 40-й день — спасение и всей России.

Надо заметить, что, какую бы тему ни взять для разговора, Малеванный непременно постарается перевести ее на духовное содержание и тогда, переходя от одного вопроса к другому, готов беседовать по целым часам.

Будучи спрошен, например, об окружающих больных, он ответил, что смотрит на них как на отступников Божиих; по его рассуждению, в каждом человеке должна присутствовать искра Божия, и вот от некоторых людей эта искра отступилась вследствие их греховности, от других — вследствие греховности их родителей. Такие люди без этой искры не могут рассуждать по закону и вследствие этого размещаются по сумасшедшим домам, тюрьмам и острогам. Это “клятвопреступники, одержимые бесом”. Когда его спросили, зачем же он помещается здесь, Малеванный с улыбкой ответил, что он помещается совсем по другому поводу; во-первых, потому, что он должен испытать все муки и гонения, а во-вторых, так сказано в пророчествах, он должен помещаться в казанской лечебнице.

Это он выводит следующим образом; “Были пророчества и *предсказания*”, в этом-то последнем слове и есть уже намек на его помещение в казанской лечебнице: *предсказание, сказание, казание, Казань*.

Когда зашел разговор о других физических заболеваниях, то Малеванный объяснил их следующим об-

разом: “Когда человек живет в грехе, он редко страдает телесно, но вот у него начинается внутренняя борьба, наступает раскаяние в грехах, он колеблется, ему хочется жить духовно, но его преодолевает телесная немощь, вследствие этой борьбы он теряет сон, аппетит, его здоровье вследствие этого расстраивается, кровь волнуется, появляется воспаление костей и крови, а вследствие всего этого уже какое-нибудь физическое заболевание — тиф, горячки, лихорадки, нарывы и т. п. Видя припадок эпилепсии, Малеванный заявляет, что душа этого человека, почувствовав близость его, т. е. Малеванного, желает избавиться от своей темницы, т. е. грешном тела; это она трепещет и радуется, желая снова обращаться в звезду той или другой ясности”.

Нужно заметить, что звезды более ясные, по Малеванному, — это души более добродетельных людей, менее ясные — менее добродетельных.

Появление холеры Малеванный объясняет наказанием Божиим, она поражает только клятвопреступников и вообще людей грешных, она будет продолжаться до тех пор, пока он — Христос — не погубит ее. На вопрос, скоро ли это случится, уверенно отвечает, что скоро.

Холере дана власть царствовать на земле, пока Христос не прославится в славе Божией. Он скоро будет исцелять не только холерных, но и одержимых всеми другими заболеваниями, хромым, слепых и увечных.

Говорит, что откровений у него и в настоящее время имеется много, но заявлять он может только о прошедших, о настоящих же и будущих ему пока еще запрещено говорить. Беседуя с врачом, он полагает, что это дух врача желает обновиться его божественным словом и желает, как всякий беседующий с ним, избавиться на Страшном Суде от мук.

У Малеванного имеется много и других бредовых идей, напр. о переселении душ; о том, почему все государства названы женскими именами: Россия, Англия,

Америка, Азия и пр. Его дух может назваться премудрым плавальщиком, он носился над всеми государствами и везде тем или иным способом проявлял себя в различных мудрых лицах, теперь же, как предсказано в пророчествах, вселился в него, по телу простого человека, Кондрата Малеванного. Это дух Сына Божия, дух Христа вселенской церкви, как называет его вся община истинной веры.

Кроме того, Малеванный рассказывает, что 6 лет тому назад к нему приходил Иоанн Креститель под видом кронштадтского солдата. Этот солдат показывал ему свой билет и просился переночевать. Что это Иоанн Креститель, ему тогда сказал его Дух.

Слыша церковное пение в лечебнице, Малеванный осуждает обрядовую его сторону, говорит, что это делается с целью, чтобы предоставить ему больше муки, и вообще многие факты окружающей его жизни он старается связать с своим религиозным бредом. Он держит себя крайне однообразно — работой не занимается, только с некоторыми из больных, которых он признавал за здоровых, вел беседы духовного содержания, советуя вести себя скромно, помогать друг другу. Насчет духовенства говорит, что оно извратило религию, что не нужно креститься, так как это противно Евангелию. О себе заявляет, что он неграмотен, но что вследствие божественного наития он обладает такой премудростью, что если бы в числе его последователей нашлись лица, не знающие русского языка, то Дух вразумил бы его и он заговорил бы на неизвестных ему языках. С врачом охотно беседует, выдавая себя за проповедника. Ждет скорой кончины мира; тогда, по его мнению, для всех будет ясно, что он Христос — Спаситель мира.

Будучи приглашен в конце января на обычное совещание врачей, где производится разбор больных лечебницы, Малеванный с чувством рассказывал о своей проповеднической деятельности.

Из предварительных сведений, присланных в Казанскую окружную лечебницу, отметим следующее:

“Ранее Малеванный помещался в киевском Кирилловском богоугодном заведении, куда был доставлен 31 марта 1892 г. за лжеучение так называемой секты малеванцев.

Вследствие его учения его последователи оставили все свои полевые работы, распродали имущество, проводили время только в еде и молитве и ожидали скорой кончины мира.

Одна женщина в припадке фанатизма задушила свою шестилетнюю дочь. Последователей Малеванного было более тысячи, и они считали Кондрата за Христа.

В скорбном листе киевской лечебницы отмечено, что *проповедовать он начал после внушения этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особой силы.*

Вскоре после наития на нем проявилось знамение его божественного избрания, выразившееся, по его словам, в том, что он незримою силою был поднят от земли вершков на пять, что будто бы видели и окружающие.

Во время самого знаменья и два дня спустя он испытывал особенно радостное ощущение в своем сердце, в последующие же дни появилась тоска. После этого знаменья число его последователей заметно увеличилось”.

Нужно заметить, что изложенный выше бред представляет собой несколько скомбинированный результат многократных бесед с Малеванным, так как речь его часто не имеет строгой логической связи и он не в состоянии в течение продолжительного времени поддерживать один связный разговор.

В приведенных выдержках из истории болезни Малеванного яркими красками обрисовывается его религиозный бред, который с течением времени под влиянием тех или других окружающих условий, понимаемых Малеванным как знамение свыше, еще более укрепился и развился в разных направлениях, сохранив, однако, все свои основные черты.

Мы не будем касаться здесь вопроса о происхождении и развитии бреда и галлюцинаций у Малеван-

ном, страдавшего так называемым первичным сумасшествием или паранойей, так как вопрос этот может интересовать более всего специалистов, но отметим здесь приведенное выше указание, что “проповедовать начал Малеванный после *внушения* этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особенной силы”.

Очевидно, что мы имеем здесь дело с внушающим влиянием обманов чувств, которое наблюдается и в других случаях и на которое я обратил внимание в одной из недавних своих работ.

Нельзя сомневаться в том, что обманы чувств, возникая из бессознательной сферы, нередко действуют на психическую сферу, подобно всякому постороннему внушению, и вызывают влечения и побуждения, против которых человек не в состоянии бороться, как и против действительных внушений.

Очевидно, что в этом отношении и галлюцинации Малеванном, действуя на его психическую сферу, подобно внушению, и подчиняя его сознание, привели его к тому проповедничеству, последствия котором мы знаем.

Если бы мы ближе вошли в развитие бреда Малеванного, то мы заметили бы, что эти галлюцинации, в свою очередь, до известной степени обязаны *самовнушению*.

Будучи субъектом, предрасположенным уже с раннего возраста, он ослабил свою нервную систему злоупотреблением спиртными напитками, после чего, перешедши в штундизм, начал усиленно предаваться молитве и религиозным упражнениям, причем здесь во время молитвы и религиозного экстаза начали у него впервые появляться обманы чувств в виде запахов, несравнимых ни с какими ароматами на земле.

Таким образом, долго работавшая в религиозном направлении мысль во время подъема душевной деятельности, обусловленном религиозным экстазом, вылилась в форме, соответствующей религиозному чувству галлюцинации, которая, таким образом, является обязанной самовнушению, обусловленному господством в сознании

религиозных идей. Последовавшие затем галлюцинации об отделении тела от земли, очевидно, также обязаны в значительной мере самовнушению, поддерживаемому чувством особой легкости тела, сопровождающей религиозный экстаз и умиление.

Таким образом, здесь, как и в других подобных случаях, обманы чувств обязаны своим происхождением в значительной мере самовнушению, и нужно иметь в виду, что этот род происхождения обманов чувств в той форме болезни, которою страдает Малеванный, представляется далеко не редким, на что, однако, до сих пор недостаточно обращалось внимания.

Появление такого рода обманов чувств, в свою очередь, действует на сознание, подобно внушению, и, укрепляя бред, вызывает побуждения, которым больной вполне подчиняется.

Таким образом, явление, в известной мере обусловленное самовнушением, само действует, подобно внушению. Но таков уж закон взаимодействия явлений в нашем организме, благодаря которому развивается столь губительно действующий *circulus vitiosus*.

Как бы мы вообще ни смотрели на основной характер болезни Малеванного, нельзя не признать, что в отдельных ее проявлениях играло известную роль самовнушение или внушение и, между прочим, склонность к проповеднической деятельности обязана внушающему влиянию обманов чувств, которым он был подвержен.

Для всякого непосвященного наблюдателя может конечно, показаться странным, что заведомо душевно-больной, каким является Малеванный, мог найти себе поклонников, хотя бы и из простого народа.

Как бы ни был неразвит наш народ, но он чуток к основным религиозным догматам и логическим путем всегда с негодованием отвергнет мысль, что какой-то безграмотный мещанин является Христом, Богом-Отцом, Духом Святым, а евангельский Христос есть только миф.

Но внушение делает другое и вопреки здравой логике укрепляет в окружающих Малеванного лицах,

склонных к религиозным возбуждениям, те самые мысли, которые проповедует Малеванный как по отношению к самому себе, так и по отношению к окружающим. В результате развивается психопатическая эпидемия, принявшая грозные размеры и потребовавшая вмешательства властей.

По описанию проф. И. А. Сикорского, эта эпидемия, охватившая население до 1000 человек, проявилась в ненормальном настроении духа, выражавшемся необычайным благодушием, нередко переходившим в экзальтированное радостное состояние, не обусловленное какими-либо внешними мотивами, вообще жизнерадостным настроением и особенною чувствительностью.

Точнее выражаясь, малеванцы чувствовали себя как беззаботные дети, находящиеся в радостном или праздничном настроении духа.

Их идеи, а равно и поступки и действия вполне соответствуют их жизнерадостному настроению. Считая Малеванного за Спасителя и веря его проповеди, они живут в ожидании кончины мира, которую признают благоприятной переменой своего существования. Человек тогда не будет умирать, не будет ни заботиться, ни трудиться, так как все за него будет устроено Богом.

Они признают себя избранныками ввиду того, что они первые приняли новую веру и поэтому получают лучшую участь в будущем, тогда как все те, кто не хотел уверовать, будут осуждены на Страшном Суде.

В силу этих ожиданий Страшного Суда они отказываются от труда и заботы, предоставляя и то и другое неверующим; они продали или раздарили свое имущество, дабы не иметь в этом отношении никаких забот.

Свои поля они оставили необсемененными под влиянием той же идеи предстоящего Страшного Суда. Дело дошло до того, что многие даже продали молочный скот и стали покупать молоко для своих детей у православных.

На вопрос о причине безделья со стороны малеванцев можно было получить иногда следующий характерный ответ: “Если в мое сердце Отец или Дух (т. е. Отец небесный или Дух Святой) вложит желание, я исполню это желание”.

Точно так же в объяснение своих нелепых или бессмысленных поступков нередко можно было слышать не менее характерное заявление: “Я чувствую, что Отец внушил мне, я чувствую, что Он побуждает меня так поступить, и т. п.”.

Дальнейшей особенностью малеванцев является состояние психической усталости, пассивности или задержки воли с преобладанием над ней чувства. В силу этого малеванцы отличаются уступчивостью, слабостью, бездеятельностью, недостатком сдерживающей воли и неспособностью подавлять слезы. Душевно-больной Малеванный, по мнению малеванцев, есть истинный Бог и Спаситель мира, который установит новый порядок устройства вселенной, в силу чего Малеванный сделался предметом богопочитания. Вместе с тем резкую болезненную особенность малеванцев представляют обманы чувств и судорожные движения.

По словам проф. И. А. Сикорского, “размеры, в которых малеванцы подвержены галлюцинациям, можно назвать исключительными. Галлюцинации относятся главным образом к сфере обонятельной. Таких лиц среди малеванцев, которые не имели бы галлюцинаций, немного; большая часть имеет галлюцинации по временам”.

Нередко галлюцинации обоняния будят спящего человека, и он просыпается, чувствуя дивные запахи и испытывая необыкновенную радость. Обыкновенно появившееся таким образом радостное состояние уже не покидает человека. У многих галлюцинации повторялись часто.

В общем “до 80% исследованных лиц имели галлюцинации обоняния, из которых многие описывают свои галлюцинации весьма подробно”. “Случалось, что в присутствии комиссии, посещавшей малеванцев,

особенно среди религиозного или молитвенного настроения, многие из них одни за другими начинали жадно обнюхивать свои руки, свое платье, окружающий воздух и прочие предметы, ища источник приятных запахов, которыми, как им казалось, наполнено было помещение. По рассказам всех имевших обонятельные галлюцинации, запахи были приятными. Одни называли эти запахи сладкими, другие — ароматическими, иные — неземными, божественными, иные, наконец, заявляли, что пахнет Св. Духом”.

“Второе место после обонятельных галлюцинаций у малеванцев занимали галлюцинации общего чувства, напр. чувство легкости, воздушности своего тела, или его бестелесности, чувство как бы отделения от земли и поднятия на воздух.

У некоторых малеванцев случались галлюцинации слуха и зрения (слышание повелений Бога, шепот Св. Духа, видение отверстого неба и его небожителей, появление звезд разнообразных цветов необыкновенной величины и ярких или необычное озарение и прыгание звезд и т. п.).

У большей части малеванцев галлюцинации являлись эпизодически, один-два раза, и затем исчезали, а у некоторых галлюцинации возобновлялись от времени до времени; у немногих, наконец, галлюцинации оставались в виде постоянного симптома”.

Наблюдаемые у малеванцев “судорожные движения проявляются в трех видах. Наименее частый вид судорог — это крик, хохот, всхлипывание, судорожные слезы, икота, отрыжка и иные судорожные формы, свойственные малой истерии.

Но самого частой формой судорог являются также свойственные большой истерии разнообразные ритмические и подражательные движения, соответствующие различным профессиональным и привычным движениям и жестам, большею частью однообразным у одного и того же лица.

Хотя истерические судороги весьма различны по своему внешнему виду, но наиболее часто наблюдается следующая общая картина.

Среди общего шума, крика и беспорядка, одни падают, как сраженные молнией, другие восторженно или жалобно кричат, плачут, прыгают, хлопают в ладоши, бьют себя по лицу, дергают себя за волосы, стучат в грудь, топают ногами, пляшут, издают всевозможные звуки и возгласы, отвечающие разнообразным эмоциональным состояниям — радости, счастьем, отчаянию, страху, ужасу, удивлению, мольбе, выражению физической боли, обнюхиванию, смакованию и т. д., то, наконец, подражают собачьему лаю, конскому ржанью и другим диким звукам". "Судорожные движения нередко длятся до изнеможения субъекта".

Нетрудно видеть, что как настроение духа, так и ряд бредовых идей, а также обманы чувств и, наконец, судорожные проявления в общем носят такое сходство как между собой, так и с явлениями, обнаруживаемыми распространителем секты Малеванным, что не подлежит сомнению, что мы имеем здесь дело с явлением прививным, т. е. обусловленным преимущественно взаимовнушением и самовнушением.

Проф. И. А. Сижорский, бывший на самих радениях или молитвенных собраниях малеванцев, сам высказывается в том смысле, что, вероятно, у некоторых субъектов, особенно среди общих молитвенных собраний, обонятельные галлюцинации возникают путем внушений. Но, прибавляет он, "несомненно, что у весьма многих малеванцев галлюцинации совершенно самостоятельны и непосредственны и обуславливаются лишь состоянием организма и нервных центров, а не внешними воздействиями".

С этим последним объяснением, однако, вряд ли можно согласиться безусловно. Не подлежит сомнению, что состояние организма и нервных центров составляет благоприятную почву для развития психопатических явлений, но характер последних, т. е. настроения, бредовых идей и галлюцинаций, в данном слу-

чае представляет в такой степени стереотипное сходство даже в мелочах, что признать их самостоятельными, а не обусловленными по крайней мере в значительной мере взаимовнушением или самовнушением представляется невозможным. Равным образом и проявление судорог носит несомненные признаки зависимости их от взаимовнушения и самовнушения, как видно из самого развития их на молитвенных собраниях.

По заявлению проф. И. А. Сикорского, "сами малеванцы придают значение судорожным проявлениям, считая их несомненным действием Божественного начала в человеке".

Находясь на молитвенных собраниях, они ждут наступления судорог у кого-либо из присутствующих, радуются виду судорог, оживляются и восторгаются картиною судорог, и при первом появлении судорог во всем собрании начинается общий подъем возбуждения и ликования.

Обыкновенно судороги появляются у малеванцев, когда они становятся на молитву, реже при других условиях.

Но особенно часты и сильны бывают судороги в собраниях; всего же резче они проявляются в общих молитвенных собраниях, когда условия для взаимного внушения становятся наиболее благоприятными.

О значении самовнушения и внушения в развитии судорог свидетельствует, между прочим, и тот факт, что, несмотря на заразительность истерических припадков для взрослых, особенно мужчин, на детях они отражаются весьма мало, в особенности в возрасте от 3 до 8 лет. Это обстоятельство легко уяснить себе, если принять в соображение, что дети в вышеуказанном возрасте не могут проникнуться тем же религиозным возбуждением, как и взрослые, и, само собою разумеется, не могут также усвоить себе идею, что судороги являются свидетельством сошествия Св. Духа на человека.

Равным образом, следя за развитием отдельных случаев помешательства во время этой психопатической

эпидемий, нетрудно убедиться, что благодаря необычайной психической восприимчивости и здесь большое значение имеет как внушение, так и самовнушение. Прежде всем, читая описание этих случаев, нетрудно убедиться в большом сходстве психопатических явлений, особенно бредовых идей и обманов чувств, наблюдаемых у различных лиц, с теми явлениями, с которыми мы познакомились у душевнобольного Кондрата Малеванного. С малыми различиями здесь дело идет также о повышенном настроении духа, об ощущении радости в сердце, о превращении своей личности в святого или пророка, о слышании приятных неземных запахов, об отделении тела от земли, о тех или других видениях на небе, о слышании небесного голоса, о просветлении ума и об уразумении евангельских и библейских истин, о призывании к покаянию, о повелении проповедовать и пр. и пр. Благодаря восприимчивости такого рода психических натур нетрудно проследить и в отдельных случаях, какую огромную роль играет внушение или самовнушение в развитии их болезненных проявлений.

Вот, напр., образчик внушающей силы галлюцинаций, которым был подвержен один из малеванцев, крестьянин Ефим К. В течение около 5 лет подвергаясь волнениям и колебаниям по вопросу о переходе в штундизм, из которого затем в апреле 1892 г. он перешел в малеванство, в мае 1892 г., вскоре после перенесенного им сочленового ревматизма, он начал подвергаться зрительным галлюцинациям. Однажды ему показалась на небе синяя книга с большими буквами; в другой раз он видел, как звезды сблизились и сгруппировались в одну корону. Со времени перехода его в малеванство, т. е. с апреля 1892 г., его часто начали тревожить сновидения, происходившие в состояниях неглубокого сна, во время которых он видел Спасителя, т. е. Малеванного.

Во время одного из таких сновидений он услышал голос: „Пойди зажги свою избу и гумно, и тогда все уверуют, что эта вера (т. е. малеванщина) есть вера ис-

тинная". Это повеление начало тревожить его сердце в такой степени, что он среди дня произвел поджог, от которого сгорела его усадьба вместе с избой соседа.

Очевидно, что галлюцинация здесь подействовала совершенно подобно внушению, и трудно было бы найти какое-либо различие между искусственно произведенным внушением и тем внушением, которое производят галлюцинации. Можно разве допустить, что галлюцинации благодаря совершенно скрытому от субъекта их происхождению еще сильнее подчиняют сознание, нежели посторонние внушения.

Вообще надо заметить, что как в отдельных случаях, так и в целой массе развитие психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, в значительной мере обязано внушению, взаимовнушению и самовнушению. При этом мы ничуть не отрицаем важности влияния целого ряда указываемых проф. И. А. Сикорским нравственных и физических факторов (развитие штундизма, алкоголизм населения и пр.), составляющих благоприятную почву для развития эпидемии в населении; но несомненно, что непосредственным и главным толчком к развитию последней на подготовленной уже почве служило внушение в той или другой форме. Только этим путем и можно объяснить себе тот с первого взгляда непонятный факт, что родоначальником малеванщины и ее распространителями явились лица помешанные. Как справедливо замечает проф. И. А. Сикорский, "население, увлеченное брожением, усвоило себе парадоксальное параноическое мышление и логику помешанных и в силу этой болезненной логики стало разрешать основные вопросы жизни и религии при помощи сравнений и пустой игры слов".

Бред и болезненная логика помешанных явились образцом мудрости и подражания для населения, которое раньше обнаруживало здравую логику и здоровое мышление.

Это объединение здоровых с помешанными на почве болезненной логики является в истории человеческой мысли фактом глубоко интересным и в неко-

торых отношениях загадочным. То, что случилось на наших глазах, случалось и раньше, и, чтобы не приводить многих примеров, сошлемся на факт, что некоторые действия Парижской коммуны 1871 г. были плодом распоряжения помешанных, которым толпа повиновалась слепо (Laborde).

Мы не без цели остановились несколько дольше на этой своеобразной, так недавно пережитой нами психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, так как и сам Малеванный, основатель секты малеванцев, был подробно мною изучен как душевнобольной при чтении клинического курса в Казанской окружной лечебнице и, с другой стороны, развитие всей эпидемии на месте было так подробно и обстоятельно изучено проф. психиатрии И. А. Сикорским.

Таким образом, эпидемии этой, в смысле ее изучения, посчастливилось, наверное, более, чем какойлибо другой. А между тем составляет ли она что-нибудь исключительное, не повторявшееся в другие времена и при других условиях? Ничуть не бывало. В этом отношении я вполне разделяю мнение проф. И. А. Сикорского, по которому нечто вполне аналогичное мы встречаем у некоторых наших сектантов, особенно хлыстов, духоборцев и скопцов. Знакомясь ближе с так называемыми радениями у хлыстов, нетрудно усмотреть в них сходственные и даже в известном отношении тождественные явления с тем, что представляет проявление большой истерии на радениях малеванцев. Следя за описанием радений и плясок хлыстов, мы встречаемся здесь с тем же повышением душевного настроения, с развитием психического экстаза и судорог такого же рода, какие мы встречаем и у малеванцев. У хлыстов мы встречаем даже радения и пророчества, вполне напоминающие нам вышеописанные радения малеванцев. Равным образом и описание радений и кружений с прорицаниями, судорожными и обморочными припадками у скопцов совершенно напоминает нам явления, наблюдавшиеся у малеванцев.

Существует даже тождество в основных верованиях малеванцев и хлыстов, а именно в возможности непос-

редственного общения человека с Богом в форме вхождения Св. Духа в человека во время истерических конвульсий. По словам И. А. Сикорского, “этого входящего духа чувствуют одинаково и хлысты, и малеванцы. По мнению тех и других, дух обозначается судорогами и трепетанием. Весьма интересно, что даже возгласы, употребляемые в экстазе малеванцами: “Ой дух, ой дух!”, тождественны с хлыстовскими”. По мнению этого автора, как у малеванцев, так и у хлыстов радения и религиозные упражнения стоят в тесном соотношении с истерией, которая, как мы знаем, благоприятствует развитию галлюцинаций, судорог и иных нервных припадков, признаваемых теми и другими за наитие Св. Духа, и которая дает столь благоприятную почву для внушения. Радения же этих сект составляют весьма благоприятную почву для развития как путем внушения, так и путем самовнушения истерических болезненных проявлений, признаваемых божественными.

Нам кажется, что в этом взаимовнушении заключается не несущественная доля той притягательной силы, какую имеют радения для малеванцев, хлыстов и скопцов — этих представителей секты, имеющих несомненно патологическую основу.

Обыкновенно принимают, что страсть к этим радениям объясняется перспективой ожидаемого экстаза радости.

Это объяснение, бесспорно, имеет свою реальную основу, но вряд ли только одной перспективой ожидаемого экстаза радости, обусловливаемого, как думают некоторые, движением, может быть объяснено неуправляемое влечение этих сектантов к своим радениям.

По крайней мере не меньшую роль играет в этом отношении, на мой взгляд, то взаимовнушение, которое на таких радениях производится отдельными членами друг на друга и которое поднимает чувство восторга и упоения в них до необычайного напряжения, не достигаемого при иных условиях отдельными членами. Это же взаимовнушение сплачивает отдельных членов сект на ра-

дениях в одно целое, в одну личность, живущую одной мыслью, произносящую одни и те же возгласы, исполняющую одинаковые по существу жесты и телодвижения.

Естественно, что это целое, являющееся источником недостижимых наслаждений, столь притягательно для отдельных членов, что заставляет их, несмотря на строгий запрет закона, под тем или другим предлогом устраивать свои радения и являться на них даже за десятки верст.

С другой стороны, в этой притягательной силе радений и молитвенных собраний вышеуказанных сектантов заключается, между прочим, в значительной мере и необычайное упорство этих грубых сект, с которыми оказывается бессильною борьба правительства и духовенства.

Быть может, найдутся лица, которые в развитии вышеуказанных эпидемий будут обвинять прежде всего невежество грубых масс народа, нашу культурную отсталость. Несомненно, что эти условия имеют неоспоримое влияние на развитие психопатических эпидемий, подобных вышеуказанным. Но они отражаются лишь на внешней форме и на внутреннем содержании таких явлений, но не более.

При большем умственном развитии, при большей культурности населения подобного рода психопатические явления с таким, если можно так выразиться, грубым содержанием, без сомнения, невозможны. Но в другой форме психопатические эпидемии являются вполне возможными и в интеллигентной части общества.

Всякий, вероятно, помнит, с какой чудовищной силой еще так недавно начал развиваться мистицизм в интеллигентной части нашего общества и как быстро вместе с тем начала развиваться настоящая спиритическая эпидемия. А между тем что такое спиритизм и его позднейшее видоизменение, известное под названием теософизма? Не есть ли это также своеобразное общественное явление, которое если не по внутреннему содержанию, то по внешности родственно сектам хлыстов, духоборцев и мале-

ванцев, допускающим реальное общение с Духом. В этом отношении нельзя не согласиться с метким сравнением, которое сделано проф. И. А. Сикорским:

“Вера спиритов в духов, в возможное общение с ними и в существование способов узнавать через посредство духов прошедшее, будущее и недоступное настоящее — вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна с догматикой скопцов, хлыстов и малеванцев.

Вера спиритов в духов основывается, как и у сектантов, на факте экстатических состояний, в которых медиумы могут писать, произносить слова или делать что-либо недоступное им в обыкновенных состояниях, и это недоступное спириты приписывают манипуляциям постороннего духа, действующего через организм медиума или иным путем.

Подобно тому как хлысты или малеванцы, прорицая, произнося известные слова и делая телодвижения, не сознают их или по крайней мере не признают как собственные, а, напротив, признают их чуждыми себе, совершающимися волею вошедшего извне духа, так же точно и пишущий или вертящий столом спирит не признает этих действий за свои, а относит их к действию постороннего духа, который управляет им, как простым орудием”.

“Относя к одной общей категории малеванцев, хлыстов и спиритов, мы не можем не закончить этого сравнения сопоставлением скопческих и хлыстовских прорицаний с откровениями спиритов. Если первые большей частью лишены смысла или по крайней мере не возвышаются над уровнем заурядного человеческого разума, то и все то, что успели сообщить спиритам их духи, совершенно посредственно или ничтожно и, по справедливому замечанию английского мыслителя, “не может быть поставлено выше самой пошлой болтовни” (Карпентер)”.

Итак, возникновение психопатических эпидемий, подобных вышеописанным, возможно и в интеллигентном классе общества, в котором одним из стимулов к их развитию и распространению служит также внушение, про-

изводимое устно и печатно. Надо, однако, иметь в виду, что психическая зараза проявляется не только распространением психонатических эпидемий, но и распространением психических эпидемий, которые не могут считаться патологическими в узком смысле слова и которые, несомненно, играли большую роль в истории народов. Такого рода психические эпидемии происходят и в современном нам обществе, и притом не особенно редко. Один из ярких примеров психических эпидемий, правда кратковременного свойства, представляет то, что называется паникой. Эта психическая эпидемия развивается в народных собраниях, когда вследствие тех или других условий к сознанию массы прививается идея о неминуемой смертельной опасности.

Кто переживал вместе с другими панику, тот знает, что это не есть простая трусость, которую можно победить в себе сознанием долга и с которой можно бороться убеждением. Нет, это есть нечто такое, что охватывает, подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которой совершенно бессильно убеждение и которая получает объяснение только во внушении этой идеи, путем ли неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление пожара, неприятельских войск и пр.) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу. Из лиц, бывших на театре последней русско-турецкой войны, многие, вероятно, вспомнят при этом случае о тех паниках, которые неоднократно охватывали население Систова во время нашего Плевненского сидения.

Так как паника касается чувства самосохранения, свойственного всем и каждому, то она развивается одинаково как среди интеллигентных лиц, так и среди простолюдинов. Условиями же ее развития должна быть неожиданность в появлении всеми сознаваемой опасности, на каковой почве достаточно малейшего толчка, действующего, подобно внушению, чтобы развилась паника. Так как чувство самосохранения свойственно и животным, то понятно, что паника возмож-

на и среди животного царства. В этом случае могут быть приведены поразительные примеры развития таких паник при известных условиях среди домашних животных, которые называются стампедами и которые приводят к не менее печальным последствиям, нежели людская паника. Известны примеры, что целые стада домашних животных под влиянием таких стампед погибали в море. Но возвратимся к паникам, развивающимся при известных условиях среди людей.

Однажды мне самому во время моего студенчества пришлось вместе с другими товарищами пережить панику, и я думаю, что хотя бы краткое описание этого случая не лишено известного интереса в связи с рассматриваемыми нами явлениями.

Дело было в течение зимы 1875/76 г., когда произошел взрыв от случайного воспламенения 45 тысяч пудов пороха на пороховом заводе близ Петербурга. Все жившие в то время в Петербурге, вероятно, помнят тот страшный звук, который произошел от этого взрыва и от которого полопались стекла в значительном числе домов на набережной Большой Невы. Мы сидели в то время на лекции покойного профессора Бессера в аудитории одного из деревянных бараков, занятых его клинкой.

Вдруг во время полного внимания всей аудитории раздается оглушительный звук, потрясший все здание барака до его основания. В эту минуту никто не мог понять, что такое случилось. Мне показалось, что должен рушиться потолок здания, и я, сидевший впереди всех у окна, невольно поднял на мгновение голову к потолку; тотчас же после этого я услышал непонятный для меня шум в аудитории, и, обернувшись, я увидел, что все сидевшие в аудитории оставили скамьи и ринулись к дверям, давя друг друга и перепрыгивая по скамьям. Увидев всех бегущими, я сам направился к дверям, хотя проникнуть через них вследствие большого стеснения товарищей в дверях не представлялось уже возможным. Впрочем, паника прекратилась тотчас же, как только аудитория почти вполовину очис-

тилась. Тогда, очнувшись, никто не знал, в чем дело, и никто не мог себе отдать ясного отчета, почему он бежал вместе с другими. Все сознавали, что, однако, произошло что-то такое, что, казалось, могло угрожать разрушением всего здания. К счастью, все обошлось благополучно, и лишь некоторые пострадали при давке, отделавшись ушибами, вывихами рук и другими несерьезными повреждениями.

В этом случае причиной паники явились два момента: внезапный и сильнейший стук, потрясший все здание и вселивший ужас в массу слушателей, и, с другой стороны, невольный взгляд одного из слушателей к потолку, внушивший или укрепивший идею о разрушении здания.

Подобные паники случаются вообще нередко при всевозможных случаях, внушающих мысль о неминуемой опасности, и, как известно, нередко являются причиной огромных бедствий. Всякий знает, что в театрах, церквях и в других многолюдных собраниях достаточно произнести слово "пожар!", чтобы вызвать целую эпидемию страха или панику, быстро охватывающую все собрание и почти неминуемо приводящую к тяжелым жертвам. Случившаяся недавно катастрофа на благотворительном базаре в Париже дает наглядное представление о тех ужасных последствиях, к которым приводит паника.

Так как паника является следствием внушенной или внезапно привитой мысли о неминуемой опасности, то очевидно, что никакие рассуждения и убеждения не могут устранить паники до тех пор, пока сама очевидность не рассеет внушенной идеи. Вот почему военачальники более всем опасаются развития паники в войсках, обычно ведущей к печальным последствиям.

В зависимости от условий, содействующих устранению внушенного представления о неминуемой опасности, стоит и продолжительность паники; иногда она является лишь кратковременною, в других случаях более продолжительною и, следовательно, более губительною.

Но кроме такой астенической эпидемии, выражающейся в панике, мы знаем психические эпидемии другого рода, выражающиеся активными явлениями и сопровождающиеся более или менее очевидным психическим возбуждением. Такие эпидемии под влиянием соответствующих условий иногда охватывают значительную часть населения и нередко приводят к событиям, чреватым огромными последствиями.

Одушевление народных масс в годину тяжелых испытаний и фанатизм, охватывающий народные массы в тот или другой период истории, представляют собой также своего рода психические эпидемии, развивающиеся благодаря внушению словом или иными путями.

Один из ярких исторических примеров таких психических эпидемий мы видим в крестовых походах, являвшихся последствием несомненно привитой или внушенной идеи о необходимости освобождения Святого Гроба. Вспомните несчастный крестовый поход детей, предводительствуемых галлюцинантом, и вы легко уясните, какую силу приобретало в то время внушение и взаимовнушение, находившее себе благоприятную почву в господствовавших в то время религиозных заблуждениях, и почему оно было в состоянии подвинуть народные массы того времени на отдаленные и разорительные походы.

В чем же кроется причина развития подобных явлений и чем обуславливается столь могущественное действие психической инфекции — этого психического микроба, лежащего в основе психических эпидемий?

Мы уже упоминали выше, что распространению психической инфекции, как и развитию обыкновенной физической заразы, способствует более всем известная подготовленность психической почвы в населении или в известном круге лиц. Другим важным фактором в этом случае являются скопления народных масс или народные собрания во имя одной общей идеи, которые сами по себе часто представляют уже результат психической инфекции.

В этом случае должно строго отличать простое собрание лиц от собрания лиц, воодушевленных одной

и той же идеей, волнующихся одними и теми же чувствами.

Такого рода сборища сами собою превращаются как бы в одну огромную личность, чувствующую и действующую как одно целое. Что, в самом деле, в этом случае связывает воедино массу лиц, незнакомых друг другу, что заставляет биться их сердца в унисон одно другому, почему они действуют по одному и тому же плану и заявляют одни и те же требования? Ответ можно найти только в одной и той же идее, связавшей этих лиц в одно целое, в один сложный и большой организм. Эта идея, быть может, вселена в умы некоторых лиц путем убеждения, но она для многих лиц в таких сборищах, без сомнения, является внушенной идеей. И когда подобное сборище уже сформировалось, когда оно объединилось под влиянием одного общего психического импульса, тогда в дальнейших его действиях главнейшая руководящая роль уже выпадает на долю внушения и взаимовнушения.

Почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своем вожака, почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде?

Этот вопрос занимал умы многих авторов, вызывая довольно разноречивые ответы. Но было бы излишне входить здесь в какие-либо подробности по этому поводу; достаточно заметить, что нет никакого основания придерживаться заявленного в литературе мнения об особых "психических волнах", распространяющихся на массу лиц одновременно и способных при известных условиях даже к обратному отражению.

Такие "волны" никем и нигде не были доказаны; но не может подлежать никакому сомнению могущественное действие в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени.

Благодаря этому взаимовнушению отдельные члены как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления.

Одним из примеров таких исторических подвигов народных масс, воодушевленных одной общей идеей, может служить взятие Бастилии и отпор на границах Франции европейских войск, окруживших последнюю в период Великой революции.

Без сомнения, та же самая сила внушения действует и в войсках, ведя их к блестящим победам.

Нельзя, конечно, оспаривать того, что дисциплина и сознание долга создают из войск одно могучее, колоссальное тело, но последнее для том, чтобы проявить свою мощь, нуждается еще в одухотворяющей силе, и эта сила заключается во внушении той идеи, которая находит живой отклик в сердцах воюющих. Вот почему умение поддерживать дух войск в решительную минуту составляет одну из величайших забот знаменитых полководцев.

Этой же силой внушения объясняются геройские подвиги и самоотвержение войск под влиянием одного возбуждающего слова своего любимого военачальника, когда, казалось, не было уже никакой надежды на успех.

Очевидно, что сила внушения в этих случаях берет верх над убеждением и сознанием невозможности достигнуть цели и ведет к результатам, которых еще за минуту нельзя было ни предвидеть, ни ожидать. Таким образом, сила внушения берет перевес над убеждени-

ем и волей и приводит к событиям, свершить которые воля и сознание долга были бы не в состоянии.

Но в отличие от последних внушение есть сила слепая, лишенная тех нравственных начал, которыми руководятся воля и сознание долга. Вот почему путем внушения народные массы могут быть направляемы как к великим историческим подвигам, так и к самым жестоким и даже безнравственным поступкам. Поэтому-то и организованные толпы, как известно, нередко проявляют свою деятельность далеко не соответственно тем целям, во имя которых они сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудил в толпе низменные инстинкты, и толпа, объединившаяся благодаря возвышенным целям, становится в полном смысле слова зверем, жестокость которого может пре-
взойти всякое вероятие.

Иногда достаточно одного брошенного слова, одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась рефлексивно жесточайшим злодеянием, перед которым бледнеют все ужасы грабителей.

Вспомните сцену из "Войны и мира" на дворе князя Ростопчина, предавшего толпе для спасения себя одного из заключенных, вспомните печальную смерть воспитанника Военно-медицинской академии врача Молчанова во время возмущений в последнюю холерную эпидемию!

Вот почему благородство и возвышенность религиозных, политических и патриотических целей, преследуемых людьми, собравшимися в толпу или организовавшимися в тайное общество, по справедливому замечанию Тарда, несколько не препятствуют быстрому упадку их нравственности и крайней жестокости их поведения, лишь только они начинают действовать сообща. В этом случае все зависит от направляющих толпу элементов.

До какой степени быстро, можно сказать мгновенно, часто по внушению толпа изменяет свои чувства, показывает рассказ Ph. de Segur об одной толпе 1791 г., которая в окрестностях Парижа преследовала одного богатого фермера, будто бы нажившегося на счет обще-

ства. В ту минуту, когда этому фермеру грозила уже смерть, кто-то из толпы горячо вступился за него, и толпа внезапно перешла от крайней ярости к не менее крайнему расположению к этому лицу. Она заставила его петь и плясать вместе с собою вокруг дерева свободы, тогда как за минуту перед тем собиралась его повесить на ветвях того же самого дерева.

Таким образом, в зависимости от характера внушения толпа способна проявлять возвышенные и благородные стремления или, наоборот, низменные и грубые инстинкты. В этом именно и проявляются характеристические особенности в действиях толпы.

Не подлежит вообще никакому сомнению, что объединенные известной мыслью народные массы ничуть не являются только суммой составляющих их элементов, как иногда принимают, так как здесь дело идет не об одном только социальном объединении, но и о психическом объединении, поддерживаемом и укрепляемом главным образом благодаря взаимовнушению.

Но то же самое, что мы имеем в отдельных сформировавшихся толпах, мы находим в известной мере и в каждой вообще социальной среде, а равно и в больших обществах.

Отдельные члены этой среды почти ежеминутно инфицируют друг друга и в зависимости от качества получаемой ими инфекции волнуются возвышенными и благородными стремлениями или, наоборот, низменными и животными. Можно сказать более. Вряд ли вообще случается какое-либо деяние, выходящее из ряда обыкновенных, вряд ли совершается какое-либо преступление без прямого или косвенного влияния посторонних лиц, которое чаще всего действует, подобно внушению. Многие думают, что человек производит то или другое преступление исключительно по строго взвешенным логическим соображениям; а между тем ближайший анализ действий и поступков преступника нередко открывает нам, что, несмотря на многочисленные колебания с его стороны, достаточно было

одного подбодряющего слова кого-либо из окружающих или примера, действующего, подобно внушению, чтобы все колебания были сразу устранены и преступление явилось неизбежным.

Вообще надо иметь в виду, что идеи, стремления и поступки отдельных лиц не могут считаться чем-то вполне обособленным, принадлежащим только им одним, так как в характере этих идей, стремлений и поступков всегда сказывается в большей или меньшей мере и влияние окружающей среды.

Отсюда так называемое затягивающее влияние среды на отдельных лиц, которые не в состоянии подняться выше этой среды, выделиться из массы. В обществе этот психический микроб, понимаемый под словом "внушение", является в значительной мере нивелирующим элементом, и, смотря по тому, представляется ли отдельное лицо выше или ниже окружающей среды, оно от влияния последней делается хуже или лучше, т. е. выигрывает или проигрывает.

В этом нельзя не видеть важного значения внушения как условия, содействующего объединению отдельных лиц в большие общества.

Но кроме этой объединяющей силы внушение и взаимовнушение, как мы видели, усиливает чувства и стремления, поднимая до необычайной степени активность народных масс.

И в этом другое важное значение внушения в социальной жизни народов. Не подлежит никакому сомнению, что этот психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы время от времени к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений.

И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось

бы меньшим, нежели число жертв, уносимых физическим микробом во время народных эпидемий.

Тем не менее нельзя не признать, что внушение в других случаях является тем могущественным фактором, который способен увлечь народы как одно целое к величайшим подвигам, оставляющим в высшей степени яркий и величественный след в истории народов.

В этом отношении, как уже ранее упомянуто, все зависит от направляющей силы, и дело руководителей народных масс заключается в искусстве направлять их чувства и мысли к возвышенным целям и благородным стремлениям.

Отсюда очевидно, что внушение является важным социальным фактором, который играет видную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов.

Как в биологической жизни отдельных лиц и целых обществ играет большую роль микроб физический, будучи иногда фактором полезным, в других же случаях — вредным и смертельным, уносящим тысячи жертв, так и “психический микроб” в известных случаях может быть фактором в высшей степени полезным, в других случаях — вредным и губительным.

Можно сказать, что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором более или менее видная роль не выпадала бы на долю внушения и самовнушения.

Уже многие крупные исторические личности, как Жанна д’Арк, Магомет, Петр Великий, Наполеон Первый и пр., окружались благодаря народной вере в силу их гения таким ореолом, который нередко действовал на окружающих лиц, подобно внушению, невольно увлекаая за ними массы народов, чем, без сомнения, в значительной мере облегчалось и осуществление принадлежащей им исторической миссии. Известно далее, что даже одного ободряющего слова любимого полководца достаточно, чтобы люди пошли на верную смерть, нередко не отдавая в том даже ясного отчета.

Не менее видная роль на долю внушения выпадает, как мы видели, и при всяком движении умов, и в особенности в тех исторических событиях, в которых активной силой являлись народные собрания.

Ввиду этого я полагаю, что внушение как фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение.

В заключение я должен сказать, что избранная мною тема не могла быть исчерпана в короткой беседе, так как она всеобъемлюща, но те несколько штрихов, которые вы, быть может, уловили в моей речи, имеют по крайней мере канву для размышления о том значении, которое имеет внушение в социальной жизни народов, и о той роли, какую оно должно было играть в моменты важнейших исторических событий древних и новых времен. Между прочим, время не позволило мне остановиться на одном в высшей степени важном вопросе, о котором так много было споров еще в самое последнее время. Я говорю о роли отдельных личностей в истории.

Как известно, многие были склонны отрицать совершенно роль личности в ходе исторических событий. По ним личность является лишь выразителем взглядов массы, как бы высшим олицетворением данной эпохи, и потому она сама по себе и не может иметь активного влияния на ход исторических событий. Последние силой вещей выдвигают ту или другую личность поверх толпы, сами же события идут своей чередой вне всякой зависимости от влияния на них отдельных личностей.

При этом, однако, забывают о внушении, этой важной силе, которая служит особенно могучим орудием в руках счастливо одаренных от природы натур, как бы созданных быть руководителями народных масс. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себе является отражением данной среды и эпохи, нельзя

также отрицать и того, что ни одно историческое событие не может осуществиться, коль скоро не имеется для того достаточно подготовленной почвы и благоприятствующих условий, но также несомненно и то, что в руках блестящих ораторов, в руках известных демагогов и любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих правителей, наконец, в руках известных публицистов имеется та могучая сила, которая может объединять народные массы для одной общей цели и которая способна увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются на ряде грядущих поколений.

КОММЕНТАРИИ

1*. Работа В.М. Бехтерева “Обоснование объективной психологии” — первая часть фундаментального труда “Объективной психология”, вышедшего тремя выпусками в 1907—1912 годах и опубликованного в журнале “Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма” в 1907—1910 годах. Первый выпуск книги (СПб, 1907) переиздается по тексту отдельного издания.

2*. Основу работы В.М. Бехтерева “Личность и условия ее развития и здоровья” составляет речь, произнесенная ученым 4 сентября 1905 года на II Съезде русских психиатров в г. Киеве. Публикуется по тексту второго издания (СПб, 1905).

3*. Работа В.М. Бехтерева “Объективное исследование нервно-психической сферы в младенческом возрасте” впервые была представлена в виде доклада на заседании Комитета Педологического института при Психоневрологическом институте в апреле 1908 года. Опубликована в журнале “Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма” под названием “Об объективном исследовании детской психики” (СПб., 1908, вып. I, с. 4—17), а также выходит отдельным оттиском (СПб., 1909). Переиздается по тексту отдельного оттиска.

4*. Статья В.М. Бехтерева “Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства” представлена впервые в виде доклада, сделанного на совместном заседании педагогической сессии и Комиссии по изучению влияния музыки на организм в Психоневрологическом институте в мае 1914 года. Публикуется в журнале “Вестник воспитания” (СПб., 1915,

№ 6) и выходит отдельным оттиском (М., 1916), по тексту которого и переиздается.

5*. Работа В.М. Бехтерева “Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении” включает текст доклада, произнесенного в Русском Обществе нормальной и патологической психологии в 1908 году. Опубликована в журнале “Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма” (СПб., 1910. Т. 7, вып. 1, с. 1–50), а также выходит отдельным изданием (СПб., 1910). Печатается по тексту отдельного издания.

6*. Работа В.М. Бехтерева “Охрана детского здоровья (к вопросу о воспитании детей дошкольного возраста)” выходит в серии “Народное здравие” (СПб., 1911), предназначенной для широкой читательской аудитории и имеющей целью пропаганду здоровья образа жизни, норм и правил психогигиены.

7*. Работа В.М. Бехтерева “Алкогольная политика или алкогольное оздоровление” (СПб., 1912) входит в цикл трудов, разрабатывающих программы борьбы с алкоголизмом и опирается на опыт профилактической и лечебной работы в созданном Бехтеревым Экспериментально-клиническом институте по изучению алкоголизма при Психоневрологическом институте.

8*. В основе статьи “Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии”, написанной В.М. Бехтеревым совместно с М.В. Ланге, — текст доклада, сделанного Бехтеревым на Психоневрологическом съезде в Москве 15 января 1923 года и опубликованного в 1925 г. в сборнике “Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы” (Л-д, 1925, с. 306–337). Освещаемый в статье материал представлен также в другой работе авторов — “Влияние коллектива на личность” в книге “Педология и воспитание” (СПб., 1925).

9*. Статья В.М. Бехтерева “Что такое внушение?” написана в 1898 г. и вышла в журнале “Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии” (СПб., 1898) и отдельным оттиском (СПб., 1898), поз-

же печатается в журнале “Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма” (СПб., 1904, вып. 1). Переиздается по этому изданию.

10*. Работа В.М. Бехтерева “Внушение и воспитание” содержит текст доклада, сделанного на Первом Международном Педологическом конгрессе в Брюсселе 13–18 августа 1911 г. Выходит отдельным изданием (СПб., 1912), по тексту которого и переиздается.

11*. Работа В.М. Бехтерева “Роль внушения в общественной жизни” представляет речь, произнесенную Бехтеревым в Актовом годовичном собрании Императорской Военно-медицинской Академии 18 декабря 1897 г. Является первым обращением ученого к феноменам общественной психологии. Печатается по “Обзору психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии” (СПб., 1898, № 1, 2, 3).

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРЧЕСКИЙ И ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА БЕХТЕРЕВА	5
ОБОСНОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ .	35
Введение	35
Задачи объективной психологии	59
Нервно-психические процессы	72
Общая схема нервно-психических процессов	88
ЛИЧНОСТЬ И УСЛОВИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ И ЗДОРОВЬЯ	97
Объективное исследование нервно-психической сферы в младенческом возрасте	137
Значение музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его детства	154
Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении	164
ОХРАНА ДЕТСКОГО ЗДОРОВЬЯ	219
АЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИЛИ АЛКОГОЛЬНОЕ ОЗДОРОВЛЕНИЕ	234
ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТА В ОБЛАСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ РЕФЛЕКСОЛОГИИ	245
Выводы	283
ЧТО ТАКОЕ ВНУШЕНИЕ?	288
ВНУШЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	307
РОЛЬ ВНУШЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ	334
КОММЕНТАРИИ	412